Багорт

ТОМ 1

Суворова
Анастасия

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Багорт — цветущий, благодатный край сотворенный древней нерушимой магией. Законы Источника почитающиеся в нем сплетаются в охранительную завесу от чужеземцев. Но у Багорта есть недруги и они не гнушаются использовать далекую Землю, втягивая ее обитателей в свои интриги. Так Дея и Ян по чьей-то злой воле попадают в сжимающиеся тески враждебности двух могущественных сил. Сами того не желая, они оказываются втянутыми в мрачную историю, начало которой было положено еще задолго до их рождения.

- Багорт
  -
  - Багорт. Том первый
  - Пролог
  - Чудной иностранец
  - Странное место
  - Стена
  - Где-то здесь
  - Мрачное видение
  - Решение
  - Ждана
  - Церемония
  - Новые знакомства
  - Самое сокровенное
  - Черная роза
  - Звездный дождь
  - Что понял Вайес
  - Белый остров
  - Большие перемены
  - Гастролер
  - Гениальные изобретения или урок истории
  - Тяжелый день
  - Симпатии
  - Приглашение
  - Солнвейсы
  - Старый знакомый
  - Белая Госпожа
  - Тайна семьи Ладгальд
  - Освоение
  - Падение
  - Притязания Хранителей

- ○ Новые правила
- ○ Приглашение на праздник
- ○ Картина у озера
- ○ Срыв
- ○ Тайное крыло

Багорт
Том первый

Анастасия Валерьевна Суворова

Иллюстратор Анастасия Суворова
Дизайнер обложки Анастасия Суворова

© Анастасия Валерьевна Суворова, 2020
© Анастасия Суворова, иллюстрации, 2020
© Анастасия Суворова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4490-9126-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Багорт. Том первый

От автора

Здравствуйте, дорогие читатели! Перед вами первый том романа «Багорт». Это мое дебютное произведение и я благодарна Вам за то, что вы обратили на него внимание.

Так же я хочу выразит благодарность тем людям, которые поддерживали меня в моем начинании: моему мужу Роману и подругам: Марианне, Наталье и Соне. Цените друзей и родных, с их помощью невозможное становиться возможным).

Приятного чтения).

Пролог

Пролог

Когда на утомленный весенней моросью Петербург спускались влажные сумерки, Петр Кузьмич уже предвкушал томный вечер наедине со шкаликом, еще накануне припрятанным в остекленевший сугроб. Но мечтаниям его не суждено было сбыться.

Все началось, когда его взору открылась престранная картина. На вверенной ему территории, а именно на территории детского дома №14, что на Съезжинской улице, прямо посреди газона, из звенящего капелями воздуха — то есть откуда ни возьмись, образовался странный тип.

Одет он был в столь чудной костюм, что Петер Кузьмич решил, будто тот сбежал прямиком с театральных подмостков.

Завидев колоритную фигуру Петра Кузьмича, наглый тип направился прямиком к нему. Лучезарно улыбаясь, он принялся лепетать что-то на непонятном языке, протягивая огромную корзину, из которой во все стороны торчали белые кружавчики.

Растерявшийся Петр Кузьмич, зачем-то принял корзину и уже собирался объяснить чудаковатому гражданину, что ни бельмеса не понял, как тот радостно замахал ему рукой, отступая к тому месту откуда возник. А затем также бесцеремонно исчез, как и появился.

Цепенея, Петр Кузьмич подумал, что с ним случился очередной приступ белочки. Но происходящее не было навязчивой галлюцинацией. Тяжелая корзина, набитая тряпками, никак не желала рассеиваться. Тогда он приподнял белоснежные тряпицы и ахнул.

На Петра Кузьмича взирали две пары чистых, незамутненных жизненным опытом глаз; зеленых и серых. Мальчику на вид было чуть больше года, а зеленоглазая девочка оказалась новорожденной крошкой.

К очаровательным малышам прилагались две карточки со странными каракулями и конвертик, в котором приятно позвякивали блестящие тяжелые кругляшки.

— Да, нарисовались, не сотрешь, — философски заметил Петр Кузьмич и вместе со своей ношей направился прямиком в убогонькое здание интерната, предварительно сунув в карман конвертик.

Глава 1
Чудной иностранец

Чудной иностранец

Дея всем своим юным сердцем тянулась к миру прекрасного и, по иронии судьбы, не доступного ее карману, а именно к живописи. Она частенько бывала на Невском, разглядывала выставленные на продажу картины. Торговцы, безошибочно распознавая в девушке несостоятельного покупателя, у которого денег не хватило бы и на подрамник, нещадно гоняли ее. Но Дея приходила снова и снова, влекомая этим загадочным, потусторонним миром — миром, что скрывался за обманчивой плотностью холста.

Эти нечастые променады, наполненные терпкими запахами масла и даммарного лака, шелестом бумаги и скрипом сангины удивительным образом расцвечивали ее унылые будни. Наблюдая за работой уличных художников, она словно окуналась в сказку, где возможным казалось абсолютно все. На хрустящей крафтовой бумаге оживали удивительные образы. Люди, позировавшие мастеру, зачастую были скучны и невзрачны. Но то, что выходило из-под руки рисовальщика, несло в себе и жизнь, и красоту, было притягательным, энигматическим, волнующим воображение.

Сегодняшний весенний день, был именно таким днем — наполненным звуками суетливого Невского и волшебными, оживающими на бумаге персонажами.

Старательно изображая, что дожидается автобуса, Дея следила за тем, как художник рисует курносую конопатую девчонку. Ее восхищала виртуозность, с которой мастер воспроизводил образ натурщицы. Он скользил угольным карандашом по бумаге, но рисовал не глазки, носик или канапушки, а распознавал, выводя на свет бутон ее истинной красоты, что распускался с натужным скрипом из невзрачной оболочки.

Дея стояла чуть вдалеке от всей этой мистерии и представляла, как, должно быть, скрипит и крошиться уголь под умелой рукой мастера, когда вдруг ее настойчиво похлопали по плечу. Обернувшись, она встретилась лицом к лицу с улыбающимся во весь рот мужчиной, диковатой наружности. Одет он был в старомодную тройку, голову покрывал котелок, а в руке вертелась трость, но при этом чудак был бос.

Дея вопросительно посмотрела на незнакомца, решив, что это иностранец, у которого на Петропавловке стащили туфли. Он же, оправдывая ее догадку, залепетал на неизвестном языке, тыча тросточкой в художника, за которым она наблюдала. Девушка упрекнула себя за то, что не уделяла должного внимания языкам

и теперь вынуждена конфузиться перед гостем города, потому как в этой ситуации могла лишь мило улыбаться.

Иностранца это, судя по всему, вполне устроило. Он неожиданно выудил из кармана два помятых билетика и, всучив их Деи, поспешил слиться с толпой. Она принялась искать взглядом сбежавшего господина, чтобы поблагодарить, но он очень быстро скрылся из виду.

Дея посмотрела на билеты. Там красовалась надпись: «Музей-квартира Исаака Израилевича Бродского». Зажав в кулачке драгоценный клочок бумаги, она торопливо набрала сообщение своему другу Яну и пошла дожидаться его на площадь искусств.

Девушка уже в сотый раз пересчитывала складки на одеждах бронзового Пушкина, когда высокий, вихрастый парень с вздернутым подбородком и бойкими серыми глазами подкрался к ней сзади.

— Угадай кто? — спросил он, прикрывая глаза подруги ладонью.

— Добрыня Никитич, не иначе, — отозвалась Дея.

— Лестно конечно, но нет, не он.

— Ну ладно, Ян, кроме шуток, мне сегодня один иностранец всучил билеты в этот музей, — она указала на массивную деревянную дверь, скрывающую немыслимые сокровища, готовые предстать их взору.

— Тогда нам стоит воспользоваться ими, — ответил Ян, подавая девушке руку.

Они пересекли площадь Искусств и, отворив тяжелую дверь, скрылись за нею.

— Дея, а почему на фотографиях в музее Бродского нет самого Бродского? — в недоумении шептал Ян, дергая подругу за рукав.

— Ну как же нету, — она указала на групповое фото, висевшее прямо над проходом в комнаты, — вот же он! В центре.

— Это квартира не Иосифа Бродского? — сконфужено шепнул парень.

— Это квартира художника — Исаака Израилевича Бродского.

— А-а-а, я и удивился, чего это тебя в музей писателя потянуло, — рассмеялся Ян.

Под пытливым взглядом контролера они прошли в храм искусства и шумно вдохнули особенный музейный воздух.

— Как здорово, что у этого чудака оказались билеты именно сюда! Я обожаю музеи-квартиры, — щебетала Дея, проходя вдоль застеклённых столов с фотографиями и стен увешанных картинами. — В них есть, как бы это выразиться… дух времени что ли.

Так обмениваясь впечатлениями и перебрасываясь комментариями, они проходили от одного экспоната к другому, пока не дошли до второго зала. Там вниманием Яна завладел небольшой этюд Айвазовского. И пока парень гипнотизировал картину, Дея ходила вокруг огромного стола располагавшегося в центре залы, что служила когда-то гостиной. Она воображала, как Бродский в свое время принимал здесь гостей.

«Как, должно быть, интересно и поэтично они проводили вечера», — размышляла девушка, когда в проеме возник тот самый иностранец, что презентовал ей билеты. Он по-прежнему был необут, но не это смутило Дею. Ей стало не по себе от пристального, бесцеремонного взгляда, которым чудной иностранец обшаривал ее друга. Подойдя к Яну, Дея взяла его за руку и повела в следующее помещение, подальше от этого неприятного господина.

Комнатка, в которой они оказались, была крохотной — имела лишь камин обшитый деревом и лестницу ведущую на второй этаж. Но и здесь не обошлось без экспонатов, каждый сантиметр стен был занят полотнами. Пока друзья разглядывали их, в дверцу располагавшуюся под лестницей просочился тот самый подозрительный босой. Когда же парочка осмотрев второй этаж, спускалась вниз, что-то возбужденно обсуждая, иностранец вышел из каморки, держа под мышкой небольшую картину в старинной раме. Нырнув в камин, он исчез, оставив в золе странное полотно.

— Я что-то видел, — проговорил Ян, указывая на рисунок бесцеремонно брошенный в топку.

Они торопливо приблизились к камину и задержались у резного произведения искусства на одно лишь мгновение. Но этого оказалось достаточно, чтобы стряслось непоправимое. По случаю, в этот самый момент рядом с ними не оказалось ни одной живой души, поэтому тот факт, что Дея с Яном просто исчезли, так же, как и удивительный иностранец, остался никем не замеченный.

Глава 2
Странное место

Странное место

Пролетев резвой стрелой вдоль полос ослепительного белого света, который сменило коловращение красок, друзья приземлились на что-то твердое и влажное.

Первой в себя пришла Дея. Она приподнялась на локтях и развернулась к единственному источнику света. Уставившись на луну, парящую в небе, девушка оцепенела. Ей показалось, что земной спутник, загудев как труба, лопается и заливает все вокруг каким-то невероятным холодным светом. Не успела Дея опомниться, как звезды вторя светилу, задребезжали, готовясь осыпаться в одночасье.

Мысли в голове несчастной кружились обрывистые, несвязные и совершенно невозможные. Дея завертела головой в поисках друга. Ян ползал на четвереньках, пытаясь подняться на ноги. Но не успела она приблизиться к нему, как свечение, окружавшее их, вспыхнуло, и в этом кольце света отчетливо вырисовывались силуэты людей в длинных развивающихся плащах.

Что-то пугающе, неестественное было в этих фигурах. «Их одежды колышутся, но ветра-то нет», — мелькнуло в голове у Деи и ее охватил древний, липкий ужас.

Плащи двинулись на них, смыкая кольцо все уже и уже. Чем ближе они подходили, тем отчетливее девушка различала посреди бушевавшего свиста и рева отдельные фразы на непонятном языке, которые повторялись снова и снова.

Кольцо окончательно сомкнулось, и Дея увидела, что не люди из плоти и крови, а бестелесные тени, протягивали к ним свои бесконечные, иссохшие руки.

Она спрятала лицо в ладонях, как будто это могло отгородить ее от надвигающегося ужаса. Но тут одна из теней слала таять, разрывая круг. Поочередно огни начали гаснуть, и пронзительно вопя, оставшиеся призраки разлетелись, с грохотом разбиваясь о каменные стены, что виднелись вдалеке.

Только теперь Дея осознала, что очутилась в лесу, окруженном отвесными скалами.

Охваченные паникой друзья побежали, не разбирая дороги, которой в действительности здесь и не было. Продираясь через бурелом, изодрав юбку и потеряв одну туфлю, Дея пыталась не отставать от Яна. Но одолев препятствия и добравшись до края леса, друзья поняли, что оказались в ловушке. Скалы плотно смыкались, образовывая своего рода крепость. Их верхушки устремлялись ввысь, теряясь в облаках. По близости ни выхода,

ни хотя бы какого-нибудь лаза видно не было.

Дея устало опустилась на ближайший камень. В голове у нее была полная сумятица. Казалось, будто в нее набилась стая птиц и, судорожно полоща крыльями, что-то выкрикивала. Ушибленное колено ныло, горели изодранные в кровь ладони. В отчаянии она швырнула вторую туфлю в скалу. Удар не был сильным, но над горами прокатилось чудовищное эхо. Ян, исследовавший тем временем каменную стену, вздрогнул.

— Дея, не отчаивайся, — говорил он, пытаясь, утешит себя самого, — мы, что-нибудь придумаем! Обязательно придумаем!

Но, несмотря на подбадривания друга, Деей уже завладевало чувство безысходности. Она вскинула на Яна унылый взгляд и осторожно спросила:

— Как ты думаешь, мы с тобой видим одно и то же?

— А ты считаешь, могут быть варианты?

Дея дернула плечами и уронила голову. Она более не владела ни ситуацией, ни собой.

— Если ты скажешь мне, что не видела никаких теней, что эта громадная стена — камин, который мы рассматривали совсем недавно, а твои руки не изодраны в кровь, я буду весьма этому рад. Кстати, твое платье мне очень нравилось и я также буду рад, если оно останется невредимым.

— Боюсь, мне нечем тебя порадовать, — с горечью ответила Дея — судя по всему, мы видим одну и ту же иллюзию.

— Не хочу тебя расстраивать, но то, что я вижу, не кажется мне иллюзией. Слишком уж здесь холодно.

Дея поёжилась, словно соглашаясь с Яном, а потом поднялась на ноги, чувствуя потребность в каких-нибудь действиях, каких угодно, главное отвлекающих от роковой действительности. Она принялась ощупывать ладонями каждый сантиметр стены, в надежде отыскать хотя бы крохотную расщелину. Так она ходила вдоль скалы, пока не услышала странный скрежет. Дея обернулась на звук и увидела, как сквозь камень стал просачиваться свет. Ян тоже застыл неподалеку от нее, уставившись на зияющую трещину.

Они не понимали, что происходит, пока щель, образовавшаяся в скале, не стала расширяться. Свет пробивался через маленький пролом, который стремительно разрастался, превращаясь в лаз.

— Дея, чего ты встала?! — воскликнул изумленный Ян, — идем скорей!

— А ты уверен, что это электрическое освещение из музейных комнат? — насторожилась девушка.

— Нет, не уверен, — покачал головой Ян, — но свет с той

стороны прельщает меня больше чем здешний мрак и холод.

Когда-то, в кажущейся теперь невообразимо далекой другой жизни Дея любила размышлять о том, что скрывается за нарисованными картинами. Она представляла, как они с Яном оказываются по ту сторону холста — в далеких мирах, отображавшихся на полотнах лишь эхом дивных мест.

Она витала в своих грезах часами, даже не предполагая, что однажды они станут явью. Задумывалась ли Дея о том, как это будет в действительности? Конечно нет, ведь она была убеждала, что это лишь фантазии, которым не суждено сбыться. И уж конечно в них не было места мрачным призракам, холодным скалам и всему тому, что их за ними еще может ждать.

В последние годы в их с Яном жизни вообще не оставалось места детским выдумкам. Они выросли и теперь их прежние мечты каждый день разбивались вдребезги, сталкиваясь с суровой и скучной действительностью.

Дея бросила короткий взгляд на лес за их спинами и сделала шаг вперед, отважившись сыграть с этим местом в его странную игру. Она решила, что хотя бы попытается, воспринимать все так, будто это в порядке вещей. В конце концов, в мире всегда будут существовать явления, о который она ничего не подозревает, но это же не значит, что их нужно отрицать. Почему бы не позволить себе, поверить в чудо. Ведь не может же это место быть на все сто мрачным? Во всем есть и черное, и белое, а это значит, что в картине, по которой они теперь блуждают, непременно должен быть светлый уголок.

Перебравшись на другую сторону, они с Яном на мгновенье зажмурились. Свечение, что заставило их выбраться из темного леса, ослепляло, и прийти в себя после всех потрясений друзьям не удалось.

Не успели они разомкнуть веки, как на них свалилась очередная напасть. Негромкий, но уловимый шорох донесся со стороны кустарника. Звук надвигался прямо на них. Яркий же луч света, привлекший Яна, тоже прятался в листве. В остальном, тьма была такая же, как и по ту сторону скал — непроглядная. Лишь слабый свет по-прежнему пульсирующей луны, ласкал шапки кустов, да тропку, на которой стояли Ян с Деей.

Оцепенев, друзья схватились за руки и буквально вросли в землю.

«Как хочется упасть в обморок», — подумала Дея, но сознание упорно не желало ее покидать.

Заросли разомкнулись, и перед ними возникло нечто. Существо очертаниями походившее на человека, висело в воздухе, а его размеры были столь внушительны, что превосходили даже

богатырское сложение Яна.

Деи сделалось дурно. Девушка не привыкла, чтобы над ней так вот бесцеремонно нависали. Пришлось напомнить себе о решении, которое она приняла прежде, чем выбраться на эту сторону.

— Вечер д-добрый, — выдавила она из себя приветствия, подумав, что любезность никогда еще не вредила, особенно в непонятной ситуации.

— Грлллррллл гррлллл, — пропело существо.

— Это ведь даже не латынь, да? — прошептал Ян.

Дея покачала головой. Непонятное существо скрылось в кустах и принялось ожесточенно ими шуршать.

— Ян, чего оно там делает, как думаешь? — испуганно спросила Дея.

— Не знаю. Может, ищет заначку, чтобы распить с нами по бокальчику пенного за знакомство, — пытался отшучиваться Ян, но Дея видела, как его пробивает дрожь.

— Какое там пенное?! Боюсь, до трапезы нам не дожить. Надо делать ноги, пока они у нас есть.

Но осуществить задуманное у них не вышло. Существо вернулось, и Дея отметила, что пенного оно с собой не прихватило. Оно внимательно и молча изучало друзей немигающим взглядом.

— Ян, ну надо же что-то делать, в конце концов, — зашептала Дея, сбиваясь на каждом слоге. — Давай так; это место имеет свой, как бы это сказать, колорит что ли. Нам нужно искать что-нибудь, что выбивалось бы из общей картины. Это что-то может быть порталом.

— Порталом? Ты Гарри Поттера перечитала!

— А нас, по-твоему, сюда по wi-fi переслали?

— Ну ладно, идея с порталом мне кажется более правдоподобной, — согласился Ян. — Слушай, а Оно так и будет на нас пялиться?

— Пялллиться — пророкотало что-то прямо у Деи в голове.

Девушка была уверена, что это произнесло именно Оно.

— У вас сстранный язык, сссложный, — невозмутимо пропело существо.

— Ага, богат и могуч русский язык, сами с трудом осваиваем, — нашелся Ян.

— Вы кто такие? — прошелестело существо.

— Идиоты.

— Мы люди, — встрепенулась Дея.

— Люди? И откуда же вы пришли, люди?

— Из музея, — поспешил ответить Ян.

— А если вы объясните нам, куда именно мы пришли, мы будем очень признательны, — продолжила Дея, думая, что все-таки она вконец свихнулась, если решила вступить в разговор с персонажем картины.

— Вы хотите сказать, что не знаете, где находитесь? — удивилось существо. — Может, вы еще и не знаете, как попали сюда?

— Не знаем, — заверила его Дея.

— Понятия не имеем, — подтвердил Ян.

Существо молча повернулось к ним спиной и поплыло вглубь леса, поманив за собой.

— Постойте, вы не хотите нам ничего объяснить? — обеспокоенно спросил Ян, нагоняя странную тварь.

— Я всего лишь граничный Страж, я не в праве вам что-либо объяснять. Пожалуй, отведу вас к Вайесу, он решит, как с вами быть.

— Послушайте, не надо нас никуда вести! — взмолилась Дея. — Мы хотим домой, просто верните нас в музей и все.

— Это не в моей власти. Но вот доставить вас в Мармгор, мне вполне под силу.

— Мрамгор? — пропищала Дея, словно услышанное слово звучало как приговор.

— Именно. В мои обязанности входит доставлять всех неопознанных к начальнику стражи. Но на ваш счет я получил особые инструкции, так что отведу вас прямиком к Вайесу. Он и расскажет все, что сочтет нужным, — пророкотал Страж таким тоном, что друзьям сразу сделалось ясно — дальнейшие расспросы бесполезны.

Не смотря на то, что и Дею и Яна терзал вопрос; когда именно Страж успел получить инструкции на их счет, все трое двинулись в сторону некоего Мрамгора.

Ян шептал Деи в самое ухо:

— Ты думаешь, это хорошая идея идти неизвестно куда, да еще не пойми с кем?

Дея полностью разделяла настроение Яна, но так же она осознавала и то, что оставаться в лесу одним совсем уж не умно.

— Послушай, всего несколько минут назад нас, возможно, хотели убить или, может, еще что похуже сотворить. И те ребята не показались мне симпатичными. А этот Страж очень даже мил. И я не знаю, если честно, что меня пугает больше — остаться в лесу или попытаться хоть что-то прояснить у этого Вайеса. И потом, не забывай — это ты настоял перелезть на эту сторону.

Ян кивнул, соглашаясь с доводами подруги, и они смиренно побрели за Стражем, что освещал им путь своим фонарем.

Продвигаясь вперед по едва заметной тропе, Дея отметила, что лес не казался ей больше таким пугающим, это странное место даже стало напоминать ей дом. Стволы деревьев вполне могли принадлежать вязам или дубам, правда, определить это было затруднительно, потому как ветви их скрывались в облаках. А может эта небесная дымка и была вместо кроны? Сложно понять, когда эти самые облака сомкнулись сплошным покрывалом, пряча в сизом мареве тусклые отблески луны.

— У вас всегда такая облачность? — поинтересовалась Дея у стража.

— Да, ночью границы города должны быть под удвоенной защитой. Облака — это одно из укрытий наиболее уязвимых мест.

— Если облака — это защита, то как, простите, мы умудрились через нее пролететь? — в недоумении спросил Ян. — Я абсолютно уверен, что мы падали откуда-то сверху.

— Это и странно, — со вздохом прогудел страж, глядя на них, как показалось Деи с тревогой. — Но мы уже пришли. Вайес вам многое объяснит, если сочтет нужным. Я же с вами прощаюсь, здесь мои владения заканчиваются.

Страж вывел ребят в чистое поле, края которого съедал густой туман. Простор был таким, что казалось, пузатые тучи затягивающие небо, жмутся к земле.

Их проводник произнес что-то на своем странном наречии, и медленно из дыма и пара возникли чугунные врата испещренные смутно знакомыми Деи символами. По обе стороны стояло двое мужчин исполинского роста. Судя по их облачению и устрашающему оружию они тоже были Стражами. Охранитель леса что-то долго объяснял верзилам у ворот, а потом, поклонившись Яну и Деи, удалился.

Привратники с минуту изучали нежданных гостей. Затем, перекинувшись парой фраз все на том же непонятном языке, открыли ворота, пропуская ребят внутрь.

— Дея, это фантастика! — Ян тряс подругу за плечи, не в силах сдержать изумления.

А удивиться действительно было чему. Представшая их взору картина поражала и более искушенных путешественников. Что уж говорить о двух подростках, проведших всю жизнь в городе отстроенном на болотах.

По сине-зеленому небесному покрывалу плыли стронциановые облака. В них тонули башни и шпили, венчавшие строение невероятных размеров. К тому же власть мрака здесь не имела той силы, что давлена над ними в темном лесу. То ли за воротами было другое временное пространство, то ли Дея не заметила, как ночь, отступая, позволила мягкому свету, войти

в мир. Он был еще слишком бледен, но уже соперничал со странно пожелтевшей и непривычно низкой луной.

Девушка вспомнила, как в начальных классах они с Яном получили задание на уроке рисования — изобразить дом своей мечты. Оба они не сговариваясь, нарисовали тогда белокаменный, величественный замок, что возвышался над раскинувшимся у его подножья городом. Это были всего лишь детские фантазии, и Дея никак не могла прежде вообразить, что когда-нибудь увидит их воочию.

— Держу пари, что во всем мире нет замка прекраснее, — с восхищением констатировала она, забыв о гнетущем страхе.

— Вы совершенно правы, — обратился к ней обитатель этих мест.

Он возник так же неожиданно, как и лесной Страж, но в отличие от него стоял на земле и даже походил на обычного человека. Невысокого роста, со вздернутым носом и огромными улыбчивыми глазами. Одет коротышка был в белую расшитую курточку с капюшоном и странные короткие штанишки, а на бедрах бренча ключами, висел широкий пояс. В руках же коротышка держал какие-то объемные тряпки, волочащиеся по земле.

— Это лучшее деяние наших мастеров. Замок Мрамгор настолько древний, что никто уже и не помнит, сколько именно столетий назад его воздвигли.

Переглянувшись с Деей, Ян задал только один вопрос:

— Вы наш новый проводник?

— О да, следуйте за мной, я отведу вас прямиком к *Нему*. Но сначала наденьте это, — он смущенно протянул им тряпки, которые оказались длиннополыми плащами.

— Зачем они нам? — удивился Ян, все же принимая подарок.

— Сами скоро увидите, — загадочно ответил проводник.

Спорить ребята не стали и облачились в шерстяные накидки.

— Капюшоны тоже лучше накиньте, — посоветовал коротышка.

Путь был неблизким, а проводник, ковыляя на своих кривеньких ножках, развивал довольно-таки скромную скорость. И эта его неторопливость давала друзьям возможность оглядеться.

От ворот тянулась широкая аллея, вдоль которой деревья (надо отметить, на первый взгляд вполне обычные) перемежались статуями воинов. В жиденьком, рассеивающемся тумане все казалось зыбким и нереальным. Проходя мимо каменных истуканов, Дея уловила плавное шевеление сопровождающееся скрежетом. От неожиданности она вздрогнула, но решила

не оборачиваться.

Алея вела к круглой площади, центр которой украшала выложенная из цветного стекла мозаика. Под ней, судя по просачивающемуся свету, имелся тоннель, хотя возможно, подсветка была предусмотрена исключительно для красоты. Мягкая, растворяющаяся в тумане, она окрашивала площадь кобальтом, лазурью и золотым. От этого радужного великолепия словно лучи во все стороны отходили проспекты, улицы, улочки и даже одна тропинка.

Сначала их новый проводник свернул с площади на большой проспект, освещаемый многочисленными факелами. Тротуар был вымощен брусчаткой, и тяжелая поступь Яна раздавалась на пустом проспекте эхом, привлекая внимание немногочисленных прохожих, одетых так, будто они принимали участи в съемках исторического фильма. Прохожие реагировали странно; бросали короткий взгляд на Яна с Деей, а потом, подобрав длиннополые одежды, прятались в ближайшей подворотне или открытой парадной. Друзья переглянулись и поплотней закутались в плащи, пряча свои варварские наряды.

На привычный город Мрамгор походил мало, очень уж древние и в то же время хорошо сохранившиеся в нем были строения. Все дома поражали монолитностью и мрачной брутальностью. Самые старые с потрескавшимися стенами отличались еще и чрезмерной декоративностью: бронзовые статуи, украшающие некоторые из домов, сочетались с диким камнем фасадов, многие окна были витражными, а двери преимущественно кованные. Крыши домов венчали крытые железом башни. Пробегающая сетка трещин вплеталась в замысловатые письмена и изображения, явно несущие в себе охранительную символику. Дея потрогала на ходу одно из таких изображений и подумала, что уже встречала нечто подобное и раньше, только вот гиде и когда, она вспомнить никак не могла.

Ян тоже с интересом крутил головой, но примечал совсем иные особенности Мрамгора.

— Круглосуточных магазинов здесь нет, — шепнул он ей на ухо.

Все остальные улицы и переулки тоже почти пустовали. Проводник повел ребят мимо домов, фасады, которых были искусно украшены цветным стеклом, затем они свернули на улицы, где нестройной вереницей тянулись домики попроще: богатое оформление здесь заменял плющ, обильно разрастающийся по фасадам. На флигелях сидели разноцветные птицы и с интересом разглядывали ребят.

— Странные птицы, — озвучила мимолетную мысль Дея, —

не спят в такой час.

— Птицы? Конечно не спят, они же стражники, — отозвался проводник, удивляясь, что кто-то может не знать этого.

Странная компания еще довольно долго шла мимо поразительных строений, являющих собой невообразимую смесь романо-готического зодчества и пряничной русскости. Один из домов был весь в плесени и источал столь тошнотворный запах, что Дею замутило, а Ян остановился и с явным интересом принялся разглядывать его.

— О! Прошу вас не надо на нее смотреть, она этого не любит, может сильно рассердится, — с волнением лепетал проводник.

— А чей это дом? — любопытствовал Ян.

— Много будете знать, молодой человек, сон расстроится! — с явным недовольством заявил проводник. — Мы почти пришли.

Последняя улица, по которой они шли, оказалась самой удивительной. Строения на ней были преимущественно прозрачными, но на стеклянные не походили. Казалось, будто на каркас натянули огромный мерцающий пузырь. К тому же создавалось впечатление, что дома шевелятся.

— Готов поспорить, что эти дома живые, — шептал Ян, проходя мимо одного из них.

— Не говори глупостей, — одернула его Дея. — Это из-за освещения создается такое обманчивое впечатление.

Она выглядела раздраженной, но в действительности злилась на то, что Ян озвучил ее собственную, пугающую догадку.

В конце концов, эта улица привела их к широкому тракту, где ребят ждала бричка с запряженной в нее гнедой кобылкой.

— Отсюда поедем на колесах, — сообщил проводник.

— А почему по городу мы шли пешком, если вы нас так чурались? Ведь вы стеснялись нас, не отпирайтесь, иначе зачем плащи и капюшоны в пол лица? — спросила Дея.

— Не чурался, милая дитя, а лишь хотел отвести от вас лишние любопытные взгляды, только и всего, — ничуть не смутившись ответил коротышка, залезая на козлы. — Кажется, вы имели возможность заметит, что ваши…, — он пожевал губы, подбирая подходящие слова, — наряды не вполне соответствуют э-э-э…

— Моде, — помогла ему Дея, усаживаюсь в бричку.

— Да, — подхватил проводник, трогаясь.

— Да было бы кого пугать, — усмехнулся Ян, — улицы-то совсем пустые были.

— Так без трех часов рассвет — самый сон у горожан. Вам можно сказать повезло и даже очень.

Бричка катила мягко, и Дею с Яном разморило, а когда они

очнулись ото сна, то их экипаж уже стоял у ограды, замысловатый орнамент которой, сплетался из кореньев.

Проводник остановился у ворот и залязгал своей огромной связкой ключей, но вовсе не для того, чтобы снять один из них. Он искал в кармане платок. Достав измятый кусок сероватой ткани, он протер ладонь и приложил ее к тому месту, где полагалось быть замочной скважине. Только теперь Дея заметила, что вместо отверстия для ключа, там была вмятина, повторяющая силуэт человеческой руки, правда, более крупной, чем пятерня коротышки.

Ворота расступились, а как только все прошли внутрь, снова сомкнулись.

За оградой взору открывался великолепный сад с аллеей фонтанов, которая завершалась водопадом, ниспадающим прямо с неба. На деревьях росли чудные плоды и сидели птицы, столь потрясающие своим многоцветным оперением, что Дея даже ущипнула себя, решив, будто она спит и видит волшебный сон.

Девушка понадеялась, что сейчас их поведут по этой аллее, но проводник свернул вправо на узкую тропку и поманил ребят к освещенным башенкам моста перекинутого через ров. Позже, когда они преодолели внушительное расстояние от ворот до мраморного изваяния, Дея отметила, что ров был поистине странным — от него поднимался пар, скрывая основание замка и удушливый травянистый запах, от которого кружилась голова. Зато, представилась возможность, разглядеть замок вблизи. В свете луны он ослеплял белизной и походил на огромную пирамиду, в которой каждое последующее здание, возвышалось над предыдущим. Венчали эти сооружения замысловатые и стремящиеся пронзить облака башни. Замок, несомненно, был венцом города — расцвеченный мозаичными вставками, окутанный нереальным, внеземным сиянием витражных окон и одухотворенный множеством статуй, что стояли каждая на своем посту, будто стражи.

Завораживающая симфония света, камня и стекла была столь эфемерной и осязаемой одновременно, что Дея начинала думать, будто все что ее сейчас окружает — это какая-то мистификация или шутка разума.

Пройдя мост, проводник повел ребят вдоль скалы. Так они брели до тех пор, пока не дошли до ступеней, ведущих к воде. Увлекшись архитектурным великолепием и игрой лунного света, друзья не сразу заметили исчезновения коротышки.

— Куда делся этот пройдоха? — встрепенулся Ян, заметив, наконец, его пропажу.

— Не знаю, — задумчиво проговорила Дея. — Тебе

не кажется странным, что ступени обрываются? Обычно лестницы у водоемов заканчиваются пристанью и лодками.

— Ты права, — согласился Ян и внимательно уставился на бурлящую темную, воду. — А что если они не заканчиваются? Что если это проход? Куда-то ведь делся этот коротышка.

— Ну, уж нет! Я плохо плаваю, и… Ян, мне не нравится эта идея.

— Давай же, Дея, не трусь, надо проверить, — убеждал Ян, спускаясь вниз.

Дея отметила, что ее друга как будто стала забавлять ситуация, в которой они оказались. Сама же девушка предпочитала думать, что все это сон и вот сейчас она проснется и хорошенько посмеется над тем, какая глупость может присниться, если читать фентези до полуночи.

Ян тем временем уже спустился к воде и, оказавшись на последней ступени, обернулся, махнул ей рукой и, шагнув вперед, исчез под водой.

— Ян! — вскрикнула перепуганная Дея, бросаясь за другом.

Она сделала шаг, второй, но вот ступени оборвались, Дея пошатнулась и упала в ров. Она уже приготовилась к тому, что черная вода поглотит ее, но падение оказалось не долгим, через каких-нибудь пару секунд ее ноги коснулись абсолютно сухого пола. Дея задрала голову, уверенная что увидит водную толщу, но над ее макушкой оказался совершенно обыкновенный потолок.

В недоумении она таращилась, на него не веря своим глазам, потом поежилась и опустила взгляд. Мокрые волосы свисали сосульками и противно липли ко лбу, плащ отяжелел на целую тонну, а платье предательски просвечивая, неприлично облепило ноги.

— Я думал, что уже не дождусь вас, — раздался голос, почему-то абсолютно сухого проводника.

— Вы бросили нас! — возмутилась Дея.

— Не бросил, а оставил. Врата Дымных вод полагается отыскивать самостоятельно, провести через них нельзя, а преодолеть их можно только если у вас благие намерения. Того же, кто попытается пробраться сквозь врата со злым умыслом, возьмет вода. Давайте поспешим, Вайес уже ждет.

— Мы что же могли потопнуть, и вы нас даже не предупредили?!

— Не стоит возмущаться, барышня, я не заставлял вас сюда приходить.

Рассерженная Дея не нашла, что ответить и от бессилия закусила губу, последовав за проводником. Он подвел их к стене, нашарил на ней рычажок и опустил его вниз. Перед друзьями

возникло нечто, по конструкции напоминающее лифт, они зашли внутрь и механизм пришел в движение. Когда подъемное устройство остановилось, все очутились в крохотном холле с одной единственной дверью, в которую и постучал коротышка.

Послышался голос, приглашающий войти, и вся компания зашла в помещение, служившее кабинетом, но очень и очень странным кабинетом. Стены и многочисленные предметы интерьера казались и близкими, и далекими одновременно. Также и размеры всей утвари чудились крошечными, но стоило сфокусировать на них свой взгляд, они вырастали до таких размеров, что не ясно было, как их вообще сюда втащили.

Из-за расписной шелковой ширмы вышел человек. Он был высокого роста, худощав, одет в капельно-белый балахон до пят. Определить его возраст оказалось затруднительно. Поражал контраст между абсолютно седой головой и невероятно острыми и молодыми глазами, которые обнаруживали проницательный и живой ум. Казалось, будто он смотрит на тебя как на раскрытую книгу, в которой все, все про тебя подробнейшим образом расписано.

Деи от его взгляда сделалось не по себе.

— Вы человек? — поинтересовался Ян.

— Да, — мягко ответил Вайес, вне всякого сомнения, это был он, — а вы кого ожидали увидеть?

Его голос напоминал ветер в высокой траве и был столь умиротворяющим, что Дея невольно расслабилась, подумав мельком, что он их гипнотизирует. Но эта мысль, как и прочие, тут же улетучилась. Ей стало хорошо и спокойно.

— Я благодарю тебя, Вечко, ты можешь идти, — обратился хозяин кабинета к проводнику.

Тот отвесил чрезвычайно низкий поклон и ушел тем же путем, что и прибыл.

— Прошу меня простить, я не предложил вам присесть, — извинялся Вайес, указывая на два кресла, стоящих у камина.

Дея решила отказаться от любезного предложения, разглядывая расширяющееся темное пятно на роскошном ковре. С Яна натекло еще больше воды, и он тоже предпочел отклонить предложение.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался Вайес.

— Честно говоря, довольно странно, — признался Ян.

Вайес перевел вопросительный взгляд на Дею. Она кивнула, соглашаясь с другом.

После того, как они прошли сквозь водяные ворота, у нее кружилась голова, а еще казалось, что она слышит свое сердце и чувствует, как кровь бежит по венам и ощущения эти с каждой

минутой все нарастали и нарастали. Девушка была уверена, еще чуть-чуть и она ощутит, как дышит и работает каждая клеточка ее организма.

— Послушайте, — неуверенно начал Ян, — я совершенно искренне заявляю, что мы не представляем никакой угрозы, не желаем вам зла и не знаем, как попали сюда. Это произошло случайно.

— Я верю вам, молодой человек, верю, не сомневайтесь, — вкрадчиво говорил Вайес, пронзая Яна своими острыми глазами. — Но дело, видите ли, в том, что случайно к нам никто не попадает, — хозяин кабинета сделал многозначительную паузу. — Ну, что ж, постараемся выяснить, что или кто заставил вас оказаться здесь…

Вайес говорил еще что-то, но Дея его уже не слышала. Голоса долетали, будто из подземелья, перед глазами вдруг все поплыло, а тело охватил такой жар, что ей казалось, будто она горит изнутри. Наконец и ноги подвели ее, предательски подогнувшись и последнее, что она видела — стремительно приближающийся мокрый ковер, но встречи с ним ее сознание уже не выдержало.

* * *

Вайес зашел в небольшую мрачную комнату, напоминающую монашескую келью; голые каменные стены, маленькое зашторенное окно и низкая кровать, на которой под белой влажной простыней лежала Дея. Ее тонкое и некогда гибкое, словно молодая березка тело было неподвижно. Лишь крупные бусины пота поблескивали на бледном лице, свидетельствуя о том, что она еще жива.

— Как часто ты смачиваешь простыни? — спросил Вайес лекаря.

— Каждые полчаса, — ответил тот.

— Она сгорает, — прошептал посетитель, склоняясь над неподвижным телом девушки.

— Вы должны отнести ее к стене.

— Ты знаешь, что я не могу. Она сама должна ступить на ту сторону, иначе туман растворит ее, — Вайес прошелся по келье, заглянул в окно, бросил еще один долгий взгляд в сторону больной. — Подними ее на ноги, хоть ненадолго и я отведу ее туда, пока она не сожгла себя.

— Это очень опасно, Господин, вы ведь знаете, как она может отреагировать на вмешательство.

Вайес задумчиво мерил комнату шагами.

— У тебя есть предположения на счет того кто она?

— Вы и сами не хуже меня знаете, только очень сильная сущность раскрывается с таким трудом. Но какова она, мы узнаем

позже, если жар ее не убьет.

— Видимо, девочка слишком сильно боится.

— Это всегда пугает, вспомните себя, Господин.

— Да, да, ты прав. Неважно, кем она придет в наш мир, но я прошу тебя, не дай ей умереть. Не сейчас.

Вайес удалился, оставив сгорающую Дею с лекарем, который вот уже три дня и три ночи почти не отходил от нее.

Стена

Дея пришла в себя на шестой день пребывания в замке. Первое, что она увидела, открыв глаза — фигуру в белом, сидящую напротив своей постели. Уже знакомые темные глаза изучающе смотрели на нее.

— Я гляжу, вам стало немного лучше, — улыбаясь, поинтересовался писититель.

— Да, по крайне мере я в сознании, — настороженно ответила Дея.

— Вот и славно, — выдохнул Вайес и протянул ей сверток. — Пожалуйста оденьтесь, нам с вами нужно кое-куда прогуляться.

Не дав Деи никаких разъяснений, но встал и направился к выходу.

— Я буду ждать в холле, — проговорил он, открывая дверь.

— Постойте! Что с моим другом? Где он? — остановила его Дея,

— С ним все в порядке, — ответил Вайес, разворачиваясь в дверях, — он присоединится к нам после прогулки.

— Подождите, какой еще прогулки? — вопросы в голове у Деи толпились, натыкаясь один на другой и образовывая ужасную путаницу. — Кто вы такой? И что я делаю в этой комнате? — выпалила она первые попавшиеся.

Вайес подошел к Деи, изо всех сил пытающейся сохранять холоднокровие и взял ее трясущиеся руки в свои.

— Вы, должно быть, ужасно напуганы и это абсолютно естественно, — начал он успокаивать ее своим гипнотическим голосом. — Но сейчас я попрошу вас об очень и очень многом — я попрошу вас довериться мне.

— Почему я должна доверять незнакомому человеку?

— Может быть потому, что я спас вам жизнь? — ответили ей вопросом на вопрос.

— Откуда мне это знать?

— Послушайте, ведь вы должны понимать, что если бы я захотел причинить вам вред, то не приставил бы к вам своего лучшего лекаря и не беседовал бы сейчас с вами, а просто кинул в темницу до разбирательства.

— Какого еще разбирательства?

— Вы, наверное, запамятовали, что проникли в Багорт незаконно?

— Никуда мы не проникали! Мы были в музее, а потом что-то произошло и нас выкинуло в этот дурацкий лес.

Вайес устало смотрел на Дею сверху вниз и ей отчего-то

стало неловко.

— Послушайте, у вас нет другого выбора, вы должны поверить в то, что я не желаю вам зла. Я знаю, что вы понятия не имеете, где находитесь, что впервые слышите о Багорте и отчаянно надеетесь, что вы все еще спите и скоро проснетесь, а рядом с вами окажется ваш друг, но у нас очень мало времени и я ничего не могу вам объяснить сейчас. Я просто хочу спасти вашу жизнь, а для этого вы должны мне довериться и сделать то, о чем я вас попрошу.

— А я хочу видеть Яна. Я не могу поверить вам, что с ним все в порядке, потому что если бы это было правдой, он сейчас находился бы рядом со мной.

— Ян действительно все время рвется к вам, но Горий — мой лекарь считает, что ему необходимо больше свежего воздуха и заставляет проводить много времени в саду, а к вам пускает ненадолго. Но все же пускает, прошу заметить.

— Я хочу видеть друга, — упрямо повторила Дея, решившая, во что бы то ни стало стоять на своем.

— Хорошо, — сдался Вайес, — я покажу вам Яна. Но вы должны пообещать мне, что смягчитесь и позволите помочь справиться с агонией, которая сжигает вас.

Жар, ломивший Деи кости и впрямь был невыносим. К тому же в голове гудело, а сердце билось из последних сил, с трудом перегоняя, казалось, загустевшую кровь.

— С Яном происходит нечто подобное? Он в опасности?

Девушка испугалась за друга. Ее насторожило, что их держат врозь, что Яну не сообщили о том, что она пришла в себя. Ведь если бы сообщили, он немедленно явился бы за ней.

— О нет! — заверил ее Вайес, — он прекрасно справился. А вот вам угрожает опасность.

— А Ян знает об этом?

— Да, моя дорогая, — Вайес посмотрел на Дею в упор, глаза его были печальны.

— Почему же он не здесь? — недоумевала она. — Ведь он всегда был рядом, когда мне была необходима защита.

— Боюсь, он не в силах защитить вас от себя самой, и никто не в силах, поэтому мы должны поспешить. Я отведу вас в одно место и, возможно, там вы получите ответы на некоторые вопросы.

— Сначала я должна увидеть Яна! — напомнила Дея.

— Это не составит труда, — Вайес загадочно улыбнулся и подошел к окну, одергивая плотные шторы. — Он почти всегда сидит здесь и ждет, что вы очнетесь.

С замиранием сердца Дея подошла к окну и заглянула в него.

Ее Ян — крепкий, румяный богатырь, с копной непослушных, соломенных волос, сидел прямо на траве с открытой книгой, лежавшей у него на коленях. Одет он был, правда, как-то странно — в свободную домотканую тунику с кушаком и легкие штаны, заправленные в полусапожки.

Дея уже хотела окрикнуть друга, но Вайес предостерег ее, торопливо опустив руку ей на плечо.

— Он сидит здесь целыми днями. Я предложил ему брать книги из библиотеки, это немного скрашивает его ожидание. Без вас он чувствует себя потерянным и одиноким, но именно ради него я и попрошу вас, увидеться с ним позже — после нашей прогулки. Я обещаю больше никогда не закрывать двери между вами, если вы сейчас же отправитесь со мной в одно очень таинственное, но уверяю вас интересное место.

Дея устало прислонилась к стене, потом еще раз взглянула на друга. На заложника Ян не походил. Ведь не станет же человек, которого держат в заточении, упиваться чтением, решила она. А раз Яна не лишили свободы, значит и ей, вероятно, нечего бояться.

Похоже, что у нее действительно не было выбора. Она должна была довериться Вайесу и попытаться получить хоть какие-то разъяснения в том месте, куда он собирается ее отвести.

В конце концов, если бы ей здесь действительно хотели причинить какой-то вред, разве стал бы этот человек в чем-то ее убеждать? Нет, он бы получил свое силой, ведь это она на его территории, а не наоборот.

Дея посмотрела в невыносимо печальные глаза Вайеса и коротко кивнула в знак согласия.

— Вы смелая девушка, Дея, ваш друг не зря гордиться вами, — он указал на сверток, лежащей на кровати. — Загляните в него, негоже разгуливать по замку в ночной рубахе, — сказал он, едва заметно улыбаясь и закрывая за собой дверь.

Развернув бумажный пакет, Дея обнаружила в нем платье. Тонкая и необыкновенно легкая ткань цвета водной пыли, образовывала удивительно мягкие драпировки, похожие на морские волны. Рукава, лиф и подол были расшиты белыми бусинами жемчуга, мерцающего на свету. Это был настоящий наряд благородной девушки, столь великолепный, что Дея боялась даже прикасаться к нему. Но такой щедрый дар скорей озадачил её, нежели порадовал.

Поискав на платье молнию, и обнаружив только ряд крохотных пуговок на лифе, Дея вздохнула, но в наряд все же облачилась. Подошла к дверям и, помешкав мгновение, вышла наружу.

Все помещения замка Мрамгор поражали своей фундаментальностью, но коридор, в котором Дея оказалась, как только покинула свое пристанище, отличался особенной величественностью. Грубая каменная кладка стен, украшенных прямоугольными полуколоннами по одной стороне, сочеталась с невероятной игрой света, сочившегося сквозь огромные витражные окна на противоположной стороне. Венчалось все это великолепие сводчатым потолком и массивными люстрами.

Коридор оказался столь длинным, что окончание его тонуло во мраке. Была ли это очередная волшебная уловка, Дея не знала, да и не больно-то задумывалась над этим, потому как всем ее вниманием завладели оконные витражи. Их сюжеты оказались столь разнообразными и захватывающими, что она даже позабыла, что ее ждут. Одни изображали торжества, другие сражения и даже казни. Были и совсем непонятные, повествующие не то о победе героя над чудищем, не то о его поражении. И так по всему коридору сцены пиршеств, танцев и беспечного веселья сменялись изображениями узников, заточенных в подземельях, невиданных чудовищ, похищающих прекрасных дев и венценосных героев.

— Я вижу, вас заинтересовали витражи? — всплыл из пустоты мягкий голос.

Вздрогнув, Дея резко обернулась. Вайес стоял рядом, держа в руках пару шелковых туфелек.

— Я как-то не подумал об обуви. Хорошо, что ваш лекарь более предусмотрителен.

И Вайес на удивление бойко для своих лет наклонился и обул босоногую Дею.

— Это Свегор. В достопамятные временя, когда мы сражались с Лонгвином, этот воин переломил исход поледеней битвы, — повествовал Вайес, указывая на изображение богатыря в сияющем шлеме. — О его ратном подвиге некогда слагались легенды, но сейчас они забыты. К сожалению, сам Свигор недолго наслаждался победой, спустя год он умер страшной и смертью.

— Его что убили?

— Скорее всего.

— Завистники?

— Нет, некая страшная сила, с которой простым смертным лучше не связываться, — зловеще прошептал Вайес, и у Деи по спине пробежали мушки.

— Боюсь, когда-нибудь в этом коридоре может появиться еще один печальный сюжет, связанный с этой силой.

— Все эти картины отображают вашу историю, — сообразила Дея.

— Да, моя дорогая, и что-то подсказывает мне, что ваша история тоже может здесь отразится.

Дею насторожило такое предположение, ведь сюжет мог быть не самым лицеприятным.

— А ваша история здесь есть? — поинтересовалась она.

— Ближе к концу коридора запечатлен один суд, участие в котором… — проговорил Вайес так, будто каждое слово весило тонну. — Но мы задержались, — перебил он самого себя, — а между тем нас ждет солнце и свежий воздух, а в конце прогулки Ян.

Они двинулись к концу коридора, он уже не казался Деи таким темным. Проходя по залам и маленьким проходным помещениям, по галереям и винтовым лестницам, девушка поразилась оживленности замка. Повсюду сновали его обитатели, кто с корзинами и котомками, кто с кипой пергаментов, кто со склянками и другими непонятными принадлежностями. И каждый встреченный ими человек, благоговейно склонял голову, приветствуя Вайеса.

Дея жадно впитывала в себя все образы, которыми было богато внутреннее убранство замка. Шпалеры и мозаичные полы, сводчатые потолки и искусная резьба по камню, массивные кованые люстры, вместо свечей в них мерцали кристаллы, рассеивая таинственное красноватое сияние. Внутри замок был столь же великолепен, как и снаружи. Древние мастера выполнили все со вкусом и чувством меры. Но экскурсии все же пришел конец, Вайес вывел Дею из замка через парадные двери.

Очутившись на площадке, где располагались статуи двенадцати воинов, ее взору открылся головокружительный вид на сад.

— Это парадный вход, так ведь? — поинтересовалась она.

— Совершенно верно, — ответил Вайес.

— Но я видела эту часть сада, хоть и издали, когда оказалась здесь впервые. Как я могла не заметить его? — поражалась Дея.

— Люди многого не замечают, моя дорогая, а очевидного чаще всего, — добродушно улыбаясь, отвечал Вайес.

Дея отметила, что сад по крайне мере ничуть не изменился за время ее болезни. Но на этот раз он, как и замок, был полон его обитателями. Тут трудились садовники, ухаживающие за цветами, и сборщики урожая, бережно обрывающие с деревьев плоды. И все казалось вполне обычным, кроме одного: листья деревьев и плоды на них слегка раскачивались, но ни малейшего ветерка Дея не уловила, как ни старалась.

Когда она проходила мимо одного из сборщиков урожая, он обернулся и получил хороший шлепок веткой по затылку.

Корзина из его рук выпала, и уже собранные плоды покатились в разные стороны. И пока несчастный пытался их поймать, Деи казалось, что она теряет рассудок: сливы не просто стремительно укатывались от сборщика — они издавали чуть заметный звук, словно посмеивались над недотёпой. Их явно забавляла эта игра.

— Они, что живые?! — воскликнула девушка.

— Конечно! — возмутился сборщик, — Где ты видела мертвые деревья, приносящие плоды?

— Простите, — смущаясь, оправдывалась Дея, понимая, что сказала глупость, — я ужасно невежественна, — что-то в глубине души подсказало ей, что такое поведение плодов совершенно естественно.

— Сливы — самые озорные из всех фруктов, — улыбаясь, пояснил ей Вайес, — стоит зазеваться и они тут же что-нибудь учинят.

Деи показалось, будто бы Вайеса развеселил этот инцидент, но улыбку тут же сменило его обычное выражение сосредоточенного внимания.

Великолепный замок, люди в старомодных, диковинных одеждах, оживающие плоды и невероятные существа, весь этот сказочный антураж восхищал Дею, но ей не давала покоя мысль, что это все иллюзия, что в действительности этот мир мало чем отличается от ее собственного. Не так уж он и безобиден, а может даже статься, что и опасен. Этакая сказка для подросших романтиков, сказка, таящая в себе секретов больше чем питерская судейская палата.

Они уже подходили к воротам, чтобы покинуть пределы сада, как Дею неожиданно поразило еще одно обстоятельство.

— Знаете, Вайес, у меня дома люди часто, говоря на одном и том же языке, не понимают друг друга, — задумчиво начала она. — Когда мы с Яном попали к вам, первый, кого мы встретили, был граничный Страж. Его речь совсем не показалась нам понятной. А вот ваш Страж понимал нас. Он сказал, что язык у нас сложный, но он его как-то понял, — Дея остановилась и пристально посмотрела на Вайеса. — И вы понимаете и они, — девушка указала рукой на уставившихся на нее сборщиков.

Вайес снова растянул губы в мягкой улыбке.

— Вы, верно, думаете, что в Багорте все говорят на вашем языке, но это не так. Здесь все говорят на языке Багорта и неважно, родились ли они здесь или прибыли из других Земель. Каждое место, в которое вы попадаете, диктует свои законы и рано или поздно вы начинаете говорить на его языке. Разве у вас дома было не так?

— Пожалуй, что так, — согласилась Дея, — но как же

Страж? — не унималась она — ведь он говорил на нашем языке.

— Граничные Стражи — совсем другое дело, — пояснял Вайес, — они ведь охраняют границу и должны распознавать, откуда приходит угроза. Можешь считать это их даром.

— Если кому-то был дан такой дар, — размышляла девушка, — значит наше с Яном проникновение за ваши границы не первое. В Багорте есть такие как мы — случайно попавшие из других мест?

— Случайно никто ниоткуда не пропадает и нигде не появляется. Но вы правы, не все обитатели Багорта родились здесь. Некоторые попали сюда, как вы выражаетесь, из других мест.

Всецело поглощенная разговором и недобрыми предчувствиями, Дея не заметила, как они обогнули замок, пройдя вдоль ограды. Обернувшись, она увидела его уже на порядочном расстоянии, а Вайес тем временем подводил ее к стене, полностью поросшей мхом и не имевшей ни начала, ни конца.

— Не пугайтесь, Дея, это место особенное, оно поможет вам обрести себя.

— А нет ли другого способа? — спросила девушка, морщась. — Ну, допустим, лекции, семинары, гипноз, в конце концов!

— Нет ни другого способа, ни времени. Вы должны пройти на ту сторону и вернуться не позднее, чем сядет солнце.

— А, что на той стороне?

— Там будете вы и только вы. И все окружение будет лишь вашим отражением.

Дея понимала, что если уж решила довериться Вайесу, то должна идти до конца, но здравый смысл говорил ей, что совать нос и другие конечности в неизвестные ей места чрезвычайно глупо. Правда, то же здравый смысл напомнил ей, что она уже находится в поистине странном месте, где время, казалось, застыло веке в тринадцатом, а святая инквизиция вот-вот схватит и поволочет ее на костер за то, что она вероломно проникла в их тесный мирок. Хотя святой инквизиции, возможно, здесь и нет, если учесть, что их озорные фрукты кусаются, водопады льют прямо с небес, а неделю назад их с Яном вообще чуть не до смерти напугали какие-то призраки с иссохшими ручищами.

— Не стоит пугаться, Дея, — старался подбодрить ее Вайес. — Вы просто открываете для себя новые грани мира, а он, в свою очередь, открывает новые грани вас. Вы ведь уже ощущаете нечто необычное? То, что пытается проявиться, было в вас всегда.

Здесь, в Багорте с пришельцами всегда так происходит. А это место лишь поможет вашей истинной сущности раскрыться. Смелее, я буду ждать вас здесь, а когда вернетесь, вопросов значительно поубавиться.

Они приблизились к стене, и Вайес мягко подтолкнул Дею к некоему углублению в ней, а сам слегка отстранился. Девушка провела рукой по бархатистому мху, и он ожил. Стал расходиться от центра, образовывая своеобразную арку. Она обернулась назад, и ей показалось, что всегда спокойное лицо Вайеса омрачила тревога.

«Интересно, — подумала Дея, — он за меня переживает или это странное место пугает его не меньше, чем меня?» Она заглянула в арку, там была абсолютная пустота, не было ни звуков, ни запахов, ни дуновения ветерка. Ничего.

— Куда же все-таки вы меня отправляете? Не станет ли это путешествие последним в моей жизни?

— Я отправляю вас в путешествие по вашему сознанию. Только прошу, вернитесь до заката, иначе вы заблудитесь в самой себе.

Дея заглянула в арку еще раз. Страх не отступил, но любопытство взяло верх. Она зажмурилась и сделала шаг вперед.

* * *

Солнечный диск неумолимо приближался к горизонту. Еще немного и небо начнет заливать огненной лавой, оно окрасится в пурпур, а затем все краски померкнут.

Вайес любил наблюдать за метаморфозами, происходящими с небом на закате. Подолгу стоял на смотровой площадке замка Мрамгор, впитывая в себя все краски, которые дарила природа, упивался ими. Но не сегодня. Сегодня он страшился заката, просил солнце замедлить свой ход. Он простоял у стены, за которую ушла Дея, весь день. Ждал, боялся, надеялся.

Поднявшийся ветер принес голоса, разговаривали мужчины, один был чрезвычайно встревожен, другой раздражен.

— Зачем вы только отправили ее туда?!

— У нас не было выбора. Она себя убивала!

— Но в сознание же она пришла, значит, шла не поправку!

— Нет, мой юный друг, — Вайес развернулся навстречу приближавшимся голосам, которые, несомненно, принадлежали Яну и Горию, — наш многоуважаемый лекарь вернул ее в сознание с помощью снадобья, но его действие непродолжительно, если бы оно прошло до того, как я отправил ее за стену, она опять впала бы в небытие. И скорее всего, уже в последний раз.

— И как давно она там?

— С утра.

— Сколько еще она может там пробыть?

Вайес послал тяжелый и молящий взгляд в небо.

— Не больше двадцати минут, — ответил он и тяжело опустился на валун неподалеку от стены. — Если до заката солнца она не вернется, то останется там навсегда.

— Навсегда?! — взревел Ян. — Навсегда? И вы не дали мне повидаться с ней, зная, что она может не вернуться?!

— Она уже неделю не с тобой, так проще справиться с утратой, — проговорил Вайес мрачно. — Поверь мне, обрести друга на час и потерять вновь гораздо болезненней, — он хотел сказать еще что-то, но шорох, донесшийся от стены, прервал его.

Поднявшись, он настороженно замер в ожидании.

Шуршал мох — он расступался, вновь образуя арку. По мере того, как расходились плиты стены, взору замерших мужчин открывалась удивительная картина — медленно рассеивающийся сизый туман, прорезали косые лучи мягкого света, какой бывает ранним утром, после того, как всю ночь лил дождь. Этот свет падал на молодую весеннюю зелень, превращая росу на ней в сияющие звезды. Мох, тот самый мох, что покрывал стену, устилал за ней и землю, а из тумана, на этот мягкий, живой ковер ступила босая нога, затем показалась рука отодвигающая ветку и, наконец, лицо, обрамленное золотым свечением. Лицо, соперничающее с солнцем.

Свидетели этой картины, словно в статуи превратились: ни вздоха, ни малейшего колебания, три пары глаз пристально следили за происходящим в арке. Казалось, от напряжения, повисшего в воздухе, можно было зарядить телефон (если бы он здесь конечно был).

Вот, наконец, показалась тонкая, высокая фигура в длинном платье. Она сделала шаг, другой и, ступила за порог, на влажную траву по эту сторону от стены. Арка за ее спиной моментально сомкнулась, будто ее и вовсе не было.

Те же длинные янтарные волосы свивались крупными кольцами, то же тонкое, слегка удлиненное запястье и гибкие пальцы привычным, плавным движением поправили их. Изящество и удивительно не юная сдержанность были в Денином облике всегда, но сейчас Яна поразило, что свойственную ей игру в благородство сменило неподдельное величие. Она стояла босая, слегка растрепанная и все же было в Деи теперь нечто царственное и невозможно прекрасное, нечто такое, что выдавало в ней госпожу.

Это та перемена, которую Ян отметил сразу, как увидел ее

по эту сторону стены. А еще взгляд, что-то с ним было не то. Из таких знакомых, слегка раскосых, подернутых зеленцой глаз на него брызнул нестерпимый свет чистого разума. А может, это было в ней всегда? Бесконечный, неиссякаемый поток. В ее глазах сейчас словно отражался сам космос во всей своей беспредельности. Ян чувствовал, что еще мгновение и он затеряется песчинкой среди этого непреодолимого, необъяснимого, необыкновенного чего-то.

Это была уже не та девчонка, которая нуждалась в его постоянном присмотре и защите, она стала чем-то большим, большим, чем сам Ян. На секунду он испугался, испугался того, что все-таки потерял ее. Потерял ту Дею, к которой был так глубоко привязан. Тонкую, хрупкую, нежную. Утратил возможность быть ее защитником. А она тем временем просто стояла, держа свои шелковые туфельки в руке и, моча смотрела на них, и каждому казалось, что она смотрит именно на него.

Первым пришел в себя Вайес.

— Ей по-прежнему нужен защитник, мой друг, — шепнул он Яну, слегка коснувшись его плеча, — и теперь, я полагаю, еще больше чем прежде.

Оцепенение прошло и Ян, было, кинулся к подруге, чтобы обнять ее, как прежде, но что-то его остановило. Он стаял так близко, что чувствовал на себе тепло от ее дыхания, но не знал, что делать. Первый раз в жизни он не знал, имеет ли право прикоснуться к ней. Не мог поверить, что эти обновленные, звездоподобные глаза ее — Деины, что эта величественная особа — его подруга. И, несмотря на то, что в этом величии не было ни тени гордыни, надменности или тщеславия, оно пугало его.

— Ну, что вы застыли, мой друг? — подбодрил его Вайес, — это все еще она — ваша подруга детства. Дея, вы ведь узнаете своего преданного друга, не так ли? — обращался он уже к девушке.

Она улыбнулась, слегка опустив веки, будто говорила этим: «ну, конечно», взяла его руку и приложила к своей щеке, но лишь на секунду. Затем обулась и направилась в сторону замка, так и не проронив ни слова. Ян шел за ней и ему казалось, что она молчит от того, что боится расплескать тот свет, которым была теперь наполнена.

В замок все трое вошли через центральные ворота. И Дея направилась по уже знакомому маршруту, в свою маленькую каморку, в которой она провела последнюю неделю, но Вайес остановил ее.

— Ну, что вы, звезда моя, — обратился он к ней, как

показалось Яну, с почтением, — для вас уже приготовлены отдельные комнаты. В палатах живут лишь больные.

Где-то здесь

Мерцающая звездная тропа в абсолютной пустоте, ни запахов, ни звуков, ни дуновения ветерка, она висла в этой пустоте и уходила в бесконечность. Прекрасная, манящая. Дея сделала несколько шагов вперед и оглянулась, звезды за ее спиной слабо вспыхивали и гасли. Страха не было, только легкость и желание идти вперед и она шла, двигаясь очень медленно. Мысли из ее головы постепенно улетучивались, наступала абсолютная безмятежность, а когда она была уже готова раствориться в этой пустоте, до ее слуха донесся тихий звук. То был шелест листьев. Нежные весенние листочки беспокоил легкий ветерок, принесший запах сосен. Уловив его, Дея вдруг очнулась, осознав, что уже давно идет с закрытыми глазами. Открыв их, она увидела озеро. Подход к воде густо зарос камышом, над которым кружили ярко бирюзовые стрекозы. Ее охватило странное чувство, будто ее окружает что-то очень родное в этом незнакомом месте. Оно было совершенно новым, Дея точно знала, что раньше не бывала здесь, однако бирюзовые стрекозы и песчаный пологий берег казались приветом из давно позабытого прошлого.

Девушка подошла к воде, но в подвижном зеленоватом отражении увидела не себя, а малютку с взъерошенным рыжим чубчиком. Ее так потрясло увиденное, что она отпрянула, налетев на что-то твердое и шершавое. Обернувшись, Дея заметила, наконец, огромную сосну — символ самых теплых детских воспоминаний.

Если все прочее могло быть похожим на виденное ею ранее, то такая сосна в целом мире была одна. Растущая на осыпающемся покатом берегу где ветра бывали столь лютыми, что оголили со временем ее корни, она стелила свои ветви, изгибающиеся самым причудливым образом близко к земле, будто боялась упасть. То было самое необыкновенное в мире дерево — ее дерево и оно оказалась здесь, на этом умиротворенном берегу, слепленном из детских воспоминаний.

Дея погладила его кору, прислушалась к легкому плеску воды и озорному стрекоту насекомых, затем устроилась поудобней у могучего ствола и закрыла глаза. Сколько она так просидела, она не помнила, очнулась от грез лишь тогда, когда солнце уже клонилось к горизонту.

«Я отправляю вас в путешествие по вашему сознанию. Только прошу, вернитесь до заката, иначе вы заблудитесь в самой себе», — воскресли в ее памяти последние слова Вайеса и она проснулась.

Первое, что она увидела после пробуждения, это умиленного Яна. Он сидел в легком плетеном кресле напротив ее кровати, смотрел на нее и улыбался.

— Ты долго не просыпалась, я постучал, ты не ответила и я зашел. Дверь открыта была.

Дея лежала на большой кровати, кутаясь в воздушное одеяло. Балконная дверь была открыта и ветер надувал легкие шторы, словно паруса, а высокое полуденное солнце играло с ее волосами, превращая их в струящиеся золотые ручейки.

— Просыпайся уже, я принесу тебе завтрак, — говорил Ян, вставая с кресла.

Когда он вышел из комнаты, Дея села в кровати, свесив тонкие ножки, посидела так некоторое время, улыбаясь своим мыслям, а затем встала и неторопливо направилась в туалетную комнату, завязывая по дороге волосы в тугой узел.

Комнаты, которые ей отвели были чудесны по своей простоте и удобству и располагались в небольшой цилиндрической башне, практически под самой ее крышей. В одной из них стоял уютный диван и небольшой низкий столик, а еще был настоящий камин с чугунной дровницей. Окно в ней правда было всего одно, но зато из него виднелся сад. Второй комнатой была спальня, просторная и светлая, с огромным овальным зеркалом в чугунной раме, мягкой кроватью и маленьким столиком подле нее, а еще балкончиком, откуда Ян и принес плетеное кресло. Предусматривалась здесь и туалетная комната, с вместительной ванной и каменной чашей для умывания, над которой было мудреное устройство, медленно наклоняющее латунный кувшинчик с водой. А еще Дею поразило количество полочек с разнообразными баночками, пузырьками и флакончиками, были даже кисти (видимо для наведения макияжа), но юную красавицу они не заинтересовали.

Умывшись и переодевшись в свое единственное платье, Дея вышла в каминную, где ее уже ждал Ян и завтрак на маленьком столике.

— Обычно все едят в трапезных, их в замке несколько. Но я подумал, что сегодня ты захочешь позавтракать у себя.

— Ты всегда знаешь наперед, чего я захочу, — ответила Дея, отламывая кусок белого хлеба и макая его в мед.

— Ты во сне так мило улыбалась, что такого чудесного тебе приснилось?

— Мне снилось то место за стеной. То самое, где я провела вчерашний день.

— И что это за место такое загадочное, про которое даже Вайес не смог мне ничего внятного рассказать?

— Мое сердце.

Ян озадаченно посмотрел на Дею, а она, прикрыла глаза и, опрокинувшись на спинку дивана, блаженно улыбнулась, предаваясь воспоминаниям о минувшем дне.

В дверь негромко постучали.

— Войдите — отозвалась Дея.

На пороге появился белокурый мальчуган с очаровательными кудряшками. Сообщил, что Вайес ожидает их у себя чрез час и, не дождавшись ответа, выскользнул обратно в коридор.

— Интересно, он вернется, чтобы проводить нас? — размышляла Дея.

— Это ни к чему, — ответил ей Ян, — я знаю дорогу.

Она вопросительно посмотрела на друга.

— Да ты, я так понимаю, уже освоился тут?!

— Ты знаешь, Дея, а мне здесь даже нравиться? — буркнул парень извиняющимся тоном.

— Еще бы знать, где это «здесь».

— Пока ты болела, я читал историю Багорта.

— И что же, всю прочитал?

— Нет, их история столь же необъятна, сколь интересна. К тому же я пока еще слишком медленно читаю. Но не в этом суть. Я вообще не уверен, что мы в 21 веке, зато точно знаю, что не на Земле.

— А где же мы тогда? — недоверчиво поинтересовалась Дея, решив, что друг потешается над ней.

Но Ян был абсолютно серьезен, он выудил из кармана мятый кусок пергамента.

— Я тут кое-что выписал, — смущаясь, заговорил он, разворачивая листок. — Это, как бы сказали у нас на Земле, гипотеза одного из местных ученых, еще довольно молодого, но, говорят очень талантливого.

Он пошуршал пергаментом и принялся зачитывать: «Мы обитаем в трехчастном мире, который движется по незримому пути, где существуют миры с возрастающим числом измерений. Вне пути преобладает мрак. В нем, как и в нашем измерении, есть своя иерархия. Там прибывают самые грубые сущности. Именно оттуда и проникают к нам бесы, когда мы нарушаем законы вселенной.

Все миры существуют в постоянной взаимосвязи, проникая друг в друга. Причиной перехода из одного мира в другой может стать изменение силовых вихрей, а также территориально-временных взаимосвязей.

Пространства, разделяющие миры, походят на тоннели, по ним можно осуществлять перемещения. Но, проникая в чужую

реальность, все подчиняется ее законам…»

— Стой, стой, стой, — прервала захваченного чтением Яна Дея, — а можно как-нибудь попроще? Сам-то понимаешь, что переписал?

— Если честно, не очень, — сконфузился Ян. — Но так занятно написано! Говорят, этот их молодой ученый из Ведов и местные его не особо жалуют. Здешние традиционалисты плохо принимают новые течения, а его теория весьма смелая даже для Багорта. Но я почему этот текст выписал-то! А потому, что здесь вот про то, как из одного мира в другой можно попасть, — и он стал тыкать пальцем в последний абзац. — Видишь?

Дея уставилась в листок, но, не разобрав и половины, глубоко вздохнула.

— Ладно, просто скажи, где конкретно находимся мы.

— Ну-у-у, — протянул Ян, копошась в затылке, — постараюсь. Мы находимся на Хоре — это планета с четырьмя континентами: Багортом, Серваргом, Ихором и Лонгвином, — начал излагать Ян лекционным манером. — Мы — в Багорте, в нем пять крупных городов. Мрамгор — столица и располагается она в самом сердце Багорта. Этот город стоит на огромном мраморном пласту, что под горой, в которой и высечен сам замок. Вайес является Верховным Хранителем Мрамгора уже более двадцати лет, он вроде губернатора нашего. Но самое интересное даже не это, а то, что они о Земле не знают ровным счетом ничего. Хотя Хора является чуть ли не зеркальным ее отражением, с той только разницей, что тектонические плиты здесь разместились иначе. Я рассматривал карту их звездного неба, и она мало отличается от нашей. Ну, названия скоплений Плеяд у них другие, они их Стожарами называют. По Млечному пути (в их интерпретации Дорогое духов) багортцы определяют стороны света, он каждый месяц восходит в новом положении, и те, кто знает эти его особенности, могут ориентироваться в пространстве без компаса. Представляешь?

Деи показалось, что в ее голову тычут иголками, пытаясь утрамбовать, какие-то совершенно невозможные вещи.

— Ты хочешь сказать, что мы в каком-то другом измерении что ли?

— В другом измерении или в другом мире не столь важно, как ты это назовешь, важно лишь то, что мы не там, где привыкли быть.

— И Вайес не знает, как вернуть нас обратно?

— Представь себя на месте питерского губернатора. Попадают к нему два таких неопознанных придурка в странных одеждах и говорящих на непонятном языке. А потом еще

и заявляют, что, мол, они из некоего Багорта прибили, знать о Земле ничего не знают, но страсть как хотят домой.

— Ну, их, допустим, не к губернатору бы отправили, а прямиком в дурку.

— То-то и оно! Скажи спасибо, что здесь всем Верховный Хранитель заведует, а то отправили бы нас в местную кунсткамеру.

— То есть, ты хочешь сказать, что за неделю вы ни на йоту не продвинулись в осознании того, что нам теперь в этой ситуации делать?

— А, что тут можно делать, кроме как приспосабливаться?

— Что? — только и нашла, что сказать, шокированная таким поворотом событий Дея.

— Ну, посуди сама, — начал убеждать подругу Ян, — кем мы были на Земле? Подростками из интерната. Ни родственников, ни друзей, ни денег. Ты вон на музей даже наскрести не могла. Там нас все чурались.

— А здесь боятся.

— Они не нас боятся, а того, что не могут понять, как двое подростков прошли сквозь их защиты. Но ведь это не мы организовали взлом их секретных преград, поэтому когда все выяснится, на нас перестанут косо смотрите и мы сможем найти здесь занятие по душе.

— Ян, мы семнадцать лет, ты, кстати, уже почти девятнадцать, учились жить в том мире. А теперь ты хочешь остаться здесь, потому что Мрамгор чем-то напомнил тебе сказочный изумрудный город. Дружочек, чудес не бывает и мы сейчас не в сказке.

— А где же, по-твоему?

— В каком-то бреду, если честно, — устало проговорила Дея.

— Я вряд ли смогу тебе это объяснить, но там я чувствовал себя чужим, а здесь нет.

— Это потому, что Вайес — очень хороший дипломат и умеет запудривать мозги!

— Но тебе ведь стало лучше после того, как он отвел тебя к стене, — не унимался Ян. — И он действительно спас тебе жизнь. Приставил этого своего Гория, каждый день справлялся о твоем здоровье. Дея, у тебя был такой чудовищный жар, что я, если честно, вообще удивляюсь, как ты выкарабкалась.

— Тебе не кажется странным, что нами лично занимается такое высокопоставленное лицо?

— Ну, — задумчиво протянул Ян, подыскивая ответ, — он мудрый правитель и знает, что все непонятное и возможно угрожающее лучше держать поближе к себе. А может, он просто

благородный человек?

— Не знаю, Ян, иногда мне кажется, что тебе не девятнадцатый год, а девятый.

— К чему ты клонишь?

— Ты ведь должен понимать, что несмотря на все сказочные декорации и волшебную мишуру этот мир так же, как и наш населяют люди. А это значит, что, по сути, Багорт не многим будет отличаться от твоего прежнего дома. Где ты видел губернатора, нянчащегося с попаданцами?

— Что ж, поживем, увидим. У нас все равно выбора пока нет, самостоятельно-то мы домой не можем вернуться.

— Ладно, пойдем что ли, негоже опаздывать на аудиенцию к столь высокопоставленной персоне.

Вайес ждал их в кабинете, там же был и лекарь, видимо, исполнявший по совместительству еще и обязанности советчика.

Первое, что не без удовольствия отметила Дея это то, что кабинет Вайеса на сей раз казался вполне обычным. То есть стены и предметы, находящиеся в их пределах, больше не уменьшались и не увеличивались, а вели себя как подобает вполне обычным, неодушевленным вещам.

— Присаживайтесь, мои дорогие, — предложил Вайес, — надеюсь, вы хорошо спали, звезда моя? Комнаты пришлись вам по душе? — обратился он к Деи.

— Благодарю, я спала превосходно и комнатами очень довольна, — отозвалась девушка. — Но, я полагаю, вы позвали нас не за тем, чтобы узнать, как я устроилась.

— Вы правы, — улыбаясь ответил Вайес, — вы обжились, воссоединились с другом и вашему здоровью больше ничто не угрожает, поэтому мы, наконец, можем продолжить тот разговор, который в прошлый раз прервал ваш обморок.

Дея поежилась, воспоминая все злоключения того дня. Он определенно не входил в список лучших в ее жизни, и все же она понимала, что это был особенный день — день, изменивший ее судьбу. В какую сторону, большой вопрос, но изменения эти были кардинальными.

— Я не буду ходить вокруг да около, — начал Вайес, — нас обеспокоило ваше появление.

Дея подняла брови и посмотрела на главу Мрамгора в упор. Но в разговор уже вступил лекарь.

— Два человека попадают в Багорт, пройдя все защиты и преграды, утверждая при этом, что не имеют ни малейшего представления, как им это удалось. К тому же проявляют незаурядные таланты в долине Ведов. Таких совпадений не бывает, — проговорил лекарь, глядя на Дею. — Меня очень

озадачил тот факт, что тени, населяющие кольцо Ведов, не тронули вас. Они все равно, что цепные псы, готовые высосать жизнь из любого, кто попадет в их лапы, кроме самих Ведов, конечно.

— Дея, вы спугнули теней, разомкнули скалистое кольцо и прошли сквозь него к границам Мрамгора, — подхватил Вайес. — Я не спрашиваю вас, как вы его открыли и тем более, как вы туда попали, потому что, мне думается, вы действительно этого не знаете.

— Чего же вы тогда хотите знать?

— Меня интересует, не приключалось ли с вами чего-нибудь необыкновенного незадолго до того, как вы попали к нам? Любая мелочь кажущаяся вам незначительной, может привести нас к пониманию происходящего.

— А разве Ян вам ничего не рассказал?

— Конечно, рассказал, но мы хотели бы послушать теперь эту историю из ваших уст, — настаивал Вайес. — Понимаете, события одни и те же, а детали люди замечают разные.

— Вы правы, — неожиданно согласилась Дея. — Ян, наверное, вам уже рассказал, что билеты в этот злосчастный музей мне презентовал чудаковатый иностранец. Я не придала тогда особого значения его внешнему виду, но…

— Опишите же его.

— Языка, на котором он говорил, я не распознала и списала это на свое невежество, хотя сейчас думаю, что он не подпадает ни под одну языковую группу, существующую на Земле. Одет тот мужчина был так, будто играл роль в бульварном романе и сбежал прямо с театральной сцены, к тому же забыл обуться. У нас, знаете ли, не принято в общественных местах босиком разгуливать, — пояснила она. — В общем, всучил он мне два мятеньких билетика и тут же скрылся. Ну, я радостная, что в музей схожу, про этого чудака тут же и забыла. Представьте мое удивление, когда я встречаю его в этом же музее. Обуться он, кстати, так и не удосужился. И знаете, он как-то нехорошо на Яна смотрел.

— Да? — удивился Ян. — А я его и не заметил.

— Ты в тот момент Айвазовского пытался загипнотизировать, помнишь, я увела тебя на второй этаж?

Повисла пауза. Все переглядывались, никто не решался заговорить первым.

— Скажите, а я правильно понял из рассказа Яна, что лаз в скале появился, когда вы ощупывали ее руками? — неожиданно спросил у Деи лекарь.

— Да, если память меня не подводит, так и было.

— Господин, когда ее привели все ладони… — шептал лекарь Вайесу.

— Да, да я тоже об этом думал, — так же шепотом отозвался тот. — Ясно одно, мои друзья, — сказал хозяин кабинета уже в полный голос, — кому-то очень понадобилось, чтобы вы оказались в Багорте, и этот кто-то приложил немало усилий, чтобы перемещение произошло. Поэтому, пока мы не выясним кому, а главное — зачем это нужно, я вынужден оставить вас в Мрамгоре под моей охраной. А чтобы вы не чувствовали себя в заточении, можете посещать библиотеку и увеселительные комнаты, сад так же в полном вашем распоряжении. Но я настоятельно прошу не покидать его пределов.

— Неужели нет способа вернуть нас домой? — с угасающей надеждой спросила Дея.

— Дорогая моя, мы не понимаем, как вы к нам попали, а даже если и поймем, не в моих силах вернуть вас обратно.

— Но ведь вы здесь самый главный! — удивленно начала Дея. — Разве не вы олицетворяете в Мрамгоре власть?

— Самый главный и самый могущественный — не всегда одно и то же. Да, я — Верховный Хранитель и призван следить за порядком и соблюдением законов, но я всего лишь человек. А силы принудившие вас к этому путешествию, весьма и весьма велики, и мне они недоступны.

— Если в вашем мире есть такие влиятельные люди, как получилось, что на столь высоком посту оказался «всего лишь человек»? — недоумевала Дея.

— Видите ли, моя дорогая, я не единственный Хранитель в Мрамгоре. Разве один человек может защитить город? Нет. Нас много и каждый в меру своих сил служит государству. Ян рассказал мне, что у вас люди самостоятельно защищают свои земли. Для этого вы изобретаете всевозможное оружие и плетете интриги. А на страже наших земель всегда стаяла магия, но Верховного Хранителя испокон веков выбирали из обычных людей.

— Но почему? — поразилась Дея.

— У каждого свое предназначение, — ответил за Вайеса лекарь. — Это правда, основной защитой нашего государства всегда была магия. Веды, Хранители лесов, гор и вод, Страж-птицы и Сагорты — основные силы Багорта, и у каждого из них своя магия. Объединить их может только величайший ум и благороднейшее сердце, для обладания этими качествами не обязательно быть чудодеем. К тому же основное население Багорта — обычные люди, потому и Верховного Хранителя всегда выбирают из людей.

— Горий всегда преувеличивает мою значимость, — смущенно заметил Вайес, поправляя бумаги на столе. — Ну да ладно, думаю на сегодня информации вполне достаточно, осталась только пара рекомендаций, — он секунду помедлил, видимо, решая стоит ли раскрывать все карты. — На прошлом заседании совета я вынужден был рассказать о проникновении, но утаил место откуда вы прибыли, опасаясь паники со стороны граждан, уж больно они у нас мнительные. О том, как и откуда вы к нам пришли, знают немногие и по моей просьбе, они будут хранить это в тайне до тех пор, пока мы во всем не разберемся. Остальным же было сказано, что вы прибыли из Приморья и заблудились, ища вход в город.

— Зачем вы скрываете потенциально опасных пришельцев от своего же народа? — недоумевала Дея. — Разве не проще вынести проблему нашего возвращения домой на совете?

— Господин делает это для вас! — возмущенно ответил за Вайеса Горий. — Чтобы вы могли чувствовать себя как дома и вас никто не чурался.

— Но почему? — не унималась Дея.

— Потому что я предпочитаю не делать поспешных выводов и, понаблюдав за вами, решил, что защита и опека требуются скорее вам, чем Мрамгору. В любом случае время покажет. Думаю, что еще немного у нас его есть. А сейчас ступайте и попытайтесь наслаждаться жизнью, — напутствовал глава Мрамгора со свойственной ему едва заметно улыбкой.

Глава 5
Мрачное видение

Мрачное видение

С тех пор как Дея получила от Вайеса напутствие, осваиваться в замке и радоваться жизни, прошло уже больше месяца. И каждый день девушка пыталась следовать столь немудреному, но сложноосуществимому плану.

Первая сложность, с которой столкнулась девушка была письменность. Способность понимать речь багортцев оказалась чудным даром, но вот навыки чтения приходилось развивать самостоятельно.

Уже через три недели Дея прочла первый текст в мрамгортской библиотеке. Он походил на священное писание и содержал в себе всего несколько строк о миропорядке. Багортцы называли его «каноном».

На висевшей у входа в библиотеку дощечки украшенной узорчатой вязью, были вырезаны такие слова:

«Канон Багорта гласит:

В своем бесконечном стремлении друг к другу все части Вселенной преследуют одну цель — единство.

Мир, в котором мы обитаем, трехчастен: в безвременном и бесконечном пространстве вращается наш дом, чье сердце — огненный змей.

Имя ему — Хора.

Тело Хоры истекает реками и дышит лесами.

Всякая живая тварь — есть дитя Хоры и бесконечной Тьмы.

Потому, следует стремиться телесным к Матери, а душою к Отцу Незримому, вбирая в себя всего поровну.

И в этом есть благо».

Под надписью было схематичное изображение, оно, судя по всему, должно было наглядно отображать трехчастность мира. В центре большого круга был высечен круг поменьше, а в его центре еще один. Из этого маленького внутреннего круга уходили лучи наружу, а от внешнего — внутрь. Эти лучи и символизировали стремление друг к другу всех частей вселенной. На самой поверхности центрального круга по четырем сторонам имелись совсем уж крошечные окружности, от них тоже отходили лучи: один врастал в центральный круг, два устремлялись к внешнему. Это, по-видимому, были четыре континента и все живые твари, что их населяли, — решила тогда Дея.

В ее прежнем мире, может, и оспорили бы этот постулат, но здесь он воспринимался столь естественно и казался таким безошибочным, что нельзя было сомневаться в том, что он верен.

Эта убийственная, совершенная простота и ясность, с какой разъяснялись и упорядочивались столь сложные и необъяснимые механизмы, поразила тогда Дею. Она каким-то пятым чувством уяснила, что миропонимание багортцев непоколебимо и верно в своей незатейливости. Вообще, первое, что изумило Дею в Багорте — это то, как гармонично сочетались наука и очаровательная средневековость в их жизненном укладе.

Текст, который прочла девушка вторым, стал сводом законов Багорта. Его тоже когда-то давно вырезали на небольшой дощечке, и заключал он в себе лишь три пункта:

1. Тот, кто стремиться познать законы Вселенной и открывает для себя ее тайны, должен использовать эти знание благоразумно.

2. Ни одно живое существо, наделенное разумом, не вправе пытаться переделать, либо совершенствовать Храм, дарованный Источником. Совершенствовать дозволяется лишь себя самого.

3. Долг каждого жителя Багорта — содержать Храм в чистоте. Разумно использовать дары Хоры. Не брать сверх меры. В Храме каждому предусмотрено место: зверю, рыбе, птице и человеку. Силиться там, где уже созданы все условия, и развиваться в тех местах, где для этого все предусмотрено.

Внизу была приписка:

«Нарушая законы вселенной, мы порождаем бесов, способных усыпить душу и отравить разум».

А вот об этом она уже слышала от Яна. Помниться, он рассказывал, что молодой столичный ученый предполагал, будто они выходят из некоей темени.

Позже Дея поняла, что багортцы и впрямь четко следуют всем трем законам. Наукой они хоть и занимаются, но исключительно в познавательных и, может, еще в медицинских целях. Потому и походил Мрамгор на средневековый город, в котором правда была практически повсеместная грамотность. А когда она внимательно изучила карту, то увидела, что и третий пункт соблюден с поразительной прилежностью. Все пять крупных городов (хотя, конечно, по меркам Земли, их вряд ли можно было назвать крупными) находились на каменных плато. Замки создали первые Волхвы, пришедшие на Хору еще в незапамятные времена. Их защищала какая-то древняя магия, понимание которой утратилось после Великой битвы (о битве этой Дея пока еще ничего не знала). Так или иначе, выходило, что самой природой были определены места для устроительства пяти больших городов: четырех на границах Багорта и одного в центре. Все города соединялись между собой трактами, проложенными таким образом, чтобы не приходилось вырубать леса. Багорт был

богат реками, озерами и растительностью. Остальные поселения и мелкие городища континента раскидывались вблизи лесов и водоемов.

Но таилась в этом всем некая странность. Сравнив карту Багорта с картами остальных трех континентов, Дея пришла к выводу, что ее новый дом самый отсталый в вопросе градостроительства. Серварг и Ихор находились примерно на одном уровне. Треть площади в них занимали крупные города, с десяток городов поменьше распространились на вторую треть, остальную территорию занимали села и деревни. В Лонгвине же сел было немного: он скорее походил на мегаполис местного разлива. Больше половины его площади покрывали плотные застройки, где практически отсутствовала растительность.

«Ну, прямо как современные города на Земле», — подумала Дея, рассматривая красочную, старательно начертанную карту. Помимо больших городов было также множество маленьких. Совсем никем не заселенным оставался разве что прибрежный район, где по кромке моря раскинулись бухты, прячущиеся под навесными скалами (к карте прилагались изящные зарисовки). Степи за морем тоже не были обжиты, и это показалось Деи странным. Такой крупный и развитый континент, а земли у моря не тронуты. Загадка.

Загадкой, впрочем, был и сам Багорт. Выходило, что развитие на Хоре было неравномерным, как и на Земле. Но как умудрился Багорт так сильно отстать от других континентов, и было ли это намеренным? Правда сам свод законов зеленого континента не позволил бы ему пойти по пути развития Лонгвина. Но почему же тогда Багорт не стал еще его колонией?

На Земле неразвитые народы всегда попадали под влияние технократичных государств, но на Хоре дела обстояли иначе. Наверно, рассудила Дея, Багорт за счет магии остается самым сильным континентом на Хоре, сознательно консервируя технический и научный прогресс, чтобы эта самая магия не покинула их земли. Хитро, а главное действенно.

Сидя в библиотеке и рассматривая карты и зарисовки достопримечательностей, Деи ужасно хотелось воочию узреть все это утопическое великолепие, но Вайес строго-настрого запретил выходить за территорию замка. В конце концов, она стала привыкать к своей сказочной клетке, а в особенности к той ее части, где трудились сборщики урожая.

Замковый сад был столь огромен, что в нем можно было заблудиться. Ей нравилось сидеть у водопада и наблюдать за резвящейся детворой, ухаживать за розовыми кустами и собирать урожай. Прежде она даже не подозревала, что где-то

могут существовать такие сады. В ее другой жизни многие годы она ограничивалась убогоньким газончиком с метр в ширину, с одной его стороны была чугунная оградка, с другой — ненавистные серые стены ее пристанища. Только когда в их интернате появился новый директор, им изредка стали устраивать походы за город. Так она и побывала на острове Койонсаари, образ которого прочно засел в ее памяти.

В общем и целом, она была вынуждена признать, что изменения в их с Яном жизни во всем были хороши. Жили они в отдельных комнатах с собственными уборными, располагающимися в лучшем замке, который она когда-либо видела (особенно если учесть, что предыдущие были только на картинках). Грязные, засаленные стены, потрескавшийся потолок и незакрывающееся окно в спальне для девочек, теперь казались ей кошмаром.

Помимо сада Деи полюбилась и библиотека замка, она насчитывала тысячи томов, существовавших, как правило, в единственном экземпляре, потому как все они были рукописными. В огромном зале со сводчатым потолком, возвышающимся на добрых пятнадцать саженей, всегда было прохладно. Дея считала, что умеренная температура поддерживалась для того, чтобы каллиграфов, старательно переписывающих огромные фолианты, не клонило в сон. А Ян утверждал, что просто шесть каминов не справлялись с отоплением такого огромного помещения.

Но жители Мрамгора были, судя по всему, довольно любознательны, потому как несмотря на прохладу с утра и до позднего вечера библиотека полнилась народом. Длинные лестницы на колесиках беспрестанно катались от одного стеллажа к другому, металлические перья скрипели, пергамент шуршал и только периодические чихания и сморкания разбавляли эту канцелярскую идиллию. А идиллию Деи омрачал тот факт, что их появление в этом сказочном раю было тщательно спланировано, но кем и для чего, по-прежнему оставалось загадкой.

Все жители замка трудились в нем по мере своих сил. Дея, даже будучи гостьей, не хотела нарушать этого негласного правила, поэтому предпочитала проводить время в саду за сбором урожая, чувствуя необъяснимую связь со всеми растениями будь то маленькая былинка или вековой ясень, охранявший границы сада. Все они отзывались на ее прикосновения, и порой ей казалось, что в шелесте листьев она разбирает отдельные слова.

***

Несмотря на то, что за целый месяц пребывания в замке, Ян

нашел себе не мало друзей, он старался не разлучаться с Деей на долго, а когда все же это случалось, он знал, где может ее отыскать. Если ни в комнатах, ни в библиотеке, ни в трапезной ее не было, следовало идти в сад и высматривать ее среди рабочих.

Вот и сегодня он нашел Дею за сбором яблок. Неслышно подкравшись, Ян надеялся застать подругу врасплох, но неугомонные фрукты уже возвестили о его приходе хихиканьем.

— Вот так всегда! — досадовал он. — Вечно они портят эффект неожиданности.

— А ты не подкрадывайся — улыбаясь, ответила Дея, — поможешь мне?

— Ну, уж нет. Они только тебя слушаются.

Плоды и, правда, давались в руки не всем, поэтому, когда настало время сбора урожая, у Деи появилось много работы. Фрукты надлежало не просто собрать, но и усыпить, прежде чем их отнесут на кухню. Эта работа Деи давалась легко, Яна поражало, как быстро плоды замирали под ее тихую песню. У каждого сборщика она была своя, но Дея, напевала никому неизвестную в Мрамгоре гальярду «Зеленые рукава» — мелодию, полюбившуюся им с детства.

— Дея, а ты можешь оставить свою работу хотя бы на один день? — поросли Ян, прервав ее пение. — У меня для тебя сюрприз, который затмит все твои веники! Я тебе такое по… — договорить Ян не успел, послышался резкий шлепок, и он отлетел в сторону, неуклюже приземлившись на пятую точку. — Почему они такие вспыльчивые!? — раздосадовано буркнул он.

— Потому что ты не выказываешь им должного уважения, — смеясь, ответила Дея. — Скажи спасибо, что тебя через ограду не перекинули.

— Я буду ждать тебя в главной башне, — пробубнил он, отходя подальше от драчливой яблони. — И, пожалуйста, не тяни, через три часа стемнеет.

«Интересно, что он придумал на этот раз!?» — с тревогой подумала Дея и, передав корзину носильщику, пошла в сторону ее нового дома.

С центральной башни — самой высокой в замке, открывался чудесный вид на город. А в пасмурную погоду ее верхушка тонула в облаках, поэтому на балконе часто собиралась мелюзга, чтобы поиграть в прятки. Но сейчас было ясно и вечер обещал стать прохладным, а ночь звездной. Когда Дея добралась до места, поняла, что в самой башне никого не было, правда с балкона, опоясывающего ее, доносился какой-то шум.

Дея пошла на звук и чуть не поперхнулась собственным

криком, выходя на площадку. Ян стоял облокотившись о каменные балясины и бормотал что-то бессвязное, гладя по спине огромную птицу. Перья ее на вечернем солнце казались перламутровыми, а когти отливали сталью, она расправляла бесконечно длинные крылья и курлыкала от удовольствия.

Птица первая заметила появление Деи. Развернувшись, она посмотрела на озадаченную девушку удивительно умными, почти человеческими глазами.

— Дея, не пугайся, подойди ближе, — Ян протягивал ей руку, приглашая приблизиться. — Маюн уже давно ждет встречи с тобой.

За месяц жизни в замке Дея, казалось, должна была бы уже перестать удивляться всяким чудесам, но Маюн производила очень сильное впечатление. Девушка, конечно, уже знала, что Страж-птицы были в Багорте одними из важнейших защитников порядка и покоя граждан. Но Маюн… Несомненно, эта птица — старший Страж, слишком уж осмысленный и горделивый у нее был взгляд.

Пока Дея строила свои умозаключения, чудо-птица сама подошла к ней и припала к мраморному полу.

— Она приглашает тебя прокатиться, — пояснил Ян и в голосе его слышалось восхищение.

Девушка колебалась. Хоть она и жила порой в мире своих фантазий, но все же была рассудительна в отличие от Яна, который скучал без приключений и если не притягивал их, то придумывал сам, старясь и Дею в них втянуть. Он сейчас походил на нашкодившего студента, пытающегося склонить ее к беспорядку.

— Дея, ну, что ты? Там, за оградой потрясный город, Лимонная река и Синий лес. Держу пари, ты такого даже во сне не видела. Маюн хочет тебе все это показать с высоты своего полета. Она сама просила меня привести тебя к ней, — добавил он шепотом.

Дея протянула к птице руку, чтобы погладить по жемчужному оперению.

— И давно ты в летчики заделался? — посмеивалась она над очередной авантюрой друга.

— Уже две недели, — заметно смущаясь, отвечал Ян. — Извини, я не говорил тебе ничего до сегодняшнего дня, потому что не был уверен… — Он запнулся.

— А сейчас уверен?

— Я — нет, но Маюн говорит…

— М-м-м… говорит? — Дея улыбнулась. — Вы обсуждали что-то за чашечкой чая?

— Дея, я удивляюсь твоей скепсису! — возмутился Ян. — Ты сама собираешь болтливые сливы, забыла?

— Извини, Ян, — она потрепала его по непослушным волосам и он мгновенно оттаял. — И вы, Маюн, извините мне мою грубость, — обратилась она на всякий случай и к новому увлечению своего друга.

Птица что-то коротко урлыкнула, повернувшись к Яну, а затем снова устремила свои почти человеческие глаза на Дею.

— Она не в обиде, — пояснил Ян.

Дея повела глазами вправо, влево, ища электронное табло с сурдопереводом, а Ян как ни в чем не бывало, подтолкнув смущенную девушку к Маюн и помог устроиться у нее на спине. Затем и сам, оседлав крылатого Стража в одно мгновение, коротко крикнул по-птичьи, и они взмыли в небо.

До последнего момента Дея не верила в то, что должно было произойти, поэтому, оторвавшись от гранита, она зажмурилась, а когда рискнула открыть глаза, ее охватил неописуемый восторг. Замок белого мрамора, сад с его водопадом и фонтанами, стена и пространство за ней, тонувшее в непроглядном густом тумане сделалось невероятно крошечным, но очень красивым. Как ни силилась Дея проникнуть сквозь этот туман взглядом, ей ничего не удавалось.

— За стеной всегда так мутно? — поинтересовалась она у друга.

— Да, за стеной всегда туман, многие считают, что он скрывает пустоту за ней. Но тебе лучше других известно, что там. Думаю, лишь немногие из багортцев побывали там.

Они пролетали над городом, над его домами и проспектами, над главной и рыночной площадями, мостами и статуями. Деи даже показалось, нет, она была в этом абсолютно уверена, одно из изваяний помахало им рукой. Птица-страж кружила над Мрамгором без опаски, то спускаясь, позволяя ребятам разглядеть город, то вновь взмывая к границе облаков. Она даже пролетела сквозь одно из них, и одежда в мгновение увлажнилась.

Покружив над городом, они полетели за его пределы, и вскоре городская стена и уютные деревушки за ней, да засеянные поля и прозрачные водоемы остались у Деи за спиной. Маюн стала снижаться и девушка увидела зеркальную гладь озера. «Как в моем видении за стеной», — удивленно подумала она.

Озеро было окружено густым лесом, и когда они пролетали над ним, поднялся сильный ветер, встревоживший листву. Девушке отчетливо послышались голоса, и она стала прислушиваться к ним, а когда разобрала слова, чуть было

не свалилась с Мают от неожиданности. Голоса повторяли и повторяли ее имя, и чем дальше они улетали от озера, тем отчаяннее ее звали.

— Что это за место? — спросила она у Яна.

— Это озеро Лад — сокровище Синего леса, — отвечал тот.

— Почему синего?

— А ты приглядись, хотя конечно в сумерках не очень хорошо видно.

И Ян направил Маюн вниз к макушкам деревьев. Чудо-птица мягко приземлилась на ветку самого высокого из них, и Дея ахнула. Листва деревьев была всех оттенков синего: от ультрамарина до небесно-голубого.

Ян слез с птицы и помог Деи спуститься, усадив ее на широкую ветку могучего дуба, Маюн же взмыла в небо и вскоре скрылась из виду.

— Она вернется, проверит только все ли здесь спокойно. Синий лес уже много лет без Хранителя. Многие пытались взять на себя эту обязанность, но он никого не принимает, поэтому Маюн приглядывает за ним. И все же, говорят, лес порядком одичал за то время, что стоит без охраны.

— Что значит не принимает Хранителя?

— Говорят, на протяжении многих веков Хранителями Синего леса была династия Ладгальд. Этот дар передавался в их семье по крови, но у последних представителей был всего один ребенок. Вся их сила перешла к нему, и они больше не могли иметь детей. Но дитя пропало и мать не перенесла горя — скончалась вскоре после исчезновения чада. Отец, оставшись один, покинул эти края. Род Ладгальд прервался, а лес все еще ждет, тоскует по ним и не принимает никого другого. Но это всего лишь легенда.

Они сидели высоко над землей, воздух был чистым, будоражащим, пьянящим.

«Какой все-таки удивительный этот Багорт, — думала про себя Дея. — Вполне обычные природные явления, но непривычной окраски, говорящие птицы и плоды, неведомые существа и поразительные, волшебные места, о которых даже самому Верховному Хранителю мало что известно». Этот мир, полный загадок и чудес ждал, когда она начнет их раскрывать, вот только понять бы, как они в нем оказались и по чьей прихоти.

Дея опустила голову на плечо друга, тот болтал ногами и всматривался в даль. Они молчали, им было хорошо здесь вдвоем.

— Послушай, Ян, — неожиданно встрепенулась она, — ты начал мне рассказывать там, в башне… ну, про то, что Маюн в чем-то тебя убедила.

Ян явно был рад тому, что Дея подняла эту тему. Он тщетно пытался придать голосу будничный тон, но было видно, что тайна, которую он готовился открыть будоражит парня. Ему не терпелось поделиться ею.

— Пока ты шерстила в библиотеке замка карты, я читал общую историю Багорта. Так вот, Багорт — одно из прекраснейших и уникальнейших мест на Хоре, — начал пересказывать прочитанное Ян. — Он наделен редкими природными ресурсами и уникальными существами, к тому же в Багорте сосредоточены основные силы Волхвов. Лонгвин не раз пытался захватить наш континент, но пока ему это не удавалось, а все потому, что он тщательно охраняется. Веды выставляют всевозможные защитные барьеры, птицы контролируют Багорт с воздуха, в каждом крупном лесу есть Хранители, а за теми, где их нет, приглядывают Страж-птицы. Еще водоемы и горы, они тоже все охраняются. И у каждого Хранителя есть своя, хотя бы не большая магия, она у них в крови, — гордо заявил Ян. — И только у Верховного Хранителя, как тебе уже говорил Вайес, магии нет. Но ему она и не нужна, он объединяет всех остальных и призван принимать все важные решения, поэтому на эту роль всегда выбирают мудрейшего. Это все нам лекарь уже рассказывал, помнишь? Но о Сагортах он лишь вскользь упомянул, а они очень важны, потому что могут говорить с животными, птицами и рыбами. Сагорты своего рода переводчики, связывают людей и животных. Даже Веды не все могут слышать их, а Саггорты способны. Представляешь?

— Ты разговариваешь с Маюн! — вскричала ошарашенная Дея, понимая, к чему клонит друг.

— Угу.

— Ты понимаешь всех животных?

— Не всех, — пояснил Ян, — только птиц и других крупных летучих тварей.

Ян был ужасно горд собой, таким счастливым Дея еще никогда его не видела. Было очевидно, что Ян, не способный найти своего места там откуда они пришли в этот мир чудес, обрел, наконец, настоящий смысл жизни и дом. Но кое-что все-таки смущало Дею.

— Ян, ты говоришь, что магия у Хранителей и Сагортов в крови, — настороженно излагала свою мысль девушка, — но это значит, что она своего рода мутация или же ген, передающийся от поколения к поколению. Как это возможно, ведь мы родились не здесь, забыл? Если бы в твоей крови был какой-то иноземный ген, его бы заметили на Земле.

Но ее друг, похоже, был слишком счастлив, чтобы обращать

внимание на подобные мелочи. А если он и думал об этом, то как об очередном захватывающем приключении или таинственной загадке, которую ему предстоит разгадать.

— Да, я конечно об этом думал и, сдается мне, что это во всей нашей истории самое интересное, — начал Ян с энтузиазмом. — Дея, ведь мы сироты, мы никогда не знали своих родителей. Нас обоих просто оставили у дверей интерната, подкинули. И это все, что нам известно. Я не удивлюсь, если Багорт окажется нашей истинной родиной.

— Твоя фантазия поистине не имеет границ.

— Но ты не можешь отрицать, что тоже не вполне обычна! — не унимался Ян. — Ведь не многие могут собирать эти дурацкие фрукты, они ведь не всем в руки даются, верно?

— Ян, тебя заносит. Мы просто адаптируемся к этому месту, вот и все! — настаивала Дея. — Когда Вайес вел меня к стене, он говорил, что не все жители Багорта родились тут, но в конечном итоге оставшиеся становятся частью этот места и со временем перестают отличаться от остальных. А тем, кому не пройти адаптацию самостоятельно, помогает пространство за стеной. Понятно тебе, фантазер?

Дискуссию друзей прервало появление Маюн. Она показалась над верхушками деревьев и плавно приземлилась на их ветку. Ян, молча усадил Дею на спину птицы и, устроившись у нее за спиной что-то крикнул Маюн.

Они хранили молчание, делая вид, что раздражены, но на самом деле это было не так. Такие разные они удивительным образом дополняли друг друга. Авантюрист Ян и рассудительная Дея понимали, что не смогут жить порознь. Ян не выпутался бы без нее и из половины своих бестолковых злоключений, а ей без него стало бы смертельно скучно.

Маюн облетела весь лес и Дею поразили его колоссальные размеры. Такой необъятный, с плотно сомкнутой кроной деревьев, он казался неприступным, призванным охранять что-то. Лишь озеро Лад светилось будто драгоценный камень в лиственной оправе. Оно, несомненно, было сердцем леса, его главным украшением и чувствовалось, что там кипит жизнь. Но разглядеть какая именно Дея не успела, Маюн летела слишком быстро и вскоре они уже кружили над лысой горой, как ее называли местные. С небес вид на эту гору был особенно прекрасен, потому как открывалась ее главная особенность, а именно загадочный спиралевидный узор. Казалось, будто гранит и мрамор расплавили и неравномерно перемешали, а рисунок потом так и застыл.

Маюн покружила над лысой горой, дав возможность получше

рассмотреть ее диковинную красоту и помчалась дальше к полям вполне себе обычного изумрудного цвета, только вот эти на первый взгляд ничем не приметные поля тоже были на редкость сказочными. Вся их площадь оказалась усеяна движущимися точками, и большинство из них стекались к сверкающей золотой ниточке.

— Что это там внизу? — воскликнула завороженная Дея.

— Дикие кони пасутся на Лимонной реке, — ответил Ян, и Маюн стала медленно снижаться.

Точки начали вырисовываться в силуэты, и скоро Дея уже могла разглядеть изящных, тонконогих лошадей такого же лимонного цвета, как и река, у которой они паслись. Некоторые особо крупные были в серое яблоко с гривой желтого оттенка.

— Те, что покрупней — жеребцы, — пояснил Ян, — они только на закате такие красивые, днем они белые, а река, ничем не отличается от Невы. Но как только солнце начинает садиться, она окрашивается в его золото и кони вместе с ней.

Картина действительно была на редкость удивительная. Яркий блеск реки в закатном солнце и великолепные скакуны, задирающие свои головы с развивающимися на ветру гривами, они дружно били копытами, как бы приветствуя летунов.

— А что за необычное захоронение на том берегу? — спросила Дея, заметив странные очертания теней с другой стороны реки.

— Какое еще захоронение? — удивился Ян.

— Да вот же на другом берегу, — пояснила Дея, указывая рукой на пустое поле.

— Но там ничего нет! Там и стада — то не пасутся никогда.

Небольшое поле, поросшее чертополохом и полынью, за рекой оказалось довольно унылым, наверное, потому что было ничем не примечательно и упиралось во вполне себе обычный, чахлый лесок. Он казался таким же безжизненным и пустым, как и само поле. Но не для Деи. Она видела, как в зарослях трепещут и колышутся на ветру жуткие, призрачные могильные плиты, окружающие такой же зловещий полупрозрачный склеп. А в лес уходила почти разрушенная колоннада с кое-где сохранившимися капителями.

— Я бы тоже не стала пастись на кладбище, будь я кобылой, особенно такой как эти, — отвечала она, завороженно глядя в сторону склепа.

— Если там и есть какие-то захоронения, то они видны лишь тебе, — глухим голосом протянул Ян.

— Спроси у Маюн, она-то уж должна знать, что это.

Ян склонился к птице, и они заурлыкали на ее птичьем языке.

Деи показалось, что разговор их становился тревожным. И вот Маюн резко развернулась и, стремительно набрав высоту, понесла друзей прочь от этого места.

Дея поняла, что это недобрый знак — ее видение чем-то встревожило Страж-птицу.

Всю обратную дорогу они летели молча.

***

В замок вернулись довольно быстро: Маюн не кружила над полями и почти не снижалась, так что Синий лес превратился в темное пятно, а озеро лишь сверкнуло маленькой точкой. Она неслась стрелой к глыбе замка, светившегося белизной на фоне уже потемневшего неба. Только однажды она замедлила полет, когда их окружила стайка крошечных птичек, щебетавших на все лады. Маюн что-то коротко им проклекотала, и они стремительно помчались вперед, опережая их.

Приземлившись на том же месте, откуда они начали свое путешествие, друзья прислушались. Неподалеку раздавались торопливые шаги.

— Это должно быть Вайес, а с ним, наверное, лекарь, — пояснил Ян, уловив настороженное выражение на лице Деи. — Маюн послала гонцов в замок, чтобы они передали Вайесу ее просьбу подняться.

Шаги тем временем приближались, и вот в проеме показался глава Мрамгора, а за ним и лекарь.

— Добрый вечер, мои дорогие, — чуть запыхавшимся голосом поприветствовал всех Вайес, лекарь только кивнул. — Прими мои поздравления, Ян! — Верховный Хранитель протянул к нему обе руки и заключил в них внушительных размеров пятерню Яна, легонько тряхнув ее. — Маюн избавила тебя от рассказа о самом себе. Поздравляю, поздравляю, мой дорогой друг, церемония посвящения в Сагорты будет назначена на следующий месяц.

— Я… я… — начал было ошарашенный Ян, но лекарь остановил его.

— Все, что необходимо Маюн нам уже сообщила. Она утверждает, что проверила тебя по всем пунктам и у нее не осталось никаких сомнений. Тебе, конечно, еще очень и очень многому предстоит научиться, но главное, что в твоих жилах течет кровь Сагорта, Маюн в этом абсолютно убеждена. Ты настоящий дар для Багорта! Сагорт Тоил уже совсем стар и ему тяжело подниматься в башню, не говоря уже о том, чтобы летать. Его сын погиб, а дочь не унаследовала гена. Сама Хора послала нам тебя! — и лекарь тоже принялся судорожно трясти руку Яна, от чего тот сильно смутился. От Гория, всегда такого сдержанного и даже, пожалуй, суховатого, он не ожидал такой реакции.

— Но есть и еще одна новость, не столь радостная, верно? Что так встревожило тебя? — обратился Вайес к Маюн.

Птица легонько ткнула замечтавшегося Яна и тот, очнувшись от грез, стал поспешно переводить.

— Маюн показалось важным, что Дея может видеть то, что видеть не полагается, — расшифровывал Ян птичье урлыканье. — Она узрела на лимонной реке захоронения древних Ведов.

— В самом деле? — Вайес развернулся к Деи и, склонив голову на бок, вопросительно уставился на нее.

— Да, — ответила она.

— Интересно… — протянул он и, уперев тонкие пальцы в подбородок, принялся медленно расхаживать взад и вперед. — У тебя есть соображения на этот счет? — обратился он к Маюн.

— У меня может быть только одно соображение, — перевел Ян, — у нее в крови магия. И не только лесная.

— Странно, весьма странно. Не думаешь ли ты, что она может быть Ведуньей?!

— Не знаю, — делилась своими соображениями Маюн, — я не уверена, что она сможет творить ворожбу, она ведь выросла в чужом мире, а Ведов учат с детства, но… — помедлив, Маюн продолжала, — она видит чужую. С ее кровью что-то не так.

— Да, ты права, Маюн, — размышлял вслух Вайес, — смотреть сквозь чары может лишь тот, в ком они есть. Это все усложняет.

Дея предпочла не вмешиваться в разговор о материях, смысл которых был ей не вполне ясен. Она изо всех сохраняла спокойствие, делая вид, что обсуждаемое не имеет к ней ни малейшего отношения, просто слушала, стараясь не делать никаких предварительных выводов. Зато Ян, потрясенный своим стремительным взлетом и желавший для подруги не меньших успехов, не мог скрыть переживаний из-за неопределенности ее положения.

— Отчего вас так удивляют ее ведические способности? — недоумевал он, — мои у вас шока не вызвали, скорей, наоборот.

— За стеной она проявилась не как Ведунья, — пояснил лекарь. — Да и последующая ее деятельность говорит о совсем иных талантах!

— Разве человек не может обладать несколькими способностями одновременно? — удивился Ян.

— Способностями может, — мягко пояснил Вайес. — Человек может обладать массой талантов одновременно. Быть превосходным наездником, чудесным музыкантом, готовить наивкуснейшие кексы и составлять карты увиденной однажды местности по памяти. Но то, чем наделены вы с Деей, не простые

способности — это гены и передаются они только наследным путем. Проще говоря, мои дорогие, в вашем генеалогическом древе были люди, наделенные даром, которым теперь обладаете и вы.

— Но разве у Деи в родне не могло быть и Волхвов, и Флорвиков, ведь на них вы намекали, говоря о ее проявившихся способностях? — не унимался Ян.

— Ребенок не может унаследовать все способности разом, — декламировал лекарь, садясь, по-видимому, на своего любимого конька, — чья кровь сильнее, та и возьмет верх. Иначе говоря, ребенок наследует только один ген. Это очень и очень сложная материя, мы и сами не всегда понимаем, как наследуются гены. Ты ведь уже знаешь, что у Хранителей иногда рождаются вполне обычные дети? Это может происходить, если один из родителей был простым человеком, кровь людей также может быть весьма сильной. Но гены с разной магией не совместимы и еще не было ни одного представителя опровергнувшего эту теорию. Дея действительно имеет прямое отношение к Флорвикам. То, что она видела за стеной и ее работа, которой она так увлеченно предается в саду замка, об этом свидетельствуют, — закончил лекарь тоном, не терпящим возражений.

После недолгой паузы Маюн подала голос, и Ян поспешил перевести.

— Вы не думали, Господин, что какой-нибудь недобросовестный кудесник мог использовать ее в своих целях?

— Да, Маюн, твои пугающие догадки и мне пришли на ум, — признался Вайес.

— Такие незаурядные способности могут быть следствием кровного заклятия, — загробным голосом протянул лекарь, тут же закусив губу.

Вайес ушел в свои мысли, уставив немигающий взгляд на проклевывающиеся в небе звезды, Горий принялся изучать кладку на смотровой площадке, Маюн, склонив на бок голову, выжидающе смотрела на своего Господина, а перепуганный Ян пытался усмотреть на застывшем лице Деи хоть какое-то выражение. Он не вполне понял смысл диалога, но что-то подсказывало ему, что с его подругой приключилась темная и, вероятно, очень скверная история.

— Может быть вы будете любезны и растолкуете мне о кровном заклятье подробнее? — заговорила, наконец, Дея, от чего все немедленно встрепенулись.

— Некоторые заклятия требуют участия простых людей. Веды иногда используют нас как сосуды для хранения чего-нибудь ценного. То, что они прячут, конечно, не материально. — Вайес

говорил медленно, не сводя глас со звезд. — Для того чтобы иметь связь с этим человеком, нужен несложный ритуал. Вед жертвует сосуду свою кровь, а взамен берет его. Но это запрещено законом и карается смертной казнью, — глава Мрамгора оторвался от звездного неба и резко развернулся к девушке. — Дея, вас могли связать с Ведом еще в раннем детстве. Не думаю, что утрата родителей в столь юном возрасте случайность, — на секунду он задумался. — Хотя, вас могли выбрать как раз потому, что некому было за вас заступится. Выяснить это теперь будет чрезвычайно сложно, но, так или иначе, Вед, с которым вас предположительно связали, все еще жив.

— Почему вы так думаете? — спросила Дея.

— Я не настолько хорошо разбираюсь в ворожбе, но, если мне не изменяет память, связь распадается в том случае, если один из связанных умирает, — Вайес посмотрел на Дею с невероятной нежностью и тревогой. — Но, моя дорогая, не будем делать поспешных выводов, это одно из объяснений, найдутся и другие. Горий, необходимо проверить наше предположение, — обратился Вайес к лекарю.

— Чтобы это проверить, нужно связаться со жрецами, — отвечал тот.

— Правильно, соберем совет, — предложила Маюн.

— Вы совершенно правы, нам в этом сложном вопросе не помешают разъяснения самих жрецов. И, тем не менее, с большим советом я бы пока повременил. Если мы не найдем талантам Деи другое объяснение и если в этой истории действительно замешаны Веды, то они уже знают о провале их мероприятия. Не будем забывать, откуда и при каких обстоятельствах попали к нам наши новые друзья. После произведенных таинственным нарушителем или нарушителями манипуляций, по-видимому, чрезвычайно сложных, ребята все-таки сбежали от стражников кольца. А жрецы по-прежнему не заявили о том, что кто-то пробил брешь в их защите, а потом беспрепятственно покинул их неприкосновенную территорию. Мы не знаем, кто может за этим стаять, а цель, ради которой Вед пошел на преступление, вряд ли благая. То, что стражники не заявили старейшинам о вашем визите в их святыню, может свидетельствовать о заговоре. Все это время я ждал от жрецов официального заявления о вторжении, но теперь я убежден — они вообще не знают о случившемся. На прошлом совете я утаил тот факт, что вы попали на границу Мрамгора через кольцо Ведов и, если вы помните, я также утаил и то, откуда вы прибыли, опасаясь паники со стороны граждан.

— Но как же мы все выясним, если вы боитесь сказать правду

о том, что мы осквернили их святыню своим присутствием? — сокрушался Ян. — Ведь если Дею действительно использовали как сосуд, ей может сильно навредить то, что в ней спрятано! Почему нельзя просто спросить у ваших чародеев, у кого-нибудь, кому вы больше всего доверяете.

— Нет, Ян, — вновь неожиданно для всех вступила в диалог Дея, — если я правильно поняла, когда ты рассказывал о мощи и неприступности Багорта, ты говорил, что здесь собраны основные, но далеко не все силы Ведов. А также ты говорил, что многие пытались его захватить.

— Да, — подтвердил Ян, понимая, куда клонит Дея.

— То, что во мне, возможно, спрятано, может оказаться оружием против Багорта, а не рассказавшие о нас тени, скорее всего, действительно в сговоре с злоумышленником. Если кто-то притащил нас сюда для своих целей, нам лучше держаться так, будто мы об этом и не подозреваем, — голос Деи стал металлическим, — настало время мне выйти из замка, Вайес.

— Что ты такое говоришь!? — взревел Ян. — Да после того, что мы узнали, я бы тебя вообще в сундук спрятал.

— Ага, и замок повесил.

— Нет, охрану поставил! Вайес, почему вы не возражаете ей?

Но глава Мрамгора на удивление Яна смотрел на Дею с благоговейным восторгом и горечью одновременно. Казалось, в нем происходит какая-то внутренняя борьба, он о чем-то сосредоточено размышлял или пытался принять решение, дававшееся ему с огромным трудом. Наконец, после долгой паузы он заговорил, обращаясь к одной Деи.

— Такая самоотверженность делает вам честь, моя дорогая. Я подозревал, что ваше сердце столь же благородно, сколь и весь ваш облик, — прошелестел Вайес извиняющимся, как показалась Яну, тоном.

Секунду помедлив, он обратился к Яну.

— А сейчас, мой друг, я попрошу вас проводить Дею в ее комнаты, ей необходимо выспаться и еще раз все хорошенько обдумать. Такие важные решения необходимо испытывать сном. Порой на утро они начинают казаться нам ужасно безрассудными. — Он погладил Дею по плечу и тихонько прибавил, — жду вас завтра к обеду у себя, Ян проболтался мне, что вы любите черничный пирог. Я попрошу приготовить его специально для вас.

Все распрощались, и Ян повел подругу, как и велел Вайес в ее комнаты. Дея шла немного впереди, не следя за дорогой, вовлеченная в свои мысли.

— Что ты задумала, Дея? — спросил Ян.

— Точного плана у меня пока нет, но я намерена выяснить, что за шутник вздумал использовать меня как пустой горшок! — гневно прошипела она.

— Но ведь не известно наверняка, что тебя связали с кем-то кровным заклятьем.

— Значит, пора выяснить, что здесь затевается и как мы к этому причастны.

— Но, Дея! — взмолился Ян. — Это опасно!

— С каких это пор тебя беспокоит степень опасности наших мероприятий?

— Всегда беспокоила! — не унимался Ян. — Одно дело мои чудачества и совсем другое — ты.

— Как ты не понимаешь, Ян, даже если бы я не была впутана в эту историю, она все равно может мне навредить. Опасность может грозить всему Багорту, а Вайес все равно не в силах вернуть нас обратно. Ведь мы не знаем ничего. Может, это очередное вторжение в Багорт, тогда пострадают многие. А я не хочу быть оружием в чьих-то руках.

— И что ты намерена предпринять?

— Я же уже сказала, пока не знаю. Но, думаю, пора выйти из укрытия и посмотреть, не зашевелятся ли наши темные лошадки. Ты ведь теперь Сагорт, а Сагорты всегда стояли на защите Багорта, пора тебе взвалить на плечи бремя дара.

— Дея, ты хочешь взять на себя роль приманки? — растягивая каждое слово, произнес Ян.

Ошарашенный своей догадкой, он с силой развернул ее к себе лицом и, вцепившись в ее тоненькие плечи, уставился немигающим взглядом.

— Вайес советовал выспаться, — произнесла спокойно Дея, мягко высвобождаясь из цепкого дружеского плена, — не знаю, как ты, а я воспользуюсь его советом.

— Нет, Дея, я не хочу оставлять тебя одну, — взмолился растерянный Ян. — Разреши мне остаться у тебя. Я устроюсь в каминной на диване.

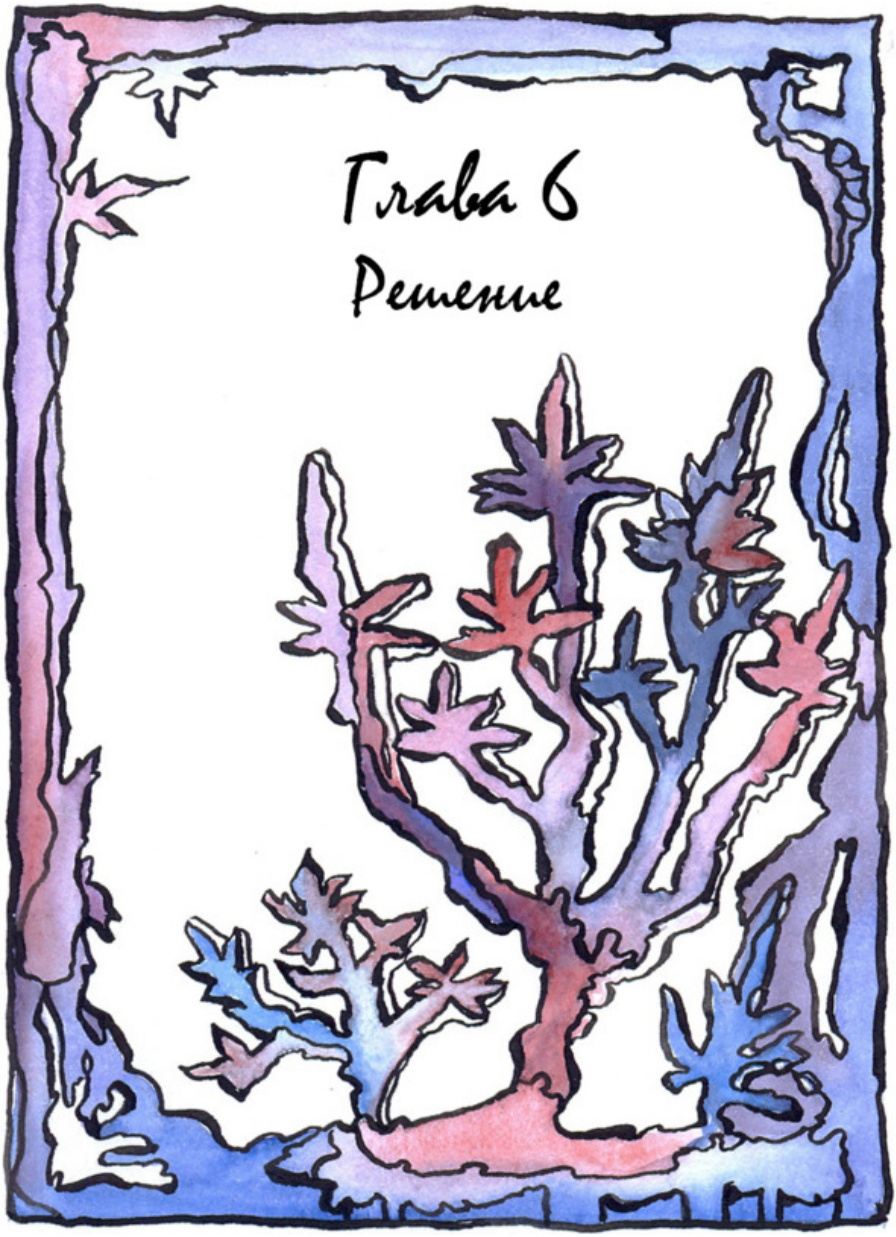
— Ян, замок хорошо охраняется, а если бы мне потребовалась дополнительная защита, Вайес наверняка приставил бы к моим комнатам стража. К тому же тебе и самому надо быть в хорошей форме, а беспокойный сон на диване не способствует полноценному отдыху.

Они остановились у дверей ее комнат. Дея потрепала его волосы привычным жестом и Ян, облокотившись от бессилия о стену, посмотрел ей в глаза, мысленно умоляя передумать.

— Спокойной ночи, — прошептала она тихо и сделала то, чего раньше не делала никогда — сжала его ручищу в кулак

своими хрупкими пальчиками и нежно поцеловала костяшки его пальцев.

Не успел Ян очнуться, как она уже скрылась за дверью. Он постоял еще несколько минут у ее комнат, разглядывая свои руки отсутствующим взглядом, потом поднес их к губам, пробубнил что-то бессвязное и побрел к себе.



Решение

Было около полудня. В залитой солнцем спальне Дея сидела у огромного зеркала в чугунной раме и расчесывала свои длинные волосы. Это занятие всегда помогало ей сосредоточиться. Медленно проводя щеткой и распрямляя янтарные кольца волос, она смотрела вперед, но, казалось, не видела своего отражения в зеркале, взгляд ее был застывший, и только легкая складочка на переносице выдавала активный мыслительный процесс.

Вчерашние события вновь потревожили почти устоявшийся порядок. Всю ночь она проворочалась в постели, пытаясь призвать сон как спасение от мозгового штурма, но заснула только под утро. Беспокойная дрема не дала ей облегчения, скорее, напротив, посеяла еще большую смуту в голове.

Странный сон, пригрезившийся ей уже на рассвете, окончательно выбил девушку из равновесия. Его нельзя было назвать кошмаром, в нем не происходило ничего особенно ужасного, но пробудилась она в совершенно расстроившихся чувствах.

Уцепившись за это ощущение и пытаясь восстановить в памяти подробности этого сна, она с досадой признала, что, как и большинство сновидений, сегодняшнее стремительно растворилось сразу после пробуждения. А все его события уже успели перемешаться, превратившись в нестройную повесть.

Дея запомнила только то, что снился ей ее интернат. Она сидит в маленькой библиотеке за кипой каких-то пыльных книг, наводящих на нее тоску, что уже само по себе было странно, потому что книги Дею редко заставляли скучать. И вот она засыпает в собственном сне и чудится ей (как это во снах часто случается) неведомая параллельная реальность и в этой скрытой от посторонних глаз действительности спрятана девочка, особенная чем-то девочка, но чем именно, Деи не ясно. Она только знает наверняка (как и полагается во сне), что имеет к этой девочке какое-то отношение. И вот они теперь вдвоем ходят по лабиринтам этого странного места.

Сколько продолжались их мытарства, Дея так и не вспомнила, может, день, а может и неделю, но не это было важно в том сне. Важными были голоса, она слышала их доносящимися откуда-то издалека. Голоса принадлежали двум мужчинам, они спорили о чем-то и у Деи сложилось впечатление, что предметом их спора была блуждающая с ней в лабиринте девчушка.

Дея мучила себя, заставляя вспомнить, что именно говорили те мужчины, потому что это было очень важно. Но в тот момент, когда ей показалось, что она вот-вот вспомнит, в дверь постучали.

— Войдите, — с досадой крикнула она.

Поступь Яна она узнала сразу. Он зашел в спальню и остановился на пороге, оперевшись о наличник.

— Тебя опять посетил мозгоклюй во время утреннего туалета? — улыбаясь, поинтересовался он.

Дея развернулась к нему и вопросительно приподняла бровь. Он подошел, мягко высвободил щетку из ее рук и принялся сам расчесывать ее ужасно спутанные волосы.

— Пора бы уже понять, Дея, я знаю все твои повадки наизусть, как впрочем, и ты мои, — говорил он, пытаясь распутать пряди. — У тебя расчесана только одна прядь, а все остальные даже не тронуты.

— И правда, — улыбнулась она, изучая отражение в зеркале. — Плохо спала, ворочалась, ерунда всякая снилась, — она на секунду задумалась, а потом неожиданно для самой себя выпалила. — Знаешь, мне иногда кажется, что мы все на самом деле спим и видим сон или не сон, а чью-нибудь фантазию, не нашу собственную, а чужую! Понимаешь?

— Честно говоря, не совсем, — протянул Ян, с бестолковым видом уставившись на подругу.

— Да, ты прав, глупости, — пробормотала она поспешно. — А тебе удалось выспаться? — Спросила она небрежным тоном.

Ян отмахнулся от ответа, ему не хотелось говорить, что всю ночь он просидел на кровати, разглядывая костяшки своих пальцев. А на утро обнаружил себя на полу, свернувшегося калачиком и накрытого стянутой с кровати подушкой.

Он знал, что нечестно скрывать от Деи ту метаморфозу, которая приключилась с его братской любовью, когда она из нескладной, конопатой худышки стала превращаться в царственную лебедь. Все жизненные основания снесло новой волной, производя непостижимую и непоправимую уже замену одних желаний и стремлений на другие.

До того как они попали в Багорт, Дея была его единственным другом, единственным родным человечком в чужом, как ему всегда казалось, мире. И он даже не сразу осознал, что стал любоваться ею как-то иначе, не так как прежде. Ее бело-золотая, прозрачная, несовершеннолетняя красота медленно завладевала им. Он дышал ее ароматом — тонким, яблочно-сладковатым, едва уловимым и от этого еще более желанным. Аромат этот прятался где-то в янтарной пышности ее волос. Таясь и смущаясь, Ян впитывал в себя этот яблочный дурман, пьянея и впадая

в зависимость от него.

Вскоре ее спеющий сок стал наркотиком для него, он словно алкоголик крался ночью по кухни в поисках красных, налитых жизнью плодов, чтобы вдыхать их, сравнивая с ней. Но яблоки были лишь суррогатом, несравнимым с ее юным благоуханием. Ян и опомниться не успел, как понял, что произошло непоправимое — он влюбился в подругу, которую знал с младенчества и всегда считал сестрой. Влюбился по юношески — неуклюже, стыдливо, отчаянно.

Он старался думать о ней как прежде, но когда она сидела перед ним, окутанная полуденным солнцем, в одном тоненьком пеньюаре, он при всем желании не мог видеть в ней сестру. Вот только признаться в этом было мучительно стыдно и Ян тянул, тянул и тянул и чем дольше он это делал, тем сложнее было решиться на признание. Он все чаще воображал, что как только откроется, она чего доброго подумает, будто он специально скрывался, чтобы она не таилась от него, и он мог беспрепятственно любоваться ее прелестью, как и прежде.

Глупость, конечно, Дея слишком умна, чтобы подумать, что это могло быть единственной причиной, по которой Ян так долго скрывал свои подлинные чувства к ней. И все же, наряду с хороводом других мыслей эта казалась не такой уж и нелепой.

Естественно, главной причиной был страх потерять ее. Ян видел, что она привязана к нему и может даже любит, но, скорее всего, как брата, и если он откроется ей, то все может рухнуть в одночасье. Он больше не сможет смело смотреть ей в глаза, расчесывать как сейчас ее волосы, кружить и переносить через лужи на руках. А она не обовьет больше своей тонкой ручкой его шею, не потеребит его непослушные волосы. Она даже вряд ли возьмет его за руку, потому что будет знать, что для него это теперь значит нечто иное.

Сможет ли она остаться ему другом или замкнется и уйдет в себя? Словом, Ян не хотел терять ту гармонию и легкость, которая была меж ними всегда, поэтому и молчал.

— Помнишь, как в детстве мы прятались от нянек в заросли репейника, а я потом вычесывал его из твоих волос? А однажды они так спутались, что пришлось отстричь целую прядь, — углубился Ян в воспоминания.

— Да, я еще тогда проревела весь вечер, а ты сказал, что даже с такой паклей на голове я все равно самая красивая девчонка в интернате.

— Знаешь, при всей этой путанице, которая сейчас с нами происходит, мне не хотелось бы возвращаться в детство, — проговорил Ян, запинаясь.

Дея посмотрела на его отражение в зеркале, но ничего не ответила.

— Нет, ты не подумай, что в детстве не было ничего хорошего, — поспешно заговорил Ян, опускаясь перед ней на колени и хватая ее руки. — Было! Но оно и сейчас со мной. Там, в другом мире я чувствовал себя каким-то чужим, неприкаянным. Вспомни, у нас не было друзей, нас все сторонились, даже тебя. Это всегда было для меня загадкой, ведь ты умела привлечь к себе внимание, но люди все равно побаивались тебя, не понимая почему. А с тех пор как мы попали сюда, я впервые чествую себя по-настоящему нужным. Мне кажется, я становлюсь чем-то большим. Я ощущаю себя частью чего-то очень важного, понимаешь? — Он по-прежнему держал ее руки в своих, пытаясь увидеть в ее лице радость, но Дея молчала. — Тебе кажется, что ты и здесь чужая? — спросил он, ощутив испуг.

— Нет, Ян, не кажется, — отвечала она, мягко высвобождаясь, чтобы встать с пуфа и одеться к обеду, — но я и там не воспринимала себя чужой. Может, потому что у меня всегда был ты, а на других я и внимания-то особо не обращала. К тому же в том мире была своя прелесть, хотя теперь я понимаю, что без здешнего обилия зелени, я чахла. Она делает меня более живой, к тому же замок Мрамгора лучше любого музея, а Сив иногда играет в саду на флейте, да и ты как прежде рядом. Так что нет, я не чувствуя себя здесь чужой, просто я не умею осваиваться на новых местах с твоей феноменальной скоростью.

Взяв с плетеного кресла небольшой сверток и извлекая из него платье нежного винного цвета, она напомнила Яну, что ему было бы неплохо отвернуться, пока она будет переодеваться.

Он поспешно поднялся и скрылся в каминной, позволив подруге спокойно одеться, а заодно избавив себя от соблазна повернуться в самый неподходящий момент.

С минуту из спальни доносилось шуршание плотного шелка, затем в проеме показалась расстроенная Дея в мешковато сидящем платье.

— При первой попытке Вайеса одеть меня по здешней моде, он забыл про обувь. На помощь тогда пришел Горий. Нет, я не жалуюсь, без туфель я как-нибудь справилась бы, но о чем он думал, когда отсылал мне этот наряд? — сокрушалась Дея.

— Наверное, он подумал, что приличной девушке негоже ходить в одном и том же платье, — предположил Ян.

— Но у меня уже есть два платья.

— Видимо, он посчитал, что ты достойна третьего, — Яна почему-то забавляло негодование подруги из-за какого-то

платья. — А чем оно тебя не устраивает?

Платье, и правда, было невероятно красивым; из плотного шелка, как и все наряды, которые здесь носились оно было Деи до пят, лиф и рукава расшиты цветочным орнаментом, но вот шнуровка, располагавшаяся на спине, спускалась непростительно низко.

— Как я, по его мнению, должна облачаться в это великолепие без посторонней помощи?! — восклицала Дея, поворачиваясь к Яну не зашнурованной спиной. — Он конечно говорил мне, что ничего не смыслит в женских нарядах, но чтобы до такой степени!

Ян почувствовал, как его щеки наливаются краской, жилка на виске запульсировала и все поплыло в каком-то удушливом тумане. Он поспешил перевести взгляд на подушки, разбросанные на диванчике.

— Я… — промямлил он в нерешительности. — Я сбегаю за Вилой, она зашнурует это… его… — растерянно бормотал он.

— Не говори глупостей! Гонять пожилую женщину в башню из-за такой ерунды. Потом попрошу ее немного перешить его, а сейчас, надеюсь, и ты как-нибудь справишься, — она посмотрела на Яна, поражаясь его нерешительности. — Ну что ты встал как вкопанный, я зря в него втискивалась что ли? Помоги же мне.

И Яну ничего не оставалось, как подчиниться. Не сознаваться же подруге в причине своего замешательства, такое признание поставит ее в дурацкое положение.

Раньше он с трудностями подобного рода не сталкивался. Свою прежнюю одежду Дея одевала самостоятельно и его взору не представала ее полуприкрытая поясница с тех пор, как она превратилась в объект вожделения.

Трясущимися пальцами он кое-как зашнуровал ее платье и поспешил проводить к Вайесу. С момента его появления в Деиной комнате прошло уже больше часа, и теперь они едва поспевали к обеду. Прежде Яна расстроило бы то обстоятельство, что Вайес пригласил Дею без него, но сейчас он хотел поскорей сбежать в сад и опустить голову в фонтан. К тому же его ждали занятия с Маюн, Страж-птица, судя по всему, решила, во что бы то ни стало, сделать из него лучшего наездника во всем Багорте.

* * *

— О, моя дорогая, я так рад, что мой скромный подарок пришелся вам впору. Этот благородный цвет молодого вина так выгодно подчеркивает золото ваших волос, — рассыпался в любезностях Вайес, приветствуя свою гостью.

— Я благодарю вас за внимание, — смущенно отвечала

Дея, — но я едва ли стою такого щедрого подарка.

Вайес, хитро улыбаясь, посмотрел на Дею, слегка склонив голову.

— Милое вы мое дитя, вы даже не догадываетесь, чего можете стоить, — загадочно промурлыкал хозяин кабинета, приглашая даму к уже сервированному столу. — А мои скромные дары можете считать прихотью уже не молодого человека, так и не обзаведшегося семьей и желающего побаловать двух юных созданий, лишившихся в детстве родительского внимания, — говорил он, пододвигая Деи стул. — Очень рекомендую вот этого расстегая, готов поклясться ничего вкусней стряпни тетушки Ведары вы еще не пробовали, — и Вайес ловко подцепил добрый кусок этого блюда, поместив его на тарелку Деи.

«Да, в галантности ему не откажешь», — подумала про себя девушка, отметив, что такое внимание ей невероятно льстит, но тут же устыдилась этого.

— Вы знаете, Вайес, я вот о чем сегодня думала, — начала она неуверенно. — Вы вот недвусмысленно намекаете, что относитесь к нам с Яном как к своим подопечным и всячески благоволите нам, а что если мы не друзья Багорту? Что если нас прислали сюда как шпионов.

— Ну конечно, моя дорогая, я думал об этом, потому и не отпускал вас от себя. Я хотел присмотреться к вам. Если вы помните, я уже говорил, что все кто попадает в Багорт, рано или поздно становятся его частью.

— Говорили, — согласилась Дея.

— Ну вот я и ждал проявления ваших истинных сущностей. Но должен признаться, что Ян превзошел все мои ожидания, — Вайес разлил по бокалам ароматное розовое вино и протянул один бокал Деи. — Вы, наверное, уже в курсе, что Багорт не единственный континент на Хоре. С нами соседствуют еще три. С двумя из них мы в дружественных отношениях, а вот третий настроен к нам весьма враждебно, — Вайес встал из-за стола и принялся расхаживать с бокалом вина по кабинету. — Думаю, причиной тому массовое переселение Ведов в Багорт. К ним повсюду относятся без должного уважения, — быстро проговорил он, видимо, решив, что необходимо уточнить, что переселение было добровольным и заморских чародеев никто не пытался переманить на свою сторону хитростью. — Вот они и предпочли жить здесь. Мы с большим уважением относимся к их мастерству и даже дали им место в большом совете. Там они были изгоями, здесь же стали почитаемыми гражданами.

— Да, я припоминаю, Ян говорил, что Веды живут и на других континентах, но их основные силы сосредоточены

в Багорте. Он вообще сказал, что такая оборонительная сила как ваша другим континентам и не снилась.

— Да, — протянул Вайес и уставился в свой бокал, — наша оборона действительно превосходит любую другую и мы по праву считаемся одним из самых непреступных континентов, но лишь потому, что нас слишком часто пытались захватить, и мы научились защищаться. Сама природа встала на нашу защиту, породив Хранителей. Я глубоко убежден, что вы связаны с Багортом гораздо теснее, чем представляете, — он выжидающе посмотрел на Дею.

— Вы знаете, не далее часа назад Ян говорил мне, что чувствовал себя там, где мы выросли чужим, а в Багорте отыскал призвание.

— И он совершенно прав, — подхватил ее мысль Вайес. — Хранитель — это призвание и даже если бы кто-нибудь пожелал от него уклониться, то не смог бы. Недаром Ян так ревностно оберегал вас все эти годы. Он стремится охранять Багорт и все, что с ним связано, это у него в крови. А там единственной частичкой Багорта были вы, Дея.

Девушка ошарашено смотрела на Верховного Хранителя. «Неужели безумные предположения Яна о том, что они могли родиться в Багорте и в самом деле правда?» — думала она.

— Я понимаю, что такое заявление шокирует кого угодно, но я все же подозреваю, что мои догадки верны и думаю, в ближайшее время они подтвердятся.

Дея по-прежнему сидела с чуть приоткрытым ртом и застывшей в руке вилкой. Она думала только о том, чтобы не начать сыпать вопросами, а позволить Вайесу самому приводить доводы в защиту своей невероятной теории.

— Видите ли, — продолжал тот, как ни в чем не бывало, — Хранители, так почитающиеся простыми жителями Багорта и справедливо заслуживающие это почтение, являются гордостью Багорта и только его. Ни один другой континент не имеет такой защиты, Хранители рождаются только на этой части суши. Но если они попадают в другой мир, их способности не проявятся там в должной мере. Рожденный Хранителем может им стать только здесь — в самом Багорте.

— Вы хотите сказать, что Ян родился здесь, а в младенчестве его кто-то похитил? — дрогнувшим голосом спросила Дея.

— Совершенно верно, — с удивительным спокойствием подтвердил ее догадку Вайес. — Только мне думается, что вы оба родились здесь.

Бровь Деи медленно поползла вверх, становясь домиком. Конечно быть уроженкой Багорта было гораздо выгоднее, нежели

вторженкой, но девушка с юношеским упорством не желала мириться со столь кардинальными переменами. К тому же, не хотелось выглядеть предательницей родной Земли, вскормившей ее своими хлебами, пусть даже не такими сдобными как в Мрамгоре.

— Но что, если нас похитили в младенчестве специально, чтобы вырастить вдали от дома и воспитать в нас враждебность к Баготу? А потом вернули, чтобы мы втерлись к вам в доверие и нанесли удар изнутри. Такой сценарий вы не рассматриваете? — запальчиво заявила Дея, совершенно не задумываясь, что оговаривает себя, так ей хотелось развенчать теорию Вайеса.

— Нет, — отрезал Верховный Хранитель. — Вы невнимательно слушали, Дея. Защита Багорта у Хранителя в крови, он не в силах сопротивляться этому. Вспомните же, как Ян оберегал вас там откуда вы пришли! Даже в чужом мире, там, где его дар не мог раскрыться, он оставался верен той частичке Багорта, которая всегда была в вас. Он умер бы за вас, если понадобилось бы. И наши недруги знают об этой особенности Хранителей.

Страшное разочарование обрушилось на Дею, словно гигантская снежная лавина. Выходило, что Ян все это время просто как марионетка, которую гены дергали за веревочки, выполнял свой долг перед Багортом! И будь на ее месте другая девчонка или парнишка, да хоть собачонка, прихваченная отсюда он так же рьяно защищал бы и их.

Она сидела опустошенная не в силах пошевелиться и проклинала тот день, когда потащила Яна в дурацкий музей Бродского.

Послышался звон колокольчика и Дея вздрогнула.

— О-о-о! — воскликнул хозяин кабинета. — Это пирог принесли. Специально для вас, душа моя, — он поспешно открыл дверь, впуская уже знакомого Деи белокурого мальчугана, несущего огромное блюдо с черничным пирогом, источающим сладчайший аромат.

Вайес принял у мальчугана блюдо, а тот, бросив украдкой любопытный взгляд на Дею, шмыгнул в дверной проем. Поставив на стол угощение, глава Мрамгора посмотрел на поникшую девушку своими проницательными глазами так, что она поежилась, затем отрезал кусок и протянул ей.

— Добавьте ложечку меда в ту бочку дегтя, которую я на вас опрокинул, — произнес он вкрадчиво. — У Яна действительно не было выбора, он не мог не быть вашим другом, — устало проговорил он, опускаясь в кресло у камина. — И я даже

подозреваю, что его избрали неслучайно. Его безоговорочная преданность Багорту должна была оказать службу там, куда вас отправили. Его отрядили на Землю качестве вашего телохранителя. Тот, кто это устроил, очень хорошо знал природу Хранителей. Вы, а точнее то, что в вас заключено, вероятно, представляет для этого человека или людей огромную ценность, раз они решились на двойное преступление. Но я не стал бы на вашем месте столь близко к сердцу принимать тот факт, что привязанность к вам Яна была предопределена. В конце концов, многие считают, что все в нашей жизни предсказано заранее, хотя я, если честно, поспорил бы с такими суждениями. Но, так или иначе, вы еще слишком юны, чтобы постичь всю сложность человеческих симпатий и привязанностей. Думаю, Ян все равно обратил бы на вас внимание, даже если бы вы выросли в Багорте, — Вайес лукаво подмигнул Деи, чем поразил ее не меньше, чем своими чудовищными догадками.

— Я правильно понимаю, что вы считаете меня уроженкой Багорта только потому, что Ян будучи оторванным от своего мира, выбрал в друзья именно меня, — спросила Дея, предприняв последнюю попытку разрушить доводы Вайеса.

— Вы забываете о том, что и сами наделены удивительными талантами — вы видите чужие чары, моя дорогая. И это неспроста.

— Но магов-кудесников во всех мирах хватает. Меня могли прислать, откуда угодно и поместить поближе к Яну, наложив какое-нибудь привлекающее заклятие.

— Вы пытаетесь усложнить и без того непростую ситуацию. Но не только Ян проявил свою принадлежность к Багорту, ведь вы неплохо справляетесь с обязанностями сборщика урожая, не правда ли?

— Да, но это всего лишь адаптация, только и всего. Для того чтобы обдирать деревья, не обязательно быть багортцем, — продолжала настаивать на своем Дея.

— Не обязательно, но я отказываюсь верить, что вы простая сборщица урожая. Убежден, ваш дар еще проявиться.

Повисла долгая, тягостная пауза, Дея слушала, как потрескивает в камине догорающее палено, понимая, что бесполезно спорить с человеком, прожившим в разы дольше нее и к тому же являющимся Верховным Хранителем. Как бы ей не хотелось оспорить природу привязанности ее лучшего друга, она должна была признать, что доводы Вайеса весьма убедительны. К тому же она не знает и десятой части того, что ведомо мудрому Хранителю о материях, в которых им теперь приходится разбираться.

— Хорошо, будем считать, что вы меня убедили, — начала Дея, вспомнив об истинной цели своего прихода, — и будем надеяться, я так же, как и Ян, не могу навредить Багорту. Но, вообще-то, я пришла к вам сегодня для того, чтобы сказать, мое вчерашнее решение неизменно. Я не меньше вашего хочу узнать, кто лишил нас с Яном детства в родном доме и для чего.

— И вы действительно намерены выйти за пределы сада? — Вайес смотрел на нее испытующе. — Что ж, я согласен с вами. Пора вам познакомиться с Багортом. К тому же, по моему глубокому убеждению, ваш дар проявится в полной мере за оградой нашего сада.

Вайес немного помолчал, обдумывая какое-то решение, затем встал и позвонил в колокольчик. Через минуту в дверях показалась белобрысая голова мальчишки. Хозяин кабинета что-то тихонько ему сказал и тот сгреб остатки обеда со стола.

* * *

Весь остаток дня Ян провел на изнурительных тренировках с Маюн, она заставляла его отрабатывать оседлывание прямо на лету. Несколько раз он падал, набив пару внушительных синяков и стер ноги, потому как пришлось снять тяжеловесные ботинки, причиняющие неудобства птице. Освободился он, когда уже стемнело и, не обнаружив Деи у себя, пошел искать ее в библиотеке.

Она переоделась в простое ситцевое платьице с цветочным узором и, склонившись над изрядно потрепанной книгой в кожаном переплете, машинально накручивала локон на палец.

Ян осторожно подкрался сзади и, перегнувшись через ее плечо, приподнял обложку, прочитав название — «История Мрамгора в картинах».

— Вот правильно, Дея, лучше пока изучай город дистанционно.

— Я изучаю историю Мрамгора, чтобы не производить завтра впечатление неграмотной провинциалки.

— Ты не отступишься, да? — спросил парень понуро.

— Нет, Ян, — отозвалась девушка. — Я, наконец, уяснила, что ты ни за что не вернешься на Землю, даже если нам представится такая возможность, а мне без тебя там делать нечего. Поэтому я должна разобраться как можно скорее в этой истории. Иначе я так и буду сидеть в своей башне, как Рапунцель, в ожидании таинственного освободителя, который разгадает все за меня.

— А почему бы и не посидеть, — ухватился за эту идею Ян. — Я выйду в город, отыщу этого шутника, а когда все разрешиться, ты спустишь ко мне свои прекрасные волосы, — и он зарылся

в них, вдыхая яблочный аромат.

Дея резко поднялась, захлопывая книгу.

— Как же ты не понимаешь, Ян! — прикрикнула она на друга. — Они ищут не тебя, а меня. И пока я прячусь за оградой замка, ничего не измениться.

Она поставила книгу на полку и стремительно выбежала из библиотеки, подбирая юбку. Ян нагнал ее уже на ступеньках в башню и преградил дорогу, упершись ладонью в стену.

— Пусти, — тихо и устало попросила она.

Ян боролся с противоречивыми желаниями. Ему одновременно хотелось схватить ее за плечи, вдавливая в каменную стену и в то же время легонько коснуться румяной щеки, ощутить атласистость нежной кожи. Но он не сделал ни того, ни другого, а просто стоял и смотрел, тяжело дыша. Дея тоже не могла отдышаться после подъема, и ее крохотные, девичьи грудки вздымались, натягивая лиф платья.

Ян задержал жадный взгляд на ее белой коже, сглотнул и хриплым голосом проговорил:

— Я зайду за тобой в десять, начнем знакомство с городом на торговой площади.

Дея устало кивнула и они разошлись по своим комнатам.

Глава 7

Ждана

Ждана

Добравшись до своих комнат, Дея нашла в себе силы только на то, чтобы стянуть платье и забраться в кровать. Как только она укуталась в мягкое одеяло и почувствовала крошечную, но все же защиту от всего окружающего ее безумия, она уснула.

Проспала всю ночь, не видя снов и не просыпаясь.

Ян, как и обещал, зашел за ней в десять. Она уже ждала его в каминной, облачившись в свое любимое платье с белым жемчугом, а волосы убрав в высокую прическу.

— Ты решила покорить всех жителей Мрамгора? — поинтересовался Ян, разглядывая подругу и вспоминая, как впервые увидел ее в этом наряде стоящую за стеной в обрамлении весенней зелени.

— Мой выбор оказался не велик. Шелковое платье я отдала на перешивку, а это, — она указала на скомканный повседневный наряд, валяющейся на кресле, — безнадежно измято. У меня вообще складывается впечатление, что Вайес думает, будто в интернатах выращивают принцесс.

— Почему?

— Как еще объяснить тот факт, что из трех платьев презентованных им, только одно пригодно для каждодневной носки и работы в саду.

Ян решил, что как только получит первое жалование, сразу же закажет Деи еще одно приличное платье для работы. По правде сказать, ему нравились и шелк, и жоржет, и даже парча, в которые нередко облачались дамы и девушки, жившие или бывавшие в замке. Но то были представительницы благородных и богатых домов, а их с Деей прежний дом, в котором они выросли, этим титулом похвастаться не мог. К тому же, знатные матроны не работали в саду.

Пока Ян во всех подробностях представлял Дею в новеньком лавандовом платье из тонкого сатина, девушка думала о том, что они впервые увидят город при свете дня, ступая по земле, а не рассекая облака верхом на Маюн. Мрамгор и страшил и манил ее одновременно. И она вряд ли ответила бы сама себе, чего в ней было больше страха или желания разобраться в событиях, навсегда изменивших ее жизнь.

Но когда за спиной Деи сомкнулись ворота, за которыми ее прятали больше месяца, она почувствовала облегчение. Самое сложное — это сделать первый шаг, выйти из укрытия, покинуть насиженное место или сделать нечто такое, что казалось невозможным. Впереди их с Яном ожидало много испытаний,

но самым трудным было решиться на них.

Ян досконально изучил город с воздуха и сейчас прекрасно ориентировался, проводя подругу по узким улочкам с одноэтажными домиками из того странного прозрачного материала, который в темноте они приняли за нечто одушевленное. При свете дня материал походил на стекло, только колышущееся на ветру. Располагались в таких домах мастерские, а полупрозрачными они были для того, чтобы конкурирующие между собой гильдии, отслеживали качество производимых товаров. Таким образом все мастера Мрамгора работали на высочайшем уровне, потому как дурная слава халтурщиков распространялась с поразительной скоростью.

Дея заглянула в один из таких домов и увидела, как дюжина мужчин сидя на низеньких скамеечках, ткут фрагменты огромной шпалеры, быстро перебирая пальцами. Картон с эскизом стоял здесь же неподалеку. Самым удивительным ей показалось то, что ткали они с изнанки, а лицевую часть сверяли с образцом, ориентируясь по отражению в зеркале, перед которым и сидели.

— Смотри, Ян, — притянула она друга к витрине, — какая у них необычная технология. Интересно, не проще ли ткать с лица?

Как только Дея озвучила свои мысли, так сразу же почувствовала на себе пристальный взгляд носатого мужчины в окулярах, напоминающих лупы. Она обернулась и как можно любезней улыбнулась чопорному господину, а тот с видом знатока не замедлил разъяснить невеже тонкости технологического процесса.

— Настоящему мастеру достаточно и отражения в зеркале. А ткут с изнанки, потому что так удобнее завязывать узелки. Когда каждый мастер соткет свой фрагмент, а затем их сошьют. Но у гильдии Берслава с этим всегда возникают проблемы, — ехидно заметил неприятный тип и поставил какую-то закорючку в своем свертке.

— Какие проблемы? — поинтересовалась Дея.

— Масштаб не совпадает! — ответил носатый тоном, которым озвучивают сметный приговор.

Дея поспешила отойти от витрины, понадеявшись, что не все жители столицы такие зануды.

Ян довел ее до конца узкой и не многолюдной улицы и они свернули на проспект. Широкий и светлый, он обрамлялся трехэтажными домами с балконами, витражными окнами и мозаичными вставками. Статуи Дея заметила лишь на одном здании, видимо, их могли себе позволить лишь самые богатые горожане. Зато башни с устремляющимися ввысь шпилями были

в избытке. В некоторых домах первый этаж занимали харчевни, в других цирюльни и аптеки, а в середине проспекта возвышалось четырехэтажное строение с величественным парадным входом и вывеской на козырьке — «Гостевая. Лимонная река»

Проспект был весьма оживленной частью Мрамгора, здесь кипела настоящая городская жизнь, бегали служащие с поручениями, прогуливались парочки и назначались встречи в чайных и харчевнях. Проходя мимо одной из них, Дея чуть было не споткнулась о бородатого мужичка в помятом костюмчике, он выкатился кубарем и пытался подняться на нетрезвых ногах. Ян помог бедняге принять вертикальное положение, и подвыпивший господин попытался его отблагодарить, но слова потонули в непрекращающейся икоте. Поспешив отделаться от назойливого мужичка, Дея потянула Яна дальше.

Проспект упирался в торговую площадь и чем ближе они подходили к ней, тем отчетливее доносились запахи; меда, специй, кофе и еще тысячи ароматов, некоторые из которых пытались заглушить благовониями. Торговая площадь оказалась не многим меньше центральной и насчитывала дюжины три магазинчиков и неисчислимое количество палаток. Организация была весьма продуманной; в самом начале находились палатки и магазины с украшениями, посудой, тканями, мехами и промечи роскошностями, предметы же первой и основной необходимости в число коих входили и продукты, располагались в конце, поэтому пока народ добирался до мясных и бакалейных лавок, их кошелки были уже изрядно потрепаны.

Живя в замке и лицезря его обитателей, если не нарядных то, по крайне мере опрятных и ухоженных Дея наивно полагала, что все жители Багорта выглядят так же. Но в рыночной толпе можно было встретить людей в засаленных робах и штопаных, перештопанных плащах, встречались безвкусно и даже вульгарно одетые девицы, что не было редкостью в ее прежнем мире.

«Да как ни крути, а люди есть люди. Бытие, определяющее сознание, настигает жителей Багорта так же, как и прочих. Тяжкий труд и рутина нигде не проходит бесследно», — размышляла девушка, разглядывая товары и их продавцов.

Один из них лукаво подмигнул ей и поманил пальцем, увидев, что она задержалась взглядом на его украшениях. Дея напряглась, но решив, что это всего лишь продавец желающий привлечь покупателя, осмелилась подойти. В конце концов, она вышла из своего укрытия не для того, чтобы шарахаться от всех подряд и должна вести себя естественно и непринужденно.

— Для такого цветочка как ты, это грубая работа. Лучше взгляни вот сюда, прелестное дитя, — пропел продавец елейным

голоском, выуживая из-под стола бархатную коробочку, внутри которой покоилась розоватая жемчужина в замысловатой серебряной оправе. — Это старинная вещь. Поговаривают, что кулон принадлежал династии Ладгальд, — прошептал он заговорщически.

Дея взглянула на клон, вспомнив, что уже где-то слышала эту фамилию.

— Опять приторговываешь краденым? — бросил продавцу украшений кто-то из прохожих и он тут же поспешил спрятать кулон.

Дея обернулась, чтобы посмотреть кто это был, но прохожего и след простыл, как впрочем и ее друга. Еще в замке они договорились, что он не будет преследовать ее словно тень, дабы не походить на телохранителя (тем более, что маленькие овсянки ненавязчиво приглядывали за ними) и все же, ей сделалось не по себе.

К счастью долго его искать не пришлось. Ее друг стоял через одну палатку от нее и что-то втолковывал хорошенькой белокурой девушке, пытавшейся примерить на него длинный плащ подбитый куницей. Ян уворачивался, но девица все же одержала верх. Застегивая крючки и приглаживая ткань на его плечах, она лукаво улыбалась, смотря на Яна озорными, суетливыми глазкам.

Дею возмутило нахальное поведение развязной девицы и она уже было хотела направиться к палатке, но Ян поймал ее недовольный взгляд раньше. Торопливо сняв плащ, он отдал его торговке, правда та не спешила расставаться с Дениным другом, принимая плащ, она будто бы ненароком погладила пальцы Яна, да еще и подмигнула паршивка. Ян же на ее кокетство лишь улыбнулся и поспешил к Деи.

— Тебе приглянулось, что-нибудь из украшений? — поинтересовался он, подходя к ней и беря под локоток.

— Какая разница? — отвечала девушка, непроизвольно одергивая руку. — У меня все равно нет денег.

— Знаешь, — сказал Ян, заметив, что Дея расстроена, — на побрякушки у нас пока действительно нет средств, но на вполне пристойный обед, Вайес нам кое-что выделил. Может, вернемся на проспект и выберем таверну почище? — предложил он, приобняв ее за плечи.

— Хорошая идея, — отозвалась Дея, продолжая печалиться.

Он развернул девушку к себе, пряча ее тонкое личико в своих ладонях.

— Верь мне, Дея, скоро ты ни в чем не будешь нуждаться.

— Я и так ни в чем кроме тебя не нуждаюсь, —

прошептала она.

— Тогда, что с твоим лицом?

Дея не знала, что ответить, ведь она не вполне понимала, отчего ее так разозлила наглая, белокурая бестия, поэтому она взяла себя в руки и попыталась растянуть губы в улыбке. Но ее старания были не замечены, Ян глядел поверх ее плеча и хмурился.

— Что такое? — насторожилась она.

— Какой-то странный парень пялится на нас и, мне как-то не по себе от того, как он это делает.

— Думаешь это наша рыбка?

— Не похоже, — размышлял Ян. — Слишком молод, на пару лет всего нас старше. Хотя он может быть и сообщником.

— Делай вид, что ничего не происходит. Пойдем в таверну, если он следит за нами, то мы это заметим, — затараторила Дея, беря Яна за руку и, уводя с площади.

— Ну и тип, я таких стремных глаз никогда не видел, — говорил Ян, когда они уже шли по проспекту.

— А что с ними не так?

— Они абсолютно черные и он тебя ими прямо-таки пожирал. Меня аж передернуло если честно.

— Ну ладно, ладно, Ян, не можем же мы теперь каждого маньяка принимать за нашего похитителя, — успокаивала друга Дея, высматривая «стремного» парня в маленькое зеркальце.

— Это верно. Тем более, что этот слишком уж приметный для преследователя. Видишь его? Он высокий и весь в черном.

— Нет, такого типа за нашими спинами я не наблюдаю.

Они выбрали небольшую таверну, из которой доносился аппетитный аромат лимонного пирога. Внутри было тесно зато довольно уютно и чисто. На каменных стенах висели засушенные рогалики и баранки, вязанки декоративного лука и сушеный зверобой, а со сводчатого потолка свисали чугунные фонарики, распространяющие теплый, мягкий свет.

— Займи нам место, а я пока разузнаю, чем у них можно поживиться, — попросил Ян, указывая на свободный столик в самом конце зала.

Пока Дея пробиралась через тесно стоящие столы, Ян подозвал хозяина, протирающего за стойкой подносы. Выяснив, что в этом заведении разнообразное меню, он повернулся к устроившейся на скамье Деи и сделал странный жест — к голове приставил рога, а рукой изобразил волну.

На лице хозяина отразилось беспокойство. Но когда юная девушка в дорогом платье ответила странному парню волнообразным жестом, и тот заказал две порции рыбы

и лимонный пирог, смягчился и даже любезно улыбнулся, протягивая керамические миски с жареным карпом.

Не успел Ян распалиться за сделанный заказ, как к нему подлетела уже знакомая Деи шустрая девица, завидевшая его с порога. Она принялась что-то восторженно щебетать и даже позволила себе погладить Яна по плечу, делая вид, будто поправляет его кожаный жилет. Ян же к Деиному облегчению, указал приставучей девице на свою спутницу и, расплатившись, направился к ней, неся дымящихся карпов.

— Тебе не кажется, что эта назойливая кукла, может следить за нами? — поинтересовалась Дея у Яна.

— Ждана? — удивился он, издав нервный смешок.

— М-м-м, вы успели познакомиться? — спросила она, предательски дрогнувшим голосом

— Да не то чтобы, — смущаясь, отвечал ей друг, — она просто пыталась продать плащ, который сейчас мне не по карману. Я обещал зайти за ним, когда у меня появятся деньги. Ну, она и сказала, что когда я буду готов к покупке, то могу попросить рыночных мальчишек отыскать Ждану, если ее не окажется на месте.

— Ясно, — пробубнила Дея, яростно потроша карпа.

Пирог ели молча. Затем еще с час побродили по извилистым улочкам Мрамгора и, не заметив более ничего подозрительного, решили вернуться в замок.

Глава 8
Церемония

Церемония

Ожидание предстоящей церемонии, мечты и надежды связанные с ней, мерцали где-то вдалеке глянцевым бликом, будоражили, расцвечивали сны, бархатными, глубокими красками. Ян и томился в ожидании чуда, и в то же время осознавал, что предвкушение само по себе сладостно.

Он коротал время за тренировками с Маюн, попытками усовершенствовать свою грамотность и прогулками с Деей. Теперь они выходили в город чуть ли ни каждый день, час или два прогуливались по его пыльным улочкам и величавым проспектам, однажды даже забрели в рабочий квартал. Но среди отборной ругани и затхлости Дея неожиданно растерялась, и они поспешили убраться оттуда, когда Ян обратил внимание, как недвусмысленно смотрят работяги на ухоженную, молодую девицу в дорогом наряде.

Так дни наполненные небывалыми, волнительными впечатлениями сложились в недели. Он фантазировал о подвигах, полировал искусство наездника, высекал новые грани совершенства в ожидании предстоящей инициации.

День для церемонии посвящения выбрали особенный — состязание двенадцати Хранителей, в котором могли принять участие все, кто стоит на защите Багорта от простого граничного Стража до главы Мрамгора. Но, как правило, в нем состязались недавно посвященные и не слишком опытные юноши и девушки, желающие проверить себя в настоящем испытании.

С самого рассвета Ян был уже на ногах. По правде сказать, он и ночью вскакивал с постели раза три, опасаясь проспать восход солнца. Предстоящее посвящения в Сагорты было слишком важным и многообещающим, после него на Яна должны были обрушиться в полной мере не только обязанности, но и привилегии Хранителя.

Эти привилегии волновали его воображения не меньше чем обязанности. Уже сегодня он станет почитаемым человеком в Мрамгоре, а когда-нибудь и за его пределами. Он будет получать жалование и сможет делать Деи подарки не хуже тех, что присылает Вайес. И наконец, он примет участие в сегодняшнем состязании.

Ян стоял в своей комнате облаченный в темно-синюю рубаху, усыпанную золотыми звездами, новенький жилет из выварenной кожи и в кожаные же штаны — традиционный костюм боевого Сагорта. Обут он был в невысокие и легкие порты из мягкой замши, не слишком подходящие к его могучей фигуре,

но в отличие от его любимых ботинок на тяжелой подошве, они не приносили неудобств Маюн вовремя их многочисленных полетов.

Он оценивающе разглядывал себя в зеркало, а Дея тем временем пыталась привести в порядок его непослушные волосы.

— Ну, вот кажется все готово, — щебетала она, суетясь вокруг него. — Выглядишь превосходно! Такой сильный, даже немного устрашающий. Никогда не представляла тебя в таком образе, а он между прочем тебе очень даже идет.

За дверью послышались шаги, негромкий стук известил их о приходе лекаря.

— Вы готовы, — констатировал он. — Повозка уже подана, идемте.

Они последовали за Горием по полупустому, еще спящему замку. За оградой сада их ожидала лаковая повозка с опущенным верхом. Три запряженные в нее гнедые кобылки нетерпеливо забили копытами, демонстрируя готовность умчать их в светлое будущее. Ян без лишних любезностей просто поднял Дею словно пушинку и усадил на широкое сиденье, поднял верх и, крикнув кучеру, — «трогай», — запрыгнул в повозку на ходу.

Выехав на исхоженный Яном вдоль и поперек тракт, повозка довольно скоро ушла вправо и через какое-то время ребята перестали понимать, где находятся, просторные рощи с особняками, деревушка с засеянными полями и уютные пролески с извилистыми речушками остались позади, сменившись пустырями. Так они и ехали по пустынной местности, пока вдалеке не показались движущиеся, цветные точки на вершине холма выложенного камнями. Это был священный курган. Там, по легенде похоронены первые Хранители Багорта, сразившиеся в Великой битве. Все последующие Хранители приносили свои клятвы и проходили обряд посвящения именно здесь.

Подъехав ближе, Ян разглядел на вершине кургана людей облаченных в разноцветные плащи. Те, завидев его приближение, образовали круг.

Ян сразу же догадался, что это были Хранители, по одному представителю от каждого братства. Высокий и худощавый мужчина с обильной проседью в волосах был облачен в травянисто-зеленый плащ, застежкой которому служило символическое изображение «мирового древа» — Хранитель Борого леса, что за Лимонной рекой. Упитанный мужчина с ниспадающими на плечи черными волосами и изящной бородкой кутался в плотно сомкнутый черный плащ с застежкой в виде глаза, он несомненно, был жрецом из круга Ведичей.

Нежная девица с тонкой, почти прозрачной кожей и удивительно светлыми глазами, явно испытывающая неудобства под своим шелковым плащом небесного цвета, оказалась берегиней из Белой заводи. Ее томное придыхание объяснялось тем, что русалки с трудом переносили отдаленность от воды. Но долг обязывал Хранителей засвидетельствовать посвящение нового члена братства, что позволило Яну увидеть и пещерного жителя охраняющего недра земли. Тот был ростом ниже среднего, горбат со скрюченным носом и старческими пигментными пятнами на полысевшей макушке. Плечи горбуна покрывал серый плащ, скрепленный эмблемой в виде трикселя. В центре стоял Вайес в алом плаще, а рядом с ним и Маюн горделиво задравшая голову и обводившая всех пристальным взглядом. Перья ее переливались перламутром, а стальные когти и клюв, ослепляли бликами.

Поднимаясь по каменным ступеням кургана, Ян разглядел еще одну фигуру скрытую за огромной птицей. Старик в плотном, темно-синем плаще стоял в кругу, опираясь на посох.

«Сагорт Тоил! — удивился Ян. — Неужели на посвящение не мог приехать другой Сагорт, ведь Тоил слишком немощен для таких мероприятий?»

Но рассуждать о тяготах старика было некогда, Ян уже преодолел все ступени и стоял теперь во весь свой могучий рост на вершине кургана первых Хранителей. Кольцо разомкнулось, и все участники таинства повернулись к нему, пригашая войти. Он без колебаний сделал шаг в центр круга, где его ждали Вайес и Маюн.

— Приветствуем тебя, Ян — сын Багорта говорящий со всеми крылатыми и познавший небеса в полете! — ударили все хором, приветствие нового Хранителя. — Готов ли ты произнести единственную клятву приносимую всеми Хранителями Бгорта?

— Готов! — отозвалось где-то в голове у Яна, и он понял, что это его собственный голос.

Глава Мрамгора подозвал его к себе. Ян приблизился и увидел, что в высокой каменной чаше стоящей в центре, поблескивает вода. Вайес распахнул свой алый плащ, в одной руке он держал незажженный факел, в другой — огромный боевой меч. Ян вздрогнул от неожиданности и тут же устыдился этого. Его обучили словам клятвы, но не говорили, что церемония будет столь торжественной.

Верховный Хранитель протянул ему факел и Ян понял, что пора. Приняв его из руки Вайеса, он зачерпнул горсть земли и подошел в плотную к чаши.

— Клянусь твердью земною! — он пропустил землю сквозь пальцы, вытянув вперед руку. — Живительной влагой! — то же он

проделал и с водой, зачерпнув ее из каменной чаши. — Священным огнем и ветром! — Ян подул на факел, как его научил Вайес еще накануне, и тот вспыхнул. — Что мои помыслы и деяния будут направлены на служение Багорту! — выкрикивал Ян, торжественно выбрасывая вверх руку с пламенником.

Пока он произносил свою клятву, к нему приблизился старый Тоил. Дрожащими руками он медленно снял с себя плащ и подошел вплотную к парню.

— Нагнись-ка, сынок, а то я боюсь, мои старческие руки промахнутся, вот будет конфуз, — прошептал ему старик, и Ян поспешно склонился перед ним, бухнувшись на одно колено. — Накрывая этим плащом твои плечи, Ян — сын Багорта, я возлагаю на них великую ответственность и нарекаю тебя Верховным Сагортом замка Мрамгор! Да прибудут с тобой мудрость и сила, — с этими словами он накинул свой плащ на плечи Яна.

Опешивший парень, только сейчас понял, что Тоил проделал этот нелегкий путь, чтобы сложить с себя полномочия, передав их ему — Яну.

«Готов ли я? Что ж время покажет», — проносилось у него в голове.

Совершенно ошеломленный от высот, до которых так стремительно взлетел, Ян позабыл, что на этом церемония еще не закончена. Он должен принять дар от Маюн. Вспомнил Ян об этом, лишь когда пицца сама приблизилась к нему. Непослушными пальцами, он неловко выдернул небольшое перышко и низко поклонился ей в благодарность.

«Приколи его на своей груди и когда я понадоблюсь тебе, погладь его и позови меня. Я услышу твой зов даже будучи на краю света», — проурлыкала ему Маюн.

Последним к Яну подошел Вайес.

— От меня прими в дар этот меч. Пусть он послужит тебе в тот час, когда для безопасности Багорта одного твоего дара будет не достаточно. Ты мужественный и смелый юноша из тебя выйдет славный воин силы и духа.

Вайес протянул ему меч двумя руками. Приняв его, Ян чуть было не прослезился, но сдержался, зная, что из повозки за церемонией наблюдает Дея. Овладев собой, юноша поцеловал лезвие меча и поднял сверкающую сталь над головой.

— Мы свидетельствуем принесенную тобой клятву, молодой Сагорт и нарекаем тебя двусоставным именем — Янислав! — загремели хором все Хранители. — Отныне и до конца твоих дней, начинается твоя служба. Неси ее достойно.

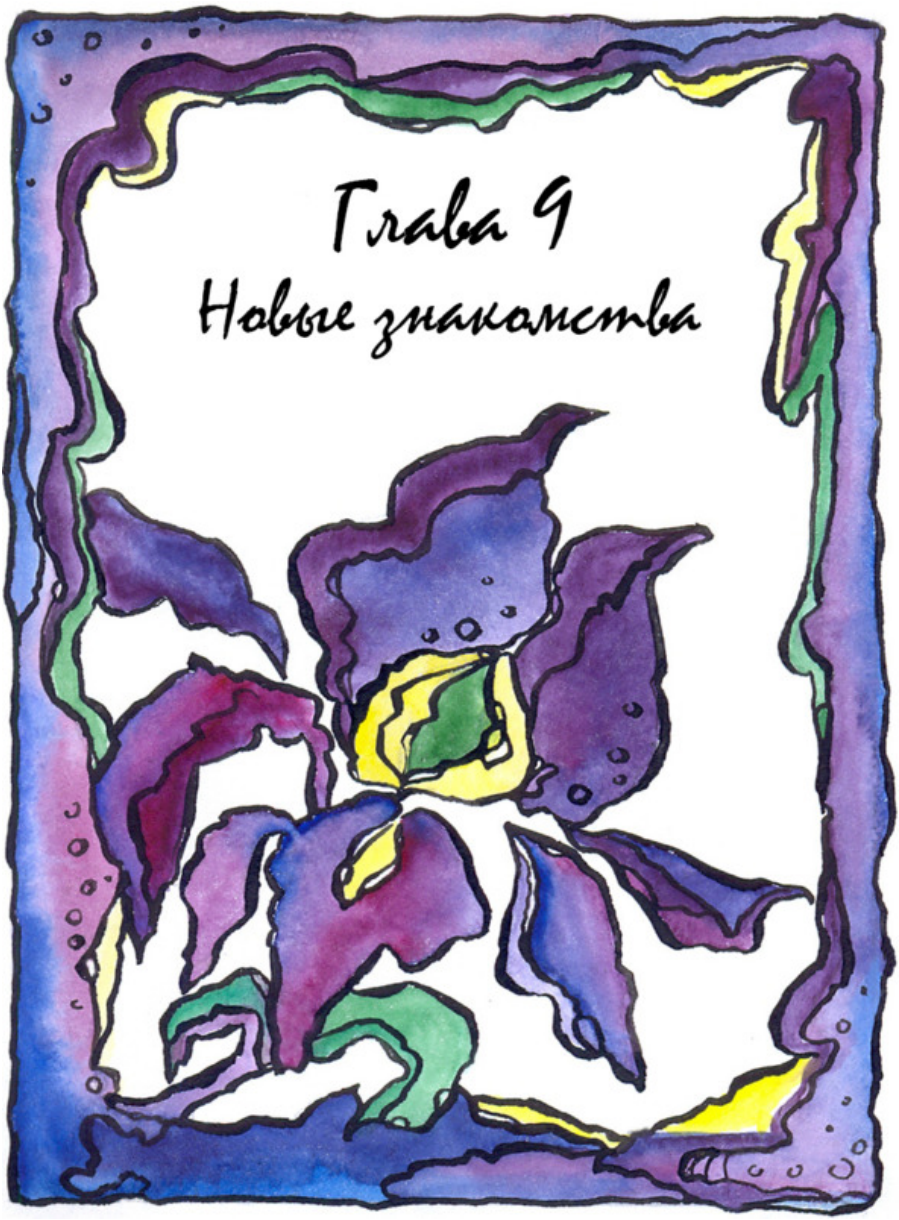
Ян так расчувствовался, что смог только кивнуть, но к его облечению атмосфера пафосной торжественности уже

развеивалась. Все подходили, по-дружески хлопали его по плечу, говоря простые слова поздравления, а Маюн припала к земле, приглашая к полету. Ян оседлал ее, и они взмыли в небо под общие аплодисменты и залихватское улюлюканье.

— Надеюсь, на следующую церемонию ты позовешь кого-нибудь другого, Вайес, — жаловался старик в зеленом плаще, когда все уже спускались к своим повозкам. — Ты же знаешь, как я не люблю этих помпезных мероприятий.

— Может все это и немного чересчур, но традиции надо чтить, — отвечал тому глава Мрамгора. — К тому же все инициирующиеся, как правило, еще довольно молоды и впечатлительны, и этот день становится переломным моментом в их жизни, а они должны быть запоминающимися, как и клятвы, данные при свидетелях. Вспомни, наконец, себя в день посвящения, — ехидно улыбнулся собеседнику Вайес.

— Да я, леший меня возьми, чуть нюни не распустил как девица и всю инициацию думал только о том, как бы новые портки не обмочить — надулся, дурень, брусничной воды на кануне, — и старик гортанно расхохотался.


Глава 9
Новые знакомства

Новые знакомства

Дея растерянно смотрела на удаляющегося верхом на птице Яна.

— Разве он не поедет с нами на турнир? — обратилась она к лекарю, подсевшему к ней в повозку.

— Нет, он прибудет на состязание верхом на Маюн. Это гораздо эффектнее. Вайес считает, что так его точно заметят, а ты проводишь своего героя на состязание, чтобы и на тебя обратили внимание. Ты ведь для этого рвалась в город, не правда ли?

Не смотря на то, что Дея уже привыкла к резковатой манере общения Гория, его слова задели ее. Но, в конце концов, он лекарь, а не дипломатичный Вайес и у того, кто с ним общается, не возникнет иллюзии на свой счет.

— Что означает — провожу на состязание? — только и спросила она. — Приведу за ручку как малыша детсадовской группы?

— Всех мужчин провожают их прекрасные девы. Если конечно они у них есть и наоборот. А ты очень удачно подходишь под описание прекрасной девы.

— Но я не его дева! — возмутилась Дея. — Я его друг.

— Это не важно, — отмахнулся лекарь. — Думаешь, безусые юнцы успели обзавестись «своими» девами? Это всего лишь красивый обряд. Многих вообще сестры провожают, не такие, кстати, прекрасные как ты. Так что уважь традицию и укрась праздник. Народу необходимо яркое зрелище скрашивающее их будни, а ты настоящий розовый бутон в этом праздничном венике.

За спором Дея и не заметила, как они приблизились к городским воротам.

— Вылезай, — скомандовал сатрап, — дальше пойдем пешком.

Несмотря на ранний час все улицы были оживлены устремленными к эпицентру событий людскими толпами. На главной площади творилась жуткая суматоха. Пройдя за ворота, Дея увидела, что на ней установили помосты и большая их часть уже занята. Скамьи располагались вокруг стеклянной мозаики выложенной в самом центре (под которой по мнению девушки скрывалось подземелье). Помосты возвышались, походя на греческий амфитеатр, а из узкого прохода между рядами к центральной части мозаики тянулась пурпурная ковровая дорожка.

Происходило что-то невообразимое — зрители стремились

занять лучшие места. Но первый ряд почему-то пустовал.

«Видимо он отведен для почетных гостей, которые прибудут последними», — решила Дея. Еще она подумала, что масштабные народные празднества, видимо, везде выглядят примерно одинаково. Самые удобные ветви деревьев уже были облеплены мелюзгой, крыши домов окружающих площадь пестрили разномастными зрителями, а балконы готовы были обрушиться под тяжестью набившихся на них любителей зрелищ. И только одна крыша пустовала. Дея обратила внимание, что подъем на нее охраняет стражник.

Она жадно разглядывала толпу, понимая теперь, что имел в виду Горий, назвав ее розовым бутоном. Когда она впервые увидела Мрамгор днем, суетящийся и наполненный всевозможными ароматами, ее поразило, что в городе, который Ян считал сказочным, есть и голодранцы, и торговцы краденым, и даже пьянчуги. Но это был обычный будничный день. Сегодня же отмечали национальный праздник и все жители принарядились кто во что горазд. Основная публика оделась весьма прилично и многие даже со вкусом, но встречались и чудаковатые головные уборы с цветными перьями в сочетании с мантиями, и неописуемо глубокие декольте, хозяйки которых с нескрываемым трудом, старались не растерять своего достоинства. Был даже один странноватый господин обмотанный сетями. Дея только успевала вертеть головой, пробираясь к помостам сквозь уплотняющуюся толпу.

— Хватит глазеть по сторонам! — проворчал он Горий. — Надо поторапливаться, — он дернул ее за рукав, указывая на стремительно приближающуюся точку в небе.

Дея проследила за его рукой и заметила Маюн.

Вайес все верно рассчитал. Когда толпа заметила летящую Страж-птицу, всю площадь как по мановению волшебной палочки оглушило восторженное многоголосое. Задравшиеся головы и вскинутые вверх руки указывали на могучего воина в развевающемся синем плаще и ослепительно блестящими на солнце золотыми звездами, что усеивали рукава его рубашки.

Маюн сделала круг почета над площадью и издав боевой кличь, спикировать на единственную свободную крышу. Толпа грянула бурными приветствиями. Рукоплескания, визг и свист перемежающийся улюлюканьем чуть было не оглушили Дею. Ян махал толпе с крыши, посылая воздушные поцелуи во все стороны.

— Это его тоже Вайес надоумил проделать, — обратилась Дея к лекарю.

— Сомневаюсь, — ответил тот, подавая сигнал одному

из стражников охранявших вход на помосты. Тот двинулся им на встречу и, растолкав беснующуюся толпу, проводил внутрь.

Оказалось, что под помостом оборудовано закрытое помещение и в нем уже было полно народу. Большая часть собравшихся оказалась молодежью. Половина была вооружена и одета в удобные костюмы из вываренной кожи, высокие порты или мягкие полу ботики, на груди у всех красовались приколотые эмблемы, определяющие принадлежность к тому или иному братству. Вторая половина пестрила несказанно роскошными нарядами. Каждый хотел выделиться, затмив соперников. Здесь тоже шло своего рода состязание.

Но действительно выдающейся фигурой среди всей петушиной толпы был один молодой человек, скромно одетый во все черное. Единственным светлым пятном в его наряде оказалось серебряное око приколотое к длиннополому распахнутому одеянию. Удивительно высокий и довольно изящно сложенный для мужчины, хотя нельзя было определить наверняка, сформировалась его фигура окончательно или еще нет, потому что не смотря на кажущуюся молодость, взгляд его был старчески-усталым и даже тяжелым.

Лицо юноши имело неправильную форму, оно было тонким и слегка вытянутым. Вообще, это определение можно было отнести ко всей его фигуре. Но помимо удлиненного лица была в нем еще одна особенность: абсолютно черный цвет глаз, контрастирующий с бледной как мрамор кожей. Казалось, умелая рука скульптора высекла это лицо из благородного камня, а вместо глаз вставила ониксы. Эта его неживая, непозволительная красота и пугала и зачаровывала одновременно. Если бы не яркий румянец, окрашивающий столь острые скулы, что казалось, о них можно порезаться, он был бы абсолютно монохромен.

Стоявшая рядом с ним девушка, тоже была одета в черное и также отмечалась оком — знаком Ведунов. Черные волосы стянуты в конский хвост, из оружия только торчащий из сапога кинжал да связка каких-то мешочков на поясе.

«Какие-нибудь порошки да травки», — решила Дея. Оружие Веды — не металл. Парочка тихо переговаривалась, отстранившись от основной толпы. Парень явно давал девушке какие-то указания, которые она робко пыталась оспаривать.

Деи стало интересно, чему именно он ее учит, она даже напрягла зрение, чтобы прочесть его слова по губам. Но от экстравагантной пары пришлось оторваться, так как дверь с грохотом отворилась, и готовый просочится в помещение свет, тут же заслонил своей фигурой раскрасневшийся Ян.

Обшарив глазами толпу, он быстро нашел Дею и двинулся к ней, не обращая внимания на шарахающихся в стороны девиц.

— Ты видела, как меня встречали!? — хрипел он ей в ухо, опьяневший от успеха..

— Да видела и теперь опасаюсь, что ты выиграешь испытания.

— В каком смысле?! — возмутился Ян.

— Боюсь, что если ты пройдешь огонь и воду, медные трубы уже не сдюжишь.

— Вы слишком строги к нему, — раздался за спиной Деи тихий, бархатный голос. — Испытание славой вообще мало кто может сдюжить. Он, по крайне мере, будет предупрежден, что в случае победы на турнире проверки не заканчиваются.

Обернувшись Дея, встретилась взглядом с загадочным черным юношей. Теперь она была уверена, что он еще молод. Парень щурил свои завораживающие глаза и едва заметно улыбался. Ее передернуло. Что-то хищное и жутко опасное было в его манере говорить, смотреть, двигаться.

Он поклонился им и направился к выходу, скользя черной тенью среди разодетой толпы. Его движения столь разительно отличались от привычной «грации» Яна, который ступал так, будто сваи в землю заколачивал — уверенный и стремительный. Загадочный юноша шел мягко, будто крадущийся гепард во время охоты, просачиваясь сквозь толпу и оставаясь не замеченным ею.

На середине пути он увлек свою спутницу плавным жестом, подхватив ее под локоть прямо на ходу, и не успели они достигнуть выхода, как затрубили, возвещая о начале турнира.

Ян с силой сжал Деину руку.

— Это он, тот парень, что пялился на тебя на базаре, — прошептал Ян задыхаясь. — Держу пари, этот холеный выскочка заранее знал, что сейчас начнут трубить, — пробубнил Ян, провожая неприятного типа взглядом.

— Ты уверен, что это он?

— Такого разве с кем спутаешь?

— Да ты прав, но вряд ли он наша рыбка. Слишком молод, а для следящего чересчур примечателен.

Ожидающие участники нервно засуетились. Дамы поправляли и без того безупречные прическе, испытуемые проверяли на месте ли их ножи и кастеты. В воцарившейся тишине все приготовились услышать, кого вызовут первым.

— Когда назовут Яна, — стал торопливо инструктировать ребят лекарь, — вы выйдете и по красной дорожке пройдете в центр, встанете рядом с остальными участниками. Как только Вайес даст команду, проводить участников испытания ты, Дея,

приколешь знак своего отличия Яну на грудь, а потом пройдешь к зрителям и займешь место в первом ряду, — лекарь протянул ей маленькую булавочку.

— Какой еще знак отличия!? — заразилась общей паникой Дея, подумав, что она забыла взять что-то важное.

— Ты возьмешь его у выхода, — лекарь указал на сосуд, в котором стояли двенадцать роз и ни одна не походила по форме или цвету на другую.

Наконец послышался голос Вайеса, открывающего турнир.

— Я бесконечно рад приветствовать всех собравшихся на ежегодном состязании двенадцати защитников Багорта, — загремел усиленный мегафоном знакомый голос. — По традиции, наши герои пройдут сложнейшие испытания в магическом пространстве. И да прибудут с ними сила, мужество и мудрость!

Над головами участников возбужденно зааплодировали.

— Я представляю вам первого участника: Родмила из дома черных Ведов.

Над собравшимися внизу снова пронеслись аплодисменты. Дея увидела, как Вед, сопровождающий свою спутницу, на ходу подцепил черную розу и ловко обломал стебель почти под корень, даже не уколовшись щипами.

Аплодисменты смолкли, судя по всему, первая пара достигла центра.

— Омелла из Лад озера, — послышалось второе имя.

К выходу проследовала хрупкая девушка с бледной кожей, бесцветными волосами, но неестественно красными губами, напоминающими алую розу на снегу. Ее провожатый вел девушку так, будто побаивался ее. Деи показалось это странным, ведь она была необыкновенно хороша и нежна. Разве такое создание может быть опасным? Но она уже знала, что в Багорте опасными могут быть даже плоды деревьев, не то что люди. К тому же у нее закралась мысль что эта поразительное существо вовсе не человек.

Словно оправдывая ее догадку, над головами вместо восторженного приветствия прокатился ропот удивления. Но потом, нашелся, видимо, смельчак, зааплодировавший с такой яростью, что заразил все трибуны.

— Невзор из Красногорья, — продолжал возвещать глава Мрамгора.

Следующий участник был из горного народа; невысок, с намечающимся горбиком и шустрыми, черными глазками, не знающими покоя. Его дама, судя по внешности из того же народа, выбрала цветок рубинового оттенка.

Были еще Стражи с границ, наследники лесных Хранителей

и даже Сагорт прискакавший верхом на огромном волке. Видимо, у Сагортов заведено пользоваться преимуществом в животном мире и эффектно появляется на публике, решила Дея.

Яна объявили последним и когда они вышли на красную дорожку под рев толпы, Дея вспомнила, что забыла взять розу. Пока он ступали вдоль помостов украшенных цветочными гирляндами и венками, она сорвала один из них и грациозно пристроила себе на голову, благо вся ее прическа заключалась в свободно ниспадающих, золотистых локонах.

Все любители состязаний стояли по краю круглой мозаики. Ян с Деей замкнули круг.

— Итак, все участники в сборе. Можем начинать! — объявил Верховный Хранитель.

Тут же, прямо у ног Деи мозаика стала сворачиваться, образовывая зияющую дыру. Ее пазлы стремительно вертелись, складываясь в ступени, ведущие в подсвеченное факелами подземелье.

— Проводите участников, — скомандовал Вайес.

Дея вытащила цветок из венка, это оказался белый шиповник. Она поцеловала нежный бутон и приколола его на груди у Яна.

Затем, будто после часовой репетиции, все как один провожающие развернулись и вышли из круга, а участники начали спуск. Как только последний из них достиг дна подземелья, механизм мазики заработал вновь, возвращая ее в прежнее состояние.

Дея уже успела справиться с волнением, устроившись на просторной скамье в первом ряду, когда увидела, что молодой Вед направляется в ее сторону, пристально разглядывая похищенный ею венок.

Иссиня-черные волны его волос развивались на ветру, напоминая мелкую рябь на темной воде. Дея уже знала, что Веды предпочитали не остригать волосы выше плеч, считалось, что в них заключается их сила. Но сила этого юноши, видимо, заключалась в чем-то другом, потому как у него волосы были острижены по самые скулы.

Подойдя вплотную к скамье, он на мгновение остановился, задержавшись взглядом на Деи, а затем бесцеремонно уселся рядом с ней, закинув ногу на ногу.

— Меня всегда восхищали законодательницы мод, — заявил он, без лишних вступлений.

— Как только я увидела вас, тот час поняла, что вы страстный поклонник моды и не упустили новинок этого сезона, — тут же нашлась Дея.

— Вы еще и с чувством умора, — незнакомец улыбнулся,

улыбка была хорошая — открытая и настоящая.

Дея смягчилась.

— Мое имя Влад, могу я узнать Ваше?

— Дея.

— Дея, — он словно посмаковал ее имя. — Вы не местная? Впервые слышу такое имя, что оно означает?

— Божественная.

— Ах, ну конечно, мог бы сразу догадаться, — засмеялся Влад.

— А как звучит ваше полное имя? Вы владеете славой или миром? — спросила она в свою очередь.

— Славой, будь она не ладна.

— В таком случае я понимаю, почему в состязании участвуете не вы.

— Заведомо известный результат, лишает игру остроты.

— Почему вы назвали меня законодательницей мод? Мое платье не самое выдающееся из здесь представленных.

— Я имел в виду вовсе не платье, — он снова улыбнулся, — а ваш венок и то, что вы одарили того верзилу цветком со своей головы, к тому же оставив на нем след от поцелуя. Поверьте, на будущий год все девицы Багорта станут провожать своих кавалеров именно так.

Дею возмутило, что Яна окрестили верзилой, и она уже хотела сказать, что просто забыла розу у выхода и пришлось импровизировать на ходу, как в воздухе появилась мутноватая проекция подземелья. Трибуны смолкли затаив дыхание в ожидании представления.

Глава 10
Самое сокровенное

Самое сокровенное

Они стояли в просторной зале, стены которой были выложены известняком. В основании помещение имело почти идеальную круглую форму, таких же размеров, как и мозаика над ним. С двух сторон друг напротив друга чернели два портала, остальное пространство стен по всему периметру было словно изрыто кротами — проходы, тоннели и норки всевозможных форм и размеров дырявили стены.

Стеклянная мозаика над их головами уже сомкнулась и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь нее, едва достигали середины стен, так что единственным источником света на дне этого подземелья остались факелы вставленные в металлические крепления, торчащие из стен.

Участники стояли в центре залы — там куда их привели ступени стеклянной лестницы. Вокруг царила давящая тишина нарушаемая лишь легким подрагиванием пламени, но даже он не спасал от холода и сырости. Ото всюду тянуло запахом плесени и ощущением какой-то иллюзорности, нереальности всего происходящего.

Первым вышел из оцепенения обитатель гор. Вытащив из крепления зажженный факел, он направился к одному из проходов.

— Эй, как там тебя, Невзор кажется? — юный наследник лесных Хранителей схватил приземистого парня за край накидки. — С чего ты решил, что нужно идти именно в этот проход?

— Ни с чего, — бросил ему Невзор, грубо высвобождая свою одежду, — куда-то же надо идти. Тебе кстати не обязательно за мной тащиться, здесь много других проходов, на всех хватит.

— Может тебе и правила известны, если ты так уверен, что надо куда-то идти? — с легкомысленной усмешкой поинтересовался у Невзора Сагорт, прибывший на волке.

— Мне известно ровно столько же, сколько и вам. Если хотите знать больше, спросите у этой чернявой красотки, — Невзор указал на Родмилу. — Ведь это ваш брат устроил это подземелье, не правда ли? Напитал его магией.

— Я знаю не больше вашего. Это подземелье действительно пропитано магией, ее только сухое бревно не почувствует, но как она работает, мне не известно.

— Держу пари, твой загадочный дружек припрятал пару козырьков в твои рукава, — теперь и Сагорт нападал на Родмилу. — О чем вы шептались, сторонясь остальных

участников.

Глаза Ведуньи вспыхнули, а верхняя губа поползла вверх, обнажая краешек белых зубов, но она даже не обернулась к нему.

«Лучше держаться от этой дамочки подальше, а то чего доброго зыркнет вот так, и в камень превращусь. Странно, что у нее не змеи вместо волос», — подумал Ян.

— Чего молчишь, чернявая? — не унимался Сагорт.

— Эй, ребята, вы чего? — не выдержал Ян. — Мы всего лишь соперничаем в состязании, но это же не делает нас врагами. У меня складывается впечатление, что магия этого пространства призвана настроить нас друг против друга. А между тем, вам прекрасно известно, что в подземелье нас ждут какие-то испытания. И мой опыт подсказывает, что поодиночке справляться с ними в разы сложнее нежели всем скопом.

— Я согласна с небесным Сагортом, — вмешалась Омелла, — вы собачитесь как дикие псы.

— Тоже мне миротворец выискался, — все с той же отвратительной улыбочкой отвечал Сагорт. — И как по-твоему определиться победитель, если мы будем ходить друг за другом словно гуси?

Поднялся галдеж. Все пытались перекричать друг друга в споре. Послышались даже весьма крепкие выражения, и Ян подумал, что не только русский язык могуч и разнообразен в брани.

— А ну тихо! — прервала спор, переходящий в ругань Родмила.

Она замерла, задрав указательные пальцы и навострила слух. И тут Ян заметил, что факелы дрожат сильнее, а в одном из порталов, где-то очень далеко вспыхивают, приближаясь, языки пламени.

— Быстро в укрытие! — проорала Родмила, и все бросились врассыпную.

Подтолкнув растерявшуюся Омеллу к коридору, в который ринулось несколько участников, Ян едва успел проскочить за ней в узкий проход, как за его спиной пронесся сноп пламени, устремляясь к противоположному порталу.

— Проклятье! — выругался он. — Чуть цыплят на гриле из нас не сделали.

Он выглядел самым бодрым, остальные участники держались не так холоднокровно. Невзор стоял с совершенно стеклянными глазами, вцепившись в чудом уцелевший факел. С юного Сагорта сошла вся спесь и напыщенность, а зубы отбивали «танец с саблями». Омелла не выдержала жара и ее нежное тело казалось вот-вот испариться, ее с трудом поддерживала Родмила, которую

саму изрядно потряхивало.

Осмотревшись, Ян понял, что узкий коридор на деле оказался тупиком. А еще он понял, что в нем укрылись далеко не все участники.

— Где остальные? — обратился он к своей полуобморочной компании, — нас всего пятеро.

— Они разбежались, кто куда, — ответил Сагорт, — и нас не пятеро, — он указал в конец тупика.

Там в тени, опустившись на земляной пол и вжавшись в самый угол, словно желая слиться с камнем, трясся, сжимая колени юный наследник лесных Хранителей.

Ян протиснулся к нему и попытался помочь бедняге встать, но тот бормотал что-то бессвязное и отчаянно тряс головой, закрывая лицо руками.

— Эй, парень, не дури, — старался вразумить его Ян, — это всего лишь огонь. К тому же, он уже погас.

— Всего лишь огонь!? — завопил тоненьким голосом несчастный. — Именно, что огонь!

— Оставь его, Ян, — сказал второй Сагорт. — У бедняги в родном лесу случился чудовищный пожар, когда он еще ребенком был. Видать, он до сих пор не оправился, а тут такое.

— Ну что ж, минус один, — констатировал Ян. — Теперь тебе должно быть ясно, как определиться победитель, — обратился он ко второму Сагорту. — Как тебя звать то кстати?

— Сеслав.

— Сеслав — волчий всадник. Пафосно.

— Не более чем небесный Сагорт.

Оставив попытки привести в чувства одуревшего лесного обитателя, уцелевшие вернулись в центральную залу без него. Там все еще сохранялось тепло, но вот странность — пламя не тронуло стен.

— Предлагаю и дальше двигаться вместе, оно как-то веселей, — предложила Омелла.

— А куда двигаться то? — спросил Сеслав.

— Да не все ли равно? — отозвался Невзор.

— Нет не все равно, — вступила в дискуссию Родмила, — надо исследовать проемы, в которые поныряли другие участники. Может, там кому-нибудь помощь нужна.

— Вот ты и исследуй, — огрызнулся Невзор, Сеслав только пожал плечами.

Ян же, неожиданно для себя выдернул у коротышки единственный уцелевший факел и подошел к Сеславу, — куда они занырнули? — спросил он, нависая над парнем.

Сеслав указал на два лаза. Ян махнул рукой Родмиле, и они

направились к одному из них.

Первый, как и их укрытие оказался тупиком и был пуст. Ребята пошли ко второму, он был шире и довольно просторный.

— Эй ты, горбатый, — позвал Невзора Ян, протягивая ему факел, — поведешь нас вперед. Ты в таких местах должно быть лучше меня ориентируешься, а я замкну процессию, а то Сеслав того и гляди новенькие штанишки попачкает.

Сеслав оказавшейся крайним действительно выглядел напуганным, идти последним ему явно не хотелось, да и Невзор не стал спорить, он поспешно принял факел и возглавил шествие, засеменив вперед.

Постепенно проход стал расширяться, но процессия все равно шла медленно, то и дело, спотыкаясь о булыжники в земляном полу.

Неожиданно тоннель осветила вспышка белого света и все обернулись к источнику. Он оказался в боковом ответвлении, поэтому группа прошла, даже не заметив его.

Ян не раздумывая, кинулся в проход. Белые всполохи все еще освещали пещеру, которую пересекал подвесной мост, перекинутый через пропасть. Из ее недр, доносился грохот похожий на удары молота о наковальню, звук множился, доносясь эхом.

Ян уже добрался до середины моста, когда его схватили за полы плаща. Он вздрогнул и резко обернулся, раскачав мост. За его спиной стояла Родмила, ее синие глаза смотрели на него с гневом и уважением одновременно.

— Ты идиот! Какого лешего тебя сюда потянуло?

— Не знаю. Мне послышался крик. Подумал, что это кто-то из наших.

— Ты всегда сначала делаешь, потом думаешь?

— Да, это мое кредо — сначала ввязаться, потом разобраться.

— Оригинальная жизненная позиция. Ладно, возвращаемся, пока этот прохиндей Невзор не ушел, а вмести с ним и наш источник света.

Легкое мерцание оставшееся после яркой вспышки, пропало, и возвращаться им предстояло вслепую. Но как только они направились к выходу, до их слуха донеслось чье-то жалобное всхлипывание.

— Стой! — одернул Ян Ведунью. — Здесь все-таки кто-то есть.

— О-о Всемогущие Отцы! Кто меня дернул за тобой потащиться? — она порылась у себя на поясе, доставая что-то из маленького мешочка. В воздухе замерцали крошечные искорки света. — Давай быстрей, у тебя не больше трех минут, затем они

опадут.

Ян буквально пробежал несколько шагов, сотрясая под собой неустойчивую конструкцию, пока не наткнулся на распластавшееся тело. Присмотревшись, он узнал в нем пограничного Стража. Поза была пугающе неестественной; ноги выгнулись в обратную сторону, руки раскинулись словно крылья. Наклонившись, Ян уловил слабое дыхание и без колебаний сгреб пострадавшего в охапку. Взвалив его на плече, он поспешил обратно, пока не погасло мерцание искр.

Вернувшись в тоннель, спасители Стража были приятно удивлены тому, что оставшиеся участники не бросили их, а терпеливо дожидались, подпирая шершавые стены подземелья.

— Это еще кто? — воскликнул Невзор, увидев ношу Яна. — Мало нам обморочной Озерной девы.

— Похоже, это один из участников, — отозвалась Омелла, наградив при этом горбатого коротышку презрительным взглядом.

— Да, — ответил Ян, — мне показалось, это пограничный страж.

Омелла подошла ближе.

— Точно, он.

— И что ты собираешься с ним делать? — поинтересовался Сеслав. — Судя по его внешнему виду его пытались перемолоть в мясорубке. Вряд ли он уйдет отсюда на своих двоих.

— Он прав, Ян, — вмешалась Родмила. — Я попробую его одурманить, чтобы он не чувствовал боли.

— И что бросим его тут? — спросил Ян с сомнением в голосе.

— Я думаю, что именно так и выходят из игры. Он видимо не прошел испытание. Ну не оставят же его тут гнить до конца времен, за всеми пострадавшими наверняка придут, — высказала свои предположения Омелла. — А нам надо двигаться дальше.

Ян бережно опустил всхлипывающего стража на пол.

— Извини, друг, ничего личного. Надеюсь, за тобой, и правда, скоро придут.

Все двинулись вперед, оставляя позади пещеру с подвесным мостом и одурманенного Родмилой Стража.

— Как думаете, что там с ним приключилось? — любопытствовал Сеслав.

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Ян.

— Вот, вот, — вторила ему Омелла. — как подумаешь, какие нас ужасы могут впереди ожидать, мураши прям по коже.

— А чего ты вообще пошла на испытания, обморочная, если так боишься? — напал на нее Невзор.

— Может я и обморочная, но все еще с вами в отличие от тех

двоих, что остались позади. И потом, я посмотрю, как ты будешь чувствовать себя в воде несколько часов к ряду, даже если тебе наколдуют хвост, как мне ноги.

— Это низко, Невзор, оскорблять Омеллу, зная, что для нее быть вдали от воды уже испытание, — возмутилась Родмила.

— Да хватит вам уже, в самом деле, — одернул всех Ян. — Невзор, посвети-ка вправо, что там чернеет в сене?

Чернел проем, за ним тянулся еще один коридор, отличавшийся тем, что пол в нем был уже не земляной, а каменный и стены гладко отполированы. У входа висел незажженный факел. Ян подошел и вытащил его из крепления, зажег от того, что у них был, и коридор осветился еще ярче.

— Заворачиваем, — скомандовал он.

— Ты уверен? — спросила Родмила.

— В этом подземелье я ни в чем не уверен, просто мне надоело спотыкаться о булыжники.

Проход оказался не длинным. Они прошли не более десяти маховых саженей, прежде чем очутились у ступеней, ведущих в небольшую залу с зеркальными стенами.

— Чудное место, не правда ли? — воскликнула Озерная дева.

— Чудное — не значит хорошее, — отозвалась Родмила.

— Ой, ну давайте все-таки посмотрим. Ни разу не была в зеркальной комнате. Хочу убедиться, что мои сестры не врут, и я действительно хороша собой.

Сгорая от любопытства, юная русалка выхватила у Невзора факел и, сбежав по ступеням, юркнула в залу. Раздался глухой стук древка и жуткий, душераздирающий вопль.

Все ринулись к входу в зал, но добежав до проема, остановились как вкопанные. Омелла стояла в центре, а зеркала множили одно и то же изображение — осунувшееся, сморщенное лицо в грязно-рыжих пятнах, волосы свисают спутанными клочьями, губы больше не горят багрянцем, плечи поникли и вся она как-то сгорбилась, вцепившись обеими руками в остатки когда-то прекрасных волос.

Толпящиеся замерли, никто не решался войти внутрь, а Омелла продолжала испуганно озираться, пытаясь найти хотя бы в одном отражении истинный свой облик.

— Ну, что вы встали как истуканы! — разозлилась Родмила и, растолкав остальных участников, шагнула в залу.

Ее отражение оказалось еще устрашающей — блестящие черные волосы выцвели, глаза впали и померкли, рот ввалился, а высокая грудь опала, словно ее и не было. Ужаснувшись, она подлетела к одному из зеркал вплотную и стала лихорадочно ощупывать свое лицо, грудь, бедра. Затем резко развернувшись,

подошла к Озерной деве и встряхнула ее.

— Омелла, перестань выть! Это чары, все это не взаправду.

Она взяла руки девушки и приложила их к ее лицу. Но та по-прежнему продолжала рыдать. Тогда Ведунья отвесила ей пару пощечин, и девушка замолчала, ошарашено уставившись на Родмилу.

— За, что? — провыла она.

— Возьми себя в руки, это не твое отражение. Потрогай свое лицо, кожа по-прежнему гладкая и молодая. Эти зеркала показывают, какой ты будешь в глубокой старости. Зрелище конечно не для слабонервных, но тебе до этого еще далеко.

Омелла исследовала себя руками, затем коснулась лица Родмилы и только потом, качаясь, вышла из залы.

Парни расступились, пропуская девушек вперед. Все молча, двинулись обратно. Выйдя в уже привычный пыльный коридор, они пошли вперед, спотыкаясь о булыжники.

— Слушай, Родмила, — обратился Ян к ушедшей в свои мысли девушки, — ты это, в общем, ты молодец.

— Что?

— Ну, я про комнату. Парни и те сдрейфили, а ты пошла за ней. Кто знал, может эта комната всерьез состаривает в одночасье. Для вас девушек ведь молодость — это…. Ну, в общем, вы к ней иначе относитесь.

Ведунья обернулась к нему и встала как вкопанная, пораженная какой-то мыслью.

— Что ты сказал? Повтори.

— А, что я такого сказал? Только то, что вы девчонки молодости придаете большое значения, в отличие от парней.

— Ну конечно, — протянула она, уставившись при этом на Омеллу. — Красота для Озерной девы — это все. Они редко выходят из своих озер. И у них всего одна неделя в году, чтобы найти себе суженного. Дурнушки в их племени обречены на одиночество, если конечно не обладаю веселым нравом или чем там еще надо обладать, чтобы за неделю задурить голову юноше.

— Это ты к чему?

— А к тому, что я, кажется, начинаю понимать, как работает это магическое пространство.

— Эй, чего вы там шушукаетесь? Идите скорей сюда, — позвал изрядно отставших Яна и Родмилу Сеслав.

Ребята поспешили догнать остальных и нашли их около очередного препятствия. Тоннель привел соревнующихся к подземному озеру, на противоположном конце которого, чернел широкий лаз. Видимо тоннель проходил сквозь этот водоем,

и чтобы двигаться вперед они должны переплыть его.

— Что будем делать? — спросил Сеслав.

— Перейдем его вброд, если глубокое переплывем, — ответил Ян.

— А если в нем невесть, что водится? — спросил Невзор.

— А мы Омеллу первую запустим, ее невесть чем в воде водящимся, не напугаешь, — предложил волчий наездник.

— Сеслав! — укорила его Родмила. — Посмотри на нее, она ж и так ели ноги переставляет.

— Это по тому, что она не в своей стихии. А там она почувствует себя как рыба в воде, — не унимался Сеслав, посмеиваясь над собственной шуткой.

— А, что, — согласился Ян, — он прав. Может, вода ей сил придаст, и она очухается.

Все посмотрели на Омеллу, но та ничего перед собой не видела, стояла как зачарованная. К девушке подошла Родмила, бережно взяла ее под руку и, переместив мешочки с волшебными порошками с пояса на шею, вступила в озеро вместе с ней. Оно оказалось глубоким, уже через пару шагов их ноги полностью скрылись в воде, а еще через пару скрылась и грудь. Омелла изящно высвободилась из Родмилиных рук и ушла под воду с головой.

Все замерли, затаив дыхание и не зная, чего ожидать, но Озерная дева не заставила себя долго ждать. Не прошло и минуты как минут она вынырнула, блеснув серебристым хвостом в воздухе, и оставив круги на воде. С глубины донесся смех.

— Омелла, — позвала Озерную деву Родмила.

Девушка отозвалась не сразу.

— Здесь чисто, никаких подводных тварей. Милости просим, — пропела она звенящим голоском.

— Я же говорил, рыбе место в воде.

— Сеслав, — одернул парня Ян.

— Я все слышала, красавчик. Смотри, как бы я и тебя не утащила в свое логово. Страсть как люблю темненьких, — и она залилась чистым, звонким смехом.

— Ладно, чего мы ждем, переплывем уже это озеро, — предложил Сеслав, не придавая особого значения шаловливым угрозам Омеллы. — Если оно одно из испытаний, пройдем его поскорей.

Ян незамедлительно с ним согласился, и ребята направились к воде. Только Невзор продолжал недобро смотреть на темную воду, не желая двигаться с места.

— Эй, Невзор, ты чего стоишь как истукан? — позвал его Ян.

— Он боится воды, — ответила ему Родмила, — Не так ли, Невзор?

— Мне не перебраться на ту сторону, я не умею плавать, потому что действительно боюсь воды, — неохотно ответил тот.

— Брось, Невзор, не дури, это всего лишь озеро, — уговаривал его Сеслав. — Омелла поможет тебе.

— И вы ей верите? — горбун нервно рассмеялся. — Да она вас сама всех на дно утащит и останется последняя победителем.

— Ты в своем уме?! — гаркнул на него Ян. — Ты, жалкий коротышка. Это всего лишь турнир! Ты всерьез думаешь, что кто-то готов перебить половину участников ради звания победителя?

— Оставь его, Ян, — обратилась к разгоряченному парню Родмила, — ты прав, он сейчас действительно не совсем в уме. Им руководит страх и в данный момент мы проходим его испытание, не наше. Для нас переплыть это препятствие не стоит ничего, но не для него. Для него окунуться в воды этого озера все равно, что погрузиться в глубины своего страха.

— Что ты знаешь о страхе, ведьма! — заорал Невзор. Лицо его исказилось, глаза были полны ненависти, сейчас он казался еще меньше и еще сгорбленней, чем обычно.

— Если переплывешь на ту сторону, увидишь и мой страх.

— Ну, уж нет! Я не полезу в озеро, пока в нем Озерная дева! Знаем мы, как они молодых парней на дно утаскивают.

— Фу, сдался ты мне, злюка. Я лучше Сеслава утащу, он хотя бы симпатичный, — и она снова засмеялась, бросив кокетливый взгляд на приглянувшегося ей Сагорта.

Сеслав улыбнулся в ответ и троица полезла в озеро.

Родмила и Ян уже перебрались на противоположный берег, а Сеслав все еще был на середине. Омелла кружила вокруг него, выныривала, щекоча хвостом и окатывая брызгами, да дергала за ноги. В конце концов, он сбился и начал захлебываться. Русалка подхватила его и вынесла на берег, не забыв про искусственное дыхание.

— Извини, заигралась, — она нежно улыбнулась ему и, подмигнув, нырнула обратно в озеро.

Приподнявшись на локтях, Сеслав осмотрелся. Ян выжимал свой плащ, Родмила волосы, и оба смотрели на него ехидно ухмыляясь.

— Чего развалился ловелас? — поинтересовалась Родмила.

— Да вот думаю, не прикорнуть ли мне на удобном, каменном бережочке часок?

— Не прикорнуть, — ответил ему Ян, протягивая руку.

Сеслав воспользовался помощью и поднялся.

— Нам пора двигаться дальше, — сказала Родмила, поднимая

с камня факел и свои мешочки, переправленные на этот берег русалкой.

— А как же Омелла? — удивился Сеслав.

— Ты видел, что вода смыла чары? Она не сможет двигаться с нами дальше. Для нее испытания закончены. Нас осталось трое и еще три испытания.

Сеслав обернулся назад. На том берегу так и остался сидеть на камне Невзор, а над поверхностью воды мелькала светлая головка и два внимательных глаза следящих за ним.

— Вот значит, как это происходит, — бормотал парень себе под нос. — Озерной деве требуется всего несколько минут, чтобы заставить тебя, думать о ней. Когда она в своей стихии, она и правда, неотразима.

Оставшаяся троица двинулась, вперед клацая зубами от холода. Ян впереди, за ним Родмила и в конце Сеслав. Ноги его заплетались, но на губах играла глуповатая улыбка.

Ребята шли, шли, а проход все не кончался и не кончался, только становился уже. Яна начинало клонить в сон и вот, но уже задремывал на ходу.

— Эй, дружек, — позвал кто-то Яна, толи во сне, толи наяву.

Он понял, что задремал, только когда встрепенулся и открыл глаза. Впереди стояла фигура — тонкая и высокая. Голова и подол платья тонули во мраке, в свете уже догорающего факела Ян видел только спину. Она светилась белизной, невозможно ярко контрастируя с окутывающей ее тенью. Девушка повела плечами, и не зашнурованное на спине платье стало медленно съезжать вниз. Яну показалось, что вселенная взяла его в оборот и закружила со скоростью света. Он выронил факел и облокотился о стену. Чьи-то мягкие руки приобняли его за плечи, не давая упасть.

— Это не взаправду, это не по-настоящему, — бормотал Ян.

— Правильно, Ян, — шепнули ему на ухо, — подойди к ней и сделай то, что должен.

— Не могу.

— Почему.

— Это слишком личное, а на нас сейчас смотрят сотни глаз.

— Мне прогнать ее?

— Нет, я подойду, но не стану делать того что хочется.

Он приблизился к девушке и резким движением запахнул обнаженную спину. Видение растворилось словно дым.

— Родмила, почему ты сказала, что нас впереди ждут три испытания?

— Уже два, Ян. Подземелье проецирует твои страхи, делая их реальными, осязаемыми. Со стороны они кажутся пустяковыми,

но это только со стороны.

— Да, я даже не хочу думать, чего на самом деле боялся Невзор. Ну почему мне не привиделось полчище вооруженных скинхедов или там экзамен по алгебре.

— Потому что их ты боишься меньше чем ее, — ответила ему Родмила. — Вся соль в том, что всплывает не просто страх, а самый сокровенный, такой в котором ты не в силах никому, признаться. И ты должен побороть его сам.

— Это не справедливо, черт подери! — возмутился Ян. — Как я должен был его побороть, если на площади транслируют все происходящее здесь!

— Да, — согласилась с ним Родмила, — но звука то нет, да и картинка, довольно расплывчатая.

— Все равно, это, как говориться, восемнадцать плюс, а на трибунах дети.

— Не стоит обижаться на судьбу, Ян, зато теперь ты точно знаешь, чего боишься больше всего. А подземелье, оно не виновато. Не оно заставляет нас страшиться чего-либо, оно только раскрывает тебе глаза.

— Эй, голубки, — подал голос скучающий Сеслав. — долго вы там шептаться будете. Что за ведьму вы там изгоняли?

— Да так, — ответила за Яна Родмила, — это всего лишь мираж, сбивающий путников с дороги. Двигаем дальше.

— Да, только впереди пойду я, а то вы с миражами долго возитесь.

Ян не стал спорить, лишь с саркастической улыбкой протянул ему факел, и они двинулись вперед. Огонь догорал, освещая проход все хуже, ребята шли медленно, осторожно прощупывая ногами земляной пол. Света хватало только чтобы разглядеть путь, окружения видно не было, и у Яна обострился слух и обоняние. В подземелье они были явно не одни, под ногами шуршал не только песок, но и мыши, а может и жирные голодные крысы. Ян поежился, хоть он и был Сагортом, не вся живность вызывала в нем нежные чувства. Пройдя добрых шесть сажень, он уловил легкое дуновение ветерка, воздух в проходе уже не был таким затхлым.

— Чувствуешь? — спросила его Родмила.

— Впереди, что-то есть. Может это выход.

— Нет, Ян — это невыход. Не забывай, еще два испытания, так что соберись.

Ян напрягся и уже хотел было забрать у Сеслава факел и возглавить шествие, чтобы принять, если что, удар на себя, а потом вспомнил слова Родмилы и понял, что их страхи все равно найдут их здесь.

Когда тоннель закончился, троица очутилась в зале. Свежий и влажный воздух исходил именно отсюда и, судя по разносящемуся эху, пол был каменным, а размеры залы внушительными.

Стоило ребятам войти, как тишину тут же взрезало полоскание крыльев. Это были летучие мыши, которых они спугнули своим появлением. Некоторые налетели прямо на ребят, Сеслав уронил факел, закрываясь от них руками, и тот погас.

В голове Яна пронеслись упреки в их адрес и он понял, что слышит возмущение здешних обитателей, чей сон они потревожили. Спохватившись, он попытался усмирить взбунтовавшийся зверинец, заверяя, что они не нарочно и, что, мол, готовы убраться отсюда, если им дадут пройти.

Летучие твари отступили.

— Уф, некогда бы не подумала, что подвергнусь нападению животных в обществе Сагортов, — пожаловалась Родмила, доставая остатки мерцающего порошка.

Ведунья подкинула звездную пыль в воздух и они, наконец, смогли разглядеть обстановку. Это была и в самом деле зала, выдолбленная в массиве скалы, судя по всему, той же, что возвышалась над городом и была преобразована в замок. Стены с серыми прожилками грубо обтесаны и не отполированы в отличие от пола и анфилады колонн в два ряда, что устремлялись к постаменту, на котором обломанным зубом великана торчал полуразрушенный каменный трон. Весь сводчатый потолок был усеян черной копошащейся массой. Мыши нетерпеливо ждали, когда Сагорт исполнит обещанное и уберется со своими спутниками из их логова. Ян обратил внимание, что второго выхода в зале нет и вопросительно посмотрел на Родмилу.

— Судя по всему — это конец, — произнесла девушка шепотом.

— Давайте посмотрим, может за троном есть потайная дверь, — предложил Сеслав.

Родмила кивнула, и они пошли через анфиладу к трону. Летучие мыши восприняли это как вторжение и неистово заверещали. Звуки шагов потонули в этом чудовищном писке и ребята не услышали, как трещит камень, но почувствовали колебания и толчки, когда были уже на середине пути.

Паутина трещин стремительно расползлась по мраморному полу, деформируя его, он больше не выдержал тяжести колонн.

«Последний день Помпеи», — пронеслось в голове у Яна, когда колонны с грохотом начали уходить куда-то вниз, подламываясь у основания.

Пол вздыбливался, а ошалевшие мыши кружили над ними, отвратительно вереща. И вот, удерживаться на ногах не было уже никакой возможности. Впереди зияла дыра, поглощающая и перемалывающая все это архитектурное великолепие. Ян потерял из вида Родмилу и поспешно вцепился в чудом уцелевшего Сеслава.

— Держись за меня! — орал он парню прямо в ухо, и тот держался, пока ненасытная дыра не поглотила и их.

Они летели в бездну не знающую конца. Ян изо всех сил напрягался, чтобы, не дай бог, не выпустить обмякшего Сеслава. Мимо них проносились обломки полированного камня, один из них пришелся Яну по плечу.

«Вот бред! Это же даже не мой страх, а я так глупо погибаю», — подумал он на лету.

Падение не длилось и пяти секунд, но мыслей в голове у Яна пронеслось уже предостаточно. О своем не сложившемся триумфе, о Деи и своей трусости, о новом доме и новых друзьях, о Маюн.

«Конечно же!», — его внезапно озарило. Маюн! Ведь она подарила ему свое перо и сказала, что придет на помощь, если ему таковая понадобиться. Ян крепче сжал пальцы правой руки, поддерживая жилистого, но худоватого Сеслава, а левой дотронулся до пера и позвал Маюн.

В первые секунды ничего не произошло, и Ян уже было подумал, что в подземелье Страж-птица ему не поможет. Он почти отчаялся, как вдруг мимо него пронеслась стайка крошечных пташек — маленьких помощниц Маюн.

Птахи шумно щебетали, а вслед за ними летел целый ком летучих мышей. Настигнув падающих, они вонзили десятки своих крошечных коготков в Сагортов, замедлив их падение, а потом плавно опустили на землю.

Оглядевшись, Ян понял, что они оказались там же откуда и начали свой путь — в зале с земляным полом под мозаикой. Никаких следов крушения он не обнаружил, но это его и не удивило. Ян понял, что испытания окончены, потому что стеклянная мозаика снова была сложена в виде лестницы.

Он ощутил невероятную усталость. Казалось, еще минуту назад он был готов бежать, рубить, лететь и плыть, а теперь не было сил ни на что. Ян поискал глазами Сеслава. Его опустили между двумя тоннелями, привалив к стене. Голова парня безвольно клонилась на бок, изо рта свисала тонкая ниточка слюны. Ян вытер беднягу своим рукавом, закинул бесчувственное тело на плече и стал взбираться по разноцветным ступеням вверх.

Глава 11
Черная роза

Черная роза

Дея уже несколько часов неотрывно следила за проекцией подземелья. Практически все участники выбыли, остались только Ян, Родмила, да тот самый молодой Сагорт, что прибыл верхом на волке.

Смотреть, как они проходят испытания, оказалось довольно трудно. Звук отсутствовал, картинка была довольно мутной, к тому же она отображала все подземелье, а участники разделились еще в самом начале. Но все равно было ясно, что Ян держится молодцом и, судя по всему, даже взял вначале инициативу в свои руки. Правда потом их группа таскалась за горбатым коротышкой и почему-то бросила его одного на берегу подземного озера.

По трибунам время от времени проносились отчаянные возгласы, всхлипывания и шепотки, пару раз даже аплодировали, будто участники могли это слышать. Деи казалось, что она единственная не понимает, в чем смысл испытаний и ей ужасно хотелось поинтересоваться у Влада, чего же у них там происходит, но она не решалась. Правда, когда Дея увидела в подземелье Яна, подходящего к полуголой девицы, она все же осмелилась и обратилась к Веду за разъяснениями.

— А на сколько испытания реальны, участники могут серьезно пострадать? — зашептала она, оборачиваясь к нему.

— Все препятствия, что они встречают в подземелье — плод их воображения. И тем не менее, опасность будет для них реальной. Сама-то как считаешь, побороть собственных демонов, серьезное испытание?

Дея была настолько поглощена трансляцией, что даже не обратила внимания, как Влад перешел на «ты».

— А мне одной непонятно кому, какие страхи принадлежат?

— Конечно, нет. Достаточно того, что их транслируют на всю площадь. Это же испытания, а не стена позора. Поверь мне, там воплощаются не те страхи, в которых можно легко, признаться, — уголок его рта дрогнул, выдавая подобие улыбки. — Вот например твой парень, он всегда так робок с тобой?

Влад смотрел на Дею с высоты своего нешуточного роста, продолжая кривовато улыбаться, и на этот раз ей совершенно не понравилась его улыбка. Было в ней что-то хищное и неприятное, что-то такое с чем Дея прежде не сталкивалась.

— Во-первых — он не мой парень, — проговорила она глухим голосом, — а во-вторых — с чего ты взял, что он робок?

Влад небрежно повел плечами.

— Просто смотрел внимательно.

Дея решила, что глупо спорить, она и сама заметила — Ян как-то обмяк, когда возникло видение девушки. Конечно, Влад подумал, что это ее Ян увидел в подземелье, ведь именно она, а не кто-то другой провожала его на состязание.

Бросив робкий взгляд на собеседника, Дея снова наткнулась на его неприятную улыбочку и подумала, что это все-таки не испытания, а действительно какая-то стена позора. Ее лучший друг, такой сильный и мужественный испугался девчонки, и это обстоятельство не укрылось от проницательного Веда.

Ей захотелось защитить друга, как-то оправдать эту его маленькую слабость.

— Мы с Яном росли в довольно замкнутой обстановке, — начала она, — но даже если ты прав и он действительно робок с девушками, то это не беда, потому как они с ним не особо стеснительны, — она вспомнила Ждану и непроизвольно скривилась, замечая, как Влад всверливает в нее свои сузившиеся глаза.

Ее пробрал озноб.

— Подозреваю, что проблемы подобного рода возникают у него с одной единственной девушкой, — проговорил он нарочито медленно.

Потом неторопливо, словно нехотя отвел взгляд и снова уставился на проекцию, где последняя троица уже шла по каменному залу освещенному волшебной пылью.

Развернувшаяся там сцена заставила сердце Деи на миг остановиться. Она с такой силой вжала свои пальцы в край скамейки, непроизвольно подаваясь вперед, что послышался хруст ломающихся ногтей. А когда Ян падал в нескончаемую бездну, она потеряла его из виду.

Дея тщетно искала в мутном отображении подземелья друга, но и Ян, и Сеслав исчезли. Зато Родмила по-прежнему была там, к тому же, чудесным образом раздвоившаяся — одна Ведунья лежала на земле в лужи крови, другая — (ее копия) стояла над бездыханным телом, в истерики заламывая руки. Тишина, в которой разворачивалась эта горестная картина, усиливала общее напряжение, и вот уже волна оцепенения прошлась по всем трибунам, лишая зрителей самой возможности дышать.

Сначала Деи почудилось, будто она смотрит немое кино времен Чарли Чаплина, столь нелепым и наигранным казалось отчаяние девушки. Но потом она вспомнила слова Влада, осознав, наконец, истинную силу страха. Бесплотный, эфемерный, пускающий извилистые корни в самую глубь твоего естества, он способен убить тебя медленно и мучительно, либо же

в одночасье. Твой самый коварный и опасный враг — порождение твоего же ума.

Теперь Дея видела — отчаяние Родмилы было неподдельным. Девушка упала на колени и зарылась лицом в волосы своего двойника, сотрясаясь в рыданиях. Потом неожиданно и порывисто вскочила на ноги, не женственно утерла слезы рукавом и направилась в сторону одного из порталов, в глубине которого, как показалась Деи, мелькали языки пламени.

Из оцепенения ее вывел скрежет мозаики, она снова складывалась в ступени. А вскоре на поверхность вышла и сама Родмила. Она шла, будто железный дровосек на негнущихся ногах и затравленно озиралась по сторонам.

Трибуны взорвались аплодисментами. Кто-то крикнул — «черная роза» и вот уже все ярусы скандировали экспромтное прозвище победительницы.

— Черная роза! Черная роза! — орали сотни глоток.

Дея была настолько потрясена происходящим, что даже не заметила, как Влад поднялся с трибуны. Только что сидел рядом и вот уже идет навстречу к своей подруге. Высокий и изящный, с мнимой небрежностью он взял ее под локоть и провел по кругу. Возбужденный народ кричал и свистел. На еле передвигающую ногами Веду, посыпались цветы и поздравления. Толпа шумела, гудела как огромный колокол, казалось еще чуть-чуть и дома стоящие близ площади, зайдутся тряской.

И вдруг трибуны смолкли.

По стеклянным ступеням взбирался пыльный и измотанный Ян, со своей безвольной ношей.

Дея сорвалась с места, бросилась к другу и чуть было не упала, запутавшись в платье.

Прекрасная рубаха расшитая звездами была порвана, волосы и плащ припорошены пылью, в глазах читалась усталость и тоска. Дея обняла его и нежно погладила по голове, словно пытаясь утешить, но чьи-то руки отстранили ее, чтобы принять у Яна бессознательного Сеслава.

***

После, когда все закончилось, Ян и Дея сидели в его комнате и вспоминали, как выступал Вайес. Его речь была немногословной, но емкой — он возносил хвалы Родмиле и Яну за отвагу и находчивость, за отзывчивость и благородство душ, а еще за то, что смогли сплотить воедино соревнующихся между собой людей.

Ян уже было решил, что провалился и опозорил себя, поэтому никак не рассчитывал на столь громкие дифирамбы в свой адрес. И конечно у него не возникало сомнений в том, кому должно

было принадлежать звание победителя, ведь свое испытание он все-таки провалил в отличие от Родмилы.

Оказалось, что Ведунья страшиться смерти и ей привиделось, что она разбилась вовремя падения и как бы смотрит на себя со стороны. Но она нашла в себе силы и шагнула в неведомое и неизбежное — туда, куда по ее мнению попадают все Веды после смерти. На деле же, она вышла на поверхность победителем.

Как и предвидела Омелла, всех остальных участников забрали из подземелья сразу после окончания турнира. Больше всего пострадал, граничный Страж, которого Ян вынес с подвесного моста. Его переломы оказались вполне реальными, и бедняге предстояло провести месяцы во врачевальнях Мрамгора.

Но даже это не сильно омрачило всеобщего ликования и восторга. Багортцы шумели еще долго и буквально на руках несли Родмилу и Яна до ворот замка, где победительница и отважный Ян (так его прозвали жители Багорта) должны были привести себя в порядок и отдохнуть перед балом в честь участников турнира.

Ян улежал на диванчике подле камина и ерошил еще влажные после мытья волосы, пересказывая Деи их злоключения в подземелье. Она тоже делилась своими впечатлениями стороннего зрителя, который чуть не до самого конца смотрел все в полном непонимании происходящего. Эпизод с обнаженной девичьей спиной оба деликатно опустили. Дея боялась того, что Влад окажется прав и в видении Яна действительно была она. Ян же просто не мог сознаться подруге в том, что выставил на всеобщее обозрение, столь интимную сторону своей внутренней жизни. Ему казалось, что он своим позором замарал и Деину честь тоже.

Глава 12
Звездный дождь

Звездный дождь

Вайес снова прислал Деи новое платье, аргументируя это тем, что спутнице героя негоже представать на балу в том же наряде, что и на турнире.

Городские праздники проводились в Багорте не так часто, и каждая деталь туалета участков и их сопровождающих еще долго обсуждалась простыми жителями, охочими до красочных зрелищ и шумных гуляний. Яну тоже презентовали праздничные одежды, и новую небесно-голубую рубашку.

— Я поражаюсь щедрости Вайеса, — щебетала Дея, разворачивая сверток с подарком. — такие роскошные ткани и главное непонятно за что?

— Ну как за что? — поражался Ян, — просто за то, что ты такая красивая.

— Да ну тебя, — отмахнулась Дея, воспринимая слова друга как шутку. — Пойду к себе, переоденусь, — и она оставила Яна, приводить себя в порядок перед балом.

Облачившись в новое платье, которое, судя по всему, подбирали к наряду Яна, она с восхищением разглядывала свое отражение в зеркале.

Конечно, иногда ей ужасно не хватало ее легких коротеньких сарафанчиков, джинсового комбинезона и кедов, но она уже начинала привыкать к тем нарядам, что носились в Багорте. Они являли собой смесь средневековой целомудренности и замысловатости. Правда некоторые туалеты, на которые Дея обратила внимание на турнире, имели странный налет барочности, столь дико смотрящийся среди утонченного изящества принятого здесь за основу. Но тогда она подумала, что люди с отсутствием вкуса есть, судя по всему, везде и Багорт не исключение.

Ее же новое платье глубокого кобальтового цвета, было совершенно и как нельзя лучше подчеркивало огонь ее волос. Легкий струящийся шелк обволакивал, словно морская пена. Многочисленные слои ткани были невероятно тонкими и воздушными. Дея нежилась в этом ласкающем ее коконе и думала, что все-таки Вайес знал толк в женских нарядах, на бал, по крайней мере, он выбрал его весьма умело. Тончайшие драпировки колыхались и переливались при малейшем движении, делая и без того грациозную Дею похожей на нимфу, готовую вот-вот раствориться в сумерках.

Убрав волосы в высокую прическу, чтобы открылась изящная, лебединая шейка и, оглядев себя напоследок в зеркало, она

спустилась в сад. Ян уже ждал ее на лестнице у центрального входа.

— Дея, ты… Ты… — задохнулся он, не в силах подобрать эпитета. — Ты как Афродита вышедшая из пены морской, — нашелся он, наконец.

Девушка смущенно улыбнулась, а Ян подошел ближе и аккуратно вынул заколку из ее волос, позволяя им рассыпаться по молочно-белым плечам.

— Мне кажется, так будет лучше, — пояснил он, пряча заколку за пазуху.

Дея рассмеялась и, взяв друга за руку, пошла с ним за ворота, где их уже поджидал экипаж.

Бал был назначен на шесть вечера, на той же центральной площади где происходило состязание. Трибуны уже разобрали и вместо них по периметру установили дощатые столы с яствами: фруктами и водами, хлебами и орехами в меду, соленьями и маринадами, а также всевозможными легкими закусками. В центре каждого стола стояла бочка с вином или сидором.

По традиции бал открывал победитель со своей парой. На второй танец — диковинный и замысловатый, со сменой партнеров, приглашались остальные участники со своими провожающими. И только после того как все герои торжества продемонстрируют свое мастерство в танце, горожане желающие веселиться, выстраивались в цепочку. Они брали друг друга за руки и заводили змейку, закручиваясь в кольца и восьмерки под несмолкающие бубенцы, трещотки, кугиклы и флейты.

Когда Ян с Деей подъехали к площади, то поняли, что чуть не опоздали; Глава Мрамгора уже объявлял открывающую пару. С трудом пробравшись в первые ряды, Дея ахнула — так сильно ее впечатлило преображение Родмилы. На победительницы было алое платье из шифона с рукавами колоколами, черные волосы струились по спине, а шею украшало массивное ожерелье с гранатами. Влад не удосужился сменить своего облачения, лишь приколол алую розу к груди.

Танцевали они умопомрачительно. Влад изящно кружил свою даму и ловко подкидывал на поворотах, все его движения были столь выверены и легки одновременно, что Дея подумала, — «не проводит ли он по три-четыре часа ежедневно в бальном зале». Пара кружила, завораживая зрителей алыми всполохами, и Дея не могла не согласиться со мнением шепчущихся подле нее, что оба они великолепны и вряд ли кто-то превзойдет Влада в искусстве танца.

Наконец, объявили второй выход, и Дея немного занервничала, она не была уверена в том, что правильно

запомнила все движения. Специально для них с Яном в бальной зале замка устроили репетицию, и Ян справлялся сравнительно неплохо, чего нельзя было сказать о ней. Ноги все время путались в складках юбки, а при смене партнеров она каждый раз шла не в ту сторону.

Ей не было равных в импровизации, но там, где заученные и четкие движения были залогом успеха, она всегда проигрывала. Утешало в этот раз только одно — шелк был настолько легким и скользящим, что не стеснял движений. Хотя бы не грохнется на кого-нибудь, позорно запутавшись в юбках.

Мысленно поблагодарив Вайеса за правильно подобранный наряд, она грациозно выплыла вместе со всеми участниками в центр площади. Музыканты, расположившиеся с краю на невысоком помосте снова ожили, и пары закружились, чертя узоры ногами. Руки девушек вскидывались, пальцы выщелкивали ритм, а станы, поддерживаемые партнерами, гнулись будто ивы. Танец был довольно ритмичным, и Дея успела войти во вкус, когда послышался звон колокольчика, извещающий о смене партнера. Она сделала шаг вправо и в ужасе поняла, что идет не в том направлении. Неожиданно, чья-то сильная рука притянула ее за талию, отклонила назад и закружила в общем движении.

— Несравненная Дея, — обласкал ее своим голосом Влад, — упорядоченность и правила не для тебя, верно?

Вед явно потешался над ее несобранностью, и девушка уже хотела оттоптать его до блеска начищенные ботинки, когда он предусмотрительно подтолкнул ее влево к следующему партнеру.

Как только музыка стихла, Дея ощутила непреодолимое желание сбежать, еще никогда ей не было так стыдно за свою неуклюжесть. Но она не могла себе этого позволить. Во-первых — она должна обратить на себя внимание злосчастного шутника, превратившего ее жизнь в сплошные тайны и загадки, а во-вторых — она спутница «отважного» Яна и просто обязана покорить публику, будь она не ладна.

Дея стояла подле стола и пыталась заглушить горьковатый привкус стыда душистым сидором, пока Ян скакал вместе с возбужденной толпой горожан, образовывая путаницу в цепочке, которая уже заполонила собой всю площадь.

— Ты непременно должна попробовать здешние закуски, вот эти особенно хороши, — снова без приветствия обратился к ней подошедший Влад, протягивая маленький, крепкий рыжик на шпажке.

— Пришел поглумиться над моей неловкостью? — холодно осведомилась Дея.

— Нет, я действительно считаю, что ты не создана жить в рамках и по правилам. Ты особенная и не должна кривляться под всеобщую дудку, делая однообразные па.

— Если ты считаешь «кривляния под общую дудку» недостойными, отчего же прослыл лучшим танцором в Мрамгоре? — съязвила Дея.

— Просто я предпочитаю делать хорошо то, за что берусь. А что касается этого театра, — он сделал неопределенный жест в направлении танцующих, — мы оба делаем это для них, не так ли?

Дея испытывала странную неловкость, рядом с этим холеным и самоуверенным юношей. Ее злило то, что в его присутствии она ощущала себя маленькой глупышкой, хотя разница в возрасте явно не была столь уж существенной. Весь его облик говорил о том, что он еще юн и только завораживающие черные глаза, противоречили румяной молодости, они словно бы принадлежали не ему, а какому-то другому человеку — тому, кто был много старшее. И эта его странность, как впрочем, и все остальные, одновременно и привлекала Дею, и отталкивала. К тому же, она не привыкла к такому нарочитому вниманию. Ее прежний дом был настроен гораздо враждебнее Мрамгора, который мог подарить ей новых друзей? Правда, Дея не была уверена, что нуждалась в ком-то кроме Яна. Слишком уж много времени она провела в компании единственного друга, чтобы сейчас нуждаться в ком-то еще.

— Откуда ты можешь знать, что я особенная, если мы виделись только раз и почти не разговаривали? — спросила она Влада, стараясь придать тону небрежность.

— Особенные люди — штучные экземпляры, для того чтобы распознать друг друга, им не обязательно общаться.

— То есть ты и себя считаешь необыкновенным? — с саркастической усмешкой спросила она. — Смело.

— А я похож на труса? — совершенно не смутившись тона, ответил юноша, ловко закидывая в рот виноградину.

— Нет, не похож, — согласилась Дея, — ты скорее поразительно нескромен.

— Нельзя стать великим, будучи скромным.

— Нет, твоя нескромность не просто поразительная, она фантастическая.

Влад неожиданно расхохотался, совершенно натурально, без тени издевки или позерства, его действительно насмешила Деина реакция. Он смеялся словно ребенок, а толпящийся у столов народ в недоумении оборачивался.

— Что смешного?! — не выдержала Дея.

— Со стороны я действительно кажусь нескромным, да так, наверное, и есть, но это не от того, что я зарвавшийся Вед. Просто, если человеку удается достичь определенных успехов в чем-либо, он как бы возвышается над всеми предрассудками. Понимаешь о чем я?

— Кажется да. Он становиться «зарвавшимся Ведом» и все прочие для него так — мокрое место.

— Не торопись с выводами, — снова улыбаясь, проговорил Влад. — Поговорим об этом через несколько лет, когда ты сама поймешь, как неординарный опыт может отдалить тебя от толпы обычных людей, думающих о посевах, новеньких нарядах и жареных цыплятах.

— С чего ты взял, что я не думаю о посевах и нарядах? Я именно тот самый человек из толпы, над которой вознесли тебя твои опыты.

— Вот в этом-то я как раз очень сомневаюсь.

Дея вопросительно приподняла одну бровь.

— Понимаешь, есть такие люди, похожие на световые кристаллы — люди способные проводить бесконечные потоки Ии. А если ты постоянно проводишь свет, то рано или поздно начинаешь его излучать. Ведь твой внешний облик, просто проекция того что внутри тебя.

— Потоки чего прости, я по твоему разумению провожу? — переспросила Дея.

— Ия — чистая энергия творчества, из которой соткано все мироздание. Говорят, есть миры, до которых она не доходит, — проговорил Влад отстраненно, смотря куда-то вдаль. — Не представляю, как там люди живут, ворожбы в этих мирах уж точно нет.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что без Ии созидание невозможно. Представь, как должно быть тяжко живется там, где нет возможности создавать, что-либо.

— Такие народы, как правило, становиться оккупантами. Им гораздо проще отнять что-то, чем научиться создавать.

— Вопрос не в том, что им проще, а в том, что их способности ограничены. Если ты, например не умеешь шить, ты же не станешь отнимать платье у соседки, а закажешь его у швеи, заплатив серебром или трудом.

— Я, да, — согласилась Дея.

— А вот теперь представь, что серебра у тебя нет и делать ты ничего не умеешь.

— Научусь! В конце концов, я всегда могу подработать прачкой или посудомойкой, тут и навыка-то не нужно.

— Вот этим-то мы и отличаемся от народов обделенных Ией. Мы предпочтем тяжелый, но честный труд разграблению.

Как не старалась Дея сохранять налет надменности, разговаривая с Владом, а он все же улетучился, так как не был ей свойственен, он служил лишь ширмой от неясного и страшащего ее ощущения незащищенности перед Ведом.

— А ты бывал в этих мирах? Видел такие народы? — спросила она, уже не скрывая заинтересованности.

— Нет, в нижних мирах я не был, но говорят люди, населяющие их, когда-то поселились в Лонгвине, с тех пор он в упадке.

В очередной раз Дея отметила, что упадком в Багорте считался технический прогресс. По их канону, эволюционировать можно лишь плотно взаимодействуя с Ией, те же кто растратил эту возможность, деградируют. Но если вспомнить, что здесь все сложные научные достижения приписываются в основном Ведам, то это вполне понятно. Они, вон, с помощью ворожбы даже проекцию подземелья смогли сотворить.

У Деи захватило дух, когда она представила, чего еще могли делать местные чародеи. Ей ужасно хотелось расспросить Влада о колдовстве, но она побоялась выдать свое невежество. Кто знает, может в Багорте каждый ребенок в курсе на что способно это братство отмеченное всевидящим оком? Достаточно и того, что она не подумав, поинтересовалась, что такое Ия.

— Прошу извинить, но сегодня долг друга обязывает меня, сопровождать победительницу турнира, — устало проговорил Влад и направился к запыхавшейся Родмиле, спешившей к нему в алом ореоле развивающегося платья.

Дея отметила, что уход Влада полоснул по ее самолюбию, словно тонкий и меткий скальпель хирурга. Она никак не могла взять в толк, зачем ему вообще понадобилось заводить с ней беседу, если он был по уши в долгах перед победительницей.

Она поискала глазами Яна. Он стоял в окружении толпы и что-то рассказывал вместе с тем самым парнем, которого вынес из подземелья. Слушатели разевали рты, а второй Сагорт заразительно хохотал. Дея порадовалась за друга, отметив, что позорная сцена, которую заметил Влад, не смущала, судя по всему, никого кроме нее. Она решила, что надо дать ему насладиться своим триумфом, ведь Ян, так же, как и она прежде был обделен вниманием и сейчас, похоже, упивался им.

Она подлила себе сидора и принялась, разглядывая упивающуюся весельем публику. Вскоре ее взгляд наткнулся на очень красивую, но чрезвычайно грустную девушку, гипнотизирующую ее пристальным, тяжелым взглядом. Девушка

поняла, что замечена и направилась прямиком к Деи.

— Ты подружка Кариго? — поинтересовалась она.

«Интересно у них так принято — задавать вопросы без элементарного приветствия?» — подумала про себя Дея, но вслух только спросила, — кого?

— Ах, ты не местная! — скорее констатировала, чем спросила девушка.

— Почему ты решила, что я не местная?

— Потому что ты не знаешь, кто такой Влад Карий? — пояснила она.

— А ты значит знаешь?

— К сожалению, да, — печально отозвалась незнакомка. — На самом деле в Мрамгоре Влада Кариго каждый пень знает. Его мать Морита Кария была легендарной Ведой, ее история даже запечатлена в одном из витражей, что украшают галереи замка. А Влад, пожалуй, и саму мать превзойдет. Я слышала, что по силе и знаниям, он уже обскакал многих заседающих в совете. Верховный Хранитель неоднократно предлагал ему место за их столом, но Влада это не интересует, он всегда сам по себе.

— А, что такого великого сделала его мать, что удостоилась чести остаться в истории?

— Великого? — девушка истерично захихикала. — Нет, ее история скорей уж печально-назидательная, нежели великая. Она хотела помочь людям, но в результате ее действий, была уничтожена целая деревня. Ее судили, и суд этот длился целый месяц. Если бы глава Мрамгора не вступился за несчастную и не выбил для нее пожизненное заточение, то Мориту казнили бы.

— Грустная история, — прошептала Дея, по-новому взглянув, на танцующего с Родмилой Влада.

— Да уж не спорю, — согласилась девушка. — До всей этой трагедии Влад, говорят, был вполне нормальным парнем, а потом его как подменили. Нелюдимость, заносчивость, озлобленность — это еще не самые отталкивающие его качества.

— Ты неплохо его знаешь, да? — скорее из вежливости, нежели из любопытства поинтересовалась Дея.

— Его никто не знает и вряд ли сможет узнать, пока он сам этого не захочет. Я не должна этого говорить, но все же скажу, прежде чем у тебя появиться желание разгадать его таинственную натуру, послушай, что о нем судачат в Мрамгоре.

— С чего ты взяла, что у мен появиться такое желание? — раздраженно спросила Дея.

— У многих молоденьких девушек оно появляется, — ответила незнакомка, проследив за Деиным взглядом. — К их

сожалению, — добавила она тише.

Деи не понравилось, что какая-то девчонка лезет к ней с советами, будто бы она глупая провинциала попавшая в сети столичного ловеласа. Но девушка была настолько подавленной и даже жалкой, что Дея не могла всерьез злиться на нее. Кто знает, может она искренне старается, уберечь совершенно незнакомую ей девицу от ошибки, которую, судя по всему, совершила сама.

— Он обидел тебя? — с неожиданным для себя сочувствием спросила Дея.

— Нет, обидел не совсем подходящее слово, — девушка судорожно растянула губы в подобии улыбки. — На самом деле он ничего мне и не обещал, как впрочем, и другим. Может это и не его вина, что слишком многие юные дурочки возомнили себя его спасительницами, вознамерившись, расшевелить сердце мраморного Влада.

— Мраморный Влад? — переспросила Дея, приподняв бровь.

— Так его прозвали за чрезмерную холодность и безразличие. Но на самом деле он не ко всему безразличен. Его действительно мало интересуют глупые людские страстишки, и не только простых горожан, но и совета со всеми его Хранителями. Влад живет в своем замкнутом мире, где его занимают более сложные и возвышенные материи. Но о чем конкретно он думает, никто не знает; с простыми смертными он своими мыслями редко делиться. Не в его привычках метать бисер перед свиньями.

Дея недоверчиво посмотрела на незнакомку, потому как самой ей Влад показался хоть и чрезмерно самоуверенным, но все же не безразличным. Хотя, она и не могла знать истинных причин, по которым он с такой озабоченностью размышлял о мирах обделенных Ией.

— Он настолько высокомерен? — решила она уточнить.

— Ты даже не представляешь на сколько. Авторитетов для него не существует. В Мрамгоре Влада недолюбливают и даже побаиваются, некоторые, правда, лебезят перед ним, утверждая, что его нельзя не уважать. Но я думаю, что они просто бояться его, боше, чем прочие.

Деи сделалось не по себе, от того что она в таком нелестном ключе обсуждает местную знаменитость с совершенно незнакомой девчонкой. Влад мог быть неприятным, непонятным, пугающим, но это не давало ей права перемывать ему кости.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — недовольная собою, спросила она девушку.

— Не знаю, наверное, просто не могу не говорить… О нем… — девушка нервно наматывала на палец кушак своего

платья. — Я просто подумала, может ты его подруга или дальняя родственница. Он так увлеченно говорил с тобой! Со мной Влад никогда не был так многословен, — ее глаза наполнились влажным блеском, и она бросилась прочь, распихивая локтями празднующих.

Послышались мелодичные звуки свирели и домры, извещающие о следующем танце. Дея с облегчением заметила, шагающего к ней Яна и поспешила к нему на встречу. Он привлек ее к себе, и они медленно поплыли под неспешные переливы свирели и гудение гуслей.

Бал длился уже целый час, неспешные и лиричные танцы чередовались с поистине разнузданными, заводили еще одну цепочку, которая превратилась в хоровод, а затем и в ручеек. Инициатором такого колоритного веселья был Ян, он довольно быстро объяснил багортцам как делать ручеек и те, придя в восторг, похоже, уже не желали останавливаться. Танцующие путались, сталкивались лбами и наступали друг дружке на ноги, но это только забавляло их. Заразительно хохоча, люди сбивались в новые группы и продолжали самозабвенно уноситься в пляс. Дею закружил этот немыслимый, пьянящий калейдоскоп звуков, запахов и ярких, проносящихся мимо пятен.

Праздник был в самом разгаре, когда упивающихся безудержным весельем горожан поверг в шок сноп красных искр, стремительно летящих с уже темнеющего неба. Музыканты немелодично смазали окончание легкомысленной песенки, певцы так и остались стоять с разинутыми ртами, а танцующе парочки в нерешительности застыли на месте. Оторопь сковала толпу. Все, запрокинули головы, в ожидании еще одной вспышки, словно подтверждения того, что первая не была массовой галлюцинацией. И она не заставила себя долго ждать. Небо снова взорвалось красными всполохами. И прежде чем с оцепеневших людей сошел первый шок, и они бросились врассыпную, Дея отчетливо услышала уже знакомый голос.

— Родмила, купол! — скомандовал Влад своей подруге, а сам бросился к центральной аллеи, преграждая дорогу обезумевшей толпе невидимым барьером.

Завихрения алых драпировок мелькнули перед Деиным лицом, и она увидела, как Родмила уже метала в небо изумрудные блестки, выуживая их из своих необъятных рукавов. Искры рассыпались в воздухе, образовывая десятки ниточек, которые сплетаясь между собой, напоминая огромную паутину. Все новые и новые ниточки прирастали к ней, и вот уже часть площади была под этим своеобразным покрывалом.

Родмила металась как горящий факел, стоило ей подуть

на мерцающую в сумерках сетку, и та вздымалась вверх. А когда это изумрудное великолепие превратилось в сверкающий парашют, Дея поняла, почему Влад назвал его куполом: он уже накрывал собой всю площадь, заслоняя от яростных вспышек на небе.

Люди словно загнанные под колбу букашки, жались к центру, боясь прикоснуться к магической преграде — они не понимали защита это или ловушка. А Дея заметила, что под опускающиеся стенки купола, юркнуло несколько фигур, и почти сразу послышался голос Вайеса усиленный мегафоном.

— Прошу всех сохранять спокойствие. Это защитный барьер. Под ним вам ничто не угрожает.

Дея повернулась в сторону говорившего и только сейчас заметила, что прямо посередине аллеи со статуями на фоне радужных световых переливов, чернела фигура высокого юноши с развевающимися полами накидки. Дея стояла слишком далеко, чтобы видеть детали, но ей показалось, будто бы он что-то лепит из этой бесформенной, световой массы. Прямо над головой юноши небеса угрожающе сверкали красным, но его это нисколько не тревожило, он сосредоточено делал свою работу. И вот, наконец, свечение приобрело форму арки.

— Врата! Врата! Врата…

Послышались отовсюду удивленные и восхищенные возгласы.

Влад развернулся, и Дея не увидела, но почувствовала оживление со стороны центральной аллеи. Это Родмила приподняла купол, пропуская людей к сотворенной арке.

— Все к вратам! — скомандовал Вайес, и толпа ринулась к проходу.

Из ступора Дею вывели чьи-то руки, они крепко сжали ее плечи и встряхнули разворачивая.

— Дея, немедленно беги к вратам и не останавливайся! Поняла? — скомандовал Ян.

— А как же ты? — пролепетала она, но встретив взгляд друга полный решимости, поняла, что он не намерен спорить.

Ян грубо развернул ее в сторону аллеи и толкнул в общей поток, где ее тут же зажали со всех сторон и понесли к выходу. Сам он устремился к помосту, на котором еще недавно бесновались музыканты. Развернув голову, Дея увидела сквозь мерцающую сетку купола, как к бегущему Яну уже подлетает Маюн. Ее друг выскользнул наружу, приподняв краешек полотна и запрыгнув на спину Страж-питие, скрылся в сгущающихся сумерках, то и дело растворяемых красными всполохами.

Дею неотвратимо несло к светящимся вратам. Люди ступали в них и тут же исчезали. Ей самой казалось безумием вот так вот

кидаться невесть во что и все же она тоже сделала шаг вперед.

Это было даже не дежавю, с ней совершенно точно такое уже происходило: радужный свет и коловращение красок, ощущение полета, столь стремительного и головокружительного, что казалось, тебя вот-вот вывернет наизнанку. Только длилось оно на этот раз секунд пять, не дольше.

Приземление ее отнюдь не порадовало — она больно ударилась кобчиком, наверняка испачкав платье, но это были мелочи по сравнению с обуявшей ее паникой. В этом лесу окруженном скалами она однажды уже была, и в тот раз это место не сулило ей ничего хорошего. Правда сейчас Дея оказалась здесь в компании доброй половины Мрамгора, но люди, что толпились неподалеку от врат, тоже выглядели потерянными. Они, как и Дея не понимали, что происходит, просто жались друг к другу и озирались по сторонам.

Свечение врат постепенно угасало, но багортцы все еще прибывали, хотя и не с той интенсивностью, что в начале. А когда радужное мерцание уже практически расселялось, и контуры магического коридора стали расплываться, в их тусклом свете возникла фигура Влада. Он не спешил ступать на землю, и видимо, довольно комфортно себя чувствовал в пространстве белого марева и воздушных завихрений в отличие от тех, кого просто выбрасывало на землю как попало. Обведя присутствующих взглядом, он на секунду задержал внимание на Деи и тут же исчез, унося с собой последние остатки света.

Оставшись в полной темноте, Дея поняла, что самообладание покидает ее окончательно. Где-то рядом заплакал ребенок, его призыв о помощи подхватили некоторые женщины.

Глава 13

Что понял Вайес

Что понял Вайес

Они еще долго находились в ведьмином кольце без света и понимания того, что происходит за его пределами. Веды же появились лишь ближе к утру, с фонарями и хорошими вестями. Страшащихся возвращаться в свои дома горожан, они уверили в том, что на Мрамгор обрушился звездный дождь — редчайшее природное явление, которое если и повториться, то не раньше чем лет через триста.

Изможденные бессонной ночью и тревогами люди последовали за хозяевами их ночного укрытия, и многие впервые стали свидетелями того, как открывается проход в скале.

Дея поняла, что в замок ей предстоит идти уже знакомым путем и мысленно приготовилась к долгой прогулке, перебирая в голове ужасные картины, в каждой из которых фигурировал покаченный Ян. Но, видимо, в качестве компенсации за нескончаемую тяжелую ночь ей было даровано явление друга, целого и невредимого, разве, что немного бледного.

Он стоял под одним из раскинувшихся вязов, облокотившись о ствол и скрестив на груди сильные руки. Рядом с ним уютно устроившись во мху, дремала Маюн.

Дея кинулась к нему, забыв обо всех приличиях, подбирая подол платья чуть не до колен.

— Проклятье, Ян! Как я перетрусила. Мой предательский мозг нарисовал кучу страшных картин, в которых с тобой случалось что-нибудь ужасное, — протараторила она, повисая на шее друга.

— Что, например? — смеялся Ян. — Неужели меня обрядили в костюм зубной феи?

— Ян! — она заколотила по его груди своими маленькими кулачками.

— Брось, Дея, — говорил он, обнимая ее бережно, словно цветок. — Я же теперь Сагорт и обязан участвовать в происшествиях такого рода.

— Знаю, — устало проговорила Дея. — Я и раньше частенько тревожилась за тебя, теперь видимо это состояние станет перманентным.

— Я обещаю, что буду беречь себя… — он запнулся, — для тебя, если ты этого хочешь.

— Не давай обещаний, которые не в силах выполнить. Ты рисковый, Ян, слишком рисковый. Но, видимо, Хранители такими и должны быть, — сказала она, устраиваясь на спине огромной птицы.

Они летели не спеша, в густой, почти вязкой хмаре, и Дея ощущала, как эта сизая муть проникает в нее саму, как обволакивает разум, туманит его и вместе с тем высвобождает из сердца страх.

Приземлившись у бокового входа в замок, Маюн коротко попрощалась с ребятами и отбыла, оставив их наедине.

— Почему она не высадила нас на башне как обычно? — поинтересовалась Дея.

— Потому что наша башня сейчас за границей облаков, — пояснил Ян, — Веды выставили дополнительную защиту на сегодняшней день, просто чтобы жителям было спокойней. Но я так понял, что на самом деле нам ничего не угрожает.

— А что происходило в городе, пока мы торчали в этом дурацком кольце?

— Честно говоря, ничего особенного. Для меня там работы не сыскалось. В основном все делали Веды, и Вайес настоял, чтобы все оставшиеся в городе укрылись под куполом, пока те делали свое дело, поэтому сегодняшнюю ночь я провел на площади. А когда узнал, что жрецы послали гонцов за укрывшимися в их логове, отправились встречать тебя.

— Значит, у нас обоих ночь состояла из сплошного ожидания?

Ян хотел было что-то ответить, но услышал голоса и насторожился.

Они уже преодолели почти все ступени бокового входа и были готовы ступить на площадку, но замерли в нерешительности. Разговаривало двое мужчин и разговор этот, судя по интонациям, был весьма наряженным. Дея сразу узнала голос Вайеса, звучащей непривычно взволнованно и даже как-то моляще.

— Но ведь ты сделал это, Влад — жертвовал собой ради них!

— Нет! — неожиданно грубо рявкнул в ответ Вед и развернулся, чтобы уйти, но увидав застывших в нерешительности друзей, остановился и снова обернулся к Вайесу, — Я сделал это для нее, — проговорил он чуть слышно.

Не успел Вайес ему что-либо ответить, как Влад стремительно сбежал по ступеням и растворился в утреннем тумане. Верховный Хранитель так и остался стоять глядя вдаль, будто мог различить в густом тумане очертания удаляющейся фигуры в черном.

— Вайес, — осторожно обратилась к нему Дея, отметив про себя, что глава Мрамгора выглядит постаревшим лет на десять. — С вами все в порядке?

— А, что? — встрепенулся он. — Да, да все в порядке, идемте

в замок, — и он отворил тяжелую дверь, пропуская ребят вперед.

В гнетущем молчании они поднялись по лестнице на второй этаж, и Дея уже хотела было попрощаться с Вайесом, но он остановил их.

— Скажите, моя дорогая, а когда вы успели познакомиться с Владом? — поинтересовался он.

— На турнире, — ответила она, покраснев, — он сел рядом со мной, пока шли испытания в подземелье.

— Вы успели сдружиться?

— Я бы так не сказала, — непроизвольно хмыкнув, ответила Дея.

Вайес задумчиво и как-то по-новому, как будто впервые видит, посмотрел на Дею.

— Когда мы выходили из замка первый раз, этот парень следил за нами на рыночной площади, — встрял Ян. — Вам не кажется, что к нему надо бы присмотреться, уж больно он странный.

— Влад — молодой человек со странностями не спорю. Но мне думается, его просто пленила Деина красота. Отсюда такая самоотверженность.

— Что вы имеете в виду? — спросил Ян.

— Он рисковал жизнью, творя врата под звездным дождем, чтобы переместить людей в безопасное место. Конечно, в такой суматохе вы могли этого не заметить.

— Мы заметили, — буркнул Ян.

— А то, что он сказал перед уходом, слышали?

— Что он сделал это для Деи, — тихо проговорил Ян.

— Именно! — Вайес улыбнулся. — Красивые женщины, часто толкают мужчин на бесшабашные поступки. Но ради вашего спокойствия я все же присмотрю за ним. А сейчас я с вами попрощаюсь, нам всем следует отдохнуть.

— До свидания, — прошелестела Дея.

Ян же просто кивнул и поволок совершенно растерявшуюся подругу в ее комнаты.

— Дея, что Вайес имел в виду? Ну, я по этого психа.

— Мне кажется, не больше того, что он озвучил.

— То есть он спас всех празднующих только потому, что на самом деле хотел спасти тебя?

— Я-я-ян, — умоляюще простонала Дея, — я поняла не больше твоего. К тому же Вайес, скорее всего, ошибается, а мы не правильно поняли Влада. Он же не сказал — «хотел спасти Дею». Он сказал — «ее». Мало ли кто это может быть.

— Нет, Дея, нет, Вайес понял все правильно, я уверен, — настаивал Ян.

— Послушай, я ужасно устала, давай обдумаем все это, когда немного отдохнем. Хорошо? — Она приподнялась на цыпочки и чмокнула его в щеку, — встретимся в обед.

— Хорошо, — промямлил Ян, осторожно касаясь поцелованной щеки, — я за тобой приду.

Дея зашла в свои комнаты и устало опустилась на кровать, стягивая туфли. Бессонная ночь в тревогах давали о себе знать, но больше всего выбивало из колеи то, что сказал Вайес о Владе. Правда она была так измотана, что не могла сосредоточиться и обдумать немыслимое предположения верховного Хранителя, поэтому просто разделась и моментально уснула.

Глава 14

Белый остров

Белый остров

После обеда они решили отправиться в библиотеку. Яну нравилось Деино участие в его образовательном процессе. Если бы она не настаивала на том, что нужно больше времени проводить за книгами, он, наверное, так ни в чем и не продвинулся бы. Не то чтобы он так уж не любил чтение, просто физические тренировки делали его счастливым, в то время как монотонные теоретические занятия приносили лишь удовлетворение от выполненной работы, и то, лишь в том случае, если хоть что-то откладывалось в голове. Это конечно тоже было не мало, но с полетами в небе не шло ни в какое сравнение.

За девятнадцать лет проведенных в другом мире Ян многому научился, но вряд ли он мог с должным успехом применить эти знания и навыки здесь — в Багорте. А посему, хотелось ему того или нет, он вынужден был просиживать в библиотеке по нескольку часов в день.

Сагорт Тоил завалил его томами по истории родного государства, легендами и мифами о первых Хранителях, а также всевозможными словарями — необходимыми инструментами в освоении письменности. Ян радовался, что им по крайне мере не пришлось учить язык, потому как его они понимали каким-то мистическим образом, который даже для самих багортцев был загадкой. С письменностью же дела обстояли печальней. Читать по слогам Ян научился, но для освоения необходимого материала требовалась скорость, которая упрямо не желала развиваться. И если бы не Сагорт Тоил, дававший им с Деей уроки грамматики, то, вероятно, о прогрессе можно было бы только мечтать.

Чтобы помочь другу в его нелегком деле и чаще бывать вместе, Дея оказывала посильную помощь в его начинаниях, проводя за пыльными книгами не меньше времени чем сам Ян. Она читала то, что подбирал для Яна Тоил, а вечерами они устраивались в его комнате у камина, утащив с кухни яблоки или даже кусок пирога если повезет, и Дея пересказывала прочитанное Яну. Он в свою очередь тоже рассказывал ей что-нибудь особенно впечатляющее.

Это время суток Ян ожидал с особенным трепетом. Но сегодня он вряд ли сможет о чем-то рассказать: сосредоточиться на учебниках ему так и не удалось, из головы упорно не выветривались слова Вайеса о том, что этот заносчивый, чернявый тип, желая спасти его Дею, вздумал проявить жертвенность, видите ли. Это он — Ян всегда был рядом

с ней, защищал и оберегал. В его сокровенных мечтах он оказывался поблизости в момент наивысшей опасности и спасал свою королеву от неминуемой гибели. После чего, по закону жанра следовали пылкие признания и страстные ласки. Впрочем, ласки могли быть какими угодно, главным в этих мечтах было их наличие, как и ореол героизма над его вечно лохматой головой.

Но вот ведь подлость! Когда этот долгожданный момент настал, какой-то самовлюбленный хлыщ (пусть и весьма импозантный) вздумал рисковать жизнью ради мало знакомой ему девушки — ради его Деи!

По собственному разумению Яна, Дея действительно заслуживала внимания и даже восхищения, но прожив в Мрамгоре два месяца, она ни с кем так и не сошлась по-настоящему близко, Ян по-прежнему оставался ее единственным другом. Так почему же сейчас, он должен ее с кем-то делить?!

Раньше он не допускал мысли, что в жизни Деи может появиться парень, который просто придет и уведет ее за собой, пока он молчит о своих чувствах. Но сегодня мысли именно такого характера не давали ему сосредоточиться на занятиях. Единственное, что его обнадеживало, так это то, что Дея не выказала к нему никакой симпатии. С другой стороны, она всегда была довольно замкнута и делилась далеко не всеми своими впечатлениями.

— Ян, — позвала Дея, пришибленного грузом тяжелых мыслей друга.

— А! — встрепенулся он.

— Ты уже полчаса изучаешь один разворот.

— Да? — опомнился он. — Э-э-э, текст сложный.

— Серьезно? — Дея окинула его внимательным взглядом, — а мне показалось, что на этом развороте одни иллюстрации.

— Действительно, — он нервно хихикнул, посмотрев, наконец, в книгу и удостоверившись, что подруга права.

— Пойдем-ка, — позвала она, вставая со скамьи и забирая у Яна книгу.

Он помог ей собрать те, что читала она и, расставив их по полкам, они направились в комнаты.

Пока Ян разжигал в камине огонь, Дея пересказывала прочитанное, устроившись на диванчике и обложившись подушками. Сегодня она выбрала повесть о великой Веде, которая поплатилась свободой за то, что пыталась помочь людям.

— Далеко за Лимонной рекой и Медовыми полями есть Дурман остров, — пересказывала она прочитанное. — Когда-то это была одна из самых плодородных земель в окрестностях Мрамгора. Реки Там и Сям протекали вдоль этих земель,

а на заливных лугах паслись стада самой богатой и благополучной деревни близ столицы.

Когда огонь занялся, Ян принес из комодика в спальне пару яблок и бутыль морошкового сока.

— Как тебе удалось выпросить у Ведары столько сока? — поразилась Дея, улыбаясь.

— Ты меня вдохновляешь, — произнес он с нежностью. — Я же знаю, ты его любишь.

— Я-я-ян, — протянула она, даря ему самую лучшую из своих улыбок.

— Да я просто сказал ей, что ты как всегда не успела на ужин, и она передала это для тебя. Ты же знаешь, что она к тебе не равнодушна. Ну, рассказывай, что там дальше про благополучную деревню, — попросил Ян, протягивая ей наполненный стакан.

— Ее постигла страшная участь, — продолжила она, делая глоток сока. — В деревне стали происходить странные дела. Почти все младенцы рождались мертвыми, что не роды — то трагедия в семье. А когда женщины стали боятся бременить, деревенские мужчины отправились за помощью к Ведам.

Долго не могли разобраться в природе этой напасти, но потом одна из ведуний — Морита Кария, обратилась за помощью к своему старинному другу. Тот присоветовал ей исцелять матерей травяным зельем и дал его рецепт. Оказалось, что в Багорте не хватает одного растения — дурмана обыкновенного. Но находчивый и сердобольный друг, предложил свою помощь и рассказал Морите, где добыть диковинную травку. И даже отправился вместе с ней на ее поиски. Вернулись они через пару недель и привезли прекрасный дар, который впоследствии обернулся проклятьем.

Морита передала семена одной из женщин, что выращивала лучшие травы в той деревне и вскоре они проросли — прекрасные белые цветы, чьи бутоны, Ведунья собирала для отвара. Недуг в конечном итоге победили, вернув женщинам радость материнства. Жители были счастливы, и все вернулось на круги своя, но всего на один год. Следующей весной все поля окрасились изумрудом и охрой, ультрамарином и кроваво-алым, нежно-розовым и янтарным и только сад той женщины, что посадила дурман-траву, сиял белизной. Это было начало конца.

Трава эта была лекарством лишь в небольших количествах, а разрастаясь, она косила скот, потому что оказалась страшнейшим одурманивающим средством для простых смертных. К тому же она завладевал полями и садами с поразительной скоростью, вытесняя все прочие растения.

Дурман-трава уходила корнями глубоко в землю и отравляла даже саму почву, так что вскоре и древесные плоды стали ядовиты. Те, кто их ел, впадали в забытье. Скот пал, потому что вскоре лишился корма. Люди оставшиеся в разуме бежали в город, побросав свои угодья и некогда плодородные земли.

Ни одна из попыток Мориты свести дурман-траву, не увенчалась успехом. И тогда собрался совет Хранителей Багорта. И был суд. Морите, присудили пожизненное заточение.

Веды Багорта сделали все, чтобы ситуация не приняла устрашающих масштабов. Им пришлось закольцевать реки Там и Сям, зажав тем самым деревню в блокаду. Сейчас от той деревни остался лишь остров засеянный белыми цветами. Он по-прежнему зажат в кольцах двух рек, и пока они держат его, дурман-трава не распространяется дальше.

— Почему Мориту так строго судили? — ужасался Ян. — Она ведь хотела помочь.

— В Багорте очень строгий закон. Все Веды вмешиваются в дела Вселенной и должны нести полную ответственность за свои поступки. Если от действий Веда пострадают ни в чем не повинные люди, то наказание за проступок — смерть.

— Почему же ее тогда не казнили?

— Вайес вымолил для нее пожизненное заточение.

— Ужасная история, — Ян потряс головой, будто пытаясь вытряхнуть из нее Деин рассказ. — С чего ты вообще решила читать про это?

— Это история Мрамгора, Ян. Она имела огромный резонанс во всем мире Ведов и запечатлена в галереи витражей.

— У нас в замке? — поразился Ян.

— Да, в этом замке.

— Ну и дела. Надо будет посмотреть на этот витраж.

— Я не против. А ты расскажешь мне, о чем сегодня прочитал?

— Если честно, я сегодня был не особенно внимателен, и у меня ничего толком не усвоилось, — проговорил Ян, уставившись в свой стакан.

— Тогда, может быть, ты расскажешь, что тебя так рассредоточило?

Ян поежился. Ему казалось, что в его голове просверлили дырочку и пытаются разглядеть сквозь нее его самые сокровенные мысли.

— Ничего особенного, — выдавил он, усаживаясь рядом с Деей. — Просто я так и не отдохнул как следует после сегодняшней ночи.

— Да нет, Ян, — протянула Дея, сощурив проницательные

глаза, — тебя, что-то гнетет, но что именно ты мне сказать не хочешь.

Вместо ответа, он притянул ее к себе и по обыкновению зарылся лицом в ее волосах. Она же скинув туфли, забралась на диван с ногами и положила голову к нему на колени.

— Я не стану тебя неволить, когда будешь готов, расскажешь. Может я смогу помочь чем-нибудь.

«Можешь, Дея, можешь», — подумал он, перебирая ее волосы.

Они так и просидели на диванчике, молча слушая, как трещит в камине огонь, пока совсем не стемнело.

— Знаешь, Дея, — найдя в себе силы, заговорил Ян, — наверное, ты права и я действительно должен был уже давно сказать тебе об этом. Просто, я знаешь, ну… Я боялся и… Вобщем, я даже не знаю, как тебе сказать то… Дея? — он наклонился к ней и только сейчас понял, что она уже спит.

Осторожно встав с дивана, Ян бережно взял ее на руки и отнес на свою кровать. С минуту подумав, снять ли с нее платье, он все же решил оставить его. Накрыв Дею одеялом, он принес с балкона плетеное кресло и, поставив его у изголовья кровати, сел.

Посреди ночи он очнулся, поняв, то задремал прямо в кресле. Стащив с кровати покрывало, расшитое Деиной рукой, он как мог устроился на диване в соседней комнате и попытался отключиться.

Сон его был беспокойным. Ему грезилась поляна усеянная кашкой и кружащаяся в лучах заходящего солнц Дея. В своем коротеньком сарафанчике легкая и смеющаяся на этом бело-розовом цветочном покрывале, она подбегала к нему и обвивала своими тонкими руками его шею, а он целовал ее жадно и неуклюже, прикрывая глаза. Волнительное мгновение длилось и длилось, пока голова его не закружилась от этой карусели. Он открыл глаза и с отвращением обнаружил, что его образ сменился образом Влада, а сам он оказался лишь наблюдателем, стоящим в стороне. Вед вжался в его красавицу так, будто хотел пройти сквозь нее, а вместо кашки поле теперь было усеяно хищными, алыми маками.

Он проснулся, чувствуя, как по лбу стекает струйка пота. Резко сев, вытер лоб подушкой. Через открытую дверь спальни пробивался тонкий лучик утреннего солнца. Не без усилия поднявшись на ноги, он прошел в спальню. Дея спала лежа на спине, одеяло скинуто, волосы разметались на подушках, а тонкие губы разомкнулись, словно ждали прикосновения. Он посмотрел на нее продолжительным, тяжелым взглядом, затем склонился и попробовал их на вкус, слегка коснувшись, боясь

разбудить. Она поморщилась как от щекотки, и о, отпрянув, скрылся в ванной.

Большие перемены

Проснувшись, Дея сразу поняла, что спальня не ее. Занавески на окнах Яна были не белыми, а голубыми, а на стене весел меч в кожаных ножнах. Она сообразила, что все-таки отключилась вчера вечером, а Ян не стал ее будить и оставил у себя. Ей стало так неловко, что другу пришлось ютиться на диванчике, и он снова не выспится.

Она вскочила с кровати и, пригладив взъерошенные волосы, выглянула в каминную, но обнаружила там лишь скомканный плед, да рубашку Яна в куче подушек. Тогда она постучалась в ванную комнаты. Тишина. Толкнув дверь, Дея поняла, что и там его нет. Только направившись к балкону, девушка заметила белый квадратик на плетеном кресле, стоявшем у изголовья кровати.

«Встретимся у городского фонтана в час» — гласила записка.

Вернувшись в другую комнату и посмотрев на каминные часы, Дея решила, что слишком рано встала.

«Ну и хорошо, зайду перед встречей с Яном на рыночную площадь и хотя бы поинтересуюсь у того хитроватого продавца, сколько стоил его таинственный кулон», — решила она. Сейчас конечно у нее своих денег не было, но Вайес обещал, со временем подыскать ей какую-нибудь работу.

Понежившись в ванной, она тщательно вымола голову и высушив волосы пушистым полотенцем, принялась выбирать наряд. Это обыденное занятие, в очередной раз вынудило Дею, задуматься о том, какой она имела в Мрамгоре статус? С одной стороны — они с Яном незаконно вломившиеся в Багорт иноземцы без роду и племени, с другой — Ян занял пост Верховного Сагорта. Но она не Ян и ее роль во всей мутной этой истории по-прежнему не установлена, а Вайес тем временем присылал наряды, которые (как она успела уяснить) могли позволить себе только очень состоятельные дамы. Дею же никак нельзя было назвать состоятельной, скорее уж приживалкой. Роскошному шелку и изысканному креп-жоржету она предпочла бы еще одно ситцевое платьице, ведь простой крой и скромная ткань, больше соответствовали ее неопределенному положению. Но такой наряд в ее шкафу имелся всего один и предназначался он для работы в саду.

Вздохнув, Дея выбрала креп-жоржет и высокую прическу. По правде сказать, серебристый цвет и жемчуг ей очень даже нравились. Что не говори, а к хорошему быстро привыкаешь.

Укладывая волосы, она разглядывала свое отражение

в зеркале и вспоминала вчерашние слова Вайеса. С чего он взял, что Влад пленился ее красотой? Кем-кем, а уж красавицей она себя не могла назвать, даже с натяжкой. Кожа белая как мел, веснушки на носу и скулах, губы не достаточно пухлы, про грудь же и думать не хотелось. Не то чтобы ее совсем не было, грех жаловаться, бывает и хуже, но все ж таки хотелось чуть больше пышности. Единственным утешением были волосы — яркие, пышные, завивающиеся в крупные кольца, что хочешь с ними делай. Правда обратной стороной медали было то, что и ресницы с бровями имели тот же светлый оттенок.

В Багорте женщины мало отличались от питерских красавец, в чьих косметичках пряталось целое состояние. Радовало только то, что косметика здесь была исключительно натуральной. Вайес позаботился, чтобы на Деиных полочках в ванной комнате был целый арсенал столичной модницы — и румяна, и краска для бровей и ресниц, и даже помады в крохотных баночках, а батарея из пузырьков с маслами поистине поражала. Но из всего этого разнообразия она пользовалась лишь румянами, да иногда маслами.

Но хоть Дея и не считала себя красавицей, грустила она по этому поводу мало. Где-то в глубинах подсознания зиждилась мысль о том, что существует нечто более действенное нежели миловидная мордашка и изящные ножки. Как работают эти дивные механизмы, она понимала пока весьма смутно, но отчего-то была убеждена, что они невероятно сильны.

«Черт их разберет этих мужчин. Чем они там пленяются?», — подумала она и вышла из своих комнат, напевая легкомысленную песенку, которую сочленил Сив, работая в саду.

Покинув замок, она прошла по уже знакомому маршруту. Снова задержавшись у прозрачного дома, где трудились ткачи. Носатого зануды на этот раз не было и, забывшись, она разглядывала, как слаженно работают мастера.

— Несравненная Дея благоволит искусству? — раздался за ее спиной знакомый голос.

Дея вряд ли могла бы объяснить природу своих чувств, но ее отчего-то напугал этот голос. Она заставила себя развернуться как можно медленнее.

— Утро доброе, — поприветствовала она Влада бесцветным голосом.

— Скажи, что я могу сделать, чтобы ты улыбнулась мне так же, как своему другу?

— Для начала, научись здороваться.

— Брось, — ухмыльнулся он, — на самом деле, тебя мало волнуют такие мелочи.

— Я совсем забыла, ты не признаешь общепринятых правил, даже если это правила приличия, — сказала она и прошла мимо него, намереваясь выйти на проспект.

Влад обогнал ее и преградил дорогу.

— Что, вот так и уйдешь?

— Если бы на твоем месте был кто-нибудь другой, то я, конечно, объяснила бы, что у меня назначена встреча и я тороплюсь. Затем попрощалась и возможно пожелала бы доброго здравия. Но тебя ведь мало волнуют такие мелочи, не правда ли?

Влад смотрел на нее с нескрываемым интересом, и Дея впервые решившись взглянуть ему прямо в глаза. Она отметила, что они не просто абсолютно черные, но и необыкновенно блестящие, словно стеклянные. Рыжими точками в них отражались ее волосы, а на переносице залегла крохотная морщинка.

«Ему от силы двадцать, ну может двадцать три, а уже морщинка появилась», — подумала она.

— Ты действительно могла не говорить этого, потому как я и так знаю, что у тебя назначена встреча с твоим другом. Именно поэтому я и ошиваюсь здесь.

У Деи пересохло в горле. Она опешила, не зная, что и ответить на столь самообличающее заявление.

— Я уже привык, что при разговоре со мной людей частенько охватывает оторопь, но признаться, от тебя этого никак не ожидал, — с деланной тревогой проговорил Влад.

— А как должны реагировать люди, которым без зазрения совести сообщают, что следят за ними? — выпалила она с вызовом.

Влад громко рассмеялся, запрокидывая голову.

— Я не слежу, а всего лишь подкарауливаю тебя. А про твою встречу случайно узнал.

— Как узнал? — спросила она требовательно, — и где выяснил, что я пойду именно этим путем?

— Видел твоего парня на базаре, он говорил кое-кому, что встречается с тобой в городе. А жду здесь, потому, что это ближайший путь из замка в город.

— Он не мой парень, — раздраженно процедила Дея.

— Да, да ты уже говорила, — отмахнулся Влад и немного помедлив, добавил. — Интересно, а он в курсе?

— В курсе, — отчеканила Дея.

— Вот и славно! Значит, у тебя на одну причину меньше отказывать мне.

— У тебя ко мне просьба? — удивилась Дея.

— Скорее предложение, но в общем как тебе больше

нравиться, — он сделал глубокий вдох, после, которого последовала секундная пауза. — Мы пересекались уже трижды, но толком пообщаться, как-то не довелось. Я жду тебя здесь, чтобы попросить, уделить мне пару тройку твоих драгоценных часов.

Деины брови непроизвольно поползли вверх.

— Ты согласишься подарить мне немного времени, скажем, завтра? — уточнил Влад свой вопрос, видя Деино замешательство.

Девушка открыла, было, рот, чтобы отказать ему, но неожиданно в ее голове всплыл вопрос, — «а почему собственно я должна ему отказывать? Только потому, что он пугающе неординарный или потому, что чересчур авантажен, а может потому, что какая-то несчастная девчонка, однажды обиженная им, пыталась предостеречь меня от опрометчивых поступков?»

Да он пугал ее, пожалуй, даже больше чем притягивал. И все же, она не желала ему отказывать. Особенно когда он так смотрел.

— Ладно, — не выдержал затянувшейся паузы Влад, — вижу ты не в силах принять столь сложное решение в одночасье. Что ж, дабы не получить отказ ненароком, подожду твоего ответа до вечера. Я пришлю к тебе за письмом своего друга. Часам к девяти ты сможешь определиться?

— Да, — только и смогла вымолвить Дея.

— Отлично! — он облегченно прихлопнул в ладоши, будто они только что заключили сделку на миллион. — Пес придет к воротам сада в девять, передай ему записку.

— Какой пес? — пролепетала поражаться Дея.

— Вот этот, — сказал Влад, когда из-за дома показалась черная, косматая псина с глазами похожими на горящие фонари.

Влад посмотрел на Пса и тот подошел к нему, послушно сев у ног хозяина.

— Это и есть твой друг? — спросила Дея, приподнимая недоверчиво одну бровь.

— Да, — сказал Влад, на удивление нежно потрепав собаку по загривку. — Мой лучший и единственный друг. Я конечно не Сагорт и не всегда понимаю, чего он пытается до меня донести, но мне вполне достаточно того, что он понимает меня.

— Да ну?

— Пес, придешь когда стемнеет к замковым воротам и заберешь у нее письмо, — сказал Влад, обращаясь к собаке.

Та моргнула ему своими желтыми глазищами и, развернувшись, потрусила прочь.

— Как ты это делаешь? — восхищенно спросила Дея.

Влад довольно улыбнулся, не стесняясь, разглядывая ошарашенную Дею.

— У меня есть пара трюков в рукаве.

«Позер», — подумала девушка, но вслух учтиво пропела, — приятно было пообщаться. — Сделав легкий кивок, она направилась к проспекту.

— В самом деле? — крикнул ей в след Влад, но она ничего не ответила.

Свернув на проспект и пройдя несколько домов, Дея обернулась, чтобы удостовериться, что Вед не пошел за ней. Хотя она, конечно, понимала — от него вряд ли можно было скрыться в недрах его собственного города. А если он захочет остаться не замеченным, то найдет способ сделать и это.

Не прошло и десяти минут с тех пор как они расстались, а Дея уже готова была признать — девушка, предостерегающая ее от связи с опасным разбавителем сердец, все же оказалась права. Она, как и прочие несчастные, попала под влияние его чар, и даже не пыталась скрывать от самой себя, что ответ у нее был готов почти сразу после того, как прозвучал вопрос. Сейчас она жалела, что не воспользовалась советом печальной девушки и ничего не разузнала о Владе. Единственное, на что она могла опереться — это на свои собственные наблюдения. А наблюдения были не утешительные — в нем не чувствовалось ни капли смущения или беспокойства, что ему откажут в просьбе. Но если вспомнить что он невероятно самоуверен, это и не удивительно.

Дея внезапно разозлилась на себя за то, что позволила какому-то напыщенному индюку, одурачить ее. Но было уже поздно; она знала, что не изменит своего решения и встретиться с ним завтра. Любопытство не в первый раз взяло верх.

За этими думами девушка и не заметила, как прошла весь проспект, приблизившись к рыночной площади. Возгласы продавцов привлекавших внимание к своему товару, ароматы благовоний и снующие туда-сюда мальчишки с телегами, вернули ее в реальный мир. Она попыталась вспомнить где же была палатка того ювелира, что пытался всучить ей кулон, но не успела и сориентироваться, как услышала за своей спиной родной и знакомый с детства раскатистый смех.

Обернувшись, Дея увидела Яна. Он стоял в паре аршин от нее, в обществе все той же веселой девицы с кудряшками. На этот раз она не пыталась ему ничего продать, а отвратительно хихикала, бесцеремонно хватая его за руки.

Дея отметила, что ее раздражают румяные щечки и маленький пухлый ротик, копна пушистых волос

и удивительная синева озорных глаз, смотрящих на Яна с нескрываемым обожанием. К своему ужасу она вдруг осознала, что в каком-то неистовом порыве направляется к ним чуть ли не бегом. Взяв себя в руки, Дея замедлила шаг и приблизилась к Яну со спины, как всегда легко и неторопливо. Проскользив по спине парня, ее тонкая рука обвила его шею, и он вздрогнул.

— Дея?! — удивленно воскликнул он, оборачиваясь.

— Я проснулась, а тебя рядом нет, — протянула она, надувая губки и тайком поглядывая на Ждану, которая побелела словно фасад замка в лунную ночь.

— Извини, что ушел, не разбудив, просто я хотел сделать кое-какие покупки до нашей встречи, — оправдывался Ян, совершенно не замечая, что воздушное пространство вокруг него вот-вот наэлектризуется.

— Но ты ведь уже сделал их? — лениво поинтересовалась Дея, наматывая выбившийся локон на палец.

— Да.

— Тогда, может, пойдем, если конечно, у тебя нет еще каких-нибудь дел? — спросила она, поднимая на него свои зеленые глаза.

— Нет, нет, — торопливо ответил Ян, — я уже все купил.

Дея взяла его под руку.

— До свидания, Ждана, — смущенно попрощался с торговкой Ян, а Дея лишь бросила на нее молчаливый, предупреждающий взгляд.

Причина, по которой Дея пришла на площадь, конечно, выветрилась из ее головы, как только она увидела своего друга в обществе этой непростительно хорошенькой торговки. О своем намерении узнать стоимость жемчужного кулона, Дея вспомнила, лишь когда они уже шли мимо гостевой «Лимонная река».

«Ладно, если это моя вещь, то она меня дождется», — решила девушка.

По правде сказать, кулон ее сейчас беспокоил меньше всего. Не успела она прийти в себя от встречи с Владом, как ее настигло новое потрясение.

Дея шла, потупив взгляд, а от ее всегда безупречной осанки не осталось и следа — плечи поникли, а руки безвольно болтались как плети. Щемящее и выводящее из равновесия чувство стыда все больше овладевало ею. Какое она имела право, вести себя по отношению к Яну так бесцеремонно?

«Как пошло и глупо», — думала Дея, проигрывая в голове недавнюю сцену на площади. «И кто ж меня дернул?» Но тут же она сама себе отвечала, что сподвигло ее на такое поведение чувство собственничества. «Но я же не думала, что Ян всегда

будет принадлежать только мне? — мысленно спрашивала она себя. — Конечно, не думала, просто не позаботилась подумать об этом!»

Это ни к чему хорошему не приводящее самоедство могло бы длиться еще довольно долго, если бы Ян не исправил ситуацию.

— Эй, Дея, — позвал он витающую в своих мыслях подругу, когда та наткнулась на поребрик, и чуть было не споткнулась, — что с тобой стряслось, а?

— Ой, — встрепенулась она, — ничего Ян, ничего. А, что за покупки ты делал, пока я спала, если не секрет? — поинтересовалась она, стараясь придать тону жизнерадостность.

Ян неожиданно смутился.

— Если честно, — начал он, — я хотел дождаться вечера. Ну, когда мы разожжем камин и… — он запнулся. — Но боюсь, что до вечера я не дотерплю, — сказал он, вынимая из-за пазухи маленький сверточек. — Пойдем.

Он взял ее за руку и отвел к огромному и очень старому фонтану, занимавшему всю круговую площадь, от которой в разные стороны, словно лучи отходило четыре улочки и проспект.

Фонтан был невероятно красив и мрачен, видимо из-за чрезмерной обветшалости. В центре каменной чаши сидели на валунах три русалки и из раковин, что они держали в своих тонких руках, поднимались высокие струи кристально чистой и прохладной воды.

— Закрой глаза, — попросил ее Ян, подводя прямо к бортику каменной чаши.

— Зачем? — удивилась Дея.

— Не спрашивай, просто закрой глаза.

Дея не стала спорить. Сейчас она была готова сделать все, что бы Ян ни попросил. Она послушно закрыла глаза, а он зашел ей за спину и зашуршал оберточной бумагой. Дея почувствовала в ямочке, что между ключицами приятную прохладу и тяжесть какого-то предмета. Не удержавшись, она открыла глаза, но на предмет так и не взглянула, потому что на одной из улочек стоял Влад, глядя на нее словно коршун.

Дея была так взволнована его взглядом, который, казалось, на расстоянии мог обратить ее в пыль, что не почувствовала, как Ян легонько коснулся губами ее шеи, застегивая на ней цепочку.

— Открывай, — разрешил он, но Дея уже видела свое отражение в воде.

У нее на шее висел тот самый кулон с розовой жемчужиной.

— Этот старый пройдоха утверждал, что тебе приглянулся именно он, — лепетал Ян. — Надеюсь, он меня не обманул.

— Я-я-ян, — протянула Дея, — он несказанно красив. Ты не поверишь, но я пришла на базар, чтобы спросить у этого пройдохи, как ты совершенно верно заметил, стоимость этого кулона, да совсем позабыла, увидев тебя… — она запнулась и бросила украдкой взгляд в сторону той улочки, где стоял Влад, но его, конечно, уже и след простыл.

— Он сказал, что это старинный кулон и будто бы когда-то, он принадлежал династии Ладгальд, но с тех пор как все они вымерли, желающих носить их реликвии не нашлось. Тебе действительно приглянуться именно он?

— Да, — проронила она.

— Это интересно?

— Почему? — удивилась Дея.

— Ну как же! Ты, наверное, забыла, я рассказывал тебе о династии Ладгальд, которые испокон веков были Хранителями Синего леса. Их ребенок пропал при странных обстоятельствах, а мать умерла от горя, оставшись один, скончался и отец. С тех пор Синий лес дичает без Хранителя. Этот кулон принадлежал матери пропавшего ребенка.

— И, что из того?

— А то, что из всех украшений, которые были у этого торгаша, ты выбрала именно этот кулон. А ведь он даже не самый красивый из того, что у него имелись. Я присмотрел для тебя изумрудные серьги, но продавец сказал, что помнит тебя, а также помнит, что тебе понравилось именно это украшение. Я решил, что торгаш не врет потому, что он терял в деньгах. Кулон хоть и старинный, но все же это жемчуг, а не изумруды.

— Ян, ты опять пытаешься все усложнить, — Дея покачала головой. — Я просто люблю жемчуг, только и всего. И конечно, еще тебя, — добавил она, смеясь и целуя его в щеку, — спасибо за подарок, — пропела Дея, снова разглядывая свое отражение.

Гуляли они не долго, потому что погода портилась и Дея стала зябнуть.

— Надо бы заказать у Вилы плащ для тебя, — размышлял Ян, когда они подходили к воротам замка и их настиг мелкий дождик. — Раз ты теперь выходишь в город, он может тебе пригодиться.

— Ян, ты решил спустить все свое жалование на меня? — с нежным укором спросила Дея.

— Почему бы и нет?

— Потому что это твое жалование и тебе тоже могут понадобиться разные вещи. Ты кстати выкупил у Ждана плащ? Ты вроде как ей обещал.

— Выкупил. Она даже уступила мне в цене, хотя я

и не просил.

«Почему-то я не удивлена», — подумала Дея, но вслух спросила, — где же он?

— Она сказала, что пришлет его в замок.

— Вот это сервис, — только и вымолвила Дея.

— Давай поторопимся, может, успеем к обеду, и нам достанется похлебка из зайчатины, мы ее уже трижды упускали, — предложил Ян, открывая перед Деей тяжелые двери замка.

— Давай, — согласилась она и припустила по лестнице, — как в детстве, кто быстрее? — крикнула она ему.

Ян в три прыжка настиг подругу и, схватив под мышку, пробежал так целый пролет.

— Давай никогда не вырастать, — предложила девушка, когда он поставил ее на пол.

— Поздно, Дея, мы уже выросли, — произнес Ян с грустью и стал взбираться по лестнице, опережая подругу.

Трапезная бала полна народу, но на общем столе все еще оставалось много разносолов. Отыскав среди горшочков, супниц и тарелок с различной снедью похлебку из зайчатины, ребята налили себе по полной миски и уселись на два свободных места у кадки с карликовым деревцем.

— После обеда надо все-таки зайти к Виле, — не унимался Ян.

— Нет, нет, нет, — протестовала Дея, отрываясь от похлебки, — я категорически против того, чтобы ты разбазаривал свое жалование с такой скоростью. К тому ж, я не хочу чувствовать себя обязанной, — тихо добавила она.

— Обязанной? — вскричал Ян, отчего-то сильно разозлившись.

— Ян, Ян, успокойся, пожалуйста, — попросила Дея, — люди смотрят.

Ян раздраженно уставился в свою тарелку.

— Это, знаешь ли, как-то оскорбительно даже! — бушевал Ян. — Ты, что же думала, я, начав зарабатывать, не позабочусь о том, чтобы у тебя было все необходимое? Да зачем же мне тогда по-твоему, вообще нужно жалование?

Дея непроизвольно вжалась в стул, ошарашенная таким заявлением. Никогда она не считала себя вправе, рассчитывать на его содержание. На это по ее представлениям могли претендовать лишь жены или, по крайней мере, любовницы. Подруги могут лишь подарки принимать, да изредка помощь в самых отчаянных положениях. Но Ян хотел безжалостно расколотить ее принципы, словно они были хрупкими гипсовыми

фигурками.

Дея смотрела на раскрасневшееся лицо друга и смутно ощущала, что сейчас происходит какая-то подмена, что в эту самую минуту пред ней вскрывается некий нарыв, мучающий ее друга уже давно. И это страшило ее, потому как она вдруг осознала, что не готова к тому, что сейчас вывернется перед ней наизнанку.

— Ян, — начала она осторожно, — мы выросли, не нуждаясь ни в ком кроме друг друга, но только лишь потому, что в том мире мы не были никому нужны. Здесь ты обрел свой путь и у тебя появились друзья и даже поклонницы, — она улыбнулась одними губами. — В твоей жизни теперь не только я…

Ян смотрел на нее стеклянными глазами, казалось, не слушая, а потом неожиданно перебил.

— Значит все это время, ты была моим другом только потому, что думала, будто до тебя нет никому дела? — проговорил он надтреснутым голосом. — А теперь появился загадочный кавалер, который рискует ради тебя жизнью, и ты не желаешь быть мне ничем обязана?

— Что ты такое говоришь, Ян?! — воскликнула Дея, и парочка за соседним столом бросила на них укоризненные взгляды. — Ты был моим другом, — продолжила она чуть тише, — потому что другого мне никогда и не надо было! Ни тогда, ни сейчас. Просто Вайес однажды сказал мне, что у тебя не было выбора, дружить со мной или нет, потому как я была единственной частичкой Багорта там — в другом мире, и ты инстинктивно стремился оберегать меня, потому, что у Хранителей это в крови.

— Я стремился к тебе, что тогда, что сейчас, потому что люблю тебя, дурочка! — неожиданно выпалил Ян, вскочив с места.

Он выбежал из трапезной, так и не доев похлебку, а Дея осталась сидеть прикованная к стулу несколькими десятками глаз. Чопорная пожилая дама, встав из-за соседнего стола, наградила ее уничижительным взглядом, посоветовав, выбирать не столь многолюдные места, для выяснения отношений.

Собрав остатки воли, Дея поднялась и на негнущихся ногах вышла из трапезной. Движения давались ей с трудом, она шла словно по морскому дну — с усилием передвигая ноги, а вокруг нее бесформенной массой клубились новые откровения, путая мысли.

Она направлялась к комнатам друга, просто потому, что не знала, куда ей еще сейчас идти. Походила она в эту минуту на задурманенную принцессу, которую чья-то незримая рука

ведет в неизвестном никому направлении. Остановившись у дверей, она с минуту помедлила, словно силилась распознать в них нечто знакомое, потом тихонько постучала. Ответа не было, она постучала громче. Опять ничего. Тогда повернув ручку, она толкнула дверь, та оказалась не запертой.

Обследовав комнаты, Дея поняла, что Ян сюда не возвращался с самого утра, а дверь открытой оставила она сама, когда уходила утром. Обессилив, она упала на кровать и обняла его подушку, вдыхая такой родной запах скошенной травы, к которому теперь подмешивался аромат сандала, так полюбившейся Яну в Мрамгоре.

— Где же ты сейчас, дружочек, — простонала Дея, все глубже зарываясь лицом в подушку.

И тут ее осенило. Она вскочила с кровати и побежала на смотровую площадку, забыв свои туфли на его ковре.

Ян стоял, опершись обеими руками о каменные перила и смотрел в небо, видимо ожидая Маюн.

— Я-ян. — позвала его Дея слабым голосом, выглядывая из прохода.

Он обернулся, и девушка заметила, как его лицо и шея наливаются краской. Ян бросил на нее короткий взгляд и тут же отвернулся. Тогда Дея сама приблизилась к нему. Она положил свою руку на его плечо, и по спине Яна тут же пробежала судорога. Даже через рубашку Дея ощущала, как горит все его тело.

— Ян, дружочек, — позвала она снова.

Он не повернулся.

— Я тоже люблю тебя, Ян, — продолжала шептать Дея. — Ты же мне как брат, ты мой самый родной человечек.

На этот раз Ян обернулся, и она оторопела от его взгляда. Словно тысяча факелов горело в нем толи ненавистью, толи страстью. Он молча сжигал ее чужими, огненными глазами, потом, наконец, заговорил, и голос его был тяжелым, казалось, каждое сказанное им слово весело тонну.

— Видишь ли, Дея, — его губы скривились в подобии улыбки, — я тебя не как сестру люблю… — договаривать он не стал, его остановил ее взгляд. — Я знал, что мое признание все испортит, — прохрипел он, жутковато усмехнувшись.

Дея стояла неподвижно, обратив на друга ошарашенный взгляд. Ее охватило состояние паники, и она не знала, что должна была делать и говорить и должна ли была вообще делать что-то.

— Не смотри на меня так! — взревел Ян, хватая ее за плечи и с силой сжимая их. — Разве я в силах запретить себе, любить тебя?! Видит небо, я пытался! Пытался сохранить все как прежде.

Как бы я хотел, чтобы мне было достаточно твоей сестринской любви, — договорил он упавшим голосом и, отпустив ее, сполз на мраморный пол, облокотившись о балясины.

Дея по-прежнему стояла молча и потирала предплечья, на которых Ян оставил след своего гнева.

— Ну, что же ты молчишь? — страдальчески вопрошал он.

— Я… Я не знаю, что сказать, Ян, — запиналась Дея на каждом слове. — Все изменилось, рухнуло в одночасье. Ты был всем для меня. Ты был тем единственным, к кому я могла прийти с любым вопросом. А теперь? Теперь с самым главным вопросом мне пойти не к кому.

— С каким вопросом, Дея? — терзающие Яна догадки, сделали его лицо страшным. — Кого выбрать, да?

— Вопрос не в выборе, Ян! — выпалила она. — Я вообще не думала, что придется выбирать. Мне лучше сейчас уйти.

— Нет, Дея, пожалуйста! — умалял Ян, вскакивая на ноги и пытаясь удержать ее силой.

— Отпусти меня, — сказала она страшно спокойным голосом.

— Нет, Дея, нет, — шептал Ян, сжимая ее в стальных объятьях и выдергивая из прически шпильки, чтобы зарыться лицом в рассыпающиеся волосы. — Дея, моя Дея, ты пахнешь летом, ты всегда пахла яблочной сладостью. Ты создана искушать. Ты даже не представляешь, как прекрасна… Я никогда не говорил тебе этого. Я боялся, боялся…

Дея вырвалась из объятий одуревшего друга и кинулась вон, успев бросить взгляд на приближающуюся светлую точку в небе.

Запершись в своих комнатах, она принялась мерить их нервными шагами, только тогда заметив, что босая. Это маленькое неудобство, стало той самой последней каплей, после которой из переполненного сосуда начинает изливаться его содержимое.

Перед ней выплывали, выкатывались и стремительно выстреливали картины прошлого. Вот Ян расчесывает ей волосы, напевая что-то себе под нос, вот переносит ее через лужу, танцует с ней на балу, зашнуровывает ее платье… Реальные воспоминания и вымышленные образы слились в одно полотно, напоминающее картины Босха — столь же безумные, сколь и прекрасные.

Дея чувствовала, как рушиться все, что составляло ее жизнь. Кирпичик за кирпичиком обваливалась стена неведения — та самая преграда, за которой таилась любовь ее друга. Сейчас ей казалось, что весь мир разверзся прямо у ее ног, и она летит в эту чернеющую, расползающуюся щель отчужденности и непонимания.

Она не могла найти себе места и стремительно пересекала комнату снова и снова, пока не пришло понимание того, что на самом деле ее так встревожило. Его пугающая проницательность — вот, что это было! Она сама еще не знала, что будет выбирать между ним и Владом, а он уже это предвидел. Он настолько досконально ее изучил, что знал наперед, как она поступит. Она не знала, а он знал. Вот как он исследовал ее душу!

Осознание того, что от Яна не скрыться, и что он распознает каждый ее будущий шаг, сделали Дею такой беспомощной и хрупкой в собственных глазах, что ей стало страшно.

— Что же это такое? — бормотала она, в отчаянии заламывая руки, — Отчего же все встало с ног на голову? Как так случилось, что мне вдруг захотелось укрыться от того, кто всегда был защитником и опорой? Что же теперь с ними будет?

Невероятная усталость накатила словно волна, она села на кровать и беспомощно заплакала, закрывая лицо руками.

Так она и просидела в своей комнате до самого вечера. На маленьком столике в каминной лежал клочок бумаги, на котором так и не появилось ни одной строчки. Ян оказался прав, она действительно была вынуждена выбирать. Встретиться с Владом — причинить другу боль. Отказаться — не удовлетворить своего любопытства.

Подумав еще с минуту, она встала и, решив, что тянуть больше нельзя, отправилась прямиком к Вайесу.

— О-о-о… — протянул удивленно Вайес, открывая двери своего кабинета. — У вас, наверное, что-то чрезвычайно важное, моя дорогая, раз вы так торопились, что позабыли обуться.

Он с интересом разглядывал Деины босые ноги. Сам хозяин кабинета был одет по-домашнему: в длинный халат и уютные тапочки.

— Я извиняюсь, что потревожила вас, к тому же без предупреждения, — объяснялась Дея, — но у меня действительно срочное и довольно щекотливое дело.

— Ну, что ж, проходите, — Вайес впустил ее внутрь, — прошу прощения за мой вид, я, честно говоря, не ждал гостей, — проговорил он, убирая со стола бумаги. — Садитесь, пожалуйста, — он указал Деи на кресло возле камина, излишне резко вскинув руку, чем выдал свое волнение.

Покончив с бумагами, он уселся напротив и, сцепив пальцы рук, покоящихся на груди, уткнулся в них подбородком. Это характерная его поза свидетельствовала о глубокой сосредоточенности, и Дея приступила к рассказу без лишних вступлений.

— Сегодня утром на улице мастеров я повстречалась

с Владом, — начала она, превозмогая волнение. — Он просил меня о встрече.

— В самом деле? — встревожился Вайес.

Деи показалось это странным, ведь не далее как вчера, он сам предполагал, что Влад очаровался ею. Что же такого тревожного он мог узреть в назначенном понравившийся девушке свидании. Может здесь не принято так ухаживать за юными особами? Может у них как в средневековье — сначала необходимо полгода погулять в саду в обществе нянечек или старшего брата, затем попросить руки у родителей или опекунов и только потом, добиться свидания наедине?

— Вам кажется это странным? — спросила она.

— Пожалуй, нет, — неуверенно ответил Вайес.

Дея внимательно посмотрела на него, пытаясь понять, что же он не договаривает. Его явно встревожила эта ситуация, но чем именно?

— Какой же вы дали ему ответ? — нарушил затянувшуюся паузу Вайес.

— В том то и вопрос, — вздохнула девушка, устало падая на спинку кресла, — я должна дать ответ через полчаса.

— Вы заставили его томиться в ожидании целый день?! — неожиданно расхохотавшись спросил Вайес.

— Он сам предпочел дать мне время подумать. Но лучше бы он этого не делал, потому что еще с утра ответ у меня был готов и, но был положительный, а теперь все усложнилось.

— Вы действительно хотели с ним встретиться?

— Почему нет, ведь он Вед, не так ли? И говорят довольно талантливый, а мы как раз Веда и ищем, если я не ошибаюсь, — говорила Дея краснея, потому как прекрасно понимала, не это было причиной толкающей ее на встречу с Владом. — В общем, я решила, что должна встретиться с ним, раз он так этого жаждал, что караулил меня на улице мастеров.

— Даже так? — протянул Вайес. — Ну что ж, согласен, ваши доводы резонны. Но какие же осложнения у вас возникли.

— Ян, — Дея вздохнула, — он… Он ревнует, — она не знала, как объяснить Вайесу, что ее привычная жизнь рухнула в одночасье, и теперь она вынуждена была делать выбор, о котором никогда не задумывалась.

Вайес поднялся с кресла и, подойдя к горке, достал оттуда два невысоких пузатых бокала, плеснул в них золотистой жидкости, задумчиво поглядывая на Дею.

— Выпейте, моя дорогая, — предложил он, протягивая бокал.

Девушка сделала глоток и обожгла горло.

— Согласен крепковато, но не крепче ситуации, в которой вы

оказались.

— Что вы имеете в виду? — прокашливаясь, спросила Дея.

— Любовный треугольник — фигура не простая сама по себе, а в вашем случае она может быть еще и опасной.

— Вы о чем?

— Когда все три вершины фигуры, такие неординарные личности — это всегда не просто.

— Послушайте, — Дея попыталась сменить направление беседы, — я думала, мы рассматриваем Влада как потенциального сообщника в известной вам истории?

— Мы обязательно проверим ваше предположение, — небрежно бросил Вайес.

— Вам кажется моя идея абсурдной, верно?

— Не то чтобы абсурдной, но маловероятной. Понимаете, если бы на месте Влада был кто-нибудь другой, я тот час поддержал бы вас. Но этот Вед всегда работает один. На крайний случай, он может стать мозгом операции, но никак не исполнителем.

— Мне говорили, что он чрезвычайно надменен.

Вайес поджал губы, будто желая удержаться от высказывания.

— Через пятнадцать минут я должна дать ответ, — напомнила о времени Дея.

— Ну, что ж, я согласен с вами. Мы должны проверить все вероятности, иначе так и будем топтаться на месте, — сдался Вайес, направляясь к столу, чтобы выудить из ящика чистый лист.

Пока хозяин кабинета копался в бумагах, удрученная Дея размышляла вслух, — Как же мне сказать Яну о том, что Влад назначил встречу?

Вайес непонимающе уставился на нее, подняв брови.

— Вы еще даже не сказали Яну о предложении Влада, а он уже ревнует? Д-а-а-а, — протянул он, надувая щеки.

— Я собиралась ему рассказать, но не успела. Мы поссорились и он сказал… В общем, все запуталось как-то. Все теперь не так как раньше. Еще утором мы были друзья, а теперь… Я не знаю, что теперь.

— Да действительно ситуация не простая, — согласился Вайес. — К сожалению, мы не вольны выбирать, кого и как нам любить.

— Я же могу любить его как брата и это мой сознательный выбор, — с обидой пробурчала Дея.

— Вот именно что — ваш, его немного отличается, — пожал плечами Вайес. — Так или иначе, а с Владом вам действительно лучше встретиться. С Яном же я поговорю сам. Разъясню, что это необходимость.

— А вы не могли бы сообщить ему об этом, после того как пройдет встреча, — попросила Дея смущаясь. — Мне бы не хотелось, привлекать Яна к этому щекотливому делу.

— Конечно, конечно, моя дорогая, я сам все устрою и отправлю присмотреть за вами самого надежного моего друга.

— А это так необходимо?

— К сожалению, да, — огорчил ее Вайес, — но не переживайте, вашего свидания никто не испортит, — подмигнул он ей заговорщически. — Мой друг очень неприметен. А сейчас необходимо поторопиться, набросайте записку за моим столом и отнесите Псу.

Дея послушно подошла к столу и нацарапала на тоненьком дорогом пергаменте: — «В полдень у фонтана». Сложила листок вдвое и направилась к выходу.

— И обуйтесь же, — бросил ей в след Вайес, — так и простыть не долго.

— Я оставила свои туфли в комнатах Яна, — с сожалением пролепетала Дея.

— А-а-а, понятно, — протянул хозяин кабинета и позвонил в колокольчик.

Через пару минут появился уже знакомый Деи, ангелоподобный мальчуган в ореоле белых кудряшек. Вайес что-то нашептал ему на ухо и тот, по своему обыкновению, смерил Дею любопытным взглядом.

— Мой помощник проводит вас к Виле, — пояснил Вайес, — она выдаст вам еще одну пару туфель и плащ.

— О, огромное спасибо, но это как-то чересчур…

— Не говорите глупостей! Чересчур — ходить в такую погоду босиком и к тому ж в одном тоненьком платьице. Это было мое упущение не прислать вам всего этого раньше.

— Спасибо, — пискнула Дея. Она никогда не любила быть обязанной, а в Мрамгоре постоянно ощущала, что ее незаслуженно балуют.

Получив в дар от услужливой полненькой Вилы пару замшевых башмачков и плотный шерстяной плащ на подкладке, она отправилась к замковым воротам, размышляя, откуда Вайес мог знать, каким именно образом она должна дать Владу ответ? Ведь она и словом не обмолвилась о том, что обещала написать записку и передать ее жуткой псине Веда.

Глава 16

Гастролер

Гастролер

— Не удержал, все разрушил, уничтожил нашу идиллию, наш маленький рай, — сокрушался Ян, провожая взглядом убегающую от него Дею.

Если бы в этот момент к нему не подоспела Маюн, он чего доброго, бросился бы за ней вслед и натворил совсем уж непоправимых дел.

— Идиот, идиот, какой же я идиот, — бормотал он, уткнувшись в теплую и мягкую грудь птицы.

Маюн что-то успокаивающе урлыкала и, в конце концов, он затих, увлажняя ее перья слезами.

Сколько времени Ян просидел на смотровой площадке, пытаясь спрятаться от самого себя под широкими крылами Маюн, он не знал. Время шло спотыкаясь — то двигалось со скоростью породистого скакуна, а то степенно и неторопливо отстукивало у него в голове одну единственную фразу: — «разрушил, все разрушил».

Процесс самобичевания был нарушен, ворвавшимися в их скульптурный мирок овсянками. Маленькие щебетуньи принесли весть о том, что Вайес созвал срочный совет и ждет их в зале. С трудом разгибая, словно не свое тело, Ян взобрался на спину Маюн, и они полетели вниз.

На нижнем ярусе располагался зал с огромным круглым окном в потолке, которое открывалось специально для Страж-птиц, принимающих участие в совещаниях. Когда они спустились на мраморный пол залы, в нем уже было полным полно народу. В основном это были Стражи, Сагорты и представители высших военных чинов из обычной человеческой армии.

— А вот наш Верховный небесный Сагорт и драгоценная Маюн, — восклицал Вайес, приветствуя Яна и Страж-птицу. — Итак, я собрал вас по чрезвычайно важному делу. Мне доложили, что Речные девы и Хранители Северного и Хвойного лесов видели чужака. Они утверждают, что это Вед из Лонгвина

— Откуда такая уверенность? — поинтересовался генерал.

— Девы говорят, что слышали, как он творил заклинание и говор его был с северным акцентом. К тому же по описанию лесных Хранителей он слишком бледен для багортца.

— Мало ли у нас бледноликих с севера, — опять встрял генерал, — да половина наших Ведов с тех краев.

— У меня есть кое-какие предположения на счет этого гостя. Я почти убежден, что он незваный. Хочу, чтобы вы разыскали его и доставили прямиком ко мне. Генерал, по части стратегии вы

лучший из моих людей, организуйте разведку. На рассвете вы выступаете.

— Если он действительно Вед, то задание может быть опасным. Вы уверены, что можно привлекать к нему неподготовленного юношу? — пробасил генерал, уставившись на Яна.

— Абсолютно, — уверил его Вайес. — Ян прекрасно справляется, к тому же он единственный, кто способен летать на Маюн. И потом, как он наберется опыта, если все время будет сидеть в тылу. Нет, нет, ему пора попробовать на вкус настоящую работу.

— Как скажете, Господин, — буркнул генерал, явно недовольный тем, что ему навязали мальчишку.

— Вот и хорошо. Оставляю зал в вашем распоряжении, готовьтесь, а меня ждут послы из Серварга

Яну в пору бы насторожиться, но он чрезвычайно обрадовался такому повороту событий. Настоящая работа — это как раз то, что ему сейчас было необходимо (если конечно он не хотел киснуть в своих комнатах, бичуя себя за провал с любовным откровением).

Это был шанс показать себя. А если заезжий фокусник окажется причастен к их с Деей судьбе, то и вырасти в ее глазах. Ведь он уже однажды обещал ей поймать шутника в обмен на то, что она будет сидеть в своей башне и не высовываться. Тогда она его не послушала, решив, что он в этом деле играет не столь значимую роль.

«Посмотрим, — думал он, — что ты скажешь, если я поймаю чужака?»

Ян догадывался, почему Вайес так настаивал на том, чтобы этого заезжего гастролера изловили и доставили прямиком к нему. Не хотел, чтобы всплыла информация о том, что он уже укрыл не так давно двух пришельцев, и один из них умудрился стать Верховным Сагортом.

Глава Мрамгора тогда сильно рисковал, но Ян считал, что его риск с лихвой оправдался. Ведь он заполучил преданного слугу, коих (как Ян теперь знал) было не так много. Если в столице насчитывалось всего с пяток Сагортов, включая и Яна, то в окрестностях могло быть и того меньше.

Заседание длилось до самого вечера. Они сидели за огромным столом с объемной картой Мрамгора. Генерал показывал, где именно видели чужака, и в каких направлениях тот мог двигаться беспрепятственно.

Всех присутствующих разделили на группы, в которых было по два Стража, десять солдат и одному Сагорту. Для

направлений, которые генерал посчитал наиболее перспективными он выделил лучших воинов.

Не все Сагорты умели сражаться, только те, у кого была определенная подготовка. Но Стражи обязаны были владеть хотя бы одним видом оружия, помимо их дара слышать и видеть то, что другим было не доступно, поэтому компания собралась довольно внушительная. Генерал не мог взять в толк, что за птица такая заморская к ним залетела и почему на ее поимку брошены такие силы.

— Отчего просто не отправить на это задание пару Ведов? — недоумевал так же и Сеслав.

— Дела государственные, — размышлял Ян, — мы не можем знать всех тонкостей. Может у него есть шпион, а кто именно, мы не знаем. Думаю, Вайес поэтому и решил не привлекать Ведов.

— Но шпионом может быть кто угодно, кроме Хранителей, Стражей и Сагортов.

— То есть человек или Вед, — подытожил Ян. — Но вряд ли чародею может понадобиться помощь человека.

— Пожалуй ты прав, — согласился с ним Сеслав.

После того как Ян спас парня во время испытания, Сеслав проникся к нему неподдельной симпатией. Они даже успели сдружиться и предпочитали тренироваться вместе. Сеслав как оказалось, неплохо владел мечем и хоть уступал Яну в силе, превосходил в мастерстве и ловкости.

Вернувшись к себе после заседания штаба, Ян обнаружил у своей кровати забытые Деей туфли. Решив, что это прекрасный повод зайти к ней, он поднял их с пола и даже дошел до ее двери, но постучать так и не решился. Вместо этого зачем-то направился к Вайесу.

Чего он хотел от главы Мрамгора, почему потащился именно к нему? Вряд ли он мог сейчас отвесить себе на эти вопросы. Просто ноги сами несли Яна в сторону его кабинета, и только постучав, он сообразил, что не знает о чем будет говорить. Но дверь уже открылась, и на пороге стоял уставший Верховный Хранитель. Яну тут же стало стыдно, что он обеспокоил старика, у которого и без него забот хватало.

— Ян?

— Простите, я, наверное, зря побеспокоил вас, — лепетал он, прижимая к своей широкой груди Деины туфельки. — Вы, наверное, устали, а у меня ничего такого важного… Я в другой раз…

— Нет, нет, Ян, зайди-ка, — настоял Вайес и парень зашел. — Что совет? — спросил он, закрывая за гостем дверь.

— Недавно закончили, меня посылают в западные земли.

— Хорошо, — решил Вайес. — Как думаешь, справишься?

— Я надеюсь. Для меня это задание особенно важно. Вы ведь не просто так обеспокоены появлением этого Веда, не так ли?

— Верно, — заметил Вайес, — может так статься, что он именно тот, кого мы ищем.

— Тот самый Вед, что причастен к нашей с Деей судьбе?

— Да, мой друг, да, — протянул Вайес.

— Генерал все никак не мог взять в толк, зачем для поимки одного чужака собирать такую группу. Некоторым казалось, что проще привлечь пару Ведов, и они разобрались бы с ним по-свойски.

— В самом деле?

— Да, я ненавязчиво намекнул, что у него мог быть сообщник среди наших. А поскольку никто кроме людей и Ведов на эту роль не годиться, я предположил, что от обычного человека этому лазутчику пользы мало. Потому-то вы и не прибегли к помощи наших чародеев.

— В тебе есть задатки дипломата, — похвалил Яна Вайес.

— Спасибо, — буркнул тот, краснея.

Повисла недолгая пауза, во время которой хозяин кабинета разбирал бумаги на столе.

— Ну, что ж, если у тебя действительно больше ничего, — Вайес поднял на Яна свои проницательные глаза, — я бы хотел еще поработать с бумагами.

— Да нет… — промямлил Ян. — Еще раз извините, что побеспокоил Вас.

— Ну, что ты, Ян, ты — мой Верховный Сагорт, я всегда рад оказать тебе помощь, как только она потребуется.

— Спасибо, — просиял Ян и уже собрался уходить, но Вайес остановил его.

— Вот еще что, — сказал он напоследок, — зайди к Горию и возьми у него вот эти капли. — Он протянул ему клочок пергамента, на котором нацарапал мудреное слово.

— Зачем они мне?

— Судя по кругам у тебя под глазами, ты плохо спишь последнее время. А завтра ты должен быть бодр и здоров. Поимка Веда — весьма сложное дело, я не хотел бы, чтобы с тобой что-нибудь случилось только потому, что отсутствие сна повлияет на твою реакцию.

Ян посмотрел на Вайеса с сомнением.

— Не забывай, Ян, ты теперь на службе и если не желаешь выспаться ради себя, сделай это для Багорта.

— Хорошо, — согласился Ян и отправился к лекарю.

Горий уже собирался отходить ко сну. Но все же выдал Яну

необходимые капли, порекомендовав не принимать их на голодный желудок. Только тогда Ян вспомнил, что так толком и не поел. Спустившись на кухню, он раздобыл кусок холодной телятины и ломоть хлеба. Недолго думая, запихал все это в рот и, наскоро запив квасом, отправился в свои комнаты, где заставил себя принять холодную ванную и капли.

Гениальные изобретения или урок истории

Дея встала очень рано. Из-за предстоящего свидание сон ее сделался беспокойным, она то и дело пробуждалась от каких-то сюрреалистичных образов, но картины сновидений ускользали от нее, улетучивались словно пар, оставляя невнятные обрывки и ощущение некоего волшебства. Волшебство это разливалось в ней горячими ручейками, наполняя незнакомой дрожью все тело.

Когда-то Дея читала о чем-то подобном, кажется у Гомбровича или Набокова, точно она уже вряд ли вспомнит, да и важно ли это, ведь то происходило с книжными героями, а эта сладостная нега с ней самой. Предвкушение чего-то невероятного, волнение и трепет! Все эти чувства кипели в ней густым варевом, изменяя ее состав и само представление о себе.

За сборами пролетело целых два часа, но Дея этого и не заметила. Сегодня она была особенно внимательна к своему туалету, правда отражение в зеркале ее отчего-то не устраивало. Ниспадающие медные локоны струились по бледно-зеленоватому шелку, в ямочке между ключицами переливалась жемчужина, но Дея определенно была чем-то не довольна.

Неожиданно, она с яростью расшнуровала свое великолепное платье и бросила его на пол.

— Да с какой стати я строю из себя благородную девицу и пытаюсь выглядеть привлекательной для этого выскочки! — разозлилась она на себя.

Переодевшись в свое скромное ситцевое платье, Дея крадучись добралась до кабинета Вайеса. Прячась под капюшоном плаща, она старалась не попадаться жителям замка на глаза, и конечно, по закону подлости Верховный Хранитель заставил ее понервничать, долго не отворяя. Как только на пороге появилась высокая фигура главы Мрамгора, Дея прошмыгнула в его обитель и только тогда сняла капюшон.

— Меры предосторожности? — поинтересовался хозяин кабинета, слегка улыбаясь.

— Мне бы не хотелось именно сейчас столкнуться с Яном и пропустить назначенную встречу. Я, знаете ли, привыкла исполнять данные обещания.

— Чрезвычайно достойное, а главное редкое качество. Я полагаю, вы и завтрак пропустили, опасаясь попасться Яну на глаза?

Дея только кивнула.

— Ну, это вы напрасно, приличные девушки не урчат желудками на первом свидании.

— Это не свидание, — напомнила Дея Вайесу.

— Да, да, — легко согласился он, думая, судя по его вырождению совершенно обратное. — Не стану гонять вас по замку, перекусим здесь, — предложил он, позвонив в колокольчик.

Возникший у порога мальчуган получил указания и убежал исполнять его, а Дея сняла свой плащ и не найдя крючка положила его на кресло, поймав озадаченный взгляд Вайеса.

— Что-то не так? — поинтересовалась она, уже зная ответ.

— Нет, нет, вы чудесно выглядите как, впрочем, и всегда, просто я думал, что это ваше рабочее платье, — он на секунду задумался. — Может, вам фасоны не угодили? Это легко исправить, Вила с радостью выполнит любую фантазию, которая придет в вашу чудную головку.

— Что вы, я итак имею больше, чем заслуживаю. У меня никогда не было таких нарядов как теперь и все они великолепны.

— Понимаю, хотите выглядеть нарочито незатейливой, — не унимался Вайес, его отчего-то вся эта история волновала больше, чем следовало.

— Во-первых — я не собираюсь очаровывать вашего Веда, а во-вторых — это платье как нельзя лучше отображает мой статус. Я бы не хотела вводить людей в заблуждение на счет своего положения. Те наряды, которыми вы меня задариваете, могут позволить себе только дамы из очень состоятельных домов, а мой предыдущий дом в их число не входит. Я всю жизнь жила за счет государства и даже собственной комнаты не имела…

— Но сейчас у вас есть комнаты и все необходимое, — перебил ее глава Мрамгора.

— Да, только я до сих пор не понимаю, чем заслужила все это, — решилась признаться Дея.

— О-о-о, моя дорогая, я ведь вам уже говорил, что абсолютно убежден — вы необыкновенная девушка и еще проявите себя. Правда, я пока не знаю, как —чуть слышно добавил он. — Но так или иначе, вы нас еще удивите. А сейчас завтракать, — пропел он, потирая руки и принимая у вошедшего мальчуган поднос, на котором громоздились кофе, сыры и рогалики с маслом.

Дея села за наскоро накрытый стол и без особого удовольствия принялась за кофе с рогаликами.

— Отчего вы так не веселы, душа моя, — поинтересовался Вайес, видя, что Дея ест без особого аппетита.

— А с чего мне радоваться? — пожала она плечами. — Мой друг сделал признание, разрушившее всю нашу идиллию, и теперь я вынуждена скрываться от него. Я даже не представляю, как буду смотреть ему в глаза, после того как вернусь сегодня от Влада.

Вайес скорбно покачал головой, а потом неожиданно спросил.

— Этот кулон, откуда он у вас?

— Ян подарил.

— Вы знаете, кому он принадлежал?

— Продавец, который мне его показывал, сказал, что он старинный и принадлежал семейству Ладгальд. Но, по-моему, он пройдоха и врун.

— Может он и пройдоха, — задумчиво протянул Вайес, — но не врун. Этот амулет принадлежал Елизавете Ладгальд, ныне покойной. Вы знаете, историю этой семьи?

— Да, — припоминала Дея рассказ Яна, — кажется, их ребенок пропал и мать скончалась, не выдержав горя, ее муж не на много ее пережил. С тех пор Синий лес без Хранителя.

— Угу, вот уже семнадцать лет, — буркнул себе под нос Вайес.

— Благодарю вас за завтрак, но мне пора идти, не люблю опаздывать, — проговорила Дея, вставая и надевая плащ.

— Вам совершенно не к чему прятаться под капюшон, таинственный вид привлекает еще больше внимания. К тому же Ян с Маюн уже час как осматривают окрестности Мрамгора и вернуться только к вечеру.

— Это вы устроили?

Вайес загадочно улыбнутся.

— Что ж, вам действительно пора, — сказал он, удаляясь за ширму, — но сначала познакомитесь с Великаном.

— С кем? — удивилась Дея.

— С ним, — пояснил Вайес, протягивая ей крохотного полевого мышонка. — Не бойтесь, Великан абсолютно ручной, он проследит за вашей безопасностью, оставаясь при этом абсолютно незамеченным.

— Но как он сможет мне помочь, если ваш Вед окажется тем самым преступником, благодаря которому моя жизнь превратилась в мистический триллер.

— В мистический, что?

— Не важно, — отмахнулась Дея. — Ваш мышь превратиться в случае опасности в огнедышащего дракона?

— Нет, в дракона он не превратиться, — пояснил Вайес. — Но в случае малейшей опасности он немедленно сообщит об этом

Сагорту Сеславу.

— Сагорту Сеславу, — припоминала Дея, — это тому юноше, что участвовал в испытаниях?

— Совершенно верно.

— Ах, ну тогда я совершенно спокойна, — с деланным облегчением сказала девушка.

— Дея, — успокаивал ее Вайес, — каждый ваш шаг за воротами будет отслеживаться. Великан не понимает человеческого языка, но он чувствует опасность, и о малейшей угрозе незамедлительно сообщит Сеславу. У Сагорта довольно устрашающий волк и он неплохо управляется с мечем.

— От чар меня это, несомненно, спасет, — проговорила она раздраженно.

— Вы боитесь? — спросил Вайес мягко.

— Не в этом дело, я прекрасно знала, на что иду.

— Я понимаю, вам неприятна мысль, что в ваше личное пространство вторгаются посторонние, но это необходимость и вам придется с ней смериться.

— Или подвергнуть себя опасности.

— Дело не только в вашей безопасности, — проговорил Вайес неожиданно строго. — Нам не известно, что задумали ваши похитители и пока мы этого не узнаем, я не могу быть уверен, что с помощью вас, Багорту не будет причинен вред.

Дея сглотнула подступившую горечь и, коротко кивнув, приняла у верховного хранителя мышонка, устроив его на плече под капюшоном.

— Удачи, моя дорогая, — напутствовал Верховный Хранитель, провожая ее до дверей, — надеюсь, это окажется обыкновенное свидание.

***

Как только Дея вышла в сад, мышь спустился вниз, цепляясь за ее плащ и скрылся в траве.

— Хорошо, дружок, надеюсь, ты и впрямь не понимаешь человеческую речь — пробурчала Дея, провожая взглядом колышущиеся ромашки.

Погода оставляла желать лучшего; туман растворял очертания деревьев и ограды вдалеке, превратив их в бесформенную серую массу, и если бы Дея не знала сад как свои комнаты, то непременно заблудилась бы, так и не отыскав выхода.

За оградой туман оказался еще гуще, он обволакивал все вокруг, включая и саму Дею. Вытянув вперед руку, она сделала несколько шагов вперед и увидела темное пятно, которое стало отчетливо вырисовываться, приближаясь к ней. Замерев

в нерешительности и пытаясь усмирить сердцебиение, она поискала взглядом Великана. Тщетно.

— Я решил, что будет лучше встретить тебя здесь, — раздался мягкий, бархатный голос, — хотел предупредить твои блуждания по городу в этом мареве.

— Предусмотрительно, — отозвалась девушка.

Влад подошел практически вплотную и, отыскав Деину руку, поднес ее к своим губам, осторожно касаясь ими ее пальцев. Небрежная леность так и сквозила во всех его движениях, он явно чувствовал себя уверенно (как, впрочем, и всегда).

— Для тебя туман не делает мир серым и неясным? — поинтересовалась Дея.

— Отчего же? — отвечал он улыбаясь. — Мое зрение не многим отличается от твоего. Просто я подключаю дополнительные ресурсы организма, когда основных становиться недостаточно.

Дея разозлилась на себя за то, что дала Владу повод покрасоваться. Ее и так приводило в бешенство осознание, что она не сильно отличалась от дурочек, прежде попадавших в его сети. Но несмотря на природную проницательность и критичный ум Дея была юной, еще слишком юной, чтобы сопротивляться его чарующему ореолу таинственности.

Влад, почувствовавший ее напряжение, обратился к ней с вкрадчивой мягкостью:

— Дея, я не знаю, о чем ты сейчас думаешь, но очень хотел бы…

— С какой стати богоподобного Влада, чужие мысли интересуют? — перебила его Дея с досады на саму себя.

— Так меня еще не называли, — ухмыльнулся он. — Но ты права, большинство людей, вместе с их думами мене действительно не интересны. Вот только ты не из их числа. Я не могу прочесть твои мысли, но это не значит, что я не чувствую твоего напряжения. Тебя что-то разозлило или встревожило, — размышлял он вслух. — Не хочется думать, будто причиной этому я. Де-ея… — протянул он ее имя, словно наслаждаясь его звучанием. — Я благодарен, что ты пришла, и хочу, чтобы ты улыбалась. Что мне для этого сделать?

Он говорил неожиданно мягко и обезоруживающе искренне. Деи не хотелось ему верить, но он был так убедителен… А когда он слегка касаясь ее лица, осторожно убирал влажную прядь, упавшую на лоб, она вздрогнула, и Влад довольно улыбнулся.

— Не пытайся казаться холодной, я знаю, что ты другая.

— Откуда?

— Я наблюдал за тобой, забыла?

— Нет, — отозвалась она, ощущая новый приступ гнева, но на этот раз уже на самого Влада. — И, что ты видишь сегодня?

— Твое желание понравиться мне, — прошептал он.

Это было уже чересчур. Дея сжала губы, сдерживая оскорбления в его адрес.

— Не злись, — поспешно проговорил он, — просто ты раньше никогда не пользовалась басмой. Даже на балу ты была без прикрас, а сегодня почему-то решила использовать краску. Но, я, конечно же, ошибся и моя скромная персона тут абсолютно не причем.

Дея совсем позабыла об этой детали своего утреннего туалета, а между тем, она заняла у нее немало времени, так как опыта в подобных делах у нее не было. Сменив платье, она, по сути, ничего не изменила. От всевидящего молодого человека не укрылись подведенные тонкой кисточкой глаза и кадмий на щеках.

— Если тебе интересно мое мнение, — беззастенчиво продолжал Влад, проводя тыльной стороной ладони по ее щеке, — без краски было гораздо лучше. — Он приподнял ее лицо за подбородок двумя пальцами и подсветил кристаллом. — Симфония огня и снега — вот что такое твой образ. Он и нежен, и ярок одновременно, поэтому тебе ни к чему вульгарный черный вокруг твоих драгоценно-зеленых глаз. Дея, ты еще слишком юна, чтобы оценить силу своей красоты. Но красавец в Багорте предостаточно, особенно в столице, а вот девушек обладающих хоть малой толикой того, что я нашел в тебе, действительно мало.

— Чего же? — не удержавшись, поинтересовалась Дея.

— В тебе есть огонь. На востоке его называют «янур» — не проявленный свет. Настанет время, и ты запылаешь как факел. Хотел бы я оказаться рядом, когда это произойдет, — проговорил Влад мечтательно, — а еще больше, хотел бы стать причиной этого возгорания.

— А обжечься не боишься?

Он снова улыбнулся, на этот раз лукаво и Дея подивилась богатому арсеналу его улыбок, а еще тому, как быстро сменялось его настроение. Только, что был романтиком, рисующим воображаемые картины в духе Каспара Фридриха и вот опять эта непринужденность и леность во взгляде и движениях.

— Мы так и будем стоять посреди дороги? — поинтересовалась она, чувствуя, что начинает зябнуть.

— Нет, конечно, нет, — поторопился ответить Влад, — я приготовил для тебя кое-что.

— Что именно?

— Увидишь, — интриговал он. — Но для этого надо совершить небольшую прогулку за город.

— Куда именно?

— Если я скажу, это перестанет быть сюрпризом.

— Ты всерьез думаешь, что я отправлюсь с малознакомым парнем, к тому же с дурной репутацией, непонятно куда? Я обещала тебе прогулку в городе, и только.

— Насколько мне известно, у меня репутация малоприятного типа, но все же не убийцы и не маньяка, поэтому не вижу причин для такой паники. И потом, если бы я хотел заманить тебя в свое тайное логово для совершения запрещенного ведического ритуала, то с легкостью наплел бы, что мы идем в многолюдное и безопасное место. Ты ведь не местная и не особенно ориентируешься, тем более в такую чудную погоду как сегодня. Но мне ни к чему усыплять твою бдительность, потому что ты и так пойдешь со мной.

— Потрясающая самоуверенность, — зло отозвалась Дея.

— Я уверен не в себе, моя красавица, а в тебе. Ты любопытна и достаточно бесстрашна, чтобы соблазниться моим предложением. Да послушай же, — простонал он в нетерпении, видя Деину нерешительность, — тебе совершенно нечего бояться! Ты ведь рассказала своему другу, с кем сегодня встречаешься и он наверняка… — Влад не договорил, уловив во взгляде Деи, смятение и боль. — Ты ему не сказала, — догадался он. — Слушай, я приготовил для тебя маленькую сказку, соглашайся, — проговорил он тем самым усталым голосом, который запомнился ей с их первой встречи.

Его утомленный взгляд, привел Дею в чувства. Она только сейчас осознала, как глупо, должно быть, выглядит. Согласилась на встречу, вышла из дома… А теперь в отступную?

Что же она себе думала, как представляла их свидание? И тут Дея поняла, что никак не представляла, она просто-напросто не знала, чего ей ждать от Влада. Ну, не могли же они просто встретиться у фонтана, мило поболтать и разойтись. Нет, не ради этого он поджидал ее на улице мастеров.

Она посмотрела на удрученного Влада и, наконец, улыбнулась.

— А у тебя действительно есть тайное логово для запрещенных ведических ритуалов? — кокетливо спросила она.

— Конечно, о нем знают не многие, разве что половина мрамгорцев.

— Да, действительно сверхсекретное убежище. И мы идем именно туда?

— Да, — Влад явно обрадовался тому, что сумел пробить

броню недоверия, а главное заставил Дею улыбнуться.

— Ну, что ж, раз это место действительно столь таинственное, я, пожалуй, соглашусь пойти с тобой.

Просияв от радости, Влад подставил свой локоть, Дея взяла его под руку и они неспешно направились вперед, по дорожке уходящей влево и огибающий границу серых, каменных домов с тающими очертаниями вытянутых крыш.

Они шли неторопливо, Влад рассказывал об окрестностях Мрамгора, о деревеньках, озерах, лесах, о разных поверьях с ними связанных. Слушать его было приятно, сам голос доставлял удовольствие — мягкий, ласкающий, он лился неспешно, просачиваясь в Деину душу, словно настырный запах ванили, выедающийся в одежду пекаря.

Пока они шли, Дея пыталась угадать, каким могло быть жилище этого поразительного, всегда разного человека, но даже самые смелые картины рождающиеся в ее воображении, не шли ни в какое сравнение с тем, что она увидела. Пристанище Веда оказалось таким же вычурным, как и его обитатель.

Небольшое, местами обветшалое поместье поражало чрезмерной декоративностью. Темно-серый камень, разбавляло, как и во многих богатых домах Мрамгора, буйство красок в витражных окнах. Но этого создателю особняка было мало — искусные каменщики оживили мрачный гранит, вытесав из него фигуры непонятных мифических существ. Они были полны грации в своих аллегоричных позах, повествующих о деяниях давно минувших дней.

Поместье окружала чугунная ограда с витиеватым орнаментом, а за ней деревья, чьи стволы как-то зловеще изгибались. Проходя под ними, молодые люди спугнули черных птиц. Вылетев, те заклекотали так яростно, что Дея от неожиданности припала к невозмутимому Владу, который тут же воспользовавшись моментом, крепко обнял ее.

— Не пугайся, — зашептал он ей в самое ухо, — это охрана.

— Тебе нужна охрана? — пролепетала Дея, — деликатно отстраняясь.

— Мне нет, — усмехнулся Влад, — а вот дому в мое отсутствие не помешает.

— Это должно быть твое родовое поместье? — Дея решила. Его мрачное уныние и запустение угнетало и в то же время зачаровывало, была в нем этакая чудная смесь чего-то древнего и декадентского, отрешенного и пафосного. Как и облик самого Веда, дом сочетал в себе множество противоречий и от этого был непростительно чарующий.

— Да, — короток ответил Влад, выводя Дею на аллею,

ведущую вглубь сада

Он не был так же велик как сад замка Мрамгор и вскоре перед зачарованной девушкой, предстала невероятная картина. Скалка с небольшим гротом, выдолбленными прямо в темно серой шершавой породе. Но поразило Дею не это природное великолепие, а то, что вход в грот, был скрыт под звездопадом. Редкие слабо мерцающие золотом звезды, медленно падали с потолка, образовывая завесу. Дея подумала, что Влад, несомненно, великий мастер, способный подчинить природный пейзаж, эффектам феерически мерцающего освещения.

— Это и есть твоя сказка? — завороженно спросила она.

— Не достаточно волшебно? — поинтересовался он.

— Пленительная постановка, нечего сказать.

— Рад угодить, — признался Вед, подводя ее к мерцающей завесе.

В гроте оказался накрытый стол. Посреди него стояла зажженная лампа, привлекшая порхающих вокруг света мотыльков. Сервирован стол был довольно просто, но очень аппетитно. На серебряном блюде лежал нарезанный ломоть буженины, рядом стояла бутыль вина, оплетенная соломой, а еще закуски: сыр в меду и маленькие желтые помидорки покоящиеся в листиках базилика, в плетеной корзинки лежал ароматный хлеб.

— Можешь снять плащ, здесь ты не замерзнешь, — предложил Влад, принимая у нее тяжелую напитавшую влаги накидку.

И действительно, в гроте не только атмосфера оказалась особенная, но и сама воздушная среда — по телу тут же разлилось мягкое и расслабляющее тепло.

Влад подвел ее к столу и отодвинул стул, приглашая сесть. Откупорив бутыль, он налил вина в бокалы и протянул один ей. Затем медленно и вальяжно подошел к завесе, и просто щелкнув пальцами, сделал ее абсолютно непроницаемой. Звезд стало больше, они плотным потоком так же плавно падали на землю и таяли, но теперь за ними совсем ничего нельзя было разглядеть.

Дея слегка напряглась, но тут же успокоила себя тем, что он слишком обходителен для похитителя. Если бы Вед был в сговоре с преступниками, то не стал бы с ней так церемониться. Она уже видела, на что он способен. С такими талантами ему не составило бы труда украсть ее даже из замка.

Вернувшись к столу, Влад скинул свою накидку и, небрежно бросив ее на стул, закатал рукава батистовой рубашки, чтобы поухаживать за гостьей. Поставив перед Деей одну из сервированных тарелок, он сел на стул, расслабленно

откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу, уставился на нее как удав, вертя в тонкой руке бокал.

Девушка поежилась под его взглядом, но решила во что бы то ни стало, вести себя непринужденно. К тому же угощения выглядели так аппетитно, что она поспешила отведать их. Отломав кусочек хлеба, Дея отправила его в рот вместе с буженины и базиликом, запила хорошим глотком вина и тут же почувствовала, как кружиться голова. Отставила бокал.

— Ты приехала в Мрамгор только на турнир или хочешь остаться в столице? — нарушил недолгое молчание Влад.

— Сначала я думала, что это всего лишь небольшое путешествие, но теперь понимаю, что вряд ли когда-нибудь вернусь домой.

— Почему? — удивился Вед.

— Все очень сложно, — медленно растягивала она слова. — Я начинаю понимать, что у меня и дома то никогда не было, поэтому возвращаться мне собственно неуда.

Влад задумчиво посмотрел на Дею.

— Откуда ты приехала?

— Из далека, из дикой глухомани.

— Прибыла из глухомани и поселилась в замке?

— Я там живу только потому, что сопровождаю Яна, ему дали место Верховного Сагорта. — сочиняла Дея на ходу.

— Вы родственники?

— Можно и так сказать. Мы выросли вместе, как брат и сестра. Ян решил, попытать счастье в столице и ему повезло приглянуться Маюн. Теперь он точно останется здесь.

— И ты подле него, — догадался Влад.

— Кроме него, у меня никого нет. Я всегда была подле него, а он подле меня, — прошептала она печально.

— Но сейчас, что-то меняется, — протянул Влад, изучая ее лицо. — Еще вина?

Она кивнула, позабыв о головокружении, и молодой человек привстал, чтобы пополнить ее бокал. Когда он протянул руку, Дея заметила на его запястье татуировку — вертикаль, от каждого конца которой, отходили черточки, образовывающие треугольники, направленные вершинами друг к другу. Треугольники упирались в дугообразные линии, в дуге у запястья была изображена рыба, в другой дуге птица.

— Что означают эти символы, — спросила девушка, и Вед улыбнулся ее вопросу.

— Вертикаль — это дерево, — начал объяснять Влад, указывая на отдельные элементы татуировки. — Оно так же, как и человек корнями уходит глубоко в землю, — он провел по дуге,

под которой изображалась рыба, — а вершиной к небесам, — и он снова провел по запястью, только уже в том месте, где была набита птица.

Дея невольно залюбовалась его руками, длинными и изящными пальцами, но она уже знала, что их хрупкость обманчива, как, наверное, и весь облик Веда.

— Этот символ напоминание о том, что, не познав глубины, опасно устремляться слишком высоко и наоборот. Место человека точно посередине. Иногда я забываю об этом.

— Ты имеешь в виду золотую середину? — решилась уточнить Дея.

— Можно и, так сказать.

— Глядя на твою татуировку, я в сотый раз убеждаюсь — красота в простоте. Твой рисунок так лаконичен и при этом отображает один из основных принципов Вселенной, со всеми ее нижними, верхними и срединными мирами. Я слышала, у вас есть молодой ученый, который считает, что наше мироздание гораздо сложнее, чем мы можем себе представить.

Влад окинул ее изучающим взглядом, щуря поблескивающие глаза.

— В общем, ты все очень точно описала, — проговорил он медленно, думая в этот момент явно о чем-то другом. — А в той глухомани, из которой ты приехала, все интересуются основными принципами Вселенной?

— Мои далекие предки были из Серварга, — лихорадочно выдумывала Дея, пытаясь спасти положение. — Мой прапрадед увлекался историей. От родителей мне достались некоторые его записи, я читала их на досуге.

— Увлекаешься историей? — спросил Влад с воодушевлением.

— Ну… В общем да.

Влада ее ответ отчего-то взбудоражил.

— Пойдем, я покажу тебе кое, что! — выпалил он, и даже не набросив плаща, чуть не выбежал из грота.

Дея последовала за ним, дивясь такой перемене. Она никак не ожидала от него этакой пылкости и приятно удивилась, отметив, что сдержанность и отстраненность, возможно, напускные, а в действительности он может быть очень даже импульсивен.

Покинув уютный и теплый грот, они направились вглубь сада. Он оказался довольно запущенным, дорожки никто давно не расчищал, ветви разросшихся деревьев были спутаны, и Дея чуть было не порвала платье, продираясь сквозь них. А еще, повсюду были те самые черные птицы, похожие на воронов.

Но вот бурелом закончился, и они вышли на небольшой пяток расчищенной и ухоженной лужайки, посреди которой возвышалась своеобразная конструкция, из четырех зеркал образующих куб, причем все зеркала были развернуты внутрь этого куба.

— Это, что еще за инсталляция? — сорвалось у Деи с языка.

— Инста… что?

— Не важно, — отмахнулась девушка, напомнив себе, что при разговоре с Ведом, должна взвешивать каждое слово.

— Я сейчас работаю с упорядочиванием энергии при помощи зеркал, — говорил он голосом полным жизни.

— Ты экспериментируешь со временем? — поразилась Дея.

— Почему ты так решила?

— Потому, что я где-то слышала о том, что время — это своего рода энергия. А все, кто пытались ставить эксперименты с ним, использовали зеркальные комнаты и коридоры. Твое сооружение вызвало у меня такие ассоциации, только и всего.

— Только и всего, — задумчиво повторил Влад.

— Я могла тебя неправильно понять, разъясни, — попросила девушка.

Вед пристально посмотрел на нее. Так поразившая ее бурливость чувств сменилась сдержанной настороженностью, но разъяснения он все же дал.

— Мое изобретение показывает прошлое, но очень выборочно, да и настраиваться чрезвычайно сложно, к тому же на эту работу тратиться непозволительно много энергии. Я однажды отключился, пока просматривал одно видение и в себя пришел только часов через пять. Но сегодня мы не будем искать волну, а посмотрим то, что у меня уже есть.

Дея чуть было не спросила, все ли Веды занимаются такими научными изысканиями, но вовремя опомнилась. Скорее всего, каждый житель Багорта в курсе чем занимаются Веды. А может это строжайший секрет и она сейчас находится в святая святых?

«Как же трудно скрывать, что ты прибыл из другого мира», — подумала она, но вслух спросила — У тебя, что же собрана уже целая коллекция видений из прошлого?

— Да, но механизм их сохранения пока тоже не до конца отлажен. В общем, тут еще работать и работать. Пока что я настраивался только на то, что уже было, но в планах раздобыть секрет, позволяющий приоткрыть завесу будущего. Ведь если я могу заглянуть в прошлое, то и в будущее тоже стоит попробовать.

— Не стоит, — серьезно отрезала Дея.

— Отчего же? — удивился такому скепсису Влад.

— Прошлое уже не изменишь в отличие от будущего. Зачем смотреть на то, что еще может и не произойти?

— Затем, чтобы знать, что это может произойти, и быть готовым.

— Один мой хороший знакомый говорил, — «думать о будущем — страдать заранее».

— Почему именно страдать? Может то, что нас ожидает, принесет радость.

— Когда люди ожидают приятных событий, они к ним морально не готовятся, они просто ждут их с нетерпением.

— Это весьма спорный вопрос, как и все философские вопросы и мы непременно его обсудим, но не сейчас. Сейчас мы пойдем смотреть историю Багорта, — провозгласил он и протянул ей руку, чтобы сопроводить к тайне тайн.

Дея прикоснулась к его ладони, ощутив легкое покалывание, но стоило им приблизиться к зеркальной конструкции, как по ее пальцам пробежала судорога, словно она воткнула их в розетку. Непроизвольно одернув руку, она вопросительно посмотрела на Влада.

— Извини, — смутился он, — немного волнуюсь, я еще никому не рассказывал о своем изобретении и уж тем более не показывал, как оно работает.

— Почему решился показать мне?

— Мне кажется, ты сможешь оценить… И… Не важно. Просто хочу поделиться этим.

— Я польщена, — она поймала его недоверчивый взгляд. — Нет, правда, я просто не понимаю, почему я. Сотни людей многое бы отдали за возможность, посмотреть на твое изобретение, а ты решил показать его недообразованной девчонке.

— Образованность и врожденная пытливость ума — не одно и тоже. И потом ты забыла, что меня люди не особо интересуют.

— И все же тебе хочется с кем-то поделиться, понимаю.

— Не с кем-то, а с тобой. Это разные вещи.

Дея кивнула в знак того, что понимает, о чем он говорил, но на самом деле понимание это было очень смутным и плавало где-то на самом дне ее подсознания.

— Тогда идем? — сказала она.

— Идем, — согласился Влад, и они вошли внутрь.

Он подвел Дею к центру, который был отмечен небольшим плоским камнем, а сам прошелся по периметру, смыкая огромные зеркала, одним лишь щелчком пальцев. Правда на этот раз его движения не были вальяжны, он стал чрезвычайно собранным и подтянутым, все жесты приобрели резкость, четкость, строгую

выветренность. Продолжая перемещаться по периметру образовавшейся зеркальной комнаты, он делал какие-то пасы руками, и Дея стала постепенно ощущать невероятный прилив энергии.

Все происходящее и завораживало, и пугало таинственностью. Благодаря тусклому, дневному свету, лающемуся сверху, можно было видеть многократно умноженные отражения, уходящие в бесконечные зеркальные коридоры — статичная Дея и динамичный, порывистый Влад.

Но вот их отражения сменили вначале неясные, а затем все более отчетливо проступающие картины прошлого, и у Деи закружилась голова. Влад по-прежнему передвигался по периметру, взмахивая руками, и на кончиках его пальцев вспыхивали белые искры.

Находящийся среди творений своего беспредельного разума, он воплощал стихийную мощь, грозную и мистическую. Вопреки своей воле Дея залюбовалась им, и ее внезапно охватило чувство прорыва в нечто неведомое. Хотя может быть виной тому было выпитое вино? Она закрыла глаза и потерла виски, а когда открыла их картины обрели четкость, и даже послышались звуки, доносящиеся, словно эхо из глубины времен.

Вот вдоль Лимонной реки несутся устрашающего вида всадники в шлемах и латах. А вот Лад озеро в Синем лесу и близ него идет кровавое сражение — русалки утаскивают орущих и отбивающихся людей в свои воды. Какая-то немолодая женщина с растрепанными золотыми волосами, воздевает руки и на сражающихся обрушивается столб воды, поднятый из озера.

Картина сменяется на мрачное подземелье, по его каменным коридорам разноситься гул приближающихся шагов. С десяток человек пытаются пробраться к обшитой деревом двери, что закрыта тяжелым засовом. Им преграждает путь горбатый юноша, обрушивая потолок и замуровывая себя, но, не давая преследователям подобраться к двери.

Вот снова переход — просторная равнина, а на ней творится невообразимая вакханалия — звери и птицы, на которых восседают люди, сражаются все с теми же воинами в доспехах. Повсюду сверкают красные, зеленые и белые вспышки, исходящие от людей в черных мантиях, при этом бушует ураган, а небо стремительно заволакивают черные, пузатые тучи, готовые извергнуть тонны воды на бьющихся в безумной агонии людей.

Снова смена картины — та же равнина, но теперь на месте сражения курган, вокруг которого немыслимое количество народа, многие с цветами и почти все плачут.

Дея почувствовала, что силы против воли покидают ее,

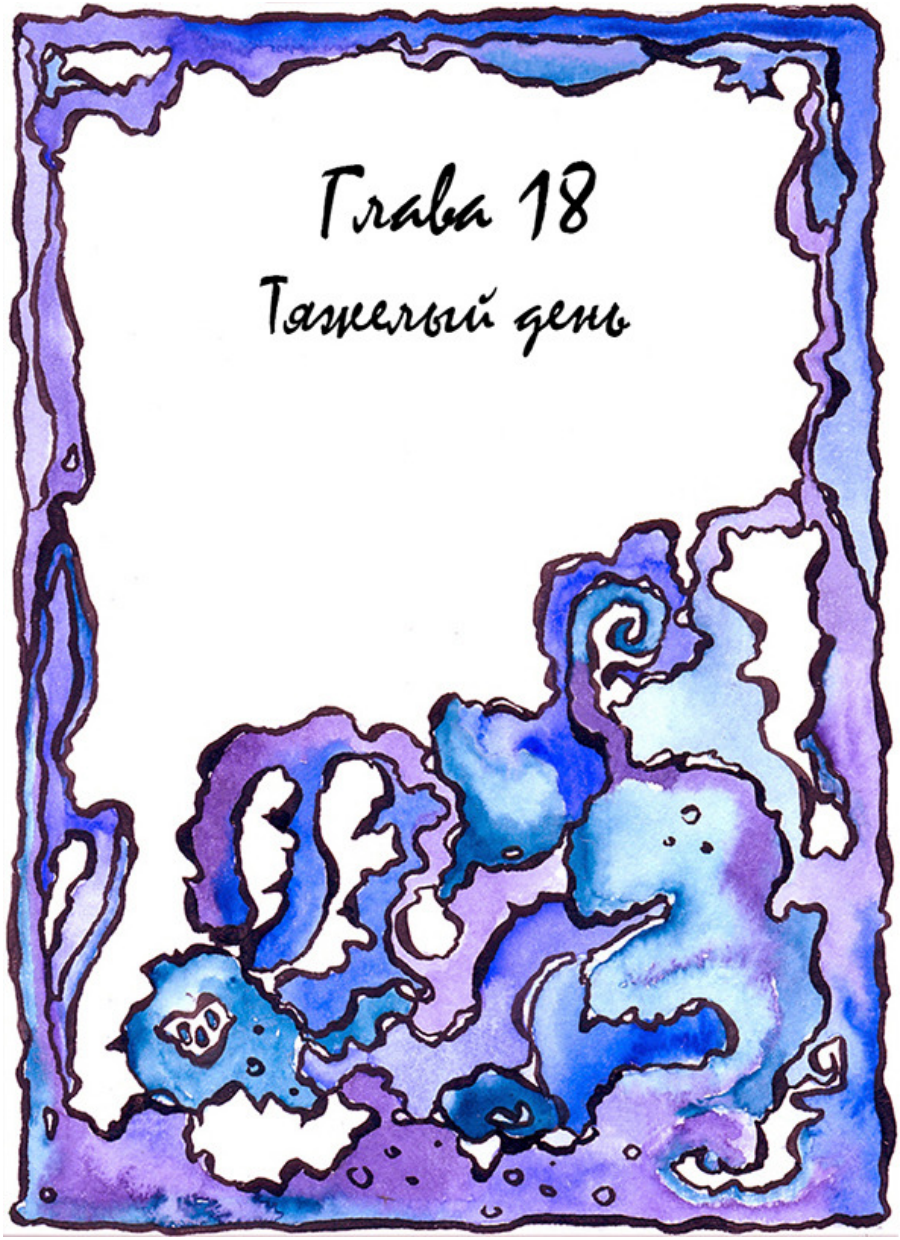
тяжелые веки опустились на глаза. Она попыталась найти опору руками, ладони наткнулись на грудь Влада, и она ощутила прикосновение его рук. Ей неожиданно вспомнилось прозвище, которым его одарил народ — «мраморный Влад». Он действительно был крепок как камень, но в отличие от мрамора он был горяч. Под тонким батистом она ощущала исходящий от него жар и легкое покалывание как от электрического тока, а еще бешеное сердцебиение.

Она с трудом открыла глаза, он смотрел на нее, улыбаясь. Картины уже начинали таять и поверх сменяющих друг друга пейзажей, стало накладываться их отражение.

Дея попыталась сделать шаг, но тут же поняла, что переоценила свои силы. Последнее что она увидела, прежде чем погрузиться в беспамятство было отражение в зеркале: Влад ловко и осторожно подхватывает ее на руки и уносит прочь из зеркальной комнаты.

Глава 18

Тяжелый день



Тяжелый день

День не задался с самого утра. Вайесу пришлось снять с задания Сеслава, чтобы возложить на него новую миссию, чем генерал был сильно не доволен. Этот юный Сагорт неплохо сражался на мечах, к тому же его волк был довольно свиреп. Генералу не хотелось лишаться такого ценного кадра, но здесь он был нужнее.

Еще некстати послы из Серварга прибыли, для налаживания торговых отношений. Глава Мрамгора готовил этот союз много лет и ждал, когда соседний континент поймет, что взаимный обмен товарами и знаниями будет всем только на пользу. Но они приехали в самый не подходящий момент. Если он срочно не разберется с накопившимися проблемами в Мрамгоре, то с надеждами на хрупкий союз, можно будет распрощаться. Ни одни торговые суда не согласятся зайти в порты на границах Багорта, если послы узнают, что в самой столице разгуливает неизвестный Вед, которого опасается сам Верховный Хранитель (и скорее всего не напрасно).

Если верить описанию, то этим Ведом, мог оказаться Ихаиль — старинный знакомый Вайеса. Беспринципный, лживый, мстительный и невероятно сильный противник, вслед за которым неотступно следовала беда.

Его появление не на шутку встревожило главу Мрамгора. Слишком много тщательно хранимых тайн, могло открыться с его появлением. Но больше всего Вайеса беспокоил вопрос — с кем он здесь связывался? Ведь пройти в Багорт незамеченным, можно только получив приглашение, и простой человек его прислать не мог. Вайес был почти уверен, что появление Ихаиля связано с его юными подопечными. Но опасался он не только этого; Верховный Хранитель боялся, что его самые страшные подозрения насчет личности предателя, оправдаются.

За этими тревожными думами его и застала Дея, пришедшая к нему за Великаном. Ему нравилась эта не по годам проницательная и самоотверженная девушка. Но он чувствовал, что она еще всех удивит, включая и его самого, и это беспокоило главу Мрамгора. Было в ней что-то очень знакомое, нечто такое, с чем он сталкивался большую часть своей жизни и никак не мог понять.

С тяжелым сердцем Вайес отпустил ее на встречу с Владом. Но разве мог он ее удержать? Как не старалась Дея скрыть причину, по которой решилась на свидание, от Вайеса она все же не утаились, и сейчас он почти ненавидел Веда за то, что тот

выбрал такую неподходящую девушку.

В том, что эта троица не даст ему скучать, Верховный Хранитель не сомневался. Но заботила его не собственная судьба — эти молодые могли натворить в Багорте таких дел, которые он не в силах будет исправить. И тогда всех их может ждать суровое наказание.

Проводив Дею, глава Мрамгора отправился на встречу с послами, и долгожданное сообщение от Великана, которое прислали ему вскоре после ухода девушки, он получил спустя три часа. В нем говорилось, что Влад встретил Дею у ворот сада, и они направились в его дом. Следующее послание ему доставили прямиком в трапезную, поэтому он прочитал его тут же. «Сидят в гроте, пьют, едят и разговаривают», было нацарапано неровным почерком Сеслава. Вайес немного расслабился и набросал на обратной стороне, — «для передачи новых сообщений, ищите меня в городе»

После того как обед был окончен, он отправился показывать послам достопримечательности вверенного ему Мрамгора. Прогулка эта сильно затянулась и посланник смог отыскать его только к шести часам, поэтому тревожное сообщение он получил уже довольно поздно. В нем говорилось, что Дея с Владом скрылись, в каком-то непонятном сооружении из зеркал и уже довольно долго не выходят.

Нервы Вайеса и без того напряженные до предела, после такого известия, стали совсем сдавать. Он невпопад отвечал на вопросы послов, а в довершение ко всему спутал брата с сестрой, назвав мужчину женским именем. И все же приказал Сеславу, не предпринимать ничего, пока они оттуда не выйдут.

Наконец, культурно обогатившись, послы изъявили желание вернуться в замок. Глава Мрамгора рассадив их по каретам, припустил на своей одноместной «эгоистке» вперед, задавая лихую скорость. И все же до замка они добрались только к девяти часам. Там его уже ждало новое сообщение. «Влад вынес Дею из странного сооружения на руках и укрыл в своем доме».

«Будь рядом, я еду», отправил ответ Вайес. Но не успел спуститься к своему экипажу, как перед ним выросла могучая фигура Яна. Парень был не на шутку взволнован, нервозность прямо-таки сквозила во всех его движения.

— Что случилось, Ян?

— Д-деи нигде нет, — прозаикался он. — Говорят, она куда-то ушла еще до полудня и больше ее никто не видел.

Хоть Вайес и прослыл блестящим дипломатом, актер сейчас из него вышел никудышный, и от Яна не укрылось его виноватое выражение лица.

— Вы знаете где она, верно? — выдохнул он.

Вайес ничего не ответил, только продолжительно и устало посмотрел на Яна.

— Если вы сейчас же не скажете мне где она, я перерою весь город, и тогда уже не обессудьте!

— Она у Влада, — выдавил Верховный Хранитель.

— К-как… как у Влада, — выражение Яна было растерянным, словно ему ни за что ни про что влепили по морде.

— Возьми себя в руки, — осторожно, но требовательно сказал Вайес. Но Ян уже развернулся, собираясь уйти, а точнее убежать.

— Немедленно вернись! — приказал Вайес и парень остановился. — Что ты собираешься делать? Ворвешься к нему в дом и попробуешь убить с помощью железки в твоих ножнах?

— Читаете мои мысли, — процедил Ян.

— Влад — выдающейся Вед, если кто-то в Мрамгоре и смог бы его победить, так это наш чужак или армия Ведов. Ты только наломаешь дров! Я сам еду к нему.

— Я пойду с вами! — выпалил Ян.

— Нет, я поеду один, со мной он будет говорить.

— Почему?

— Я — Верховный Хранитель Мрамгора! — начиная злиться, выдавил Вайес. — К тому же Дея в его доме не заложница, а гостья.

— Тогда почему она еще не вернулась? И откуда вы это знаете?

— Вчера она пришла ко мне и сказала, что Влад просит ее о встрече. Она хотела удостовериться, что он не тот, кого мы разыскиваем.

— Глупости, он слишком молод.

— Да, — согласился Вайес, — по меркам Веда он действительно очень молод, я бы даже сказал юн. Но когда вы пропали, ему было пятнадцать и он уже кое что умел.

— Сколько же ему сейчас лет? — поразился Ян. — Он выглядит не старше нас с Деей.

Настал чред Вайеса удивляться.

— Ты разве не знал, что Веды живут в среднем триста лет и увядают медленнее обычных людей.

— Нет, — устыдился Ян. — Я только знал, что Хранителям отводится двести, а иногда и двести пятьдесят лет жизни, а до Ведов я еще не дошел.

— Тебе нужно быстрее наверстывать пробелы в образовании, — жестко сказал Вайес. — Влад прожил лишь десятую часть отведенного ему срока, но он уже самый сильный Вед в Мрамгоре, и нам необходимо выяснить причину его столь

острого интереса к твоей подруге.

— Вы прекрасно знаете причину его интереса, — сказал Ян упавшим голосом. — Сами же и выдвигали предположения.

— И я очень надеюсь, что они окажутся верными, — с нажимом выговорил Вайес.

— Может, вы еще скажете, что Деи оказана великая честь, стать сотой в его коллекции?! — возмутился Ян.

— А ты, наверное, считаешь, что лучше иметь сильного врага, нежели союзника.

— С чего вы взяли, что он будет союзничать с нами? Я слышал, он сам по себе. Даже от места в совете отказался.

— Ты прекрасно видел, на что он готов пойти ради Деи. Если его действия продиктованы симпатией, он может помочь нам разобраться в этой ситуации. Если же нет — худшего врага я никому не пожелаю! — сказал Вайес и направился к своей карете, не обращая внимания на плетущегося за ним Яна.

Когда он уселся, парень удержал возницу и просунул голову в окно.

— Возьмите меня с собой, — взмолился он.

— Нет, Ян, — отрезал Вайес. — Я и так потратил драгоценное время на объяснения с тобой, а ситуация между тем требует моего вмешательства. Жди здесь.

Ян отпустил возницу, и карета тронулась с места.

Глава 19

Симпатии

Симпатии

Очнулась Дея от пронзительной головной боли, с трудом разомкнула глаза. Сонная одурь не отпускала ее, держа в своих крепких, но мягких объятиях и этот сладкий плен длился, судя по всему, уже давно. Сквозь открытое окно комнаты, в которой она оказалась, виднелся желтый диск полной луны. Девушка лежала на огромной кровати с резными столбиками и балдахином, комната освещалась холодным лунным светом, и все же разглядеть ее целиком возможности не было.

Превозмогая вялость и тяжесть во всем теле, Дея встала с кровати и только тогда заметила отсутствие платья. На ней оставалась одна лишь тонюсенькая шелковая сорочка. Подбежав к окну перепуганная девушка, увидела с высоты второго этажа уже знакомую аллею в саду и очертания скалки с гротом. Поняв, что находится в поместье Влада, она с облегчением выдохнула, отошла от окна и огляделась.

Комната была довольно просторной, но кроме кровати и платяного шкафа в ней не было никакой мебели. Видимо она использовалась исключительно как спальня. Деревянный пол устилал изрядно потертый, но все еще красивый ковер, обтянутые красным шелком стены, тоже обветшали. С потолка оформленного открытыми стропилами, свисала массивная чугунная люстра, напоминающая штурвал коробя. Украшений в спальне почти не было, если не считать одного единственного портрета на стене. Дея подошла к нему вплотную. При лунном свете трудно было разглядеть детали, но одно девушка уловила сразу — изображенная на портрете дама в алом и довольно экстравагантном платье, имела необыкновенное сходство с Владом. Длинные черные волосы, бледная, сливочная кожа и пронзительные черные глаза. Не хватало только румянца, который делал образ Веда не таким монохромным.

Дея поискала взглядом свое платье, но не нашла, зато обнаружила скрытую в стене дверь. Она не выделялась при беглом осмотре, но тщательно спрятанной ее тоже нельзя было назвать. Девушка потянула за ручку и дверь поддалась. За ней оказалось большое помещение с огромным письменным столом, книжными стеллажами и полками, на которых покоились всевозможные диковинные приспособления, пробирки, колбы и пузырьки с разного рода жидкостями. На одной из стен висела карта Багорта, на другой общая карта Хоры, с четырьмя континентами. Повсюду были расставлены конструкции из дерева и металла непонятного назначении, похожие на изобретения

Леонардо да Винчи. Все это Дея смогла разглядеть в свете тускло горящей свечи оставленной на столе, где в хаотичном порядке валялись бумаги с какими-то расчетами и рисунками.

«Да он сумасшедший ученый», — подумала девушка, разглядывая его рабочий кабинет или мастерскую, а вероятней всего и то, и другое.

Поставив на место свечу, она вернулась в спальню, чтобы продолжить поиски платья, но услышав голоса доносящиеся с низу, решилась приоткрыть дверь, прислушиваясь.

Голос Вайеса она узнала сразу, он говорил с хозяином дома.

— Мы потеряли одну нашу гостью, — говорил он деланным, будничным тоном. — Ее зовут Дея. Такая высокая, рыжеволосая, не припоминаешь?

— Почему ты решил поискать ее у меня? — вяло бросил Влад, разглядывая свои ногти.

— Потому, что я узнал о ее намерении встретиться с тобой, — отвечал Вайес, заметно раздражаясь. — И о том, что встреча состоялась. Но она так и не вернулась в замок, и я подозреваю, что она задержалась у тебя.

— С каких это пор глава Мрамгора лично занимается поисками заблудших дев.

Дею так поразило пренебрежение, к которым Влад разговаривал с Верховным Хранителем, что она пропустила мимо ушей нелестный эпитет в сой адрес.

— Эта девица — сестра моего Верховного Сагорта.

— Угу, видел я его братскую любовь.

— Влад! — гаркнул Вайес с такой мощью, что Дея вздрогнула. — Если ты хочешь, чтобы он пришел к тебе сам и разнес этот дом в щепки, продолжай в том же духе. Но лучше, отдай ее мне.

— Пусть приходит и убедиться, что я ее не удерживаю, — равнодушно ответил Вед.

— Где же тогда она?

— Спит, — объявил с оттенком садизма Влад.

Вайес вопросительно и с нескрываемой злостью посмотрел на него.

— Утомилась, после насыщенного событиями дня, — пояснил Вед.

— Что ты с ней сделал? — чуть не простонал Вайес.

— Ничего особенного, просто поделился некоторыми своими изысканиями, которые, к сожалению, забирают много сил.

— Кого ты пытаешься обмануть? Мне прекрасно известно, что ты скорее язык свой съешь, чем расскажешь хоть одной живой душе о своих опытах!

— Ты все время забываешь, что я тоже человек, — с наигранной обидой произнес Влад, — и мне не чужды обычные желания. Захотелось чьего-то участия.

— Я прекрасно знаю, какие желания тебе не чужды! — со злобой прошипел Вайес.

Дея не поверила своим ушам. Она и не предполагала, что дипломатичный Верховный Хранитель может позволить себе такие интонации.

— Зачем тебе эта девочка, Влад? Она еще совсем ребенок. Тебе мало столичных красавец? Ты и так уже сделал несчастными половину из них. Я прошу, нет, я умоляю, оставь Дею в покое. Ухаживать за ней — плохая затея.

— На твой вкус, все мои затеи плохи. Я не отступлюсь, — отрезал Влад.

Дея испугалась, что Влад все же прогонит Вайеса и тот оставит ее здесь до прихода разъяренного Яна. Она вбежала в комнату, намереваясь если не найдет платья, обернуться хотя бы простыней. Не выходить же к ним в полупрозрачной сорочке, в самом деле?

Оказавшись вновь в спальне, она направилась к шкафу и, распахнув его, не мало удивилась. Нет не тому, что ее платье, наконец, нашлось, а гардеробу, который она в нем обнаружила. Ее светло молочное одеяние в цветочек смотрелось ярким, чужеродным пятном среди абсолютно одинаковых черных накидок, портов и рубашек. К сожалению, у нее не было времен найти хоть пять отличий в нарядах консервативного Веда. Она быстро обулась и, впрыгнув в свое платье, вышла на лестничный пролет, зашнуровывая на ходу ленты.

К ее облегчению Вайес все еще находился внизу и по-прежнему препирался с Владом. Но на этот раз девушка не стала прислушиваться к их диалогу, а обнаружила себя, обратившись к Верховному Хранителю.

— Вы напрасно так сокрушаетесь, Вайес. Влад демонстрировал мне одно из своих изобретений, и в стремлении объять всю глубину его изысканий, я не рассчитала силы. — Проговорила она, спускаясь по широкой лестнице в холл. — Он же в свою очередь, любезно предоставил мне одну из своих комнат для отдыха. Но сейчас я чувствую себя достаточно бодрой и готова вернуться в замок.

На лице Вайеса отобразилось облегчение, а вот Влад был явно расстроен ее пробуждением и желанием покинуть его так скоро.

— Что даже на чашечку чая не останешься? — поинтересовался он.

Дея покачала головой, стараясь при этом улыбнуться как можно мягче.

— Пойдемте, моя дорогая, — проговорил Вайес, поспешно беря ее под руку и увлекая к дверям.

— Я смею надеяться еще на одну встречу? — крикнул Влад в след уходящей Деи.

Она обернулась и коротко кивнув, скрылась за дверью.

— О-о-о, Дея, вы хоть представляете, каких трудов мне стоило удержать Яна в замке?! — сокрушался Вайес, ведя ее к повозке.

— Извините, что доставила вам столько хлопот, но я и сама, если честно, не понимаю, как оказалась в его доме, — оправдывалась Дея краснея.

— Ладно, вас я ни в чем не виню. В конце концов, это ваше личное дело, кого выбирать и где ночевать. Моя беда в том, что наш Верховный Сагорт сходит по этому поводу с ума и готов разрыть до основания весь Мрамгор в поисках вас! — негодовал Вайес, усаживая Дею в крытую повозку, запряженную гнедой кобылой.

Глава Мрамгора был раздражен, и Дея не знала, чем больше; поведением Яна или же пререканиями Влада, но одно она поняла — эти двое еще доставят Верховному Хранителю немало забот. И все из-за нее.

— Подождите-ка, — вдруг спохватился Вайес, — вы не знаете, как оказались у Влада дома?!

— Дело в том, что он действительно показал мне кое-что из своих творений. Даже объяснил, как оно работает и предупредил, что однажды сам отключился на полдня, потому что потратил слишком много сил. Но я признаться не думала, что просмотр этого чуда тоже отнимает силы. В общем, я упала в обморок, а в себя пришла уже в его доме. Вышла в холл, а там вы.

— Понятно, — протянул Вайес. — Точнее нет, не понятно. С чего это наш патологически скрытный Вед, вдруг решился на демонстрацию своих талантов?

— Он не планировал мне ничего такого показывать, просто во время разговора узнал, что меня интересует история и решил показать ее.

— Показать историю?

— Ну да, — начала пространное объяснение Дея, — с помощью своего изобретения он заглядывает в прошлое и записывает видения. Он показал мне первую битву Хранителей и курган, тот самый, на котором инициировали Яна.

— В самом деле? — Вайес выглядел озадаченным.

— Ну да, а что вас так удивляет? Даже там откуда я прибыла, люди мечтают, построить машину времени. А у нас, между прочим, волшебников и чародеев нет. Но я, если честно, пыталась его отговорить соваться в будущее. Пока его вполне удовлетворяли призраки прошлого.

Вайес смотрел на Дею с нескрываемым потрясением.

— Что вы на меня так смотрите? У вас такие опыты противозаконны?

Дея испугалась, что раскрыла Вайесу тайны Влада. Она уже привыкла, что в Мрамгоре может доверять только ему, лекарю, да еще Маюн. Но она не подумала, что причины заставляющие Влада скрытничать, могут быть не столь личными, как показалось ей вначале. И все же, Дея не хотела, чтобы его подвергали наказанию из-за ее болтливости.

— Обещайте, что не раскроете того, о чем я вам рассказала, — прошептала она с мольбой.

— Обещаю, — серьезно ответил Вайес, и отчего-то Дея поверила ему.

Остаток пути они ехали молча. Вайес смотрел в окно, погруженный в свои мысли, а Дея вспоминала подробности уходящего Дня. Она хотела сохранить в памяти каждый миг и сейчас с трепетом перебирала, словно нитку жемчуга те минуты, что принесли ей особенное наслаждение. Оказалось, их было очень много. Она провела в обществе Влада всего один неполный день, а он подарил ей столько впечатлений, сколько она и за неделю раньше не получала. Да, что там скрывать, благодаря ему ей стали ведомы такие переживания, которые прежде испытывать, вообще не доводилось и сейчас волнительные трепыхания ее безопытного сердечка, отражались в глуповатой улыбки. Мерно покачивающаяся повозка приближала ее к замку, а она уже начинала скучать по мрачному, обветшалому поместью и его хозяину.

Но вот карета остановилась и Вайес помог ей выбраться наружу. Сладкие грезы грубо оборвал пристальный и тяжелый взгляд Яна, встречавшего их у ворот замка. Дею безжалостно сбросил с небес на землю, его немой вопрос и лицо искаженное болью. Она не нашла в себе сил выдержать этот взгляд и опустив голову проследовала в замок. Сохраняя гробовое молчание Ян, прошаркал за ней.

«Ну почему, почему я чувствую себя такой виноватой перед ним?! — задавалась она вопросом. — Отчего он не признался мне раньше или много позже, отчего именно сейчас? И разве я виновата в том, что Влад оказался так притягателен?»

* * *

Сославшись на усталость, Вайес попрощался с ними на лестнице и быстро удалился в свои покои. Ян был этому рад, если в его состоянии он еще мог испытывать нечто подобное. Дея тоже направилась в свои комнаты, так ни слова и не проронив. Но Ян намеревался прояснить ситуацию, поэтому последовал за ней не дожидаясь приглашения.

Скользя по коридорам замка, Деиной тенью, он опасался, что она не захочет его впускать, но зайдя к себе его подруга не стала запирать дверь, и Ян прошел за ней, осторожно прикрыв створки, будто громкий звук мог спугнуть Дею, и она упорхнула бы в окно, словно маленькая овсянка.

Ни улетать, ни исчезать его подруга не собиралась, она устало облокотилась о косяк и так замерла. Ее холодный, чужой взгляд, обездвижил и Яна. Он отвел глаза.

Дикая, яркая луна заглядывала в не зашторенное окно, роняя свой внеземной свет на замерших молодых. Трудно было измерить степень напряжения в воцарившейся тишине. Ян не знал, как долго простоял, изучая Деино платье, поднять глаза на ее лицо у него не хватало духу.

— Я смотрю, тебя заинтересовали цветы на моей одежде? — нарушила невыносимое молчание девушка.

— Ты жестока, Дея, — упрекнул ее Ян.

— Не более чем всегда, — безразлично отозвалась она.

— Прежде ты не была ко мне жестока.

— Повода не было.

— А сейчас значит появился? — Ян почувствовал зарождающуюся злобу, она словно поджигала его изнутри.

— Нет, — Дея тяжело вздохнула, — просто ситуации такой у нас прежде тоже не было. Если честно, я не знаю, как должна себя вести. Я просто хочу, чтобы все было как раньше.

— Как скажешь, — превозмогая закипающую злость процедил он. — Пусть все будет как раньше.

— Нет, Ян, не получить, и ты это прекрасно знаешь.

— Почему? — взревел он так громко, что Дея отшатнулась от него. — Почему? — Ян повторил свой вопрос уже тише, но с теми же нотами гнева. — Из-за него да? Он понравился тебе, — констатировал парень с отвращением.

Дея молчала, а ее остекленевший вдруг взгляд не давал Яну и намека на ее чувства.

— Чем? Чем мог привлечь тебя этот самовлюбленный, заносчивый ледышка?

— Он не так однозначен, — бесцветно ответила Дея.

Ян понимал, что в эту минуту его подруга пыталась оправдать скорее свою расположенность к Владу, нежели его

самого, и это раздражало его еще больше.

— Не так однозначен? Дея, да он эмоциональный импотент! — вскричал Ян, впадая в бешенство. — А ты — сама жизнь, — проговорил он уже с нежностью.

— Многие и меня считают излишне холодной, — парировала Дея. — Ты видимо забыл об этом.

— Дея, моя Дея, — зашептал Ян, приближаясь к ней вплотную и заставляя, вжаться в косяк. — Ты — само совершенство, — бормотал он, обхватывая ее лицо ладонями и склоняясь над ним. — Ты спокойна, сдержана, рассудительна, но это то, что видят другие. Я же знаю, как кипит в тебе жизнь, мысль, чувства. Ты можешь быть страстной, Дея! Я наблюдал это и не раз. Я вижу, как твоя темпераментность мучает тебя. Это потому, что ты боишься выпустить ее наружу, боишься потерять контроль над собой. Но рано или поздно это произойдет, и ты будешь не готова, ты просто захлебнешься своими чувствами. Вот увидишь!

Дея нечего ему не отвечала, Ян только слышал ее спотыкающееся дыхание, чувствовал напряженность, да легкую дрожь. Он прекрасно знал, если его подруга закрылась, выбить из нее что-либо силой, не получиться.

Пришлось отступить, не смотря на то, что это потребовало всех его физических и душевных сил. Никогда Ян не позволял себе того, что позволил сейчас. Он ощущал разгоряченным телом толчки Деиного сердца и умопомрачительную упругость маленькой груди. И эта близость делала его слабым, все что он сдерживал многие месяцы, в эту минуту прорывалось наружу.

— Что же все-таки тебя зацепило в этом куске мрамора? — выплюнул он, обессилив падая на диван.

— А тебе не приходило в голову, что надменность и равнодушие — это то, что он позволяет видеть, скрывая за этой неприглядной маской свою суть? Так же, как это делаю я.

От этих ее слов он чуть было не задохнулся. Чувствуя, как кровь в венах, снова начинает бурлить словно лава, он медленно поднялся с дивана и хотел было снова приблизиться к ней, но бросив короткий взгляд на часто вздымающуюся грудь, остановился.

— Не смей сравнивать себя с ним, слышишь! — проорал он. — Не смей!

— Хватит, Ян! — попыталась, усемерит друга Дея. — Это тупик, — она принялась нервно мерить комнату шагами. — Как прежде уже не будет, никогда не будет. Если только ты не примешь во внимание мои симпатии и не смиришься с ними.

— Симпатии? — прохрипел Ян, все же сделав шаг навстречу

к Деи.

— Да, — испуганно пискнула она, когда он схватил ее за предплечье и с силой притянул к себе, заглядывая в глаза.

Он желал найти в них опровержение брошенным словам, но Дея только тяжело дышала и силилась высвободиться.

Продолжая смотреть на нее, Ян все крепче и крепче сжимал ее руку. Он почти ненавидел ее в эту минуту, борясь с желанием взять силой то, что должно было принадлежать ему и только ему. И если бы Дея не задрожала вдруг всем телом, глядя на него чуть ли не с мольбой, он вероятно исполнил бы свое желание.

— Ян, — выдохнула она, ослабев, и он расцепил-таки пальцы, позволив ей облокотиться о косяк.

На трясущихся ногах, промазав мимо двери, он, не помня себя, вывалился из ее комнат и бросился куда глядели пылающие яростью глаза.

Глава 20

Приглашение

Приглашение

Утро принесло Деи чувство вины. Она уже понимала, что напрасно была груба с Яном, в конце концов, Вайес прав — иногда судьба посылает странные испытания любовью. Могла ли, например она, еще неделю назад представить, что подозрительный Вед со скверной репутацией завладеет ее мыслями после одного только свидания? Конечно Дея пыталась устоять перед надвигающемся стихийным бедствием под названием влюбленность, но как бы Влад не пугал ее своей неоднозначностью, влечение было уже столь сильным, что она вряд ли могла ему сопротивляться. Ей казалось, что по воле насмешливой судьбы она превратилась в перекати-поле, которое чья-то шаловливая рука подожгла, спустив с обрыва, и ему ничего не остается как мчаться, стремительно разгораясь.

Сегодня она уже не злилась на Яна, но все равно не знала, как ей быть в этой запутанной ситуации. В голове вертелись слова Вайеса о том, что любовный треугольник — фигура не простая (особенно если учесть, что Деин опыт в подобных вещах ограничивался лишь прочитанными романами).

Погрустив о былой легкости и в их с Яном взаимоотношениях, Дея все же собралась духом и осмелилась пойти к нему. Твердо решив, не упоминать о Владе, она надеялась, что совместные посиделки в библиотеке, завтраки и вечерняя болтовня у камина создаст хотя бы иллюзию благополучия и воссоединения. А там глядишь все как-нибудь и образуется.

Но ее ждало разочарование: Яна не было ни у себя, ни в трапезной, ни в библиотеке, ни даже на тренировочной площадке. И когда она уже совсем сбила ноги в поисках друга, ей встретился лекарь.

Горий отчитывал семенящего подле него юношу с коровьими глазами. Тот тащил корзину с бинтами и пузырьками, которая явно была слишком тяжела для его худощавых рук.

— Чего ты плетешься, Еша! — ворчал лекарь. — Пока ты ползешь как черепаха, твой пациент истечет кровью.

Обрадовавшись, что в этот удручающий час ей повстречался хоть кто-то их близкого окружения, Дея побежал за удаляющейся парочкой.

— Здравствуйте, Горий, — крикнула она, нагоняя их, — вы случайно не видели Яна? Я нигде не могу его найти.

— Разве он тебе не сказал, что его отправили на задание?

— Нет, я ничего об этом не знаю, — растеряно

протянула Дея.

— Позавчера Вайес сформировал разведывательную группу, — пояснил Горий, — Ян был в ее составе. Но подробности мне не известны, знаю только, что вернулись они ни с чем, и сегодня чуть рассвело, все снова отправились на это же задание, прихватив провизии на неделю. Думаю, своего друга ты теперь не скоро увидишь.

— Что за задание? — допытывалась Дея, но лекарь и его спутник уже дошли до медицинского крыла. Горий грубо втолкнул юношу с коровьими глазами в двери и сам ступил за порог.

— Меня ждут больные. Поинтересуйтесь у Вайеса, чем занят ваш друг, — буркнул лекарь и захлопнул дверь прямо у нее перед носом.

Глядя в непроницаемое полотно двери Дея мучительно думала о то, что Ян был на задании и может даже жизнью рисковал, пока она наслаждалась обществом Влада, разглагольствуя о высоких материя.

От этих мыслей у Деи противно засосало под ложечкой и она, что было сил, припустила по коридорам, в надежде застать Вайеса у себя. Но и здесь ее ждало разочарование, Верховного Хранителя не было в кабинете.

«Наверное, он на важных государственных переговорах, на то он и Верховный Хранитель. У него, поди и без нас двоих хлопот хватает?» — подумала Дея и поплелась в трапезную, решив, что голоданием она вряд ли что-то исправит. Но пока она бегала по замку в поисках друга, завтрак кончился. Девушка вошла в просторный зал, когда слуги уже вытирали пустые столы.

Да-а, — протянула она, — вот что значит день не задался с самого утра.

Тяжело вздохнув (в десятый раз за утро), Дея спустилась на кухню, где повара усадили ее за стол и напоили чаем. Эти кухонные феи успели привязаться к ней, потому что она помогала им перебирать фрукты, которые сама же и собирала в саду.

— Что-то стряслось, моя ягодка? — поинтересовалась тетушка Ведара — полная и добродушная повариха, наверняка помнящая, как облицовывали изразцами давно потрескавшейся кухонный камин.

Дея покачала головой, пытаясь натянуть подобие улыбки.

— Старуху Ведару не обманешь, дорогуша, — она поцокала языком. — Ну, что ж, дело молодое. Съешь кусочек пирога, ягодка, а то ты как молодая березка — ветерок дунет, и пополам сложишься.

И старушка отрезала Деи добрый кусок пирога.

— Столько холестерина убьет меня раньше, чем ветерок, — попыталась отшутиться Дея.

— Я не знаю, кто такой этот хлестирин, — грозно заявила хозяйка кухни, — но мою ягоду я ему в обиду не дам.

— Этот маленький коварный злодей спрятался в вашем аппетитном пироге, тетушка, — продолжала отшучиваться Дея.

— Глупости! — возмутилась Ведара. — Все полезно, что в рот пролезло, — заявила она со знанием дела, — ешь!

И Деи ничего не оставалось, как приговорить здоровенный кусок пирога к съедению. Когда она закончила с завтраком, Ведара принесла ей плетеную корзину.

— Вот, — сказала она, вручая ее Деи, — трудотерапия — лучшее лекарство от сердешных недугов. Собери-ка груш, я киселя наварю.

Дея не стала спорить с кухонным авторитетом, решив, что Ведара права, простой и незатейливый труд, возможно, поможет ей немного отвлечься.

Водрузив на плечо пустую корзину, она вышла в сад, окутанный туманом — погода вторила ее душевному состоянию, такой раскисшей и подавленной она уже давно себя не ощущала. Дея понадеялась, что встретит Сива, и тот сыграет ей пару своих легкомысленных песенок, чтобы поднять настроение, но сад пустовал, что, в общем-то, не было странно — в такую погоду здесь редко бывало людно.

— Ну что ж, — пробормотала Дея, — отыскивая деревце побогаче, — поработаем в гордом одиночестве, нам не привыкать.

Полчаса она зябла в своем тонком ситцевом платьице, пожалев, что не прихватила шаль, а ветви деревьев все еще клонились от тяжести плодов к земле. Дея странным образом чувствовала их благодарность, когда обрывала груши, поэтому несмотря на холод, она не могла просто взять и уйти, хотя бы не разрядив особенно отягощенные плодами ветки.

Набрав, наконец, полную корзину фруктов Дея, заозиралась по сторонам в поисках тележки. Но о транспортном средстве она и думать забыла, когда увидела высокую фигуру в черном.

Он шел своей обычной походкой, крадущегося зверя. Полы распахнутой накидки развивались в стороны, волнистые волосы были убраны в хвост.

Дея замерла, не зная, чего ожидать от этого визита. Кроме нее и старого садовника, что ковылял сейчас мимо, здесь никого не было. Но может Влад шел именно к нему?

— Ты так неуловима, моя красавица, — проговорил молодой человек, остановившись подле нее.

Дея хотела ему что-то ответить, но неожиданно для себя

заволновалась и смогла лишь разомкнуть губы, так ничего и не сказав. Влада ее замешательство только позабавило, он довольно улыбнулся и взял ее тонкую руку, галантно поцеловав.

— Битый час слонялся по замку, разыскивая тебя, — посетовал он и наклонился к корзине, с ленивой грацией прихватывая грушу. — М-м-м, сладкие как мед, — проговорил Влад, откусывая от порозовевшего краешка и лукаво поглядывая на Дею.

И без того взволнованная его нежданным появлением, она словно одеревенела, не зная, что и сказать — так ее обескуражил его откровенный взгляд.

— Сегодня ты немногословна, — констатировал Влад. — Должно быть, корзина для тебя слишком тяжела, я помогу ее отнести.

— Спасибо, — проронила Дея, чуть заметно улыбнувшись.

— Ну, наконец-то удостоился улыбки! — возликовал Влад. — А то я уже стал подозревать, что ты не рада меня видеть.

— Груши ждут на кухне, — только и ответила Дея.

Влад кивнул, сощурив свои умопомрачительные глаза и с поразительной легкостью закинул тяжеленую корзину на свое плечо.

— Значит, ты работаешь в саду? — расспрашивал молодой человек, когда они шли по аллеи в сторону замка.

— Должна же я где-то работать.

— Ты действительно так считаешь?

— Здесь меня обеспечили всем необходимым, но я не люблю быть обязанной.

— Ясно, — протянул он. — И как получается?

— Не особенно? — печально призналась Дея.

— Поэтому ты не носишь те великолепные шелка, в которые тебя нарядили в день турнира, а облачаешься в скромное ситцевое платье? — поинтересовался Влад.

— Не только. Все эти наряды мне подарили, сама я не могла бы позволить себе и застежки от них. У меня ничего нет, понимаешь? Совсем, совсем ничего… Хотя, о чем я? Ты конечно вряд ли понимаешь меня.

Влад нервно рассмеялся.

— Ты, верно, решила, что если я живу один в таком роскошном, хоть и весьма обветшалом поместье — я богат?

— Явно посостоятельнее меня.

— Возможно, но не на много, — успокоил ее Влад. — Поместье досталось мне по наследству от матери, но денег на его содержание у меня нет. Если бы не крестьяне, которым я отдал все прилегающие к моему дому территории, кроме разве что сада,

я вообще был бы без средств на существование.

— Если бы не твоя гордость, ты мог бы зарабатывать своим умом, как это делают другие.

— Ты напрасно считаешь меня настолько горделивым. Я обеспечил свой быт именно таким образом. Отдав крестьянам в пользование свои земли, я установил на них сильную защиту. Ни их домам, ни урожаю не угрожают никакие катаклизмы. Даже саранча и вороны обходят их стороной. Они снимают урожай дважды за год. Я же попросил за этот аграрный рай, лишь скромный уход за домом, полные погреба и немного серебра. А мог бы стать одним из богатейших помещиков! Но эти неблагодарные все равно меня ненавидят, хоть и посылают отменное вино и буженину.

Дея посмотрела на Влада, который сейчас выглядел таким молодым и беспечным, и задумалась, — кто же он на самом деле — гений злодейства или мизантроп, прячущийся от жалких людишек и не желающий брать у них ничего сверх меры?

Его противоречивая натура все больше и больше интриговала Дею. Случилось то, от чего предостерегала ее сердобольная девица на празднике — ей захотелось проникнуть за глянцевый фасад ее нового знакомого, распознать природу его притягательности, заучить наизусть невозможно прекрасный образ героя ее теперешних снов.

Ее робкий взгляд блуждал по высокой стройной фигуре. Разглядывая его накидку, Дея обратила внимание на одну деталь, а точнее ее отсутствие.

— Почему ты не носишь своего знака? — поинтересовалась она.

— Мне не к чему дурацкие побрякушки на груди, чтобы помнить о том, кто я, — сказал он, проследив за Деиным взглядом.

— Но ты надевал его на турнир, — напомнила девушка.

— Я сделал это для Родмилы, — пояснил он. — Всего лишь маленький дружеский жест. Для нее это почему-то было важно.

Дея отметила про себя, что он не так черств как о нем говорят, раз поступился своим принципом, ради того чтобы угодить подруге.

— Но ведь вы носите эти знаки отличия не для себя, — сказала она вслух.

— В Мрамгоре итак каждая собака знает кто я.

— Но Багорт распространяется далеко за пределами Мрамгора, — не отставала Дея.

— Мне совершенно ни к чему, чтобы все знали, что я Вед. Если я начну каждому демонстрировать свое происхождение, то

утрачу преимущество. Иногда полезно оставаться незаметным или казаться незначительным.

Дея не удержалась от смеха и поймала на себе озадаченный взгляд Влада.

— Боюсь, тебе это вряд ли удастся, — проговорила она, пытаясь подавить хохот.

Влад посмотрел на нее вопросительно, приподнимая одну брови, и Дея поймала себя на мысли, что откровенно любуется им.

— Твое лицо слишком обременено интеллектом. И, вообще, весь твой образ говорит о том, что сам ты себя незначительным не считаешь.

— Ничего от тебя не утаить, — проговорил он, отворяя тяжелую дверь в хозяйственную часть замка.

Деи стало грустно, что они так быстро добрались до места. Еще несколько помещений и они дойдут до кухни. Тетушка Ведара, скорее всего, попросит ее разделаться с грушами, а Влад вряд ли останется с ней в обществе кухарок.

— Я не стану заходить, — сказал он, ставя корзину рядом с дверью, оправдав Деины опасения. — Ведара меня недолюбливает. К тому же, тебе не избежать нудных лекций, если она увидит свою ягодку в моем обществе.

— Откуда ты знаешь, что она называет меня именно так? — удивилась Дея.

— Я местный и к тому же у меня острый слух. Не забывай об этом, моя красавица, — произнес он, убирая ей за ухо выбившуюся из прически прядь.

Дея вздрогнула от прикосновения, что конечно не ускользнуло от его внимания

— Я собираюсь завтра в Синий лес. Подумал, раз ты так близка к природе, — он указал на корзину, — тебе будет интересно посмотреть на ее чудеса за пределами этого сада.

— Конечно, но разве ходить в Синий лес по одному не безопасно? Я слышала, что он сильно одичал.

— Лес опасен для браконьеров, — уверил ее Влад. — Я же только собираю травы и по возможности лечу его больных животных. Их там осталось совсем немного, на серебристых ланей мне пришлось поставить защиту, иначе браконьеры совсем истребили бы их.

— Какое зверство! — ужаснулась Дея и поспешно отвернулась, потому что на глаза вдруг навернулись слезы.

Влад приподнял ее лицо за подбородок и сосредоточенно посмотрел на нее. Затем притянул к себе, и едва касаясь губами, снял с ее щек катящиеся бусины слез.

— Я запечатаю весь Синий лес, чтобы туда не проникла ни одна живая душа, если человеческая дикость и алчность приносят тебе такие страдания, — прошептал он едва шевеля своими губами, находящимися в опасной близости от ее собственных.

Дея смотрела в его бездонные черные глаза, пытаясь понять настоящий ли в них вспыхнул гнев, но мысли ее путались. Ее обволакивал терпкий аромат иланг-иланга и еще чего-то волнительного, принадлежащего ему и только ему. Она не сразу поняла, что это запах его кожи, лишь вспомнила, что нечто подобное она однажды уже улавливала, когда он нес ее на руках. Но тогда она лишилась чувств. Сейчас Дея была готова к такому же исходу. Не вполне понимая, что делает, она прикрыла глаза и часто задышала, растворяясь в этом дурманящем аромате. Но Влад вернул ее в реальность.

— Я буду ждать тебя у ворот сада в пять утра. Чудо, которое я хочу тебе показать, распускается на рассвете, — произнес он, отстраняясь. — Придешь?

— Да, — ответила она хрипловатым голосом.

Он поцеловал ее руку и направился к выходу, а Дея так и осталась стоять у дверей кухни, облокотившись о наличник. Она смотрела на его раскачивающуюся фигуру идущую по коридору, непроизвольно поглаживая щеку, которой касались его губы.

— Что же это? — простонала она, когда Влад исчез за первой дверью. — Что?

Подрагивающими руками она толкнула створки и стала втаскивать тяжелую корзину в кухню.

— Что ты, что ты! — засуетилась Ведара, увидев, как Дея пытается совладать с непомерной тяжестью. — Вы олухи, не видите, девочка надрывается, — забранилась она, на разевающих рты поварят.

Те сорвались с мест, чтобы помочь Деи с ее ношей.

— Я надеюсь, ты не сама тащила ее сюда? — спросила старушка.

— Нет, мне помогли.

— И куда же скрылся твой загадочный помощник? — спросила она, уставив на девушку свои поблекшие, любопытные глаза.

— Он очень торопился.

Тетушка только покивала.

— Поможешь мне с ними? — она кивнула на корзину.

— Конечно, — пообещала Дея и, надев передник, принялась чистить фрукты.

Она надеялась, что работа поможет ей отвлечься от мыслей

о недавнем прощании с Владом. Но это не помогало, ей не давало покоя его обещание, закрыть ото всех Синий лес только потому, что она пожалела его обителей. Его возбужденный шепот все еще стоял у нее в ушах. Он не шутил и действительно мог сделать это, если она попросит.

— Тетушка Ведара, — обратилась она к старушке, — а может ли кто-нибудь закрыть ото всех какое-нибудь место? Скажем лес.

— Почему ты спрашиваешь, ягодка? — удивилась старушка, но все же ответила. — Лес может запечатать только его Хранитель или очень сильный Вед. Но на веку Багорта такое происшествие случалось лишь однажды. На границах есть Можжевеловая роща, еще в прошлом веке один Вед решился ее запечатать. Правда, поговаривают, что он был спятимши, но, так или иначе, его ждало серьезное наказание.

— Почему?

— Как почему, дитятко? — недоумевала Ведара. — Он же лишил крестьян дичи и грибов с ягодами, не говоря уже о целебных травах, — сокрушалась кухарка.

— Может он хотел…

Оправдать опального Веда Деи не удалось, потому что томящегося на вертеле поросенка вдруг охватило пламя.

— Идиоты, вы спалите мне обед! — заверещала Ведара, бросаясь к непутевым поварятам, не справляющимся с углями в жаровне.

Дея любила бывать на кухне. Суетящаяся тетка и вечно портачащие повара, умудрялись создавать комичные ситуации изо дня в день. И это всегда веселило Дею, поэтому она осталась сегодня на кухне до обеда, а потом и до ужина, который разделила вместе с рабочими.

Она порывалась пойти к Вайесу, но Ведара сказала, что к ним прибыли послы из самого Серварга и что они пробудут в столице с неделю, поэтому лучше не тревожить сейчас Господина, у которого и так непомерно тяжелая ноша. Вдобавок она пообещала сама разузнать, на какое такое задание отправили ее друга. Дея, в свою очередь, сетовала на то, что поручение должно быть секретное, раз сам Горий ей о нем ничего не сказал. На что старушка ей только хитро подмигнула и наказала приходить завтра после обеда.

Глава 21

Салливейсы

Солнвейсы

Ровно в пять Влад ожидал Дею у ворот сада. Было еще довольно темно, мир только готовился встретить новый день, поэтому Вед держал в руке небольшой кристалл, распространяющий мягкий серебристый свет. Другой рукой он поддерживал под уздцы вороного коня. Завидев девушку, конь повел ушами и зафыркал, протягивая к ней морду. Дея погладила ласковое животное и только тогда решилась посмотреть на его хозяина. Влад улыбнулся и не говоря ни слова, поцеловал ее руку.

«Какая странная галантность, при его нелюбви к традициям», — подумала она про себя. А Влад тем временем вставил кристалл в приспособление на сбруе, и у Деи вырвался вздох изумления. До того кристалл походил на звезду, а конь на сказочного Пегаса, что она присмотрелась, не выросли ли у него заодно и крылья. Но нет, крыльев не было.

Молодой человек усадил ее в седло, и только сейчас девушка заметила, что оно было рассчитано на двух человек. Дея и не подозревала о существовании седел для двоих, хотя это и не было странным, учитывая, что до появления в Багорте, лошадь она видела лишь в зоопарке.

Она хотела было сказать, что не умеет ездить верхом, но Влад предупредил ее попытку нарушить тишину, приложив палец к губам. Ее губам.

— Помолчим, — прошептал он прямо у самого ее уха. — Рассвет так прекрасен, не будем портить его болтовней.

Легко запрыгнув в седло, он нашел Деины руки и обвил ими свой торс, скрестив ее пальцы у себя на животе. Боясь сделать лишнее движение девушка затаила дыхание, чувствуя, как к лицу приливает кровь. Влад пустил коня трусцой, и она поневоле отвлеклась от новых, волнующих ощущений, потому что прогулка была отнюдь не комфортной. Но вскоре, привыкнув к особенностям верховой езды, Дея смогла насладиться окружением.

Казалось, в присутствии Влада могло преобразиться любое несовершенство. Рядом с ним ей представлялись чудесными, даже морось и прохлада, а тьма предрассветных часов превратилась в этакий таинственный морок. Вед направлял своего коня вперед, и тот рассекал черноту серебряной стрелой света. Деи чудилось, что она спит и видит волшебный сон, потому как в жизни не была настолько очарована.

Наконец, на полотне неба забрезжил первый свет, и в общей массе мрака уже начали несмело вырисовываться силуэты

деревьев, домов и гор вдалеке. Чем больше свет завладевал небом, тем отчетливее становились очертания пейзажа, и уже вскоре можно было разглядеть, куда ведет дорога, по которой мчала их лошадь. Но вот, Влад свернул с тракта на сильно изрытую канавами тропку. Когда их конь перепрыгивал одно из препятствий, Дея плотнее прижалась к его спине, вдыхая исходившей от его одежд аромат иланг-иланга. Ей хотелось никогда не расставаться с этим одурманивающим запахом, хотелось дышать им, раствориться в нем, присвоить себе. Хотелось скакать так вечность, вечность держать его в кольце своих рук и никуда не отпускать…

Но они уже приближались к Синему лесу, а рассвет тем временем набирал силу. На фоне дымчатого заднего плана, четко и графично, чернели два высохших деревца, до которых было уже рукой подать. Даже мерцание последней утренней звезды растворилось в розоватом свете, разливавшемся по кромке леса в дали. Влад съехал с ухабистой тропинки и припустил по широкой, но довольно заросшей дороге, которой, судя по всему, давненько не пользовались, как раз в тот момент, когда стало всходить солнце. Его румяный бочек выглядывающий из макушек деревьев пылал словно факел. Деи казалось, что Солнце еще никогда не было таким ярким как в это утро. Она неотрывно следила за огненным диском, пока они не остановились у границы леса.

Влад спешился сам, а затем спустил на землю и Дею, оказавшись настолько близко, что она ощутила биение его сердца. На одно лишь мгновение задержал он свои руки на нее спине, но девушке хватило и этого. В ее груди, словно кто-то бил в набат, воздух в легких разом закончился, а колени мандражировали, рискуя подломиться.

— Пора, — прошептал Влад и, взяв коня под уздцы, ступил в заросли.

Солнце тем временем набирало силу. Когда они входили в лес, из-за кромки деревьев уже была видна его половина. Сами же деревья, стояли словно кисти, чьи кончики окунули в золотистую краску. Дея жадно вдыхала воздух легкий, будоражащий, пьянящий. Пахло росой и грибами.

Влад остановился и указал рукой вперед.

— А сейчас просто смотри.

Словно расплавленное золото, солнечный свет залил все вокруг, и из недр земли стали пробиваться бутоны. Они тянулись вверх с натужным, еле уловимым поскрипыванием, раскрывали свои лепестки, жадно поглощая солнечные лучи и преобразуя их в ослепляющий свет. Цветы имели поразительное сходство

с янтарем, они переливались всеми оттенками желтого, шелестя на легком ветру.

Влад подошел к одному из них и хотел было сорвать, но Дея сама не зная отчего, остановила его, схватив за руку.

— Не надо, прошу тебя! Они же живые! Ты погубишь их, — взмолилась она, и оторопевший Вед выпрямился.

— Все растения живые, моя красавица.

— Эти… они особенные. Их нельзя рвать.

— Отчего?

— Не знаю…

Дея чувствовала себя ужасно глупо. И чего ее потянуло защищать цветы? Вон их сколько — целый ковер. Что сталось бы, сорви Влад один? Но где-то в глубине души она знала, что права, хоть и не могла объяснит почему.

Влад внимательно посмотрел на нее и, подойдя ближе, взял локон ее волос, поднося к лицу и вдыхая их аромат.

— Яблоки и мед, — протянул он и выпустил локон, — мне нравиться, когда твои волосы свободны от шпилек.

Они еще с полчаса постояли, любуясь на цветочную поляну, пока лепестки не стали складываться в бутоны и прятаться обратно под землю, унося с собой золотое свечение.

— Они, что же распускаются только на полчаса? — поразилась Дея.

— В этом то и вся прелесть, — произнес Влад, улыбаясь.

Они направились вглубь леса. Утро уже набрало полную силу, и солнце дарило свои лучи, скользящие по макушкам деревьев и сквозь них.

«Ничто так не преобразует как этот свет», — думала Дея. Любой, даже самый чахлый кустик окрашенный этим сиянием, превращается в драгоценность, а замысловато спутанные веточки становятся мерцающим кружевом. Каждый из листочков хочет поглотить как можно больше лучей, чтобы отражая их, создавать бесконечную, завораживающую игру света и тени, чтобы сверкать и лучиться, пропуская этот дар через себя. Даже лицо Влада, обласканное солнцем, казалось ей сейчас не таким мраморно-холодным как прежде. Животворящие лучи, падающие на его лик, придавали коже золотистый оттенок, и румянец сегодня был ярче, чем обычно.

Дея следила боковым зрением, как он украдкой наблюдает за ней, пока они шли по широкой, но довольно заросшей тропе. Влад молчал, погруженный в свои мысли и ей показалось, что он чем-то обеспокоен.

— А над чем еще ты сейчас работаешь? — решилась нарушить молчание Дея, задав самый безобидный вопрос,

который ей только пришел в голову.

— Последние десять лет, я в основном занимаюсь поисками временных дыр в пространстве, — как-то отстраненно ответил Влад, и выражение его лица при этом ничуть не изменилось.

— И насколько ты продвинулся в своих исследованиях? — Дея решила, во что бы то ни стало разговорить его, потому что молчание ее тяготило.

— Не на много, они тщательно скрыты, — бросил он ей в ответ, все еще не меняя интонации.

— Мне думается, что это неспроста, — не сдавалась Дея. — Соблазн изменить прошлое или заглянуть в будущее, слишком велик. Если бы люди могли запросто путешествовать во времени, то своими прогулками они повергли бы мир в Хаос.

— Я не говорил, что собираюсь путешествовать во времени, — очень настороженно протянул Влад, останавливаясь и оборачиваясь к Деи.

У нее вырвался короткий смешок.

— Ты же сам сказал, что пытаешься разыскать хронодыры. Не секрет, что они являются вратами времени. Черные и белые дыры, в которых пространственные координаты становятся временными и наоборот. Даже полный дурак способен сложить одно с другим.

— Что за белые дыры? — спросил Влад как можно спокойней, но от Деи не укрылось его волнение.

— Ты, значит, ищешь только черные, — протянула она, закусив губу.

Дея догадалась, что знания, почерпнутые ею в прошлой — добагортовской жизни, здесь были запредельными. Но отступать было уже поздно.

— Движение через черные дыры, возможно только в одном направлении. Вернуться обратно с их помощью нельзя. Поэтому прежде чем пуститься в это опасное путешествие, неплохо бы и про белые разузнать побольше, именно они должны стать обратной дорогой. Если конечно ты не задумывал путешествие в один конец, — грустно добавила она.

— И как они работают? — осторожно спросил Влад.

— Думаю так же, как и черные. В них происходит искривление пространства и времени, что и позволяет тебе пролететь сквозь года. Я думала, нечто подобное ты проделываешь, когда создаешь свои светящиеся врата. Ведь это пространственно-временное измерение, не так ли?

— Время субъективно, — произнес Влад с расстановкой, смотря на Дею немигающим взглядом, будто хищник на охоте. — Тебе не приходило в голову, что его на самом деле может

и не быть вовсе.

— В каком-нибудь пятидесятимерном пространстве, возможно, — согласилась Дея, — но мы живем в трехмерном, физическом мире и здесь есть время, для того чтобы материя не была вечной и постоянно обновлялась. Помнишь, я говорила о том, что есть предположения, что время — это вид энергии. А раз это энергия — она может, как выделяться, так и поглощаться. О-о-о! — Дея замерла, приложив палец к губам. Так она делала всегда, когда в ее голову приходила какая-нибудь догадка. — Это может объяснять разницу между черными и белыми дырами, — проговорила она медленно, боясь спугнуть мысль. — То есть, если например черные дыры — поглощая энергию, возвращают тебя назад, то белые, в свою очередь, выделяют поглощенную энергию. Но тогда их надо искать в прошлом, — добавила она уже неуверенно.

Все это время Влад стоял совершенно белый. Его взгляд шарил по Деиному лицу в попытке уловить нечто ускользающее, но очень для него значимое. Когда она остановилась, он медленно подошел к ней и, взяв ее руку, с тревогой спросил.

— Откуда ты все это можешь знать? Ты, что пришла из другого времени?

Дея ощутила, как у нее на лбу выступает холодный пот. Только сейчас она поняла, что с треском провалилась. «Глупая дура! Из-за собственного самолюбования ты попала впросак», — корила она себя. Но в ее голове уже зрела оправдательная легенда.

— Глупостей не говори, — сказала она почти обиженным тоном. Пытаясь дать понять, что это оскорбительно, когда тебя держат за несмышленую дурочку. — Ты ведь сам показывал мне как работает этот принцип, в твоем эксперименте с зеркалами, — напомнила она, одергивая руку, чтобы он не почувствовал ее колотит.

Но опасалась она напрасно, Влада и самого уже начинало потряхивать, она видела, что он с трудом сдерживает дрожь, только никак не могла понять причины такого волнения.

— Разве ты использовал не явление миража времени, чтобы видеть образы прошлого?

— Дело не в том, что именно я использовал, — он говорил сдержанно, но Дея все же уловила тревогу в голосе, — а в том, как ты дошла до таких умозаключений.

Паника, охватившая Дею, повергла ее в оцепенении. «Провалилась. Раскрыта», — вертелось в ее голове, пока он сверлил ее своими агатовыми глазами.

— Я задал тебе вопрос, Дея, — напомнил он. — Ты с такой

легкостью рассуждаешь о материях, в которых я вот уже десять лет пытаюсь разобраться, и не можешь ответить на простой вопрос — как сама дошла до всего этого?

Дея не знала, что ответить. Она не была уверена, что физика или астрономия входят в число обязательных предметов при обучении светских девиц. Но тут на помощь вновь пришел мифический прапрадед.

— Мой прапрадедушка… Я тебе о нем рассказывала, — начала она неуверенно. — Он был не только историком, но и ученым. Изучал тайны космоса. После него, как я уже тебе говорила, остались кое-какие бумаги, которые я почитывала на сон грядущий. Увлекательное заешь ли было чтиво, — сочиняла она, уже не краснея.

— Я хотел бы взглянуть на эти бумаги. Это возможно?

— Увы, мой дом сгорел со всем содержимым, — нашла Дея подходящую отговорку. — В твоем распоряжении только моя память. Но все, что я знала по этому предмету, я тебе только что изложила.

— По этому предмету… — прошептал Влад, растягивая каждое слово. Затем подошел к ней настолько близко, что Дея чуть было, не отпрянула. Удержалась на месте она только потому, что внезапно поднявшейся ветер, взметнул вверх листья, ветки и камешки, что были на тропе, а деревья потянули к Владу свои сучья, словно корявые ручищи.

Но тут, Влад положил руки на ее плечи и стал гладить их. Ветер стих, сучья замерли в ожидании. Когда его пальцы опустились до груди, Деино сердце уже было готово вырваться из нее. Его рука застыла, вбирая в себя каждый бешеный удар, пока Дея обмерала, плавясь под его взглядом.

— Я говорил тебе, что ты необыкновенная? — произнес он низким голосом, и девушка почувствовала дрожь в его руке. — Ты фантастическая, мистическая, ты из другого мира. Дея откуда ты прибыла?

— Я же говорила, из глухой деревни, — отвечала она, сбиваясь.

— Ученые Веды Мрамгора, с трудом осваивают те материи, о которых ты только что щебетала с такой же легкостью, с какой столичные девицы обсуждают шляпки. В вашей деревни все такие смышленые как ты?

— Напомню тебе еще раз. Мы с Яном жили замкнуто и ни с кем не общались, так что об умственных способностях других жителей моей деревни, я ничего не знаю, — проговорила она раздраженно, но сердце выдавало ее, по-прежнему трепыхаясь в груди загнанной птицей. — И потом, вы ведь доходите до всего

этого сами, а я всего лишь пересказала тебе чужие мысли.

— Угу, — прогудел Влад, отстраняясь. — Прогуляемся? Мне надо собрать немного трав.

— Конечно, — отозвалась Дея, пытаясь придать тону легкость.

Он снова взял коня под уздцы, и они свернули с широкой дороги на узкую, почти совсем заросшую тропку. Сначала она извивалась поверху, а потом спустилась к основанию скалки. Коня пришлось оставить стреноженным на одной из крошечных полянок, дрога становилась для него непроходимой. Влад то и дело останавливался, для того чтобы срезать какое-нибудь растение или выкопать корешок. Он складывал все это в тряпичный мешочек и убирал в сумку.

Они бродили по лесу уже с час, и за все это время он проронил лишь несколько предупреждений об уступе или шатком карнизе, куда лучше не ступать. Его мрачное молчание убивало Дею, она неустанно корила себя за неразумное желание блеснуть знаниями в столь неподходящем месте как Багорт. И, наверное, она еще долго убивалась бы по поводу угрюмости ее спутника, не отвлеки ее настойчивый шепот. Девушке отчетливо слышалось, как ее кто-то зовет, зовет по имени. Она заозиралась, совершенно перестав следить за дорогой и если бы не Влад, украдкой поглядывающий на нее, рухнула бы с обрыва.

— Осторожно, — проговорил он, ловя ее прямо над оврагом, в который она чуть не угодила.

Он спустился первым. Затем протянул руки и поманил ее к себе.

— Прыгай, я поймаю, — пообещал он, и она прыгнула.

Пока летела думала только о том, что снова окажется в его объятьях, и как-то не сообразила, придержать юбку. Конечно та зацепилась за сук и подол взметнулся вверх, оголяя Деины ноги чуть не до самых бедер, а потом послышался треск и она угодила-таки в крепкие руки Влада. Осторожно опустив ее на землю, он одернул задравшееся платье, бросив короткий взгляд на ее колени.

За это утро он уже столько раз прикасался к ней и касания эти не были лишены нежности. Но в них не хватало того, чего она так от него ждала; в них не было желания, того желания, которое сжигало ее саму. Она уже готова была возненавидеть его за собственную слабость, за его молчание и эту внезапную перемену. Ей хотелось, чтобы он, наконец, заговорил с ней. Но пока она слышала только чей-то зов и не понимала, почему Влад на него не реагирует.

— Ты это слышишь? — спросила она осторожно.

— Что именно? — насторожился Вед.

— Этот зов. Кто-то зовет… — она запнулась. — Меня кажется.

На секунду Влад замер, округлив глаза, а потом вдруг схватил Дею за руку и потащил вперед, окончательно лишая возможности здраво мыслить, правда ее мозг и без того отказывался воспринимать происходящее. Но усиливающийся зов врывался в несчастную голову криком о помощи, заглушая голос Влада. Она более не слышала его окриков, лишь зов и треск оживших и тянущихся к ней сучьев.

— Стой! — воскликнула она, не выдержав этой гонки, и парень встал как вкопанный. — Нельзя ли помедленнее? — сказала она требовательно и вышла на тропу перед ним.

Тропой, правда, это было назвать трудно, когда-то она, возможно, тут и была, но сейчас все поросло бурьяном, и чем дальше она уходила, тем плотнее смыкались ветви деревьев. Дея неуверенно сделала шаг вперед и к ее удивлению, ветви затрещав стали расступаться, открывая им путь.

Он оказался недолгим, бывшая дорожка вела к практически пересохшему ручью, у которого паслись три серебристые лани. Казалось, они ждали прихода гостей, как только Дея вышла к ручью, все три лани припали к земле в глубоком поклоне (если лани вообще могли кланяться).

«Приветствуем тебя, Госпожа. Мы долго ждали, и наши ожидания оказались не напрасными», — послышалось в голове Деи.

— Влад… — простонала девушка.

Он придержал ее за локоть, не давая свалиться в обморок.

— Это они тебя звали? Их ты слышала?

Но Дея не в состоянии была что-либо ответить ему. У нее в голове мешались реальность и вымысел. Все вдруг сделалось таким иллюзорным, что ей показалось, будто она сходит с ума.

Одна из ланей тем временем приблизилась и посмотрела ей прямо в глаза, взволнованно-выжидающе так посмотрела. Дея отметила, что ее влажный взгляд был таким же осмысленным, как и у Маюн. Девушка протянула руку, и животное стало ласться. Шерсть была мягкой и теплой, хотя от нее и исходило холодное серебристое свечение.

Дея растерянно села на камень, а Влад опустился против нее на одно колено.

— Госпожа, — прошептал он. — Так они звали тебя?

— Да, — уронила Дея.

— Сколько тебе лет, моя красавица?

— Семнадцать, — бесцветным голосом отвечала Дея.

Вед уронил свою голову ей на колени и застыл.

— Влад, — позвала его Дея несмело.

Он не отозвался и даже не шелохнулся, продолжая тяжело дышать.

— Что не так, Влад? — спросила он уже чуть не палача.

— Все так, моя красавица, все так, — ответил он, поднимая голову. — Синий лес наконец обрел Хранителя.

— Но это невозможно! — запротестовала она вскакивая. — Я же не местная, а этот лес ждет наследника Ладгальд. Разве не так? — добавила она с надеждой.

— Кто знает, — процедил Влад. — Может твой прапрадед совмещал любовь к тайнам мироздания с обязанностями Хранителя?

Было что-то устрашающее в тоне и смертельной бледности Влада. Дея почувствовала себя загнанной в угол и уже хотела было признаться, что же за история на самом деле с ней произошла, но удержалась от доверительных разговоров. Она знала его недостаточно хорошо, чтобы распространятся о своих тайнах. «Моя увлеченность им не повод терять самообладание», — решила девушка и заявила, что это какая-то ошибка, в которой она непременно разберется.

— Дея, хочешь ты того или нет, но лес сам сделал выбор, и теперь тебе вряд ли удастся отвертеться от обязанностей Хранителя.

— Я не желаю быть генетическим уродом! — вскричала она.

— О-о-о, — протянул удивленный Влад. — А это уже, что-то новенькое! Впервые вижу Хранителя удрученного собственной участью. Ты знаешь, сколько флорвиков пытались стать защитниками Синего леса? Десятки, и каждого он вышвыривал прочь, а тебя избрал сам. Ты должна быть польщена.

— Я вообще не хочу быть Хранителем! — сокрушалась девушка. — Я некогда не была по-настоящему свободна до недавнего времени. И вот теперь, когда я только вздохнула полной грудью, ты предлагаешь мне обреченность.

— Хранители особо почитаются в Багорте… — начал, было, Влад.

— Что ж ты-то трижды отказывался вступить в совет? Это тоже особо почитается?

— Я — совсем другое дело…

— Только не говори мне о гендерных различиях! — бушевала уже не на шутку разошедшаяся Дея.

— Каких, каких различиях?

— Не важно! Может я и не стала бы отказываться от обязанности охранять этот лес, если бы это был мой сознательный выбор, а не зов крови.

— Ах, вот оно в чем дело! Ну что ж бунтарский нрав не просто усемерить, — произнес он со странной улыбкой.

— Даже не пытайся! — огрызнулась она.

— И не собирался, это задача Верховного Хранителя, — секунду подумав, он добавил. — Но ты можешь ему не рассказывать о сегодняшнем происшествии, и Синий лес будет и дальше терпеливо тебя ждать.

— Ты прекрасно знаешь, что рано или поздно я все равно сдамся. Проклятые гены возьмут свое.

— Почему проклятые? Все считают это даром.

— Влад, я тебя не узнаю. Ты действительно веришь в то, что говоришь или пытаешься таким образом, выудить мои истинные мысли? Каждый дар имеет обратную сторону. Если человеку дается сверх меры, то и возлагается на него столько же.

Влад неотрывно смотрел на Дею теплыми, полными невероятной тоски глазами.

— Моя маленькая красавица, ничего от тебя не утаить. Ну конечно я не думаю, что дар Хранителей принесет в твою жизнь лишь свет и радость. Но признаться, этого не сумел бы сделать и я. Хотя видят звезды, мне этого хотелось, — добавил он еле слышно и отвернулся.

— Влад? — позвала она, испугавшись, что он уйдет.

— Какая же ты все-таки необыкновенная, — произнес он так и не обернувшись. — Идем?

Он встал и понуро склонив голову, побрел вдоль ручья.

— Влад, — позвала она, — дорога здесь.

— Да, — согласился он, возвращаясь с абсолютно потерянным видом.

Дея же подошла к животным и погладила каждую из них.

— Не сердитесь, — проговорила она на прощанье, — просто это все так неожиданно и… — Она не знала, что ее побудило, но она поцеловала самую крупную из них в лоб и прошептала, — я вернусь, обещаю.

Ветви снова расступились, давая возможность пройти вперед, и уже скоро парочка вернулась к подножью скалки.

Обратно они следовали тем же путем. Влад по-прежнему молчал, погруженный в свои невеселые мысли, об их трагичности Дея могла судить по складочки у переносицы и скорбном изгибе губ. Она даже не догадывалась, что могло его так опечалить или встревожить, но видеть его таким удрученным было невыносимо.

— Влад, — обратилась она к нему осторожно, — что стряслось?

— Ничего, красавица, ничего, — он остановился и обернулся, натянув улыбку. — Обещаю, что когда мы увидимся в следующий

раз, я буду не так мрачен.

Он взял ее лицо в ладони и приподнял, так же, как недавно это делал Ян, только нежнее. Дея почувствовала, как предательская дрожь в коленях возвращается и подумала, что вот сейчас он сделает то, чего она так ждет. Но нет, он только смотрел трогательно и печально, улыбаясь одними губами.

— А у нас будет еще одна встреча? — спросила она с надеждой.

— Если ты этого захочешь, — ответил он. — Как ты относишься к прогулке по достопримечательностям замка.

— Я неплохо их изучила, — сказала она, посмеиваясь, — ведь я в нем живу, забыл?

— Держу пари, я знаю его не хуже тех, кто в нем живет, а может и лучше. Мне известно местоположение таких коридорчиков и дверей, о которых почти никто и не слыхал.

— Звучит интригующе.

— Отлично, тогда на будущей неделе, скажем в пятый день, я зайду за тобой часов в семь утра.

— Так рано?

— Я бы не хотел, чтобы за нами кто-нибудь увязался и наябедничал Вайесу, что мы ходим по запрещенному крылу.

— А мы пойдем в запрещенное крыло?

— А ты думала, о нем просто так почти никто не знает?

Они уже вышли из лесу и Влад, пристроив сумку с травами к седлу, усадил Дею, а затем и сам оседлал своего великолепного жеребца.

«Интересно все его питомцы одинаковой масти», — размышляла Дея, вспоминая Пса и воронов. Но эта мысль, покинула ее голову, когда Вед снова обвил свой торс ее руками. Его невозможный, одурманивающий запах вновь растворял ее сознание, и она просто наслаждалась им и возможностью быть настолько близко.

Хоть поездка и не была быстрой, Деи времени проведенного близ Влада оказалось мало. Ей думалось, что даже если бы они не расставались вовсе, ей и тогда было бы его не достаточно. Ее поражало как стремительно и безжалостно, он завладевал ее чувствами и мыслями. Он был в каждой прожитой минуте, в самом воздухе, всюду. Но вот конь остановился у ворот замкового сада, и Влад, поколебавшись, расцепил Деины руки (она бы, наверное, так и просидела целую вечность, обнимая его). Он слез с лошади и помог Деи спуститься.

— До скорой встречи, моя красавица, — проговорил он, улыбаясь, опять одними губами, взгляд по-прежнему был мрачным.

— Да, — прошелестела Дея, — до скорой встречи.

Влад поцеловал ее руку и открыл ворота, пропуская ее внутрь. Сделав несколько шагов, она обернулась, чтобы взглянуть на удаляющуюся фигуру, но Веда уже и след простыл.

Старый знакомый

Дни поплыли медленно, натужно, со скрипом. Казалось, в самом механизме времявращения произошел какой-то сбой — минуты то скакали, словно загнанные лошади, то тащились как гусеницы, а бывало, что и шли в обратном направлении.

Дея слонялась по замку и саду, пытаясь занять себя делом, но все выходило из рук вон плохо. Она периодически ловила себя на том, что замирает, превращаясь в нечто иное, не то, что она есть — в дерево или камень, или даже в огромный айсберг, во что-то такое, что на поверхности видно лишь на половину, а все остальное — сокрытое, уходило куда-то вглубь, в неведомое. Вот эта-то неведомая, сокрытая сторона ее и интересовала. Но глубина ее была нескончаемой, и чем основательнее Дея погружалась в пучины собственных ощущений, тем запутанней и сложнее они грезились ей. Но потом наступал момент, когда все вдруг выглядело чрезвычайно просто и ясно, и она дивилась тому, что раньше эта очевидность была сокрыта от нее.

Однако, стоило ей отыскать ключик к одной дверцы, за которой скрывалась совершенная истина, она натыкалась на следующую, за которой эта истина опровергалась. И эта анфилада откровений была бесконечной, и чем больше прозрений обрушивалось на несчастную девушку, тем запутанней и непонятней ей казалось все то, что происходит с ней самой и вокруг нее.

Ей все чаще стало мерещиться, что до встречи с Владом и до того как она попала в Синий лес, она была рекой, чьи воды сковывал безжалостный, ледяной плен. А теперь эти толщи льда плавились, ломались на куски и в беспорядочном коловращении, метались в бурном ее течении, не находя себе более места.

Она преобразовывалась. Не изменяя своего состава, она меняла форму и состояние, из скованного оно постепенно переходило в подвижное и даже бурлящее. И как любой процесс трансформации он был болезненным. Доходило до того, что ей слышался хруст ломающихся внутри составляющих, во снах она видела себя не человеком, а энигматическим, мифическим созданием, она чувствовала, как видоизменяется и это приносило ей странную, сладковатую боль.

То, что раньше казалось неясным, становилось элементарным и наоборот. Очевидное и обыденное делалось сложным, состоящим из множества явлений и процессов, невидимых ранее, незримых потому что у нее было закрыто внутреннее око — то, что теперь разлипалось с невероятным трудом и страхом.

Но не было в эту минуту того, кто мог бы ее поддержать, кто смог бы разъяснить, что с ней происходит и к чему вся эта метаморфоза вообще может привести. Ян по-прежнему пропадал на задании, Глава Мрамгора измотанный назойливыми послами стал неуловим как ветер в поле, Горий ходил мрачней обычного, и только Ведара как всегда была добра к своей ягодке. Но, чем могла ей помочь старая кухарка, кроме как лаской и добрым словом.

Несколько раз Дея порывалась сходить в лес, но побоялась делать это в одиночку. Правда когда образы из сновидений, принялись одолевать девушку и днем, она всерьез стала опасаться, что сходит с ума. Фантастические существа и синие лапы елей, тянущиеся к ней, теперь преследовали ее повсюду.

Она решила, что тянуть больше нет никакой возможности. Дождавшись часа, когда замок начинал отходить ко сну, она направилась к Вайесу. На этот раз ей повезло — он оказался у себя.

Приоткрыв дверь, не как обычно — нараспашку, а слегка, он осторожно высунул в щель голову.

— Дея, моя дорогая, вы, наверное, хотите знать где Ян?

— Уже знаю, спасибо.

— В самом деле? — удивился Вайес.

— Мир слухами полниться. У меня произошло… Кое, что случилось, — она запиналась, не зная, как объяснить то, что с ней в последнее время творилось. — В общем, я… — она не договорила, полому, что в небольшую щель, оставленную Вайесом, она углядела лицо.

О, эту физиономию ей не забыть при всем желании!

Не помня себя, она оттолкнула главу Мрамгора и ворвалась к нему в кабинет.

Человек, стоящий у камина расплылся в лучезарной улыбке, нагло взирая на Дею своими узкими, хитроватыми глазами. Дея же с яростью смотрела на знакомое лицо иностранца, который на сей раз не выглядел комично, а скорее уж наоборот. Одетый в дорожный плащ и высокие кожаные сапоги, он походил на северянина, косящего под ковбоя, шляпы только не хватало, зато дымящаяся в зубах трубка дополняла образ как нельзя лучше.

— Что этот человек делает у вас? — прошипела она, обращаясь к Вайесу.

— Познакомитесь, Дея, — это Ихаиль, — выдавил он.

— Да мы уже знакомы, не так ли? — обратилась она к иностранцу и медленно стала наступать на него, готовая в любой момент, броситься и выцарапать ему глаза.

— Было приятно снова повидаться, — проговорил он, когда Дея уже подобралась довольно близко.

Клацнув зубами прямо у нее перед носом, он вдруг оказался за ее спиной.

— Не так быстро! — выпалила разъяренная девушка, хватая беглеца за руку, но тот наградил ее ударом тока, легким, но достаточным, чтобы она ослабила хватку.

— Вы обещали мне! — потребовал он у Вайеса.

— Дея вы его не удержите, — он с мольбой посмотрел на девушку. — Позвольте ему уйти, и я все вам объясню.

— Нет, я не хочу никаких объяснений, — зашипела багровеющая Дея. — Я хочу насадить его голову на бейсбольную биту и отбивать ей мячи, пока из нее все зубы не повываливаются.

— О-о-о, да она грозная и с фантазией, — ухмыльнулся гость и вынырнул в дверь.

Дея бросилась за ним, но Вайес остановил ее, обхватив со спины. Когда он разомкнул руки, и она выбежала в коридор, Ихаиля там конечно уже не было. Только пара писарей, да три перешептывающиеся дамы уставились на взъерошенную девицу с раскрасневшемся лицом.

Вайес вернул ее обратно в кабинет. Заперев дверь, усадил в кресло и налил целый бокал огненной, золотистой жидкости, что уже как-то подсовывал ей. На этот раз Дея не пригубила, а сделала хороший, обжигающий глоток.

— Выслушайте меня, — начал Вайес тяжелым голосом.

— Нет, это вы выслушайте меня!

Она вскочила с кресла, но Вайес подошел и мягко усадил ее обратно.

— Это был тот самый тип, что всучил мне проклятущие билеты в музей!

— Я знаю, — спокойно ответил он, — отдышитесь, дитя, и просто выслушайте. Он поделился со мной некоторой информацией в обмен на возможность уйти.

— И что?

— Я дал ему слово.

— И вы сдержите его?

— Если бы я не держал данных обещаний — они ничего не стоили бы.

— Какой информацией он с вами поделился?

— Для начала я бы хотел проверить ее.

— Его словам значит, вы не доверяете? — ее голос был полон желчи.

— Не настолько насколько хотел бы. Но так и быть вам я расскажу все, что узнал от него, в обмен на то, что вы будете

молчать.

— Даю слово, — с достоинством отозвалась Дея.

— Он рассказал мне, что вас похитили семнадцать лет назад и только сейчас организовали возвращение. Предупредил, что вас с Яном ищут. А если быть точным, теперь уже ищут только вас.

— Что? Почему только меня?

— Яна возвращать вообще не собирались. Его похитили для того, чтобы он охранял вас там, откуда вы прибыли. К тому же, на него наложили сильнейшее проклятье — звездный дождь. Для Багорта это угроза не великая, вы сами видели, как быстро и ловко мы с ней справились, но на ваш мир это явление навлекло бы чудовищные разрушения.

— Но кому понадобилось обрушивать проклятие на Питер? — терялась в догадках Дея.

— Сложно сказать. Но если учесть, что о существовании того мира где вы прожили семнадцать лет, у нас практически никто не знает, я могу предположить, что это был акт личной мести. Проклятье должно было сработать в час его рождения. Вы ведь из приюта верно, и оба не знаете, точного дня своего рождения?

— Верно.

— Ну, день рождения Яна мы выяснили, — мрачно заметил Вайес. — И если верить Ихаилю, предназначение его свершилось, хоть и не в том мире, в котором планировалось. А вот ваша миссия еще не окончена.

— Что еще за миссия?

— На вас действительно наложено кровное заклятье. Вы ключ, Дея, — патетически произнес Вайес.

— Я что же должна что-то открыть? Но зачем столько сложностей? — не могла уяснить Дея.

— Вас хотели надежно спрятать, до подходящего времени. Здесь в Багорте, человека с наложенным кровным заклятием, рано или поздно нашли бы. Видимо похититель решил, что там вы будете в большей безопасности.

У Деи шла кругом голова. Она сделала еще пару глотков из своего бокала и почувствовала, что совсем теряет способность концентрироваться. Вайес же заметив, что напиток действует, продолжил.

— Дея, я хочу, чтобы вы сейчас были особенно осторожны. Постарайтесь не выходить из замка, — попросил он.

— С этим-то, как раз возникает сложность, — ошарашила его Дея.

— Что за сложность?

— На прошлой недели я была в Синем лесу… — начала она.

— Дея! — всплеснул руками Вайес. — О чем только вы

думали, бродить одной по диким лесам!

— Во-первых, я была не одна, — оправдывалась девушка, чувствуя, что краснеет, то ли то спиртного, то ли от стыда, — а во-вторых, не такой уж он и дикий. И я обещала ему вернуться.

— Кому?

— Да не «кому» … хотя, как еще его назвать… — она задумалась. Да алкоголь во время серьезных дискуссий не помощник. — Лесу, — наконец сказала Дея, — я обещала вернуться Синимую лесу.

Вайес, который до этого стоял, плавно опустился в противоположное кресло и вопросительно уставился на гостью.

— Ну да, да, — еле шевелила она языком, — он звал меня… и там был ручей и три лани. Они кланялась, а потом сказали, что долго ждали свою Госпожу, и вот, наконец, я пришла.

— С кем вы туда ходили, Дея? — в голосе Верховного Хранителя что-то надломилось.

— С Владом, — смущаясь, призналась она.

— Он сам предложил вам туда пойти?

— Ну да, он хотел мне показать подземные цветы, что распускаются только на рассвете.

— Ясно, — только и смог выдавить Вайес.

— Знаете, мне показалось… Хотя не важно.

— Нет, нет, — заверил ее Вайес, — важна любая мелочь.

— Мне показалось, Влада в тот день что-то расстроило. Поначалу он был так романтичен, а после встречи с ланями сделался подавленным. Он предположил, что лес выбрал меня Хранителем, — Дея хмыкнула. — Глупость конечно.

— Отнюдь, и вам действительно нужно будет вернуться туда. В ближайшие пару дней мы пойдем туда вместе.

Несмотря на ударивший в голову хмель, Дея заметила, что глава Мрамгора как-то посерьезнел. Видимо, он, как и Влад считает, что она и впрямь может оказаться новым Хранителем Синего леса. «Что ж проверим», — подумала Дея, а потом вспомнила, что разговор об Ихаиле оборвался на самом интересном месте.

— А этот Ихаиль, откуда у него та информация, которой он так любезно с вами поделился?

— Он помогал устроителю всего этого безобразия.

— И вы его отпустили?! — вскричала Дея.

— У меня не было выбора. Он все равно ушел бы. Только предварительно устроил бы бойню прямо в замке. Пострадали бы люди.

— Если он так опасен, то зачем вы его пригласили?

— Я не приглашал, я устроил облаву на него. А он заявился

прямиком в мой кабинет. Наверное, для того чтобы показать, как мы уязвимы.

— Замок охраняется денно и нощно, как он смог проникнуть?

— Через брод, я полагаю. Тем же путем, что проводили в замок вас, когда обнаружили на границе.

— Ну да, — поняла Дея, — пучина поглотит лишь тех, у кого злой умысел, а он решил благородно заложить подельника. Кто же устроитель?

— Этого он не сказал. Намекнул лишь, что искать мы должны среди своих Ведов. И еще он сказал, что, скорее всего вы уже обнаружены.

— Где сейчас Ян?

— Пытается поймать Ихаиля, — голос Вайеса был разбитым. — Мне надо подняться к Сагорту Тоилу, послать приказ о сворачивании операции. Ян вернется уже завтра к обеду. Я бы вам посоветовал, немного поспать у вас измотанный вид.

Дея кивнула и собралась уходить.

— Послезавтра я жду вас с Яном у себя. Отправимся в Синий лес в четвертом.

— Четвертом?

— Горий думаю, захочет присоединиться к нам.

— Как скажете, — согласилась Дея и вышла.

Она отправилась к себе и решала последовать совету Вайеса и вздремнуть. До возвращения Яна времени еще много, а она действительно последнее время чувствовала, что находиться на пределе своих душевных и физических возможностей.

Она заснула почти сразу, как только ее голова оказалась на подушке. И видела чудесные сны, в которых были сияющие цветы, русалки в Лад озере, огромные ясени, склоняющие к ней свои ветви и Влада, он почему-то восседал на сребристой лани. Но потом все изменилось. Озеро стало замерзать и, в конце концов, покрылось коркой толстого льда, замуровавшего русалок. Те тщетно пытались пробиться наружу, но так и замерзали с зажатыми в кулачки руками, пытающимися пробить неподдающийся лед. Влад же развеялся черным дымом, а по широкой тропе прямо на нее шел Ихаиль.

Глава 23
Белая Госпожа

Белая Госпожа

Они преследовали этого кудесника уже неделю, но он всегда оказывался на шаг впереди. Стоило им наступить ему на пятки, как преследуемый чудодейственным образом исчезал. В одной из небольших деревушек за много верст от Мрамгора, они снова напали на его след. Ян уже вошел в раж раззадоренный погоней, когда к нему прилетели посланники от Тоила. Вайес велел сворачивать операцию, утверждая, что чужак покинул пределы Багорта.

Ян чувствовал себя сокрушенным. Его мечта предстать перед Деей лихим удальцом способным на бедовые поступки ради нее, не сбылась. Ему предстояло вернуться бесславным следопытом, что удручало, делало слабым и уязвимым.

Сразу по возвращении все участники операции по поимке Веда собрались в зале. Вайес уверил, что все в полном порядке и есть свидетели того, как Ихаиль убрался-таки восвояси. Поблагодарил за работу и велел всем собраться в малой трапезной, где для них уже накрывали стол.

Неохотно похлебав супу, и пожевав мяса, Ян отправился к себе, снедаемый подозрениями, что не все так ладно в деле с этим ведьмаком, как расписывает Вайес. Только он набрал полную ванну воды и погрузился в нее, как ему показалось, что кто-то стучит. Обернувшись полотенцем, Ян прошлепал к двери, оставляя за собой маленькие лужицы. Приоткрыв створку и заглянув в небольшую щель, он увидел ее — нежную, румяную в ореоле рыжих завитков, с томиками по истории Багорта, прижатыми к груди. Чуть не задохнувшись от счастья, он распахнул дверь, позабыв, что почти гол.

— Ты пропустил занятия? — прошелестела она робко. — Я вот решила, что ты захочешь наверстать. Библиотекарь разрешил мне взять их, — сказала она, протягивая ему книги.

С идиотской улыбкой он вытянул руки, чтобы взять книги, полотенце, конечно, съехало, и на лице Деи тут же отразилась обескураженность. Она уронила взгляд на пол, а сам Ян, побросав книги и хватая сползшее полотенце, бросился в ванную.

— Я сейчас, сейчас, — кричал он, удаляясь. — Подожди меня пять минут. Не уходи!

Яростно намыливая тело и волосы, он проклинал себя за этот конфуз.

«Как можно было впасть в такое исступление?» — думал он. Зная, впрочем, как именно последнее время, это происходило с ним при одних только воспоминаниях о Деи.

Выйдя из ванной комнаты, он нашел ее в каминной, она ждала сидя на диване, с аккуратно сложенной стопкой книг на коленях.

— Как тебе удалось выпросить их у библиотекаря? — спросил он, усаживаясь рядом с ней.

— Я сказала, что у тебя секретная миссия и тебе необходимы для ее исполнения эти тексты, а в библиотеке ты сидеть не можешь, — ответила Дея, подмигивая.

При упоминании о секретной мисси, которую он благополучно провалил, у Яна пересохло в горле, и чтобы она не заметила, как его расстроили эти слова, он уткнулся в учебник.

— Ян, — позвала его Дея, убирая со лба волосы и заглядывая в лицо.

Ее взгляд был теплым, родным и таким открытым, что Ян тут же размяк.

— Прежде чем ты начнешь ломать свои зубы о гранит науки, — пропела Дея задорно, — я передам тебе просьбу Вайеса.

— Валяй, — отозвался он так же бойко.

— Завтра утром мы собираемся в Синий лес, он хочет, чтобы ты сопроводил нас.

— Зачем? — удивился Ян.

— У меня там есть одно дело, — начала Дея неуверенно, — необходимо кое-что проверить и для этого я должна пойти в Синий лес. Вайес идет со мной и Горий, вероятно, тоже, но Вайес настаивал и на твоем присутствии. Если честно я бы тоже хотела этого, — добавила она вполголоса.

— Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой, но не говоришь для чего?

— Ты же знаешь, я не люблю распространяться о догадках, пока они не оправдаются.

— Да, да, да, — прокрякал он, кидаясь в нее подушкой, — я все понял, ты хочешь использовать своего безотказного друга.

— Нет! — запротестовала она, смеясь, — Я всего лишь хочу, чтобы он оставался моим другом, — говорила она, хватая другую подушку и лупя ею Яна по плечу.

Эта их детская забава продолжалась, пока Дея не выдохлась. Утомленная она бросилась на диван, откидываясь на спинку. Волосы ее разметались, пара влажных прядей прилипла к лицу, на щеках пылал пожар, а грудь вздымалась, снова играя с воображением несчастного Яна злую шутку.

«Нет, мне никогда с ней не забыться», — осознавал он, пока Дея скользила языком по иссохшим губам.

«Только не испорти все, тупица, только не сделай ничего

лишнего», — умолял он сам себя. То, что она пришла, уже было счастье. Возможность видеть ее такой раскрепощенной, жизнерадостной, пылкой — это все, чего он хотел все эти дни. Как же он был наивен, полагая, что получив желаемое, снова не станет мечтать о большем!

Он опустился на пол у ее ног и посмотрел исподлобья.

— Только прикажи, моя госпожа, и я отправлюсь с тобой в любое путешествие, — сказал он.

Дея похлопала своей узкой ладошкой по дивану, приглашая друга сесть рядом.

— Я должна рассказать тебе кое-что, Ян, — начала она и ни намека на шутливость, не осталось в ее голосе. — Вчера вечером я застала у Вайеса в кабинете того самого иностранца, что подсунул мне билеты в Багорт.

— Что?! — не удержал изумленный возглас Ян.

— Его зовут Ихаиль, это тот самый Вед, за которым вы охотились.

И Дея пересказала Яну все, что узнала от Вайеса.

Ян слушал, замерев, он не верил, что Вайес так просто взял и отпустил того, за кем они охотились, и конечно, от него не утаилась желчность в голосе подруги.

— Ты не доверяешь главе Мрамгора? — решился спросить он.

— Поэтому я и хочу, чтобы завтра ты пошел со мной.

Ян обнял ее и поцеловал в темечко, как делал в детстве, когда ее ругали няньки.

— Мы всегда должны быть вместе, Дея, особенно сейчас, — проговорил он мягко. — Не позволяй никому и ничему разрушить нашу связь.

— Ты тоже, — проронила она дрогнувшим голосом, и Ян понял, что Дея имеет в виду его ревность.

Во время похода он старался не думать о Владе, но сейчас призрак Веда вновь представал перед ним, отравляя сердце. Ян терзался желанием расспросить у Деи о нем. Виделась ли она с ним еще? Не развеялся ли его привлекательный образ в ее памяти? А еще ему не терпелось рассказать о том, что они напрасно не ставили Влада под подозрения из-за его мнимой моложавости. Но любое упоминание о нем, могло свести на нет то хрупкое согласие, что возобновилось меж ними. Он только еще глубже зарылся в ее волосы и потонул в аромате яблок, стискивая зубы.

Весь остаток дня они просидели за книгами. Ян вспомнил наказ Вайеса — ускорить образовательный процесс, даже хотел спуститься в библиотеку, но побоялся нарушить их совершенный день. Только когда уже стемнело, они поняли, что так увлеклись

чтением и разговорами, что снова забыли об ужине. Раздобыв у Ведары палку кровяной колбасы, они уселись на балконе и, вглядываясь в темное небо, сжевали ее, запив квасом.

Когда Дея ушла, Ян собрал с подушек каждый оставленный ею волос и попытался извлечь из них хоть намек на яблочный аромат. А затем, чувствуя себя почти счастливым, он уснул там же на диване, прямо в халате.

Наутро зайдя за Деей, он обнаружил ее уже одетой.

— О, ты решила принарядиться? — поинтересовался он, видя подругу в шелковом платье.

— Ситцевое порвано, а с бусинами в прачечной, — пояснила она, встречая его с расческой в руках.

Ян уже хотел было предложить, сшить ей новое платье, но затем вспомнил, к чему привели его высказывания насчет ее содержания и решил, что будет поступать как Вайес — просто дарить подарки.

— Можно? — спросил он, указывая на щетку для волос в ее руке.

Дея секунду поколебалась, но все же отдала ему расческу, усаживаясь перед зеркалом.

Он с детства любил возиться с ее волосами. Теперь же это доставляло ему особенное, хоть и немного мазохистское наслаждение. Сейчас Дея это, конечно, понимала, но отказать другу в такой привычной для них обоих мелочи, не могла.

Ян устыдился было, что пользуется этим, но ведь нельзя же сказать, будто он делает нечто предосудительное. Ей и в голову не могло прийти, сколько чувственности появилось в обыденных вещах, к которым они оба так пристрастились. А если особенно пристально взглянуть на их жизнь, то становиться очевидно, что не осталось почти ничего невинного.

От банального поедания сочной хурмы Яна, порой, бросало в краску, когда Дея слизывала стекающий с губ сок. Иногда он не сдерживался и касался ее, чтобы стереть влажные капли, и тогда его сердце начинало ускорять свой бег. А когда они поднимались в их высокую башню, и у нее сбивалось дыхание, а маленькие, упругие грудки начинали часто вздыматься, Ян, вообще, содрогался, опасаясь выдать себя румянцем. Или вот это проклятое платье, в которое она сегодня облачилось! Если Дея его надевала, то Яну приходилось туго весь день — вырез на спине даже после перешивки оставался безжалостно глубок.

В общем, испытания были повсюду. А если учесть, что Дея теперь знала о его чувствах, то ко всем прочим прибавился еще и стыд за непозволительное, снедающие его желание. Оставалось только надеяться, что Деина чистота и непорочность сокроет

перед ее внутренним взором те соблазны, что приносит ему каждая проведенная рядом с ней минута, потому что прямо сейчас Яна тоже будоражило, и виною всему была голая, беззащитная спина, белеющая прямо перед его глазами.

Он перебирал ее золотистые волосы, ненароком касаясь бархатной, теплой кожи и багровел, дыша все чаще и чаще, стараясь не смотреть на Деино отражение в зеркале. И совершенно напрасно, потому как, заметив его пятнистый румянец, она встала, убрала волосы в хвост и накинула, слава небесам, невесть откуда появившейся у нее плащ.

— Очередной дар Вайеса? — поинтересовался Ян, надеясь, что это именно так.

— Да, — проронила она, выходя и закрывая за Яном дверь на ключ.

— У меня, кстати, остались твои туфли, но я смотрю, Вайес и этот недостаток гардероба восполнил.

— Да он действительно презентовал мне еще и ботики.

— Дея, а почему он может содержать тебя, а я нет? — решился-таки Ян, поднять больную тему.

— Ты перекрестно знаешь, что меня удручает положение содержанки, — проговорила она, раздражаясь — Давай не будем возвращаться к этой теме, ладно.

Ян кивнул, скривив недовольную гримасу и последовал за Деей к кабинету Вайеса.

Глава Мрамгора вместе с Горием уже ждали их одетые в дорожные плащи. От Яна не укрылось, что оба они как-то особенно возбуждены. Это насторожило его.

— Мне так никто и не скажет, что за таинственный поход вы наметили? — полюбопытствовал Ян.

— О-о-о, скоро ты сам все увидишь! — воодушевленно проговорил Вайес, приглашая всех в свой экипаж.

Ян сел напротив Деи и всю дорогу не сводил с нее глаз, но она этого, похоже, и не замечала, ее взгляд был устремлен вглубь себя. Он уже знал, что за этой молчаливой невозмутимостью, скрывается беспорядочное брожение самых тревожных мыслей. А также он знал, что когда его подруга находится в таком состоянии, он должен просто ждать, столько сколько потребуется.

Экипаж остановился у границ леса, и Ян помог всем выбраться из него.

— Готова? — обратился к Деи Вайес и по отечески положил руку ей на плечо.

— Готова, — уверила она слабым голосом и направилась прямиком в лес.

Стоило Деи ступить на тропу, как все вокруг тут же пришло в движение. Пришедших обдало дыханием леса, будто он был живой. Кроны деревьев затрепетали, наполняя пространство шелестом, а неспокойная речушка, что текла вдоль дубов, стала особенно бурлива. Дея неторопливо продвигалась вперед, и Ян слышал, как она что-то нашептывает, но слов разобрать он не мог. Неожиданно к ней потянулись ветви деревьев, вдоль которых она шла, Ян кинулся было к ней, чтобы заслонить собой, но Вайес резким движение преградил ему путь.

— Просто смотри, — наказал он тихонько.

Изумленный Ян бросил короткий взгляд на лекаря, тот как-то сжался и взирал на происходящее с благоговением и страхом. Дея же, не сбавляя шага, продолжала идти вперед, протягивая навстречу льнувшим к ней ветвям, свои тонкие, тоже похожие на веточки руки.

Постепенно из чащи стали приходить звери. Меж кустами прятались лисы, из травы торчали длинные заячьи уши. Со всех сторон слышался крадущийся шорох, и вот на тропе показалась она — серебриста лань. О ней Ян знал только понаслышке, да видел, как что-то светящееся поблескивало в глуши, когда пролетал над лесом с Маюн. Лань склонилась перед Деей и та погладила животное меж ушей. Они постояли с минуту, а потом Дея обернулась и махнула рукой.

Ян был обескуражен, тут явно происходило какое-то таинство, и его подруга была в нем ключевой фигурой. Затаив дыхание, он поспешил за ней, уже увереннее ступая по таинственной земле.

Они шли по тропкам и через буераки где ветви расходились, открывая проход, брели вдоль пригорка по извилистой дорожке, мимо вязкой топи и, наконец, прибыли к Лад озеру. Вокруг него уже собралось видимо-невидимо живности: звери, птицы, русалки.

Озерные девы облепили весь пологий берег. Их кожа светилась белизной, в волосы были вплетены кувшинки и у всех горели красным цветком, приоткрытые от удивления и восторга губы.

Ян залился краской, и хотел было отвернуться, потому что все они оказались обнажены. Но посмотрев на Вайеса и лекаря, понял, что для русалок нагота была в порядке вещей, а значит и местные могли разглядывать их не стесняясь. И Ян разглядывал, пока не поймал на себе заинтересованный взгляд Деи.

Он смущенно потупился, но смотреть за происходящим не перестал. Дея сделала маленький шажок к воде, поколебалась,

не решаясь подойти ближе, и только когда все девы приветственно склонили головы, а две из них подплыли к берегу, толкая перед собой ладью, она набралась храбрости и приблизилась к ним. Отстегнув свой плащ, Дея бросила его на землю, затем вступила в лодку, и та увлекла ее на середину озера. Все сидевшие на берегу девы, кинулись за ней и вскоре водную гладь заполнили украшенные цветами девичьи головки.

Озеро было большим, и ладья издалека казалась крошечной, если бы не яркое пятно Деиных волос, Ян так и не понял бы, что там происходит. Русалки плотно обступили ненадежное суденышко и стали раскачивать его, а потом Дея исчезла. Не понимая, что происходит, Ян побежал к озеру, скидывая на ходу плащ. Он был готов нырнуть, даже не подумав, как будет отбивать у русалок свою подругу (если конечно доплывет до нее). Но на его счастье Вайес оказался достаточно проворен и силен для своих лет и смог остановить горячую голову. Он догнал парня и ухватив за край рубахи рванул на себя, прямо перед прыжком.

— Не лезь, — просипел он, — просто смотри.

— На, что? — грохнул Ян.

— На таинство истинного посвящения, — с трепетом произнес Вайес, и Ян стал смотреть.

Деи не было видно добрых полчаса, и Ян извелся весь, проклиная бездействие Верховного Хранителя. Он периодически приставал к нему с расспросами, но тот лишь отмахивался и велел смотреть. Вероятно, и сам не знал, чего ждать. По началу-то Ян, конечно, смотрел, но потом терпение покинуло его и он принялся мерить берег нервными шагами, злобно оглядывая притихших зверей. Но вот в очередной раз обернувшись к озеру, он выдохнул с облегчением — маленькая рыжая точка, снова покачивалась над водой.

Дею одели во что-то светлое и переливающееся перламутром. Ян тревожно вглядывался в даль, не понимая, что происходит, но потом догадался, что ее наградили одним из атрибутов Хранителя. Головокружительный восторг и внезапный испуг вдруг обрушились на него. В смятении он заозирался на Вайеса и лекаря, что наблюдали за всей этой картиной вместе с ним. Он надеялся увидеть их спокойные сосредоточенные лица, придающие уверенности, но они, как и Ян были ошарашены происходящем. Рты их приоткрылись в немом удивлении, глаза округлились, а торсы подались перед настолько, что казалось они от-вот упадут.

У Яна и без того голова шла кругом, а когда озерные девы стали раскачивать лодку, что-то напевая, он и вовсе обомлел. Мелодия была невообразимо лиричная и нежная. Со всех концов

доносились струнные переборы, перекаты свирелей и совершенно неземная музыка небесной арфы. Все озеро пело:

О, Госпожа, в твоих глазах сиянье сильмарилл.
В твоей груди горит звезда прекрасней всех светил.
Волшебный лес из стройных лип и дивный яблонь цвет,
Приносит пряный аромат из дали Халимед.

И в этот день встает звезда в знак дружбы и любви.
О, Госпожа, приди сюда и силы подари.
Срывает листья ветер прочь, уносит вдаль печаль.
И рассыпает небо в ночь в честь Госпожи хрусталь.

О, Госпожа — звезда моя, в твоей груди орел.
Он смотрит вдаль, меня маня на светлых гор простор.
А в тех горах на мох ложась, сверкает солнца луч,
Растет душистая трава и вереск вьется с круч.

О, Госпожа, ты так нежна, в твоей груди свирель,
Она звучит под сенью ив, рождая новый день.
И распускаются у ног чудесные цветы,
А их волшебный лепесток небесной красоты.

Дивные голоса Озерных дев смолкли, и Ян стыдливо смахнул слезы умиления и трепетного восторга. На главу Мрамгора и Гория уже не оборачивался, просто смотрел как приближается к берегу ладья окружённая шебутными русалками. От возбуждения и радости его всего лихорадило, но он так и не мог поверить в то, что все произошедшее правда, пока нос ладьи не ударился о берег, и он не поймал на себе взгляд Деи. Только увидев свою подругу в блеске, полную величия, он осознал все в полной мере. Она только, что прошла обряд инициации. Не тот, что был у него. То была дань традициям, просто некие семантические действия, засвидетельствованные другими членами братства. Увиденное им сейчас было таинством, мистерией, волшебством! Вероятно, так же происходили инициации первых Хранителей — трогательно и волнительно.

Дея ступила на берег и Ян, наконец, разглядел ее новый плащ; тяжелый, с перламутровым отливом, весь усеянный жемчугом, словно бы вросшим в него. Плащ не был рукотворным, его создало само озеро — это Ян понял сразу, а еще он понял, что это лишь один из атрибутов власти; семейный кулон Ладгальд, подаренный им, был из того же жемчуга.

«Не удивительно, что она выбрала именно его», — подумал Ян, проследив за Деиным взглядом. Девушка смотрела

на низенького исхудалого человечка в изодранных лохмотьях, он приближался к ней неуверенной, пошатывающейся походкой. Дея разметала полы накидки и присела перед коротышкой на корточки. Он протягивал к ней ладонь и смотрел с таким обожанием, что Ян невольно заревновал. А когда Дея вместо того чтобы взять то, что лежало в руке лешего (а это несомненно был он), протянула пальцы, и тот надел ей кольцо, мягко сверкнувшее жемчугом, у Яна даже судорога по скуле прошлась.

Он хотел было отвернуться, чтобы Дея не заметила столь не уместного при таком событии гнева, но опоздал. Она будто кожей ощутила впихнувший в нем огонь, и бросив короткий взгляд, встала.

Прятаться было поздно, Ян смотрел ей в глаза, пока она шла к ним, и старался унять сердцебиение. Не вышло. Но Дея, похоже, не злилась, она подошла вплотную, подняла на него свои волшебные глаза и посмотрела с такой любовью, что он чуть не задохнулся от счастья.

Улыбнувшись, Дея отстранилась, чтобы взглянуть на Вайеса и Гория, о которых Ян уже и позабыл вовсе. Все это время, они наблюдали за происходящим затаив дыхание, лекарь глуповато улыбался, Верховный Хранитель восторженно сложив руки на груди.

Дея подошла к ним и, поблагодарив за сопровождение, выказала желание остаться наедине с лесом.

— Вы уверены, что хотите остаться здесь? — спросил Вайес.

— Да, — отозвалась Дея.

— До вечера? — уточнил лекарь, на что Дея неопределенно пожала плечами.

— Но это все еще не безопасно, моя дорогая, — несмело начал глава Мрамгора, — вам здесь даже негде переночевать. Позвольте, я покажу ваш дом, — упрашивал он. — Вы убедитесь, что время не пощадило его. Он ведь пустовал все эти годы.

— Хорошо, — прошелестела она, — на ночь я вернусь в замок, но день проведу здесь. Ян останется и если что, защитит меня-то врагов, которые посмеют напасть здесь. Что касается дома — его я отыщу сама.

— Как скажете, — проговорил Вайес учтиво и поклонился ей, чем уж совсем поразил Яна.

Нет, он знал, что Хранители особо почитаются всеми, но такого поклонения не ожидал. Может все дело в том, что Дею избрал сам лес? Ведь он ждал потомка Ладгальд, а это значит, что его подруга принадлежит к одному из самых древних и благородных родов. У Яна перехватило дух от таких мыслей. А в довершение к его потрясениям еще и Горий вышел вперед,

продолжая шокировать его.

— Госпожа, — прогнусавил он, кланяясь до тех пор, пока его старческая спина не хрустнула.

Дею такой жест тоже немного смутил, ответив ему сдержанным кивком, она перевела взгляд на Вайеса.

— Я пришлю плотников и каменщиков, чтобы они в кротчайшие сроки привели ваш дом в порядок, — предложил он, помогая Горию разогнуться.

— Я по гроб жизни буду обязана вам, — отозвалась Дея, даря Вайесу благодарную улыбку.

— Ну что вы, моя дорогая, — отмахнулся тот, — это Багорт в неоплатном долгу у вашего рода.

— Вы уверены, что я одна из Ладгальд?

— Абсолютно, — заверил ее Верховный Хранитель.

Вайес и лекарь еще раз поклонились Деи и скрылись в чаще, оставив, наконец, их одних. Хотя в Синем лесу они никогда не могли быть по-настоящему одни, теперь Ян это особенно явственно ощущал.

— Ты немного потрясен? — спросила Дея.

— Немного!? Да я вообще в шоке!

— Я, честно говоря, тоже, — призналась она.

Дея рассказала Яну, что с ней приключилось, когда она впервые здесь оказалась, не забыв опустить причину визита. Зная свою подругу, Ян догадался, что у нее был сопровождающий, и упорство, с которым она старалась не упоминать о нем, начинало бесить Яна, потому что наводило на неприятные мысли. Догадаться о том, кто привел сюда его Дею, было не трудно, но очень мучительно. И как только он это сделал, ему показалось, что сердце обдали кипятком. Он сжался от невыносимой боли, но не подал и виду, а молча последовал за Деей и серебристой ланью, что вела свою Госпожу к ее новому дому.

Он оказался заброшенным каменным строением надежно спрятанным от посторонних глаз вьюнком. Окна зияли пустотой, стены и статуи из камня обильно поросли мхом, а деревянные ступень почти сгнили. Рискуя провалиться, Дея поднялась по ним и толкнула дверь. Та со скрипом отворилась, и ребята оказались в просторной прихожей, служившей, по-видимому, и гостиной. Первое что они увидели — это огромный зев камина, покрытого толстым слоем пыли. Посередине стоял стол, вокруг него размещались кресла и диванчики с резными подлокотниками, обвитыми паутиной. А пол устилал ковер из высохшей листвы, занесенной через разбитые окна.

Как и во всех долго пустующих домах здесь было жутко неуютно. Ян побывал в свое время в заброшенных зданиях

Петербурга, и все они были лишены того тепла, которое свойственно даже самой захолустной хибарке, где теплиться хоть какая-то жизнь. Если дом многие годы не обитаем, из него улетучивается дух, сам воздух в нем кажется мертвым, опустошенным, холодным. Так было и с этим жилищем.

Ян содрогнулся при мысли о том, что именно Деи предстоит вдохнуть в него жизнь. Именно она должна воскресить весь этот одичавший, поросший бурьянами лес, восполнить пересыхающие водоемы, защитить вымирающих животных и придать этому месту былое великолепие. Он не знал, как именно Хранители делают это, но видел сейчас в хрупкой фигуре своей подруги ту силу, что заставит звенеть капели и мерцать звезды над Синим лесом с новой силой.

Неожиданно для себя он испугался. Испугался того, что потеряет ее, что окажется недостоин, незначителен и даже жалок. Дею ждет лес, а это значит, что она покинет замок, как только ее дом приведут в порядок, и тогда… Они не будут больше отдыхать в башне у камина, где Дея спала на его коленях. Перестанут сидеть в библиотеке и трапезной замка. Не смогут таскать с кухни ветчину, и встречать закат на смотровой площадке. Не будет ничего того, что последние месяцы делало его счастливым, потому что она рождена для большего, ведь род ее величественен и стар, в отличие от его собственного (о своих родителях он по-прежнему ничего не знал).

Ян следил за тем, как Деин взгляд блуждает по карнизам и осыпавшемуся потолку, по мебели и мутным зеркалам, и вдруг представил, как она превращается в облако белого пара, в эфемерную субстанцию, растворяющуюся на его глазах и навеки покидающую этот мир и его самого. Глупость конечно, она по-прежнему была Деей, может уже и не его Деей, но все еще той тонкой и изящной, улыбчивой и нежной девушкой, что заставляла его сердце замирать.

Весь день они провели в лесу. Обошли полянки и ложбинки, пруды и ручейки, холмы и впадины, скалки и утесы. Не один увиденный ею чахлый кустик или пересохший ручек, не остался без внимания, и все же они не прошли и половины ее владений.

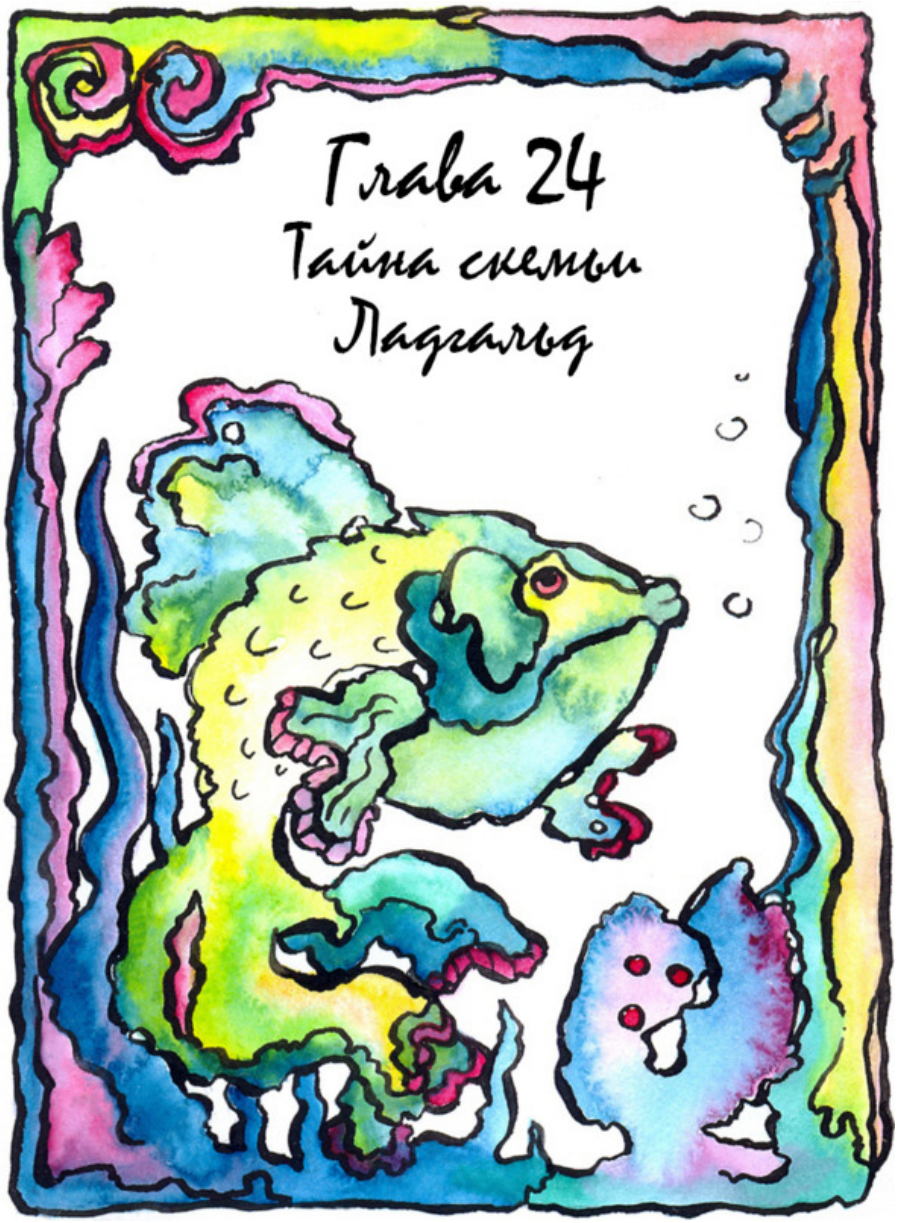
Самым поразительным из всего увиденного в этот день, за исключением самой инициации, оказался исполинских размеров платан. Дерево росло на маленькой уютной полянке, усеянной цветами. Эта поляна была словно сценой, на которую вывели великана, а ее миниатюрность подчеркивала мощь Отца леса. Платан звали именно так. Яна сначала поразило, что у дерева есть имя, а потом он понял, что это не простое дерево — это первый страж леса. Он помнил, как вокруг озера стал

воздвигаться этот защитный барьер, ставший впоследствии Синим лесом — самым крупным и обильным лесом вблизи Мрамгора. А появился он потому, что какой-то не в меру алчный браконьер, пытался опустошить дно Лад озера, которое как все знали, было усыпано жемчугом. Русалки его тогда изрядно потрепали, но и он в долгу не остался — ранил гарпуном одну их них, и та скончалась через три дня. С тех пор и стал расти Синий лес, призванный защищать озеро от посторонних жадных глаз.

Ян стоял на миниатюрной сцене из цветов, вглядываясь в разросшиеся во все стороны ветви платана, они укрывали, словно зонтом всю полянку и сплетались с деревьями за ней. В этом сращивании Ян усмотрел некий смысл не вполне им осознаваемый, но невероятно глубокий.

Дея прижималась к Отцу леса щекой, а Ян любовался ею, радуясь, что в это невероятный день рядом с ней был именно он а не его соперник.

Глава 24
Тайна схемы Ладгальд



Тайна семьи Ладгальд

На часах было уже девять утра, а Влад так и не появился.

«Может он не нашел мои комнаты или просто забыл, что хотел показать запретное крыло замка?» — размышляла Дея, стоя на балконе и пытаясь разглядеть высокую, черную фигуру среди суетящихся в саду рабочих.

Конечно, она понимала, что отыскать ее комнаты для Веда не проблема, да и на склерозника он не походил. А жаль, потому как эти предположения были менее удручающие, чем прочие мысли окутывающие девушку, словно удушливый, отравляющий газ. Больше всего Дея опасалась, что Влад уже пресытился общением с нею. Ведь он наверняка понял, что она ничем не отличается от прочих юных дурочек и так же, как и они уже на втором свидании млела, при каждом его касании, смотрела на него коровьими глазами и мысленно молила о новых, более смелых прикосновениях, в то время как он думал о высоком.

Конечно он говорил ей, что она необыкновенная, даже фантастическая, что она его восхищает и интригует. Ей единственной он открыл то, что для остальных, включая самого Вайеса было тайной за семью печатями. И все же она сомневалась, ей не верилось, что этот невообразимый, талантливый, неординарный и невозможно красивый юноша, мог всерьез увлечься ею. Ведь она ровным счетом не представляла из себя ничего особенного, кроме того, что оказалась Хранителем Синего леса. Но дар Хранителя — наследство предков, а Влад создал себя сам. Сам получал образование, развивался, достиг немыслимых успехов в различных областях и продолжал стремился к небывалым вершим. Даже Вайес считает его самым сильным Ведом в Мрамгоре и это при том, что он еще так молод.

«Какая же девушка может быть достойна, такого как он?» — вертелось в голове у Деи.

Естественно, она подозревала, что раз есть такой парень, значит где-то есть и достойная его девица. И то, что он не явился на назначенную встречу, заставляло Дею думать, что это вряд ли она.

Ее перламутровые представления о влюбленности сошли, словно старая краска, обнажая кровавые подтеки ноющие и саднящие. Все эти дни ожидания она плавилась в эйфорийном соку, надеялась, воображала. Теперь же сладкий зуд предвкушения обернулся пыткой.

Дея томилась в неведении и ожидании, не находя себе места. Возвращалась в каминную и прислушивалась к тишине за дверью,

затем снова шла на балкон и всматривалась вдаль. Выдернула из щетки для волос половину зубчиков, теребя ее в руках. Даже переживания вчерашнего дня проведенного в Синем лесу отошли на второй план. Она помнила инициацию, песнь русалок, дары, которые сейчас аккуратно лежали на кресле, но все это сейчас казалось сном, чем-то нереальным, происходящим не с ней. А когда она уже была готова расплакаться от переизбытка чувств, раздался стук в дверь.

Девушка судорожно вдохнула, плечи непроизвольно взметнулись вверх, она затрепетала. Так и не преодолев волнения, она подошла к дверям, несмелой рукой повернула ручку и медленно отворила их. На пороге стоял Ян. Дея выдохнула, плечи тут же упали, а на лице отразилось разочарование.

— Ты уже одета? — удивился он. — В десять утра, я ожидал застать тебя еще валяющейся в кровати.

— Мне не спалось и я… — она запнулась — Да неважно.

— Пойдем завтракать?

— Ты знаешь, я себя отвратительно чувствую. Вчерашний день отнял у меня последние силы. Столько эмоций… Я, наверное, зря оделась. Пожалуй, проведу сегодняшний день в постели.

— Конечно, ложись, я принесу завтрак тебе в комнаты, и еще Гория позову, он даст каких-нибудь капель.

— Нет, Ян! Не надо Гория прощу! — в панике запротестовала Дея.

— Как скажешь, — отозвался Ян, хмурясь, — но завтрак я тебе все же принесу, — отрезал он, выходя от нее.

Хоть Дея уже и не верила, что Влад сегодня явиться к ней, перспектива их встречи с Яном, повергла ее в настоящую панику. Она бегала по комнатам, судорожно пытаясь сообразить, как выставить Яна, когда он вернется с завтраком. Но Дея была слишком взвинчена, чтобы придумать хоть что-нибудь путное, поэтому, когда Ян вошел с подносом, ей просто пришлось принять его заботу.

— Разжечь камин? — спросил он, усаживая ее на диван.

— Нет мне не холодно, — устало проговорила Дея.

— У тебя жар? — спросил Ян и поцеловал ее лоб.

— Нет у меня никакого жара! — раздраженно бросила она, отстраняясь.

Ян сконфужено отодвинулся.

— Может, я все-таки схожу к лекарю сам и попрошу для тебя каких-нибудь капель, успокоительных, например. Я думаю у тебя просто нервное переутомление.

— Да, ты прав, пожалуй, я перенервничала, — согласилась девушка. — Но ты все равно не ходи к Горию. Не хочу, чтобы они знали, как я это переживаю.

— Хорошо, — сдался Ян и налил ей из кувшина горячего молока.

Дея есть не хотела, она вообще не понимала, как в таком состоянии можно думать о еде. Но если она не притронется к завтраку, Ян так и будет сидеть над душей, а ей хотелось поскорей остаться наедине со своими страстями. Она отпила молока и даже осилила половину рогалика, а потом, почувствовав невероятную усталость, опрокинулась на подушки и закрыла глаза.

— Дея, — чуть слышно позвал Ян.

— А?

— У тебя слабость, надо бы в постель, — проговорил он.

Она ничего не ответила, разочарование забирало последние силы, обесцвечивая радужные грезы первой влюбленности. Дея только почувствовала, что ее подняли с дивана и несут. Обхватив Яна за шею, она уткнулась лицом в его широкую, часто вздымающуюся грудь и ее охватило безволие. Она престала понимать, что происходит, сознанием ее уже завладевали сонные грезы.

Ян тем временем донес ее до кровати и, не выпуская из рук, уселся на самый ее краешек, видя, как Дея все больше и больше погружается в забытье. Взгляд ее становился бессмысленно-блуждающим, а голова запрокидывалась, не желала слушаться.

Ян прижал ее к своей груди и ей вдруг почудилось, что она никакой не Хранитель, а маленькая, хрупкая девочка из интерната, которую утешает ее верный друг. И тут, словно щелкнул какой-то переключатель, Деи сделалось так хорошо и уютно в этих родных и сильных руках, всегда готовых поддержать ее, на этой груди, в которой билось отзывчивое и любящее сердце.

Когда она находилась рядом с Яном — это было естественно и легко, не так как с Владом. В объятиях друга Дея чувствовала себя защищенной. Стоило же Веду прикоснуться к ней и она превращалась в таящее мороженное. Он волновал ее, и это волнение было чем-то новым для Деи, порой даже невыносимым.

Эту разницу между ними она сейчас ощущала очень остро, возможно, от того, что касания Яна были осторожными, трепетными, убаюкивающими. Позабыв о чувствах друга, Дея обхватила его обеими руками и прижалась всем телом. Она чувствовала себя малышкой, на руках у десятилетнего друга, который баюкал ее, когда она просыпалась от кошмаров.

Ян понял эти объятия иначе.

— Дея, — тихонько позвал он ее. — Дея…

Словно во сне она повернула к нему раскрасневшееся лицо, и тут произошло нечто такое, что заставило ее оцепенеть. Ян склонился к ее приоткрытым губам и поцеловал. Робко и неуклюже, но так неожиданно, что Дея замерла. Расценив замешательство подруги, как согласие, Ян сжал ее с новой силой и, запуская пальцы в волосы, впился с какой-то горячечной неистовостью, будто хотел вобрать в себя ее всю.

Вожделение, с которым он брал то, чего так давно хотел, вывело Дею из сонных грез. С силой она оттолкнула его на кровать, а сама вскочила на ноги и принялась бегать по комнате, заламывая руки.

— Что же это? — бормотала она. — Мы же… Я же… Это же…

Раскрасневшейся Ян поднялся с кровати и попытался усмирить бьющуюся в истерике подругу. Но она лишь уворачивалась, продолжая бегать по комнате и бормотать, что-то бессвязное. Тогда он просто грубо схватил ее и уложил в постель, накрыв одеялом.

— Ладно, — прохрипел он, жуя нижнюю губу, — я посижу в соседней комнате, на случай если понадоблюсь.

— Нет, Ян, — выпалила Дея, садясь на кровати, — я бы хотела побыть одна, — промямлила она извиняющимся тоном. — Прости я… Я… Прости.

Ян покивал головой, словно болванчик и с надеждой спросил:

— Увидимся?

— Конечно? — поспешила она заверить его.

Когда за ним закралась дверь, Дея упала лицом в подушки и все-таки разрыдалась.

Она, наконец, поняла, а вернее, прочувствовала, что все к чему они привыкли с детства, теперь ощущается им иначе. И как бы она не старалась держать дверь, скрывающую чувства Яна запертой, ей пришлось в нее заглянуть. Сам Ян толкнул ее туда, принося удручающее понимание того, что как раньше уже точно никогда не будет, как бы им этого не хотелось.

Дея знала, что Ян человек горячий, но она никогда не примеряла на него амплуа любовника. И сейчас ей было вдвойне неловко, потому как понравилось то, что он сделал, и понравилось, как он это сделал; не спросясь, уверенно, будто был в праве. В нем чувствовалась такая сила в тот момент, что она поразилась, как вообще осмелилась противиться его желанию.

До обеда Дею никто не тревожил. Она с упоением предавалась страданиям по Владу и обильно оплакивала дружбу

с Яном. Но потом зашел Вайес и сказал, что приготовил для нее молоденькую, но уже объезженную кобылку. Сообщил, что она в замковой конюшне и как только Деи понадобиться отправиться в лес, то она должна найти любого конюха и попросить Дорену (так звали ее кобылку). Дея рассыпалась в любезностях и постаралась как можно быстрее выпроводить Вайеса, сославшись на плохое самочувствие.

Ян больше не заходил.

Проведя остаток дня наедине со своими мыслями, Дея окончательно уверила себя в том, что непременно спятит, если как можно скорее не узнает причину, по которой Влад не пришел. Если она его больше не интересует, и он просто забыл об обещании, лучше узнать об этом сейчас. А если с ним что-то не так, то, возможно, ей повезет оказаться полезной.

Когда на замок опустились сумерки, девушка накинула плащ Хранителя и спустилась в конюшни. У первого попавшегося конюха она спросила в каком стойле Дорена. Конопатый и небритый парень, встрепенулся и, отвесив неуклюжий, но почтительно-низкий поклон, кинулся вперед, указывая дорогу.

Дорена стояла в просторном стойле. Деи понравилось ее неспокойство, кобылка явно не желала находиться в тесноте, била копытом и фыркала. Дея протянула руку и провела по белой звездочке на морде лошади, та немного успокоилась.

— Я могу взять ее? — поинтересовалась она.

— Ко-ко-нечно, — прозаикался конюх.

— А седло у нее есть?

— Вы хо-хо-тите ехать прямо сейчас? — удивился он.

— Да, а что?

— Так до-дождь ведь, Госпожа, — промямлил он, — промокните.

— Не страшно, — заверила его Дея, — у меня срочное дело.

— Ка-как скажете, Госпожа, — не решился перечить конюх, — вам дамское седло?

— Нет обычное.

Конюх снова удивился, но спорить не стал и через пару минут принес новенькое кожаное седло и водрузил его на кобылу. Та пыталась сопротивляться, но, похоже, парень знал подход к животным, и Дорена все же сдалась, позволив себя оседлать и вывести из конюшни.

— Вот возьмите, — сказал парень, протягивая ей крошечный кристалл, — Вайес велел вам пе-передать. Вставьте его в сбрую, чтобы не сбиться впотьмах с до-дороги.

— Спасибо, — сказала Дея, принимая подарок.

Она решила не говорить, что наездница из нее никудышная,

подумав, что если не будет пускать лошадь в галоп, то авось и не свалиться с нее.

Не без труда она взобралась в седло и с точностью повторила те движения, что делал Влад, когда пускал своего коня трусцой. Несмотря на покладистость лошади, скачка оказалась для неопытной Деи настоящим испытанием. Но уже через полчаса она стояла у чугунных ворот и пыталась усмирить колотящееся сердце.

«Вот дура, — ругала она себя, не решаясь войти в сад Веда. — Ну чего ты приперлась, ведь глупо же и унизительно?»

Но отступать Дея не умела и если уж вбила себе что в голову, то доводила дело до конца. Взяв Дорену под уздцы, она толкнула ворота. Они оказались не запертыми и это обстоятельство ей не понравилось. Преодолев зловещий сад и распугав птиц, она поднялась по парадной лестнице, постучала. Тишина ее не удивила, в конце концов, в доме не светилось ни одно окно. Тогда она толкнула дверь, и на этот раз ее сердце опустилось чуть не до желудка — она тоже оказалась не запертой, и это Дею уже серьезно напугало.

«Ну не мог же он просто уйти, оставив все двери нараспашку», — решила девушка и, вернувшись к Дорене, вытащила у нее из сбруи кристалл.

Заходя в дом, она осторожно и не громко позвала Влада. Ей никто не ответил. Набрав побольше воздуха в легкие, Дея стала подниматься на второй этаж. Дверь в спальню оказалась открытой настежь, и прежде чем ступить в комнату она позвала Влада еще раз. И снова тишина была ей ответом.

«Либо его там нет, либо ему нужна моя помощь, — уговаривала она себя, — так или иначе, надо сделать шаг».

В спальне царил беспорядок. Кровать была не заправлена, покрывало валялось на полу вместе с разбросанной одеждой, на окне стояла чашка с недопитым чаем и повсюду валялись какие-то засушенные корешки. Дея прошла в мастерскую. Там была такая же картина — чашки с чаем, недоеденный завтрак или ужин и сушеные травки по всему столу. И никакого намека на присутствие хозяина.

Девушка вернулась в спальню и, подняв с пола рубашку Влада, поднесла ее к лицу, вдыхая его запах. «Лучше бы я этого не делала», — мелькнуло у Деи в голове, прежде чем ее закружил водоворот воспоминаний. Она прижала смятую ткань к груди и без сил упала на кровать. Та пахла им так ярко, что у Деи чуть было не помутился рассудок. Она подмяла под себя простыни и зашарила руками по наволочкам, будто пыталась собрать все, что осталось от Влада — едва уловимый запах иланг-иланга

и еще чего-то терпкого, волнующего, чего-то такого, что безжалостно лишало ее самообладания.

«Интересно сколько девушек побывало в этой постели?» — неожиданно подумала она и, вскочив на ноги, бросилась вниз, так и не выпустив из рук рубашку.

В замок, она не вернулась, а направилась прямиком в Синий лес. Он встретил ее ласково; мох был мягок, деревья шелестели листвой, казалось, лес чувствовал ее боль и смятение, отзывался.

Дея неторопливо брела дороге, пока не услышала, как поют русалки. Она направила лошадь в сторону озера и застала там потрясающую картину. Над водой летали светлячки, а все Озерные девы выплыли к берегу. Играя на арфах и свирелях, они протяжно и лирично пели.

Все проходит,
Тускнеют в садах цветы.
Протекают сквозь пальцы
Страсть и мечты.

Отцветает краса
И желаний поток,
Словно лили
Розовый, нежный листок.

На губах нет росы,
На щеках нет огня.
А в глазах лишь печаль —
Отражение дня.

Только скорби в них нет,
Нет ни горя, ни слез,
Поточу что любовь —
Аромат майских роз.

Дея слезла с лошади и подошла прямо к воде. Русалки тут же обступили ее и принялись гладить волосы, плечи, руки.

— Не печалься, Госпожа, — проговорила одна из них, — он снова позовет тебя.

— Кто? — удивилась Дея

— Влад, кто ж еще, — ответила другая.

Дея озадаченно обвела всех Озерных дев взглядом.

— О, Госпожа, каждая былинка в твоем лесу знает, что он похитил у нас твое сердце. Но ты не тревожься, он вернется к тебе.

— Да, да вернется, — подхватили остальные.

— Откуда вы можете знать это? — спросила Дея.

— Ну как же? — удивлялись они, — лес видел вас. Говорят, он смотрел на тебя как на солнце — боясь ослепнуть.

— Точно так, — подтвердили все хором.

Дею тронуло такое участие, и она неожиданно поняла, что находиться у себя дома, среди своей семьи. Странное чувство когда ты привык, что именно этого у тебя нет.

— Он не пришел, — разоткровенничалась она, опускаясь на пологий берег, — назначил мне встречу и не пришел. И дома его не оказалось.

— Негодяй! — возмутились сразу несколько русалок.

— Странно, его видели сегодня в нашем лесу, — сказала одна, — он собирал травы.

— Сегодня? — обрадовалась Дея, — Когда это было?

— Еще до полудня.

— А потом? — спросила она.

— Мы не знаем, что он делал, когда покинул лес.

— А если с ним, что-то случилось? — проговорила Дея с надрывом.

— Не переживай, Госпожа, Влад Карий — крепкий орешек и вряд ли кто-то может причинить ему больший вред, чем он сам.

— Да, да Божена верно говоришь, — подхватили остальные, — наверняка опять впал в меланхолию и ушел в себя на пару недель.

— Давай, Госпожа, мы тебе еще песен споем, — предложили девы. — Посидим, погрустим.

— Д-а-а-а-а, — протянули все хором, — нам тоже есть о чем грустить.

— О чем грустите вы? — спросила Дея. — Поделитесь, может я смогу, что-то сделать.

— Сможешь, Госпожа, — отозвалась Божена. Она видимо была старшей у русалок, так как говорила чаще остальных. — Вот уже семнадцать лет к нам бояться приходить на ежегодный праздник Последней луны.

— Я выросла в дали от Багорта и почти ничего не знаю о ваших обычаях, — стыдливо призналась Дея.

— Мы знаем, — успокоили ее девы, — теперь ты дома и у тебя столько времени, сколько потребуется, чтобы привыкнуть ко всему. Ежегодный праздник Последней луны — это почти единственное время в году, когда мы можем найти себе женихов. Но когда мы осиротели, парни стали бояться приходить к нам. Не сразу конечно, поначалу еще захаживали, но лес дичал и мы вместе с ним. Спустя три года после того как мы остались без

Хранителя, одна из дев обезумела и утащила парня на дно озера без его согласия.

— А, что находятся смельчаки, которые соглашаются на это добровольно?

Русалки кокетливо захихикали.

— Не просто соглашаются, а умоляют. Наша любовь особенная, многие хотят узнать, что значит быть избранником Озерной девой. Но на то чтобы завлечь суженного, у нас всего одна неделя в году. В последнюю летнюю луну нам даруется пара ножек, и после полуночи мы можем выходить на сушу. Целую неделю мы жжем костры у берега нашего озера, танцуем, поем, играем на арфах и ждем смелых молодцев, что хотят попытать счастье. Раньше было много парней охочих до наших ночных гуляний, а сейчас их почти нет, и мы вымираем, — печально довершила Божена.

Собственные стенания и жалость к себе, внезапно показались Деи ужасно нелепыми. Эти девушки увядают, так и не познав любви, потому что какой-то подлец похитил ее, лишив их защиты и возможности жить той жизнью, для которой они были рождены. Она ощутила такой прилив злости, и желания во что бы то ни стало вернуть этим отзывчивым и прекрасным созданиям их прежнюю жизнь.

— Я обещаю вам, что в этом году в нашем лесу будет невиданный праздник, — воодушевленно проговорила Дея. — Я заманю к нам самых лучших молодцев, и только попробуйте остаться без женихов, — добавила она, лукаво улыбаясь.

— Будь спокойна, Госпожа, — заверили ее оживившиеся девы, — каждая русалка с самого детства учиться искусству обольщения. Настоящей Озерной деве достаточно нескольких часов, чтобы покорить сердце парня. И тогда смельчак сам попросит, чтобы она показала ему дно нашего озера, где он сможет забрать жемчужину в знак любви. Если продержится под водой дольше десяти минут.

— Но как он сможет это сделать? — поразилась Дея.

— Будет целовать свою избранницу.

У Деи округлились глаза, а на лице отразилось недоверие.

— Не переживай, Госпожа. Еще ни одна дева не позволила своему жениху утонуть. И если в это лето к нам придут молодцы, то не только Омелла будет холить счастливая.

— Омелла, — проговорила Дея, — я помню это имя. Она участвовала в состязаниях.

— Да, и ей потребовалось совсем мало времени, чтобы очаровать Сеслава. Правда, их счастье омрачало отсутствие Хранительницы.

— Я что же могу влиять на чье-то счастье?

— Без твоего благословения Озерной деве не стать женщиной, — пояснила Божена, подталкивая прячущуюся в зарослях камыша русалку.

К Деи подплыла тонкая, хрупкая девушка с длинными белыми волосами и светло-голубыми глазами, чистая и светлая, только губы сияли рубином на нежном лице. Дея ее сразу узнал.

Дева почтительно склонилась перед ней и поцеловала руку.

— Позволь просить тебя, Госпожа, о благословении, — начала она робко, — чтобы я могла познать любовь моего избранника.

Все девы закивали, и Дея осознала, что обязанности Хранителя надвигаются на нее с неотвратимой силой, а она между тем не имеет о них ни малейшего представления. Вместо того чтобы убиваться по взбалмошному Веду, ей надлежало бы разузнать в чем суть Хранителя. Может тогда ей не пришлось бы краснеть от того, что она не знает, как именно должна благословить молодых.

— Что я должна сделать для вашего счастья, моя дорогая? — спросила Дея как можно мягче.

— Будущей луной ты спустишься с нами на дно озера и повяжешь нам на руки ленты, — произнесла девушка дрогнувшим голосом. — И тогда каждую полную луну я буду становиться обычной женщиной, способной любить своего мужа. Я смогу родить ему детей.

— Таких же белокурых и светлооких как ты? — улыбнувшись ей, спросила Дея.

Девушка зарделась и опустила пушистые белые ресницы.

— Я бы хотела, чтобы мои дети унаследовали темные волосы и синие глаз, такие как у моего любимого, — пролепетала она. — Они как наше озеро — темные и глубокие. Ты бы видела, Госпожа, — пропела она с такой любовью, что у Деи сжалось сердце.

— Я видела глаза твоего возлюбленного, — ответила Дея, — если он тот, о ком я думаю. Это Сагорт, что скачет на огромном сером волке, не так ли?

— Да, — выдохнула Омелла и снова залилась краской.

— Теперь ты понимаешь, Госпожа, почему мы никого не принимали, а ждали тебя, — обратилась к Деи Божена. — Ни один Хранитель не в состоянии повторить подобного. Только дар женщин из династии Ладгальд позволяет им находиться под водой дольше обычных людей.

Дея вспомнила свою инициацию, во время которой ее погружали под воду, чтобы повязать ленты на запястья и надеть плащ. Ей было жутко страшно, и русалки подбадривали ее, чтобы

она осмелилась погрузиться в воду с головой. Сначала было тяжело, вся толща воды обрушилась на нее разом и давила с невероятной силой. Но девы унесли Дею на самое дно, и она ощутила легкость. Оно действительно было покрыто раковинами с жемчугом. Мимо проплывали чудные рыбы невероятной окраски и колыхались водоросли, а сквозь толщу воды еле-еле пробивалось сияние солнца. Дея оглядывалась по сторонам, не веря, что все это великолепие не сон и что она на самом деле в Багорте, а не на полотне Репина «Садко в подводном царстве».

Дея догадывалась, что Багорт еще ни раз удивит ее своими волшебностями и чудесами, которые она не в силах понять. Но Лад озеро было ее новым домом, хоть и слишком фантастическим, чтобы привыкнуть к нему так сразу, и его нужно было осваивать.

Дея посмотрела на красавиц-русалок, на кувшинки и мелкую рябь и ей вдруг захотело еще раз ощутить прилив сил, что давала вода. Освободившись от одежды, она сделала несколько робких шагов, а потом нырнула в глубоководье, стрелой уходя на дно.

Как только ее руки коснулись шершавых раковин, по телу тут же прошлась будоражащая волна. Дея задрожала, вбирая в себя энергию воды накопленную за годы ее отсутствия. Ее было столько, что казалось высвободись она наружу, и Мрамгор затопит до самых вершин замковых башен.

— Теперь ты понимаешь, Госпожа, почему атрибутами Хранителя нашего леса, является жемчужный плащ и украшения из жемчуга?

— Потому что сила Хранителя в этом озере? — предположила Дея.

— Да. Твой род берет начало от Озерных дев. Ладгальд златовласая, так звали первую защитницу нашего озера и леса, что окружил его. Когда в Багорте шла Великая битва, на защиту наших земель встали древние силы небес и подземных недр. Ладгальд вышла из вод и обрушила на сражающихся весь гнев Озерных дев. Затопив бойцов, она окропила листву и траву своей голубой кровью — кровью русалки. Так наш лес стал синим. Ладгальд умерла от тяжелых ранений, полученных в сражении, но перед смертью разрешилась дочерью, которая в возрасте шестнадцати лет обрела тело женщины и стала первой лесной Хранительницей. С тех пор в роду Ладгальд рождаются только девочки — Озерные девы.

— Вы хотите сказать, что я русалка?

— Будущих Хранительниц, с младенчества приучают к суши, чтобы они могли охранять и озеро и лес. Ты выглядишь как обычная женщина, но твоя суть — водная стихия и если ты

надолго задержишься под водой — обратишься.

— Стану такой как вы?

— Да, но лучше бы тебе этого не делать. Достаточно и того, что ты можешь находиться в озере несколько часов, не испытывая никаких трудностей.

— Именно поэтому мы абсолютно уверены, что Влад вернется к тебе, как только увидит во всем величии. Твоя кровь голубая, Госпожа, а женщины с русалочьей кровью умеют обольщать как никто другой.

— Но их страсть может стать разрушительной, если им не отвечают взаимностью, — раздался скрипучий голос и все обернулись.

К ним подплыла уже немолодая, но все еще красивая русалка с проседью в волосах. Все девы сострадательно посмотрели на нее, опустив головы. Только Божена шикнула на нее и приказала убраться, но Дея остановила ее и попросила не уплывать.

— От чего ты так печальна и как тебя звать? — спросила она.

— Лея моя, Госпожа. Послушай женщину, познавшую разрушающую силу страсти, — заговорила она патетично. — Не всегда голубая кровь в силах удержать любовь, но я думаю тебе она и так ни чему. Ты необыкновенная девушка — ты вызовешь бурю страстей в мужских сердцах, но и твои чувства будут обострены. Бойся их, они могут погубить всех нас.

— Опять ты за свое, Лея, — сокрушались ее сестры. — Лея иногда может прорицать, но ее видения не всегда точны. Она потеряла любимого и вот уже тридцать лет одна, — шепотом добавила Божена, как бы извиняясь за свою сестру.

Дея хотела сказать, что-нибудь утешительное Лее. Но чем могла семнадцатилетняя глупышка, утешить эту мудрую и несчастную русалку. И Дея только послала ей взгляд полный сострадания. Впрочем, Лею такое участие тронуло.

— У тебя большое сердце, Госпожа, — проскрипела она, — в нем найдется место всему. В этом будет твоя сила, но и слабость твоя будет в этом же, — провещала она и уплыла.

— Не печалься, Госпожа, — проговорила Божена, — ты не сможешь помочь ей. Наша жизнь отличается от людской, но не наши сердца.

Дея вздохнула, посмотрела на проплывающих мимо рыб, а потом неожиданно спросила.

— А мои родители, какими они были? Вы ведь помните их?

— Конечно, Госпожа. Ваша мать была сама чистота и благородство. У вас ее осанка, — начала Божена.

— У нее были прекрасные карие глаза, — подхватили ее

сестры, — и длинные, белые волосы

— Не рыжие? — удивилась Дея.

Русалки снова захихикали, и Дея подумала, что в один только их смех уже можно было влюбиться. Он был таким чистым и звонким, словно сотни крошечных колокольчиков нанизали на нитку и они переливаются, звоном.

— Рыжим был ваш отец, — сказали они насмеявшись.

— Отец, — разочарованно повторила Дея, представив себе конопатого мужичонку.

— О-о-о! — пропели русалки, уловив ее настроение, — ваш отец был невероятно притягательный мужчина.

— Да, да! — заговорили они хором, — Такой высокий и статный, очень пылкий и темпераментный бунтарь. Как он ухаживал за вашей матерью! Между прочем, у нее были и другие ухажеры, но она выбрала вашего отца, за живой ум и кипучую энергию. Вы невероятно похожи на него: те же зеленые раскосые глаза, приподнятый подбородок и этот гордый взгляд.

Дея пыталась представить своих родителей, но ей это не удавалось. Она знала только ту реальность, в которой была сиротой и решила не расспрашивать больше ничего о родне, потому что даже здесь в Багорте уже ничего не измениться. Их нет и теперь ее семья — эти удивительные создания, живущие в озере, деревья и камни, цветы и животные, сама земля, что питает в этом лесу каждую травинку.

Дея вынырнула на берег, желая скрыть накатывающие слезы и увидела, что там собрались лани и другие звери, а на большом валуне сидел леший, свесив свои тощие ножки. Она поманила его пальцем, и он тут же поспешил подойти.

— Мой милы леший, — Дея погладила его по лохматой голове, — у тебя такой потрепанный вид, — сказала она грустно. — Надо бы тебе справить новый кафтанчик.

Леший ничего не сказал, только уткнулся своим крохотным личиком в ладони и заплакал. Дея вышла из воды, накинула на голое тело свой плащ и взяла его на руки, затем чмокнув в макушку, усадила обратно на валун. Он успокоился и теперь улыбался во весь беззубый рот.

— Ты умеешь говорить? — спросила Дея.

Леший поводил бровями и виновато улыбнулся. Но в голове у Деи зашелестели другие голоса.

«Он мог, но за время твоего отсутствия, Госпожа, разучился. Не кори его строго, он единственный кто хоть как-то мог охранять нас от черных дровосеков и жадных охотников, что ставили капканы, когда у животных был гон. Без Хранителя лес дичает и люди, что живут рядом с ним тоже — ими овладевает

алчность».

Голос в Деиной голове умолк и она, наконец, заметила у себя на плече лапу ели, что росла в паре вершков от валуна. Ель качнулась, убрав лапу, и Дея поняла, что так с ней общаются деревья.

— Сколько же еще невероятного и сверхъестественного произойдет со мной в этом мире, прежде чем я привыкну к волшебству? — спрашивала Дея сама себя.

Она протянула руку к ели, чтобы спросить у своего леса, чего он от нее ожидает, но в этот момент на поляну перед озером опустилась Маюн, а вместе с нею и Ян.

Он был хмур.

«Злиться, что ушла не предупредив», — поняла Дея.

Ян приблизился к ней.

— Да, что с тобой такое твориться? — спросил он раздраженно. — Днем была больна, а вечером пропала, ускакала в дождь. Это ты так по дороге промокла? — спросил Ян, проводя рукой по ее мокрым волосам.

— Нет, я купалась, — ответила Дея спокойно.

— Больная?

— Ян, я чувствую себя уже гораздо лучше. Мне надо было прийти сюда раньше.

— Да, извини, — Ян хмурил брови и отводил взгляд, — я просто волновался… и… Да не важно. Пойдем домой, — попросил он.

— Я и так дома, Ян, — сказала Дея как можно мягче.

— Да… Но… Но твое жилище еще не построено, — нашелся он. — Где ты будешь спать.

— Я думаю, какая-нибудь елочка приютит меня, согрев своими большими лапами, — произнесла Дея весело.

— Дея, — начал Ян умоляющим голосом, — ты девушка, а не ушастый заяц в теплой шубе. Ты ведь даже ни разу не ночевала в лесу. Подожди хотя бы до того времени, пока тебе не починят дом.

— Это слишком долго!

— Хорошо, я построю тебе уютный шалаш, чтобы ты не спала под открытым небом. Но сегодня прошу, вернись в замок.

— Госпожа, — позвали ее русалки, и она подошла к ним, — Госпожа, он так мил и внимателен, не отказывай ему.

— Да, Госпожа, негоже отказывать такому красавчику, — укорила ее самая молоденькая русалка.

— Он мой друг детства, — пояснила Дея, смущаясь.

— Да, Госпожа, — согласились и другие, — но от этого он не становиться менее привлекательным, — и они разразились

своим чудесным смехом.

— Иди с ним, Госпожа. Ни один Хранитель не находится в лесу постоянно, но возвращайся, мы будем ждать. Весь лес будет ждать.

В голове у Деи снова зашелестело:

«Ступай, Госпожа, твой вопрос никуда не уйдет, ты задашь его завтра, и мы ответим».

Дея вздрогнула, но ель уже убрала свою пушистую лапу. Дотронувшись до ее шершавой коры, она улыбнулась, пообещав вернуться.

— До завтра, — попрощалась она со всеми, отвязывая Дорену.

— Ты, что хочешь скакать в ночи на лошади? — удивился Ян.

— Но я же не могу оставить ее здесь, она, наверное, тоже не привыкла ночевать без крыши над головой.

— Эта кобылка подобрана для тебя не случайно, — пояснил Ян. — Она найдет дорогу к замку, стоит ей приказать и к лесу тоже. Попробуй.

Дея недоверчиво посмотрела на Яна, но все же зашептала на ухо лошади:

— Дорена, скачи в замок.

К ее удивлению кобылка коротко фыркнула и припустила галопом.

— Она, что же действительно вернется в замок?

— Да, и ты, я надеюсь, тоже, — он указал на Маюн, склоняющуюся для того, чтобы принять их на свою исполинскую спину.

Дея кивнула и уже хотела было подойти у Страж-птице, но вспомнила, что под плащом на ней нет абсолютно ничего, ее одежда осталась на берегу. Она посмотрела в сторону скомканного платья, а потом поймала страдальческий взгляд Яна.

— Дея… — протянул он, уставившись на нее, пожирающим взглядом.

— Купалась я, — напомнила она.

— Без всего?

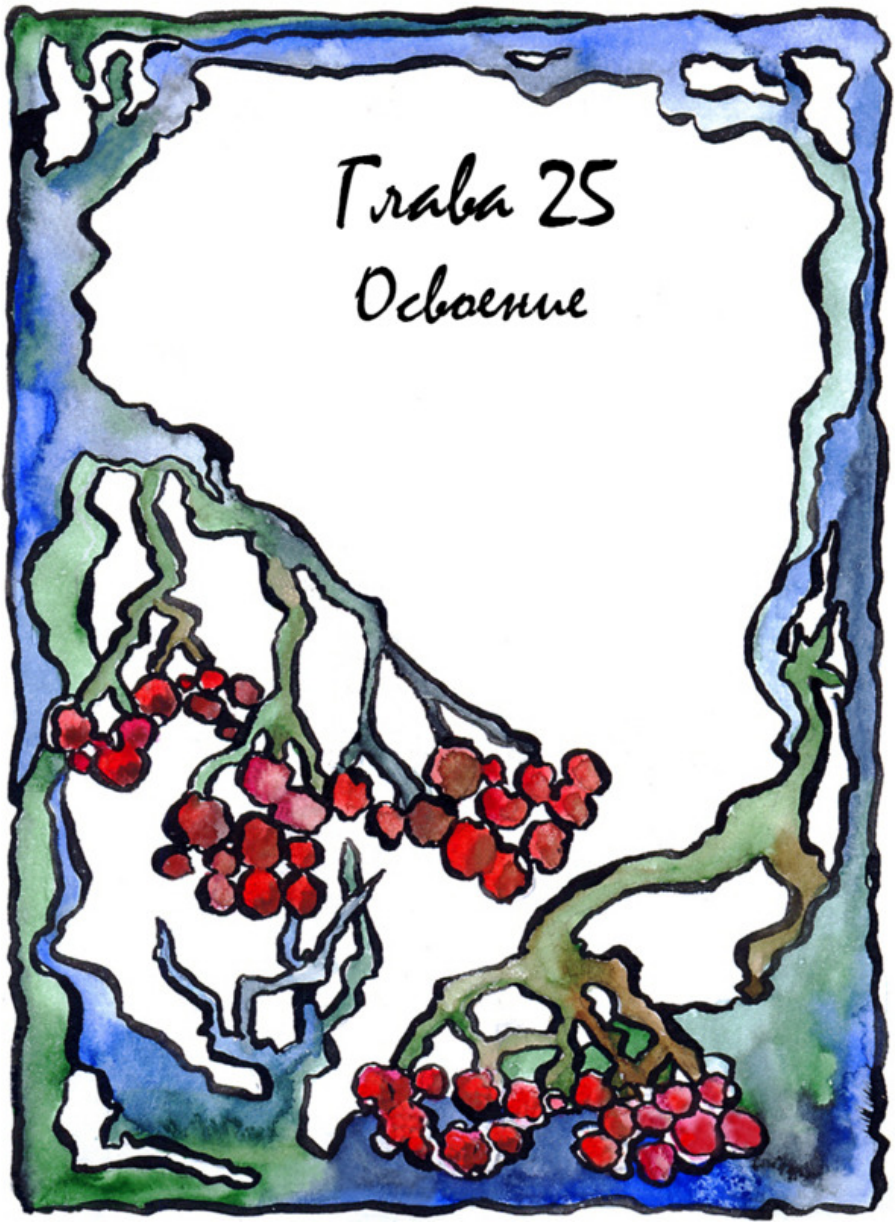
— Естественно, я же в своем лесу.

— Ясно, — проронил Ян, заливаясь краской и отворачиваюсь. — Оденешься?

— Да, уже, — отозвалась Дея зашнуровывая платье, под хихиканье русалок.

Ян медленно развернулся, посмотрел на улыбающихся Озерных дев, которые в отличие от Деи не стеснялись своей наготы, и поманил подругу к себе. Он помог ей вскарабкаться на спину Маюн, и Дея отметила, что его руки дольше нужного

задержались на ее талии.



Освоение

Сон к Деи долго не шел, из-за переизбытка переживаний и неожиданно обрушившихся на не обязанностей. Радость от того, что она наконец-то обрела дом и семью, омрачала приверженность ко всей этой пафосной братии Хранителей. Она видела, какую радость это приносит Яну и немного завидовала, что не может так же восторженно относиться ко всему этому героизму поневоле.

Наутро она проснулась настолько разбитая, что даже холодная ванная не придала ей бодрости. Когда в ее двери постучали, она вздрогнула и побежала открывать в надежде, что Влад все же вспомнил о ней. Но на пороге снова стоял Ян.

— Я обещал тебе шалаш, — сказал он вместо приветствия.

— И ты построишь его сегодня? — спросила она с надеждой.

— Если ты захочешь.

— Конечно, — Дея оживилась. — Ты завтракал?

Ян покачал головой.

— Пойдем, — сказала она и потянула его за рукав, прикрывая за собой дверь, — думаю там еще осталось немного бекона с яичницей.

Ян послушно потащился за ней в трапезную, а после и в библиотеку где Дея набрала целую стопу книг о Хранителях Багорта. Он помог ей спуститься со своей ношей в конюшню и навьючить ими ее кобылку.

Пока ребята возились с ремнями, за ними внимательно наблюдал старый конюх.

— Плащ, что на вас одет, — наконец, спросил он Дею, — это же реликвия Озерных дев, верно?

— Верно, — отозвалась Дея.

Дедок смотрел на нее недоверчиво, изучающе щурил блеклые глаза.

«Неужто ему пришло в голову, что я могла его похитить у них», — родилась в голове у Деи неприятная мысль.

— Значит это правда и у вас действительно теперь все атрибуты Хранителя Синего леса? — продолжал свой допрос настырный дед.

— Да, — коротко ответила Дея.

— Почему он выбрал вас? — недоумевал старик. — Вы так молоды и еще не знаете законов мира.

— Никто не знает всех законов, — отпарировала Дея. — Одному человеку не дано понять, каков мир за границами его разума.

— Поэтому вы так много читаете? — спросил дед, указывая на ее узелок. — Думаете, что эти книжки расширят границы вашего разума.

— Очень на это надеюсь, — отозвалась Дея, раздраженно, — ведь здесь собраны знания многих людей и далеко не глупых.

— Да-а-а, люди, что написали эти тома, должно быть, очень умны. По крайне мере умнее меня, я ведь даже писать не умею. — Он снова сощурил глаза и торопливо приблизившись к ней, заговорил быстрей, словно боялся, что она уйдет, не дослушав. — Вы можете многое узнать их этих книг, но знать еще не означает понимать. Запомните одно — можно поделиться открытиями, но не опытом. А именно опыт и делает вас тем, кто вы есть. Не сомневаюсь, эти книги обогатят вас, но по-настоящему осознать что-либо, можно только прочувствовав. Знания полученные без переживания, бесполезны — вы не сможете их применить. Не тратьте время на страницы, этим вы лесу не поможете.

— А чем помогу?

— Не знаю. Я конюх, мое дело помочь вашей кобыле, если она сотрет подкову, например. А вы должны чувствовать, что нужно лесу, если вы действительно Хранитель. От нас никто ничего не скрывает, все здесь, — он неопределенно помахал у себя над головой. — Вам надо только научиться видеть. Если лес сам выбрал вас, а говорят, так оно и было, вы должны обладать этой способностью, — сказал он, провожая ребят из конюшни.

Сегодня Ян предпочел лошадь. Объясняя свой выбор тем, что Деи неплохо поучиться верховой езде, которой его обучали уже две недели.

— Я чего-то не понял, что этот дедок имеет против твоей образованности? — спросил Ян, когда они отошли от конюшни.

— Ничего, Ян, ничего, — задумчиво протянула Дея, — возможно, этот конюшенный философ и прав.

Когда они прибыли в лес, Дея выбрала местечко для шалаша, рядом с озером. Радостные русалки возвестили, что мастера, которых прислали привести в порядок ее дом, уже отстроили жертвенник.

— Мы должны приносить какие-то жертвы? — забеспокоилась Дея.

— Нет жертв мы не приносим, — успокоили ее Озерные девы. — Они полагаются тебе.

— В смысле?

— Идет человек по грибы да ягоды и подношение Хранителю несет. Кто баночку меду, кто сукно, кто хлеб и вино, некоторые

оставляют монеты, — поясняли девы.

Дею порадовал тот факт, что ей не придется сажать картошку, чтобы прокормить себя (конечно лишь в том случае, если народ перестанет бояться ходить в Синий лес). Но вот примет ли он ее. Нравоучения конюха немного подкосили ее и без того шаткую уверенность в свои силах.

— Не хочешь посмотреть, как идет реконструкция твоего жилища? — спросил Ян, отвлекая от гнетущих мыслей.

— Пожалуй, — протянула Дея.

Строительство было развернуто грандиозное. Трудилось сразу семь мастеров. Они уже отчистили весь фасад от мха. Все статуи, что украшали дом, оказались женскими, что Дею ничуть не удавило. А в паре аршин от дома, действительно установили небольшое, деревянное сооружение с навесом. Оно то, по-видимому, и станет служить жертвенником.

— И снова я буду жить за чет честных налогоплательщиков, — поделилась она своими мыслями с Яном.

— Может оно и так, но здесь ты сможешь принести реальную им пользу.

— Да, да, да, — отмахнулась Дея. — Пойдем шалаш строить тут работы еще на неделю, если не больше.

Ян спорить не стал и последовал за ней. Пока он сооружал ей укрытие от дождя и ветра, Дея сидела, прислонившись к дереву и пыталась изучать историю Хранителей. Но мысли девушки были прикованы к Владу и прочитанное в книге, проходило мимо ее сознания. Когда же она поймала себя на том, что третий раз читает один и тот же абзац, то наконец закрыла книгу. Ян к тому времени уже заканчивал накрывать шалашик еловыми лапами.

— Я хочу объехать лес, ты со мной? — спросила она.

Ян кивнул и пошел отвязывать свою лошадь.

Весь остаток дня Дея провела в изнурительных тренировках. Ян пытался передать ей свой небогатый опыт верховой езды. Учитель из него был неважный, но Дея предпочитала его самым лучшим наездникам Багорта. Ей не хотелось, чтобы люди видели ее несостоятельность в тех вещах, которым здесь сызмальства учат даже деревенскую ребятню. Она понимала — того, что ее избрал лес недостаточно, люди тоже должны поверить в нее, иначе они так и будут опасаться Синего леса, считая его диким и опасным.

Вечером изнуренные тренировками, они развели близ озера костер чтобы согреться и пожарить хлеб, захваченный Яном с кухни и собранные Деей грибы.

— Ты позволишь остаться сегодня с тобой? — с надеждой спросил Ян.

Дея ждала этого вопроса и все же оказалась не готова. Отказывать другу было непривычно, но она понимала, что стоит дать слабину один раз и может случиться непоправимое.

— Ян, — начала она, осторожно подбирая слова, — ты теперь Верховный Сагорт, твое место в замке. Ты в любой момент можешь понадобиться Мрамгору.

— Маюн найдет меня, если я буду нужен.

— Да, но она не должна этого делать. Ты приносил клятву и наше положение, обязывает поступаться собственными интересами, — настаивала Дея. — Ты на службе, не забывай об этом.

— Моя служба не обязывает меня ночевать в замке, — не отступался Ян.

Дея взяла его руку и погладила с нежностью.

— Ян, это не просто… Мы привыкли всегда быть вместе, но теперь мой дом — это лес, а твой — замок. Но мы оба служим Багорту и оба остаемся в столице, это уже не мало.

— Ты намекаешь, что теперь мы будем видеться реже? — с горечью произнес он.

— Да, но ты по-прежнему мой лучший друг. И я не хочу, чтобы ты пропускал из-за меня тренировки, поэтому завтра ты весь день посвятишь занятиям, — она пристально и строго посмотрела ему прямо в глаза. — И занеси пожалуйста в библиотеку эти книги, — она протянула ему узелок, — конюх прав — этим я лесу не помогу.

— Когда я снова тебя увижу? — спросил он, поднимаясь и привязывая узелок к седлу.

Дея пожала плечами и подняла на Яна глаза полные сожаления, а он наклонился и с силой сжав ее плечи проговорил:

— Ты гонишь меня от себя. Почему?

— Ты делаешь мне больно, — простонала Дея.

— А ты!? — вскричал Ян, и в этот момент на его голову обрушилась тяжелая еловая ветка.

Он упал рядом с костром, и Дея поспешно склонилась над ним, но Ян был в порядке.

— Все нормально, — буркнул он, отстраняя ее руки. Он смерил дерево недовольным взглядом, — по крайне мере, теперь я уверен, что тебя здесь хорошо охраняют.

— Ты думал, что мне могла здесь угрожать опасность? — усмехнулась Дея.

— Веда, что устроил всю эту канитель с нашим похищением, все еще не вычислили, забыла?

— Я не думаю, что он рискнет причинить мне вред на моей территории, — успокаивала друга Дея, хотя и понимала, что

не того Веда опасался Ян.

По правде сказать, Влада Дея и сама опасалась. А если быть точной, не самого Влада, а того, что он делал с ее неискушенным и горячим сердцем. Она уже решила для себя, что гордость ничего не будет значить, если она лишиться рассудка, пытаясь понять, что же с ним произошло. И надеялась только на то, что Ян не сделает по-своему и не станет искать завтра с ней встречи в лесу, потому что сама она собиралась отправиться на поиски Влада.

Глава 26

Падение

Падение

Утро следующего дня было холодным и пасмурным. Туман накрыл озеро и поглотил весь лес, словно пытаясь спрятать от какой-то напасти. Дея поежилась, вылезая из шалаша. Спину ломило от непривычной жесткости, одежда отсырела и очень хотелось есть. С трудом оживив еле тлеющие угли, она подложила хворосту в кострище и, повесив над огнем свое платье, отправилась купаться.

Озерная вода освежила и придала ей сил. Русалки обтерли ее губкой, которая оказалась живой, затем расчесали волосы и накормили водорослями с рыбой. Деи такой завтрак был непривычен, но пока это было единственное, чего имелось в достатке кроме, конечно, ягод и грибов.

Одежда пропиталась дымом, но была теплой. Утешало, что ее плащ всегда оставался в идеальном состоянии; не промокал, не мялся и источал тончайший аромат кувшинок. Дея закуталась в него как в броню и направилась к дому Влада.

Покинув свои владения, она выехала на огромное поле, края которого терялись в тумане. На небольшом расстоянии от леса, стояла тонкая одинокая березка. Она словно бы заблудилась в мареве, пытаясь выжить в этом бескрайнем просторе, не дотянув всего десяти аршин до дома. Она стояла продуваемая всеми ветрами беззащитная и обнаженная. Ветер содрал с ее чахлого тельца почти все листочки, и тонкие ветви никли к земле, слегка раскачиваясь.

Дея остановилась подле нее и прикоснулась к стволу. Дерево молчало, оно было одиноким, неприкаянным. Она вспомнила как жила в том прежнем мире, который считала домом и поняла вдруг, что Ян прав — там они были словно эта чахлая березка — без роду и племени, без поддержки и защиты, лишенные возможности свершить предназначенное.

Постояв у деревца еще немного, она двинулась дальше.

Как и в первое ее посещение усадьба Влада была сокрыта в тумане, но сегодня Дея заметила слабую точку желтоватого света у входной двери. Она прошла через незапертые ворота. Участок перед домом был не убран — дорожки устилала преждевременно слетевшая с деревьев листва, а под одним из дубов валялась пустая бутыль и потухший масляный фонарь.

Девушка прошуршала к входу в дом и постучала. Как и в прошлый раз никто не спустился. Она сделала еще одну попытку и снова ничего. Дея хотела было уже уйти и даже добрела до ограды, но оглянулась и задержала взгляд

на зажженном фонаре, что висел у входа.

«Как долго может гореть масляный фонарь? — подумала она. — Что если хозяин пришел в ночи, а фонарь забыл на входе?».

Она развернулась и поторопилась исполнить задуманное, пока ею опять не завладела нерешительность. Схватив фонарь, Дея толкнула дверь и зашла в дом. Хозяина она звать не стала, а направилась прямиком на второй этаж. Спальня была не заперта, через маленькую щелку пробивался холодный свет и доносился тяжелый, сладковатый запах.

«А вдруг он не один?» — мелькнула неприятная мысль.

Она тихонько постучала, но ответом ей вновь было молчание. Осторожно приоткрыв дверь и заглянув внутрь, она увидела комнату располосованную лучами утреннего света. Пылинки танцевали в этом свету, было тихо и умиротворенно, Влад лежал на кровати со сложенными на груди руками. Дея оробела то этой покойничьей позы и, превозмогая дрожь в коленях, ступила в комнату.

На полу у самой кровати лежал Пес, скорбно уложив лохматую голову на вытянутые лапы. Он скосил на девушку свои глаза-фонари, но головы не поднял, продолжая пребывать в странной апатии.

Медленно, стараясь не смотреть на Пса, Дея подошла к Владу. В нос опять ударил тяжелый запах терпких трав и чего-то приторно сладкого. Девушку охватил мистический ужас, но она нашла в себе силы склониться к лежащему.

Первое, что она испытала — облегчение. Вед был неестественно бледен, но его обнаженная грудь мерно вздымалась.

— Влад, — позвала его Дея, но он не отозвался и даже не шелохнулся.

Дея обессилив, опустилась в стоящее неподалеку от кровати кресло, поставив фонарь на колени.

«Что же мне теперь делать? — размышляла она. — Дождаться его пробуждения или уйти? Что он подумает, когда увидит меня здесь, что забытая им дурочка вознамерилась преследовать его?»

Но долго размышлять ей не пришлось. Снизу послышались торопливые шаги и настойчивый женский голос зовущий хозяина дома. Дея вскочила на ноги, да так и замерла, вцепившись обеими руками в фонарь, когда в спальню ворвалась взъерошенная Родмила.

— Что ты здесь делаешь? — бросила она Деи и, не дожидаясь ответа, кинулась к постели.

— То же самое могу спросить и тебя, — недовольно

отозвалась девушка, но Родмилу, похоже, ответ уже не интересовал.

— Как давно ты здесь? — спросила она, даже не оборачиваясь, а занимаясь осмотром спящего.

— Минут пять не больше, — отвечала опешившая Дея.

— Ты пришла, он уже был такой? — продолжала сыпать вопросами Родмила.

— Да-а-а, — протянула Дея, наблюдая как Родмила безжалостно трясет Влада за плечи.

Он же на это бесцеремонное обращение никак не реагировал. Тогда ведунья отвесила ему пару пощечин, но и тогда на его лице не дрогнул ни один мускул, лишь Пес вышел из своего оцепенения, угрожающе зарычав на чародейку. Но та цыкнула, и собака снова приняла прежний меланхолически-выжидательный вид. А Родмила кинулась в кабинет и принесла оттуда светящийся кристалл. Открыв двумя пальцами глаз Влада, она направила на него лучик света.

— Он не реагирует! — в ужасе констатировала Дея.

— Проклятье! — выругалась Родмила, швырнув кристалл о стену, — опять принялся за старое!

— Да, что случилось, можешь ты мне объяснить?! — не выдержав, закричала на девушку Дея.

— Ничего хорошего, — только и ответила та, копошась в шкафу Влада. — Скачи в замок и разыщи Гория, — давала она указания Деи, — пусть он возьмет все необходимое и немедленно едет сюда.

Дея смотрела в недоумении то на Влада, то на Родмилу, пытаясь удержать в трясущихся руках догоравший фонарь.

— Ну, что встала! — вскричала Родмила, выхватывая у нее фонарь. — Живее, у нас мало времени. Он вот-вот приставиться!

— Да что мне лекарю-то сказать? — спросила перепуганная Дея.

— Просто скажи, что это опять началось, — торопила ее Ведунья, выталкивая из спальни. — Да, и если встретишь Вайеса, не говори где была.

Озадаченная и насмерть перепуганная Дея припустила в замок. Ее неопытность в верховой езде подвела, когда она попыталась пустить лошадь в галоп, девушка не удержалась в седле и, упав, рассекла бровь. Шатаясь, она поднялась на ноги и, не обращая внимания на стекающую струйку крови, продолжила скачку.

Когда она добралась до ворот замка, сердце ее было готово выпрыгнуть из груди. Отдав Дорену первому встречному конюху и, не говоря ни слова, Дея побежала к лекарю. Не чуя ног,

девушка добралась до его рабочего кабинета, но там его не оказалось. Зато ассистент с коровьими глазами был на месте.

Как только он увидел задыхающуюся Дею с окровавленным лицом, то тут же вскочил из-за стола и стал усаживать ее в кресло, мимоходом наливая в стакан воду из графина. Дея одним глотком осушила стакан и сбивающимся, охрипшим голосом все же смогла объяснить, что помощь нужна не ей.

— Нужно срочно отыскать Гория, — хрипела она, — одному человеку необходима помощь.

— Но он сейчас на перевязках, — объяснил Еша.

— От того как скоро вы его приведете, зависит жизнь этого человека. Довериться он может только Горию, — настаивала Дея.

Еша не стал спорить и обещал привести лекаря с минуты на минуту. И о чудо! Сдержал слово. Горий ворвался в кабинет с той поспешностью, на какую только был способен и вопросительно уставился на Дею.

— Меня прислала Родмила. Она просит вас взять все самое необходимое и немедленно приехать в дом за городом. Говорит, это опять с ним началось и он… Он… — Дея не договорила, уронив лицо в ладони.

Лекарь выразительно и с чувством выругался, но принялся собираться, выкрикивая ассистенту указания. Тот метался по кабинету, скидывая в кожаный саквояж пузырьки и склянки, различные трубки и пинцеты.

Схватив под мышку собранный чемодан, Горий поспешил к выходу. Еша и Дея последовали за ним.

— Нет, вы остаетесь здесь и подготовите комнату, ту самую, что ты уже однажды готовил, — обратился он к ассистенту и тот согласно закивал. — Но только после того как ты сбегаешь в конюшни и накажешь приготовить мне скорую карету с носилками. Да и приведи в порядок нашу Госпожу, — бросил он Еше уже в дверях.

— Слушаюсь, — пискнул юноша и бросился исполнять указания.

Пока Дея ждала возвращения ассистента, время издевательски тянулось. Она не могла найти себе места, сначала мерила кабинет широкими шагами, потом села на стул, допив остатки воды прямо из графина и опустила голову на стол, кропя слезами гориевские бумаги.

Деи казалось, прошла вечность, прежде чем вернулся Еша.

— Идем готовить комнату? — спросила она, вскакивая из-за стола, когда он вошел.

— Это мы успеем, — ответил Еша, отчего-то краснея, — сначала я должен обработать вшу рану.

— Да плесень с ней! — отмахнулась Дея, — идемте лучше займемся делом.

Но юноша с коровьими глазами и пунцовыми щеками был на удивление непреклонен.

— Поверьте, Госпожа, это не займет много времени. Я только смою кровь и обработаю рану.

— Ну, хорошо, — сдалась Дея, — только быстро.

Юноша осторожно смыл влажной губкой засохшую кровь, а затем, разведя розоватую эссенцию в мисочке, стал пропитывать ею Деину рану. Раствор ужасно щипал, и она попыталась отстранить юного лекаря, но он отвел ее руку, подув на рану.

— Потерпите, Госпожа, — попросил он, — иначе останется шрам.

— Плевать, — отрезала она и встала со стула, — идемте уже.

Еша глубоко вздохнул, но отставил мисочку со жгучим раствором и повел Дею, готовить комнату. Сначала они зашли в прачечную и взяли стопку чистого белья, а потом уже направились в больничное крыло. Там они взяли у сестры корзину с различными медицинскими принадлежностями, но вместо того чтобы зайти в одну из свободных палат, Еша повел ее в уже знакомый Деи коридор с витражными окнами.

— А почему мы не приготовили одну из палат в больничном крыле? — поинтересовалась она.

— Я думал вам виднее, — удивился Еша, — вы ведь в отличие от меня знаете, к кому сорвался лекарь Горий.

Когда они прошли в конец коридора, он достал ключ и отодвинул тяжелую шпалеру, за которой оказалась дверь. Дею поразило, что стены в сокрытой комнате были с полметра толщиной и сплошь увешаны коврами. Удивило девушку и то, что в помещении отсутствовали окна. Но еще чуднее была кровать: низкая и с какими-то ремешками. Дея заозиралась по сторонам, но больше не обнаружила ничего подозрительного и принялась заправлять кровать. Еша расставлял на тумбочке непонятные приспособления и пузырьки с растворами. Потом он отодвинул одну из шпалер и скрылся за ней. Через минуту зажурчала вода и вскоре ассистент вышел с наполненным кувшином.

— Здесь есть еще одно помещение? — спросила Дея.

— Уборная, — пояснил Еша

— Окна тоже спрятаны за шпалерами?

— Нет, окон здесь нет вообще.

Дея решила ничему не удивляться, ведь если эта комната предназначалась Владу, она и должна быть странной. Хотя его собственный дом по меркам Мрамгора не особенно выделялся, хоть и был несколько мрачен и вычурен.

Подготовка палаты действительно не заняла у них много времени и почти час проведенный в ожидании, чуть не свел Дею с ума. Но, наконец, раздался долгожданный стук в дверь, и Еша поспешил отворить ее, впуская Родмилу и какого-то крепкого парня с носилками. Тело, что неподвижно лежало на них было с головой накрыто простыней. У Деи перехватило дыхание. Еша помог крепкому носильщику переложить пациента на кровать, и тот тут же удалился.

— Уже разместили? — заметил лекарь, входя в палату, сразу после того как ее покинул носильщик. — Можешь идти Еша, — приказал он.

— Но я мог бы вам пригодиться, — начал, было, юноша, но лекарь прервал его.

— Нет, мне поможет Родмила. Ступай.

И ассистент послушно удалился.

— Вам тоже лучше уйти, — обратился он к Деи. Но девушка не сразу поняла, что он обращался к ней. Не привычно было слышать от грубоватого лекаря «вы». — Дея, вам не зачем это видеть.

— Нет, я хотела бы остаться, — настояла она.

— Как знаете, — бросил лекарь, принимаясь раскручивать длинные трубки и вынимать из футляра золотые иголочки.

Родмила взяла у него иглы и, побросав их в жестяную посудину, залила спиртом, а затем подожгла. Когда они остыли, Ведунья насадила одну из них на трубочку и Дея подумала о капельнице, но все оказалось еще более неприглядно. Горий разводил пурпурный раствор с тошнотворным запахом.

— Если и это не приведет его в чувства, можешь попрощаться с ним, — тихо сказал он Родмиле, но Дея тоже это расслышала и с такой силой сжала кулачки, что из ладоней засочилась кровь.

Родмила откинула покрывало и воткнула иглу в вену на руке Влада. Лекарь приготовил свой омерзительный раствор и уже поднес стакан к губам, но Веда опустила руку на ему на плече и попросила:

— Можно я?

— Пожалуйста, — ответил лекарь и отдал девушки стакан.

Та даже не поморщившись, отпила треть и, взяв в рот трубочку, впрыснула раствор в вену. После второго подхода ее вырвало, и оставшуюся эссенцию вводил уже Горий.

Дею тоже мутило, но она оперлась о стену и, прикрыв ладонью рот, ждала, когда подействует лекарство.

Минут через десять по телу Веда пробежала судорога, и Горий похлопал его по щекам. Ониксовые глаза открылись, и Дея отшатнулась, вжавшись в дверь. Взгляд его был бесцельно-

блуждающим и абсолютно бессмысленным. Наконец, он остановился на Родмиле.

— О-о-о, — протянул Влад незнакомым слабым голосом, — Розочка, мой нежный цветочек, ты всегда была так добродетельна.

Родмила смотрела на него укоризненно.

— Жалеешь, что не удалось сделать меня таким же? — прошептал он и отвратительно рассмеялся.

— Сколько? — спросил Горий.

— Двадцать, — проронил Вед безразлично.

— Твою же мать, Влад! — не сдержался лекарь.

— Ей сейчас немного не до этого, — равнодушно ответил он.

— Зачем? — прошелестела упавшим голосом Родмила.

— Не зачем, а почему, — пояснил Вед и его охватил дикий, безудержный смех. — Если счастье не доступно, буду искать наслаждений, — прохрипел он.

— Не боишься в своих поисках, пасть слишком низко? — с отвращением бросила Родмила.

— Может я этого и хочу.

Дея так и стояла, вжавшись в дверь. Влад был чудовищен. Она почувствовала, как по щекам покатались слезы и уже хотела выбежать вон, но тут он заметил и ее присутствие. Деи показалось, что в этот миг ее саму затыкали иголками и по прозрачным трубочкам в нее втекает этот черный, мертвый взгляд.

— Какой чудесный сон, — простонал Влад, — идите все вон! Оставьте меня с моими миражами.

— Это не видение, идиот, — рявкнул Горий и воткнул ему в руку очередную иглу.

Влад встрепенулся, попытался поднять голову и даже сосредоточить свой взгляд. На секунду Деи даже показалось, что он стал осмысленным, но это было лишь мгновение. Глаза его снова потухли, а голова безвольно упала на подушку.

— Что с ним? — вскрикнула она, зажимая ладонями рот.

— Ступайте к себе, Дея, — попросил ее Горий, так мягко, как только мог, — опасность миновала. Сходите, подкрепитесь и как следует выспитесь, у вас сегодня будет тяжелая ночь.

— Я сама справлюсь, — огрызнулась Родмила, — она тут совершенно ни к чему.

— Справишься, справишься, — бросил лекарь, — до ночи, а потом с ним посидит Дея.

— Но… — начала было Родмила.

— Никаких «но»! — отрезал Горий, — мне нужно, чтобы за ним неустанно наблюдали и день и ночь. Если с Владом что-

нибудь случиться когда тебя сморит сон, его отец с меня семь шкур сдерет!

Покинув палату Дея на негнущихся ногах, дошла до своих комнат. Все ее действия походили на какое-то обывательское подчинение, как бывает, когда фокусник просит выйти вас из толпы зевак, и вы выходите и делаете все, что он велит. Вот и сейчас Дея словно марионетка подчиненная воле Гория переоделась и спустилась на кухню, чтобы попросить немного еды с собой.

Сердобольная тетушка Ведара собрала своей ягодке, целый узелок вкусностей и еще долго сетовала, что теперь некому будет помогать ей с фруктами. Но Дея слушала ее в пол уха, слух вообще будто бы отключился за ненадобностью. Вся она сосредоточилась на одной маленькой точке в своем организме. Эта точка натужно работала из последних сил, казалось, ее обматывают толстыми, шершавыми жгутами и стискивают, давят, а она старается не лопнуть, продолжая отбивать не вполне стройный ритм. И пока Дея отчаянно пыталась справиться с подступающей дурнотой, Ведара без умолку болтала, суетясь вокруг нее.

— Но как это поразительно, — щебетала она, подливая Деи горячего чая, — моя ягодка выбрана Синем лесом в Хранители! Ну, что за невероятная история. А я-то думала, что это слухи, которые распускают трепливые поломойки.

— Нет, тетушка, не слухи. И мне, если честно, пора в лес, — извиняясь, проговорила Дея, вставая из-за стола.

— Конечно, конечно, моя Госпожа, долг зовет, но ты заходи иногда к старухе Ведаре за пирогами и сыром.

— Обязательно, — постаралась улыбнуться Дея, — после того завтрака, которым меня накормили мои Озерные прелестницы, ваша еда не просто великолепна, она кажется мне амброзией.

Ведара прослезилась и, наконец, отпустила свою ягодку. Дея забрала из конюшни Дорену и направилась в лес.

Два вопроса не давали ей покоя: с чего она решила, что Влад круглая сирота? И что за грозным персонажем был отец Веда, если его гнева опасался сам Горий.

Но найти ответа на эти вопросы Дея так и не смогла. Всю дорогу до леса ее преследовал образ Влада, его жуткий бессмысленный взгляд и безумный хохот. Она уже догадывалась, что за напасть с ним приключилась, но не знала, как должна была к этому относиться. Если бы на его месте оказался кто-то другой она, скорее всего, осудила бы его. Но судить Влада было сложно. И потом в голове занозой застряли его слова — «не зачем, а почему».

«Действительно почему? — думала Дея. — Почему же он это делал? Он — величайший ум, гений можно сказать и столь низменная слабость». И все же это была его слабость и Дея не могла относиться к ней однозначно.

По прибытии в лес она обошла те места, где еще не бывала — окраины близ гранитного пласта. Там лес был в менее плачевном состоянии и все же многие ручейки пересохли, а ветви деревьев сходились так плотно, что зайти в лес с этой стороны было почти невозможно. Даже солнечному свету пробиваться сквозь лиственную шапку было сложно, поэтому деревья начинали медленно увядать. Хилые ели растопырили во все стороны свои тонкие иссохшие ветки, словно шипы.

«Что же я должна предпринять, чтобы лес позволил хотя бы солнцу проникнуть в его пределы?» — размышляла Дея, только теперь понимая, что она должна не только людей убедить в том, что с ее приходом лес станет безопасным, но и сам лес уверить, что в ее присутствии никто не осмелиться навредить ему. Но как это сделать она пока не знала, все ее мысли были заняты проклятым Ведом.

Как бы отвратителен он не был, а покидать больного она все же не хотела, но ей нужно было вернуться сюда на день, ведь эту, а быть может и следующую ночь, она проведет в замке, и что-то подсказывало Деи, что это будет не лучшая ночь в ее жизни. Ей предстояло узнать другого Влада. Она уже поняла, что он заносчивый, самоуверенный и при этом невероятно тонкий и даже романтичный, но, что он может быть настолько чудовищным она и не подозревала. Хотя сейчас, теневая сторона его души пугала девушку не так, как несколько часов назад. В конце концов, в этом был весь Влад — ироничный, противоречивый Вед. И эта его ирония позволяла ему смело сопоставлять и уравнивать возвышенное и низменное, трагическое и комичное, реальное и эфемерное. Он походил для нее на сказочного принца, которого необходимо извлечь из стеклянного кокона. Но она подозревала, что в этой сказке нет никаких гарантий, что он снова в него не попадет.

Угнетаемая этим мыслями она пораньше вернулась в замок, чтобы поспать в теплой постели перед своей ночной вахтой. Не прошло и трех часов как она завернулась в мягкое одеяло, и ее разбудил стук в дверь — пришла Родмила.

— Проходи, — сонно пробормотала Дея, — я сейчас оденусь.

Веда зашла и села на диван в каминной, а Дея ушла одеваться в спальню. Когда девушка вышла, Родмила смерила ее презрительным взглядом.

— Чем я тебе не угодила? — спросила Дея холодно. — Ты

на меня так смотришь, будто я у тебя кусок пирога отхватила?

— Кусок пирога?! — с возмущением вопрошала Родмила. — Да ты у меня кое-что посущественней украсть пытаешься!

Дея ошарашено посмотрела на раскрасневшуюся Ведунью и только теперь поняла, что она была Владу не просто другом.

— Ты думала, он увлекся тобой? — продолжала Родмила. — Может оно и так. Но знай, никто не задерживался подле него дольше недели. А сколько таких птичек как ты всего было, уже и не упомнишь. Он и имен то их не запоминал, просто звал всех пташками, чтобы не путаться.

— Значит, он никогда не был один, — констатировала Дея, чувствуя, как из нее стремительно вытекают жизненные силы.

— Он всегда один, — с поразительной болью произнесла Родмила. — Никто не в силах заполнить пустоту в его сердце.

— Даже ты? — спросила Дея с ноткой сарказма в голосе. — Ведь твоя неделя уже истекла, а ты все еще при нем.

— Моя неделя растянулась на три года, — с чувством превосходства ответила Родмила и усмехнулась, посмотрев на соперницу.

— И как же тебе удалось не наскучит ему? — с издевкой спросила Дея. — Может, ты все же знаешь, чем наполнить его пустое сердце?

Настроение Родмилы поразительно быстро менялось. Она уже не казалась такой уверенной и озлобленной как минуту назад. Уставившись куда-то вдаль, она заговорила:

— Иногда мне кажется, что вакуум не в его сердце, а там, где оно должно быть. Поверь, его неспроста назвали «мраморным».

— И все же, ты сумела задержаться подле него дольше других.

— Просто я никогда и ничего от него не требовала, — продолжала говорить Родмила не с Деей, а сама с собой, — я благодарно принимала столько внимания, сколько он мог мне дать.

— Внимания? — изумилась Дея, — не любви?

— Я не дурочка, — Ведунья, наконец, посмотрела на соперницу в упор, — и тебе советую не обольщаться. Любить, по крайне, мере как прочие, Влад не умеет. Он может быть галантен, внимателен и даже ласков, но не путай это с любовью. Ты всего лишь его маленькое увлечение, но это скоро пройдет, и он снова станет моим.

— Сомневаюсь, что Влад может тебе принадлежать, если он только галантен с тобой, — ответила ей Дея, направляясь к дверям.

— Он может быть не только галантным, но и неприятным, —

бросила Родмила, уже скрывающейся за дверью Деи. — Не отвязывай его. Он захочет сбежать и тогда наша спасательная операция будет бессмысленной.

Дея поняла, что имела в виду подружка Влада, когда зашла в палату. Больной лежал на кровати, уставившись в потолок, его руки и ноги были пристегнуты ремнями, что опоясывали борт койки. Горий возился со склянками. Эта сцена напомнила Деи кинокартины о концлагерях, и она содрогнулась.

— А, вы пришли, — обрадовался лекарь, — надеюсь, вы поспали хоть немного?

— Да.

— Я оставляю его на вас, но если он изъявит желание посетить уборную, разбудите меня. И заклинаю, не покупайтесь на его уловки и не расстегивайте ремни, — добавил он шепотом. — В прошлый раз он сбежал, и мы не могли найти его целый месяц. А когда все же отыскали, он был так изможден, что лечился все лето.

Дея сглотнула и согласно кивнула.

— Вот и отлично. Через пару часов к вам заглянет Еша и принесет бодрящий чай и чего-нибудь перекусить.

— Я справлюсь, — заверила его Дея, хотя сама не была в этом уверена, — идите отдыхать.

— Ты уверена? — спросил Влад своим обычным меланхоличным тоном, когда за лекарем закрылась дверь.

— Нет, — ответила Дея честно, — не уверена, но я надеюсь, что ты не станешь меня испытывать. Ведь когда результат известен, игра теряет остроту, не так ли?

Влад тяжело вздохнул, продолжая разглядывать кладку на потолке. Дея поняла, что диалога не выйдет и устроилась в кресло, с принесенными из библиотеки принадлежностями для письма.

Влад так ни разу и не обернулся, пока Дея старательно водила по бумаге пером, пытаясь вспомнить те навыки черчения, что сумела пробрести в интернате. Наконец рисунок был готов, и она отложила листок в сторону.

— Ты пытаешься прочесть свою судьбу по кладке кирпичей на потолке? — обратилась она к Владу, не в силах больше выносить угнетающую тишину.

— Нет, — коротко ответил он.

Дея поняла, что к беседе Вед не расположен, и все же немного помедлив, она спросила дрогнувшим голосом.

— Почему ты не пришел на назначенную встречу?

— Не смог.

Выспрашивать было унизительно, но Дею ужасно подавляла

недосказанность между ними.

— Я заходила к тебе домой, но тебя там не оказалось, — продолжила она все тем же дрожащим голосом.

— Решил прогуляться, — неоднозначно ответил Влад.

— В дождь?

— Чем тебе не угодил дождь?

— Да, в общем, не чем, — растерянно пробормотала Дея, — просто для прогулок обычно выбираю погожие деньки.

— Не терплю однообразия, — отозвался Влад, по-прежнему не смотря на нее. — Даже вечная безоблачность утомляет, моя пташка.

Каждое сказанное им слово было гвоздем вбитым в ее сердце, а от последнего Дею чуть не перекосило, но она все же попыталась поддержать разговор, не смотря на то, что он не был приятным.

— К сожалению, у меня не было возможности проверить эту теорию. Там, откуда я прибыла, солнце жаловало меня не часто, в отличие от дождей.

— Я имел в виду климат иного рода, — пояснил Влад бесцветным голосом.

Он с поразительным упорством делал их разговор невыносим, и все Деины силы ушли на то, чтобы сдержать себя в руках и не расплакаться. Она перестала искать темы для беседы и снова принялась выводить рисунки на бумаге. Так они и просидели в полной тишине, пока не пришел Еша. Дея вышла к нему, чтобы принять поднос с чаем и рогаликами.

— Как он? — спросил ассистент.

— Угрюмо, — коротко ответила девушка.

От юного лекаря не укрылась Деина подавленность и он попытался ее утешить.

— Когда человек болен, он, как правило, угрюм. Но когда ему станет лучше, это пройдет.

— Боюсь, ему может и не стать лучше. По-моему, он болен душою.

Еша не нашел, что на это сказать и просто протянул Деи поднос.

— Спасибо, — поблагодарила она и скрылась за дверью.

Когда девушка зашла в палату, то чуть было не выронила свой ужин. Пристальный взгляд, в котором сквозила злоба и любопытство, был направлен на нее словно дуло пистолета.

— Что за орудия пыток ты тут понарисовала? — спросил Влад, щуря ожившие глаза.

— Орудия пыток — это то, чем тебя силились оживить, — ответила Дея, ставя на тумбочку поднос. — Причем пытку в этот

момент испытывают именно те, кто пытается помочь.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока Родмила впрыскивала тебе в вены этот омерзительный раствор, ее стошнило. Я всего лишь хочу облегчить жизнь врачевателей. Ваши методы работы… Как бы это помягче сказать. Несовершенны.

— А ты, значит, знаешь более совершенные методы?

— Представь себе, — с достоинством ответила Дея, и налив себе чаю, уселась в кресло.

— Объясни, как эти приспособления облегчат впрыскивания, — попросил Влад.

Дея отрицательно покачала головой.

— Объясни! — потребовал он, раздражаясь.

— Рогалик хочешь? — спросила Дея, издевательски улыбнувшись.

В бешенстве Влад рванулся вперед, но ремни приковывали его к лежанке, лишая возможности пошевелить даже кистью. Его буквально лихорадило от гнева на нее, но Дею это порадовало. Она улыбнулась и больше не чувствовала себя незначительной пташкой.

— Тебе нравиться видеть меня жалким? — прохрипел Влад.

— Нет, мне нравилось смотреть на твое величие.

— Что же ты тогда здесь делаешь?

— Я не испытываю к тебе жалости. Ты сейчас скорее неприятен, но и это меня больше не трогает. Ты слишком неоднозначен и не мог быть лишь тем, кого разыгрывал в начале нашего знакомства. А нянчусь я с тобой потому, что хочу знать, каким еще ты можешь быть.

— Зачем? — спросил он, кривя рот.

— Ты интересен мне любой.

Деи отчего-то стало легко признаться ему в этом. Может потому, что за ширмой ядовитой колкости проглядывалась боль? И ей действительно не было его жаль. Она наслаждалось тем, что могла увеличить эту боль во сто крат, если бы только захотела.

— Я интересен почти всем, — вяло напомнил он ей.

— Да, но не такой как сейчас, — отвечала она, улыбаясь и приподнимая бровь, — такой, ты им противен. Всем, за исключением меня.

— Только не говори, что безвольный и не вполне вменяемый, я особенно симпатичен, — со злобой выплюнул Влад.

— Может в таком амплуа ты и непривлекателен, но я не осуждаю тебя. Я пытаюсь понять, почему величайший ум Мрамгора прибегает к столь тривиальным способам ухода от действительности? — говорила она вкрадчиво. — Что должно

было произойти, чтобы «мраморный» Влад сорвался? Я не верю, что все это только ради удовольствия. Ведь ты сама сдержанность, твоей выдержке можно только позавидовать, а люди, которые балуются этой дрянью постоянно, не могут похвастать такими же качествами. Я задаюсь вопросом, а что бы сотворила с собой я, постигни меня столь же сильное потрясение?

Влад отвернулся от нее, пряча глаза, но Дея не дала ему поблажки. Она встала и медленно подойдя, склонись над ним, смотря в упор.

— Как думаешь, Влад, я сделала бы на твоем месте то же самое? Или я просто повесилась бы на ближайшей сосне в собственном лесу?

Она сощурила глаза и наклонилась так близко, что ее кончик носа соприкоснулся с его лицом. Влад сглотнул, но взгляда не отвел. Он смотрел на нее без злобы и надменности, без пафоса или едкости, а как раньше — глубоким, заставляющим поежиться взглядом. Во всем его образе проступала какая-то драматичная рельефность и на этот раз отвернулась уже сама Дея. Отвернусь потому что испугалась, что под действием этого взгляда ее злость развеется, и она снова превратиться в слюнявую куклу.

Остаток ночи они молчали, а затем под утро, когда Влад, наконец, перестал гипнотизировать потолок и заснул, пришла Родмила и сменила Дею. Уходя, она коротко взглянула на расслабленное лицо с приоткрытым ртом. Во сне Влад казался значительно моложе, наверное, потому что складка у переносицы разглаживалась, а обремененные знанием и опытом, совсем не юные глаза, прятались за веками.

Дея чувствовала себя разбитой и опустошенной и прежде чем вернуться в лес решила поспать. Не к чему заявляться туда в таком подавленном состоянии, решила она, ведь ей предстояло убедить лес в ее состоятельности как защитника, а в данный момент она сама нуждалась в поддержке. Особенно остро ощущалась потеря единственного друга. Деи казалось, будто у нее ампутировали, что-то жизненно необходимое. Ей не хватало человека, с которым можно было поделиться самым сокровенным, не хватало как воздуха. Она всегда воспринимала присутствие Яна в ее жизни, как нечто само собой разумеющееся, а теперь его не было рядом и все потому, что она сама вынуждена была гнать его от себя. Теперь, даже если они находились в непосредственной близости, то словно бы стояли на разных берегах быстротечной речки, что уносила все то, к чему они так привыкли.

Мягкая уютная перина расслабила Дею и она погрузилась в спасительный сон без сновидений. Проснулась она уже после

обеда и прежде, чем отправиться обратно в лес, зашла к лекарю.

Двери ей открыл ассистент, сам же хозяин кабинета сидел за столом и перебирал бумаги, подпирая тяжелую голову рукой.

— А это вы, Дея, — он поднял глаза, и девушка обратила внимание, что под ними у Гория залегли тени.

— Я только хотела занести вам это, — сказала она, кладя на стол свои зарисовки.

— Что это? — спросил озадаченный лекарь, разглядывая листки.

— Это чертежи врачебных принадлежностей, которые позволят вам облегчить некоторые процедуры. Вот это — шприц, — она указала на первый рисунок, — я думаю, у наших мастеров хватит ловкости соорудить его из металла, а колба может быть стеклянной.

И Дея подробно объяснила, как пользоваться шприцем. Затем она обратила внимание на второй лист, где изображалась капельница. Также последовало подробное объяснение, как и зачем ее использовать.

Пока Дея раскрывала Горию секреты медицины, Еша стоял рядом, переводя восхищенные взгляды с рассказчицы на занятные картинки и обратно. Сложно было понять, что потрясло его больше — удивительные приборы или то, с каким знанием дела рассказывала о них Дея. Гория же познания Деи ничуть не поражали, он внимательно слушал, делая на листках с чертежами свои заметки, а затем поблагодарил девушку за неоценимый вклад в медицину и даже предложил чаю, чем крайне ее удивил. От чая она отказалась, решив, что лучше навестит Ведару и, сославшись на то, что ей пора в лес, попрощалась.

Глава 27
Притязания Хранителей

Притязания Хранителей

Для Деи Синий лес и Вед показавший его, сплелись причудливым образом в нечто неразрывное. Этот юноша оставил свой след не только в ее сердце, но и в ее новообретенном доме. Словно сотни нитей пробегали по извилистым тропкам, его маршруты. Она знала, что Влад был здесь частым гостем и, проходя по той или иной дорожке, не могла не думать, а не ступал ли здесь когда-то и он?

Первые дни многовековой лес ассоциировался у нее с янтарными, солнечными переливами, все воспоминания об этом месте сверкали, окрашиваясь в благородные охристые оттенки. Золото солнвейсов, легонько раскачивающиеся на ветру, стало для Деи олицетворением любви. Позже она узнала, что таинственные, загадочные цветы прятались, напившись солнечного света в подземные лабиринты, что тянулись по всей территории ее новых владений. Тщательно скрываемые, они позволили лесным обитателям выжить в тяжелые времена.

Леший водил ее по тайным ходам, и Дея погруженная в свои мысли, плыла в медовом тумане, вдыхая запах земли и сладковатый аромат цветов свисающих с потолка, словно золотые люстры. Некий оттенок горьковатой лиричности был во всем их образе, наверное потому что эти цветы навсегда связались в ее памяти с трогательным, чутким и романтичным героем, которого она, как ей до сегодняшнего дня казалось, знала.

Входов и выходов из ее подземного царства было великое множество. Один из них устроили у самого ее дома, и выводил он к одинокой березе, той, что оторвалась от своих сестер и росла в поле неподалеку от леса. Когда Дея исчезла на глазах пятерых каменщиков в сопровождении лешего, мужчины застыли в благоговейном страхе и, побросав лопаты и стамески, кинулись в город, рассказывать о магических способностях новой Хранительницы.

Слухи в Мрамгоре распространялись с феноменальной скоростью. Жители и без того уже довольно бурно обсуждали тот факт, что лес выбрал приезжую. Одни считали, что Дея и есть пропавший ребенок Ладгальд, другие утверждали, будто она самозванка похитившая реликвии Озерных дев и принудившая их подчиниться своей воле. Так или иначе, народ будоражила эта новость, а масло подливаемое в огонь новыми сплетнями могло только распалить любопытство багортцев. Но на это и рассчитывала юная Хранительница. Она хотела заставить

жителей, потянуться в лес, и любопытство казалось ей не таким уж плохим стимулом.

Именно по этой причине Дея не желала показываться на людях, ведь увидеть воочию саму белую Госпожу, рано или поздно захочет каждый житель Мрамгора, если она не будет беспрестанно мелькать у них перед глазами. В замок же она решила приезжать теперь в своем простом шерстяном плаще, чтобы оставаться все той же Деей — сборщицей урожая и подругой их нового Верховного Сагорта. Но попытка оставить свою яркую персону в тени, была предпринята девушкой слишком поздно. Она уже показалась в замке в истинном облике Хранителя, и озабоченность народа ее персоной достигла своего пика, вылившись в желание Хранителей, засвидетельствовать ее право на звание Госпожи Синего леса. И пока юная Дея горячила лошадь, чтобы успеть сменить Родмиу на ее посту, Вайеса одолевали Хранители Мрамгора, требуя проведения официальной церемонии.

Их повозки заполонили весь подъезд, не позволяя проехать к конюшням. Спешившись Дея, повела Дорену под уздцы.

— Что здесь сегодня за мероприятие? — поинтересовалась она у пожилого конюха, что недавно читал ей нравоучения.

— По вашу душу, Госпожа, гости прибыли, — отвечал он, лузгая семечки, — официальности требуют.

— Почему не прибыли ко мне? — удивилась девушка, — зачем осаждать замок, да еще по ночам?

— Может, потому что они вас пока не признают, — предположил конюх, — вот и досаждают властьимущего. Хотят у него справедливости добиться.

— Глупо, — Дея пожала плечами, — справедливости одной на всех не бывает. Да и в этом деле он им не поможет.

— А вы?

— А я не стану тратить на них свое время.

— Вас не интересует тот факт, что они оспаривают ваши права?

— Нет.

Конюх пристально посмотрел на Дею как-то по-новому с любопытством.

— Многие из тех, кто выступает против Вашей милости, пытались занять то место, которое вам так легко, по их мнению досталось. И они очень серьезно настроены. Это вас не пугает?

— Явись они со своими претензиями ко мне, то сэкономили бы кучу времени как своего, так и Верховного Хранителя. Но, судя по их поведению, они больше любят создавать видимость работы и словоблудить в шикарных залах,

нежели докапываться до правды и заниматься своими прямыми обязанностями. Я не нуждаюсь в их признании. А оспорить мои права, ни у одного из них силы не хватит.

— Вы изменились с нашей последней встречи, Госпожа. В вас появилась жесткость и еще злость. Не думаю, что вы в серьез осерчали на Хранителей, ту что-то другое, но это уже не мое дело. Важно лишь то, что злость для вас — хороший стимул стать кем-то большим.

Дея смерила старика высокомерным взглядом и, протянув ему поводья, шепнула.

— Не уверена, что злость — хороший стимул.

— Как знать… Если вы научитесь обращать слабость в силу, это может сыграть вам на руку. Я верю в вас, Госпожа, — прокричал ей в след конюх, — теперь я вижу, что Синий лес не ошибся в выборе.

Дея улыбнулась. Это было началом. Ей не нужно было признание других Хранителей, рано или поздно они сами все увидят. Ей нужны были простые люди — крестьяне и горожане, что ходят в лес за его многочисленными дарами, путники, что могли бы найти ночлег в ее лесу и молодые юноши, которые пленялись бы красотой Озерных дев. Она хотела, чтобы лес жил и процветал как раньше, приносил пользу Багорту, а не являлся местом, что упоминают в детских страшилках.

Не желая попадаться Хранителям на глаза, Дея прошла кружным путем до заветного гобелена в витражном коридоре. Отодвинув его, она постучала. Ей открыли почти сразу. Войдя внутрь, она приятно удивилась тому, что Влад выглядел вполне здоровым и сидел на кровати одетый. В руках он вертел что-то маленькое и блестящее.

— Это твоя работа? — спросил он как всегда без приветствия.

И тут Дея разглядела предмет в его руках — металлический шприц со стеклянной колбой, кубов на пять. Такими пользовались там, откуда она прибыла, пока не изобрели пластик.

— Нет, это работа мастеров Мрамгора и очень хорошая работа, — дала она свою оценку, беря в руки инструмент. — Не ожидала, что они так быстро справятся.

— Этот прибор сделали по тем чертежам, что ты вчера нарисовала? — снова спросил Влад, продолжая полировать ее своим взглядом.

— Да.

Он покивал головой, как бы соглашаясь со своими мыслями, затем положил шприц на тумбочку, а сам встал и потянулся к накидке.

— Подожди меня снаружи, — обратился он уже к Родмиле,

и та покорно выполнила его просьбу, скрываясь за дверью.

— Ты уходишь? — удивилась Дея.

— Да.

— Не можешь усидеть на месте, чтобы долечиться?

— Я привык всегда быть в пути, — ответил он пространно.

— Куда же ты держишь путь на этот раз? — не смогла не спросить Дея.

— Туда же куда и все прочие — на тот свет. Хотя в моем случае это скорее тьма.

— Твое декадентское настроение наводит меня на мысль, что ты скоро снова окажешься в этой комнате.

— Нет, этого я делать не стану. Какое-то время, — добавил он, слегка улыбнувшись одними губами.

— Что именно — принимать по двадцать капель за раз или же попадаться в заботливые руки, пытающиеся оттянуть твой уход во тьму?

Он ухмыльнулся и заговорил совсем о другом.

— Поговаривают, что ты вошла в свои права, Госпожа? — спросил он, подходя к ней близко-близко. — Не позволяй никому навесить на тебя ярлык добродетели. Люди скорее станут превозносить забулдыгу, сумевшего бросить пить, нежели простят разочаровавшего их кумира. Герои должны быть непогрешимы. Помни об этом, иначе впадешь в немилость, — добавил он, направляясь к дверям.

— Я и без того уже в немилости. А изображать того, кем я не являюсь не в моих правилах.

Он учтиво поклонился ей и вышел в коридор, так и оставив Дею без ответа на самый мучительный вопрос — что же такое было между ними до прогулки в Синем лесу?

Прежде чем дверь за Владом захлопнулась, ей казалось она блуждает в сумерках, теперь же, когда он ушел с Родмилой, на нее спустилась непроглядная ночь. Дея должна была вернуться в лес, но у нее не хватало на это сил. За последние недели все ее жизненные догматы порушились, и она все чаще чувствовала себя хрупкой и незащищенной. Ей казалось, будто она снова становилась несмышленым ребенком, вынужденным заново изучать саму себя и мир вокруг нее, потому как все, что она знала прежде, оказалось ложным или просто разрушилось как песочный замок сметаемый ураганом.

Зная, что поступает ужасно эгоистично, она направилась искать Яна. Он оказался у себя и уже готовился ко сну, когда она постучала. С влажными волосами и в халате, который с трудом сходился на его могучем теле, он отворил дверь и, не сумев сдержать неожиданной радости, схватил Дею в охапку, чуть было

не переломав ей все кости.

— Эй, полегче, — прохрипела зажатая в тески девушка, — ты меня сломаешь.

— Извини, Дея, извини, — лепетал он, — я не знал… не ждал… я думал… точнее не думал, что ты придешь. Что сама придешь.

Дея потрепала его волосы, так же, как делала это раньше, а потом уселась на диван, подобрав ноги.

— Я разведу огонь, — сказал он, принимаясь хлопотать у камина, — как же здорово, что ты пришла. Ты не представляешь, что тут твориться. Все сообщество Хранителей с ума посходило.

— В самом деле? — протянула Дея, делая вид, что не в курсе последних событий.

— Ага, и причиной этих шатаний в наших кругах стала ты, — говорил он так, будто раскрывал ей строжайшую тайну.

— Серьезно? — спросила Дея, с трудом сдерживая улыбку.

— Да, и в этом всем нет абсолютно ничего смешного. Хранители разбились на два лагеря: одни утверждают, что ты особенная раз лес сам инициировал тебя как во времена первых Хранителей. Другие же настаивают на том, что ты самозванка. Даже наши с Вайесом и Горием свидетельства не могут убедить добрую половину лесных Хранителей в том, что ты потомок Ладгальд.

— Я догадываюсь, в чем кроется причина их негодования, — вяло произнесла Дея, стараясь всем видом показать, что тема ей не интересна.

— И в чем же?

— Треть из тех Хранителей, что оспаривают мои права, сама безуспешно пыталась занять это место.

— Дея, ты должна пройти инициацию.

— Зачем?

— Чтобы они отстали от тебя.

— А они ко мне и так не пристают. Вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, они осаждают кабинет Вайеса, насколько мне известно! — зло выплюнула Дея.

— Брось, Дея, — начал успокаивать ее Ян, — это всего лишь традиция. Ты принесешь клятву, другие Хранители засвидетельствуют твой статус. И ты сможешь войти в совет, если пожелаешь, — добавил он не уверенно.

— Я не пожелаю, — процедила она, вставая с дивана, — и не собираюсь никому и ни в чем клясться! Я ответственна перед лесом, который меня выбрал. И все свои обещания я дала ему, а более не перед кем отчитываться не собираюсь! — в запале

выкрикнула Дея.

— Но как же ритуал? — промямлил ошарашенный Ян.

— Он для впечатлительных барышень, не для меня.

Дея заметила, как Яна укололо ее высказывание, ведь он гордился своей инициацией. Но последнее время она могла быть жестокой, даже не замечая этого.

— Хорошо, — нарушил, наконец, тишину Ян, — если они сами придут к тебе засвидетельствовать твой статус Хранителя, ты примешь их? — спросил он с надеждой.

— Приму, — ответила она устало и снова опустилась на диван, — но только ради тебя. И может еще Вайеса.

— Ты снова ему доверяешь?

— Я запуталась и уже ничего не понимаю, Ян. Наверное, мне просто невыносима мысль, что Верховный Хранитель Мрамгора может быть нашим врагом. В конце концов, он верил в то, что я окажусь не простой собирательницей фруктов. Хотя это меня устроило бы гораздо больше.

Если бы Дея могла прочесть мысли Яна, то немало удивилась бы, потому как он в этот момент думал точно так же.

Глава 28

Новые правила

Новые правила

Шло время, Дея все больше утверждалась в своем новом статусе, срастаясь каждой ниточкой своей души с Синим лесом, становясь его неотъемлемой частью. Заботы о нем, как о чахнувшем ребенке оставшемся без присмотра матери заполняли теперь почти все ее мысли, кроме тех, что по-прежнему принадлежали Владу. Молодой Вед настолько основательно проник в ее незрелое сердце, занимая там все главные пункты, что она уже и не верила, что когда-нибудь сможет отделаться от его навязчивого черноглазого призрака.

Она изучала горки, ложбинки и скалки, угадывая в их причудливых очертаниях его профиль, собирала коренья и травы, ища пресловутый сладковатый дурман, слушала шелест листьев, представляя, что это он говорит с ней. Она и хотела освободиться от этой унизительной зависимости и в то же время безоглядно подчинялась ей, запуская механизм чудовищно разрушительной силы, о котором она пока и не подозревала.

Дея была настолько поглощена своей новой внутренней жизнью, что и не замечала, как бежит время. Не замечала она и того, что происходило за пределами ее владений. Только лес, озеро, ее сестры, да томительные грезы о Владе занимали ее воображение, только это казалось по-настоящему важным и ценным сейчас.

А тем временем в столице вокруг ее персоны сгущались мрачные тучи. Десятки Хранителей по-прежнему были недовольны тем, что их совет игнорирует какая-то дикарка, осевшая в под стать ей одичалом лесу. Им претила сама мысль, явится к ней лично, но и ждать бесконечно они тоже были не в силах, поэтому в один знойный летний день представители всех братств все-таки пожаловали к ней на аудиенцию.

Ведов пришло аж четверо, они хотели убедиться, что Дея не ведьма, околдовавшая Синий лес. Лесных Хранителей было столько, что и не счесть. Все толпились у берега озера, таращась на высыпавших к прибрежью русалок.

Хранители, как и прочие жители столицы редко наведывались в заброшенный лес и уж тем более не приближались к Лад озеру. Ходили слухи, будто русалки одичали и превратились в страшилищ с водорослями вместо волос и чешуей по всему телу. Озерные же девы, заслышавшие о прибытии гостей, пожелали блеснуть своей не померкнувшей красотой и принарядились, украсив белоснежные шеи жемчужными нитями. Они с любопытством рассматривали

пришельцев, сверкая на солнце обнаженными телами и перламутровыми зубками.

Дея знала о прибытии Хранителей, и у нее было время подготовиться. Послав серебристых ланей, которые призвали остальных животных, она затаилась на дне озера, чтобы появиться прямо из воды, когда все гости соберутся.

Произведенный эффект превзошел все ожидания. Пока пришедшие озирались по сторонам, побаиваясь наступающих лесных обитателей и бесцеремонно глазеющих русалок, из озера стала медленно вырастать высокая фигура в жемчужном плаще Хранителя.

Дею заметили сразу. У берега пронесся удивленно-восхищенный ропот. Озерные девы причалили плавучую пристань и помогли своей Госпоже ступить на землю, где ее ждала толпа завороженных Хранителей Багорта.

Девушка отметила, что Вайес, Горий и Ян тоже были здесь и стоя в первых рядах, засвидетельствовали ей свое почтение глубокими поклонами.

— Белая Госпожа, — поприветствовал ее Верховный Хранитель, давая понять остальным, что для него ее статус неоспорим.

— Я так рада видеть вас — отозвалась она, искренне улыбаясь и подходя к ожидающим ее гостям.

Вайес, лекарь и Ян остались у нее за спиной, показывая тем самым выбранную сторону.

Дея подошла к мнущемся на месте Хранителям и Ведам.

Трудно было измерить, глубину воцарившегося молчания, некоторые потупили взор, другие оказались поражены настолько, что просто остолбенели, забыв закрыть рты. Но были и те, что зло смотрели исподлобья. Они то и заговорили первыми.

— Мы слышали, вы самопровозгласили себя Госпожой Синего леса и не желаете проходить церемонию посвящения?

— Госпожой меня провозгласил он, — ответила Дея, обводя рукой все, что ее окружало, — инициацию провели Озерные девы, как во времена первых Хранителей. Я не вижу смысла в повторной церемонии.

— Но вы должны принести клятву!

— Кому?

— Багорту!

— Разве я являюсь Хранителем всех лесов Багорта? — спокойно спросила Дея.

— Причем тут это, — возмущались пришедшие, — мы испокон веков приносим клятву, защищать земли Багорта.

— Насколько мне известно, моя генетическая мутация

не позволит мне сознательно навредить моему дому, а все свои клятвы я уже принесла тем, кому намерена служить.

— Она намекает, что мы тут совершенно не причем! — послышались выкрики в толпе.

— Самодовольная, спесивая девчонка не уважающая законы предков! — заорали в другом конце.

— Надо бы проверить, не ведьма ли она из Лонгвина — заголосили в самом центре толпы, — может она одурачила Озерных дев.

Поднялся шум и гам, собравшиеся выкрикивали оскорбления и претензии, требовали разоблачения. Обернувшись к озеру, Дея увидела, что Божена подает ей сигналы, прося права голоса.

— Достаточно! — выкрикнула она, воздевая руки, — Слово предоставляется Божене — старшей Озерной деве.

Толпа еще немного пошумела, но все же стихла, повинуясь инстинкту самосохранения, что-то страшное было в этот момент в Белой Госпоже. Опытные Хранители знали, что на чужой территории надо быть осторожными, а вступать в схватку с лесным Хранителем в его же лесу было верхом безрассудства.

— Говори, Божена, — приказала Дея и воцарилась мертвенная тишина, даже листочки на деревьях замерли.

— Вы знаете, что мы не принимали многих достойных Хранителей, желавших занять место нашей Госпожи, — начала свою речь старшая дева. — Но вы не знаете причины. Нашим лесом и озером правила только одна династия — династия Ладгальд. И это не случайно. В нашей Госпоже течет голубая кровь Озерной девы, лишь женщина с такой кровью может править Синим лесом. И эту магию не в силах скопировать не один Вед или колдун. Она последний представитель семьи Ладгальд и только она может быть нашим Хранителем. Лес сам провел обряд посвящения и возложил к ее ногам атрибуты власти. Если вы не примете ее, то наш лес погрузиться во тьму. Не стоит требовать от потомка Озерных дев смиренности и не ждите, что она вступит в ваши ряды как ее мать. Она еще молода и горяча, но уже сейчас невероятно сильна, не пытайтесь умерить ее нрав.

— Это неслыханно! — вскричал седовласый горный Хранитель, — нас поучает какая-то русалка!

Дею так задели слова выступавшего, что кровь вскипела в ее жилах. Не помня себя, она ринулась сквозь расступающуюся толпу и, нависнув над невысоким мужичком в сером плаще, грозно прошипела:

— Озерная дева! Так их называют! И не смейте выказывать неуважение к обитателям этого леса, особенно в моем

присутствии.

По мере того как ее гнев возрастал, поднимался страшный ветер, срывающий с бунтовщиков накидки. И могло произойти непоправимое, если бы Дею не дернул кто-то за полу плаща. Она опустила взгляд и увидела огромные перепуганные глаза лешего. Повинуясь какому-то неистовому порыву, она наклонилась и подхватила коротышку на руки. Прижимая его к груди словно ребенка, Дея отошла к группе мужчин, стоящих в отдалении ото всех.

— Вам надо учиться контролировать свою силу, — в полголоса посоветовал ей Вайес.

Дея кивнула, не оборачиваясь и по-прежнему прижимая к груди лешего. Ее все еще лихорадило. Только сейчас она поняла, о какой силе говорила Божена. Теперь она знала, как Дезия сумела обрушить воды озера, на сражающихся близ него воинов. Но для того чтобы придавать своей силе вектор, ей действительно потребуются тренировки. В этом, как и во многом другом Вайес опять оказался прав.

— Я благодарна вам за то, что вы не в той толпе, — прошептала она ему.

— Как я могу быть там, если собственными глазами видел таинство вашей инициации. Не злитесь на них, они хорошие люди, хотя некоторые из них и недалекие. Они примут вас, у них просто нет другого выбора.

— Не уверена, что они примут меня после того, что я им скажу, — отозвалась Дея и, посадив лешего на ближайшую ветку, сделала шаг вперед. — Я надеюсь, вы получили все ответы, за которыми пришли? — спросила она, окидывая толпу Хранителей жестким взглядом.

— Мы убедились, что в тебе дремлет древняя магия и готовы признать, что ты потомок Ладгальд, — заговорил самый старший из Хранителей. — Но это не дает тебе право так неуважительно относиться к нашим обычаям.

Тут вперед вышел Вайес.

— Я вам уже объяснял, что по воле случая Дея выросла вдалеке от Мрамгора. Она и не подозревала, что ей придется брать на себя груз такой ответственности. Ее к этому никто не готовил, и насколько я знаю, она не желала этого. Я считаю, что вы должны помочь вашей сестре справиться с навалившейся ношей, а не нападать. Вам было значительно проще приступать к своим обязанностям, вас к этому готовили с детства. Все, что есть у этой девочки — это отвага и отзывчивое сердце. Она приняла лес как родное дитя, будучи сама совсем еще юной. Ей предстоит поднять его из руин, и она руководствуется тем, что

подсказывает ей сердце. Разве вы поступаете иначе? Разве вы не кидаетесь на обидчиков как тигрицы, которые защищают своих детенышей? Божена права, не ждите от нее покорности, Озерные девы славятся другими качествами.

— Какими же? — раздался голос в толпе.

— Мужеством, хитростью и горячим нравом, — ответил Вайес. У вас есть три свидетеля узревшие ее величие в таинстве древнего ритуала посвящения. Какие вам еще нужны доказательства, после всего увиденного?

— Никаких. Мы все увидели и мы удаляемся.

— Я рада, что мы, наконец, закончили с формальностями, — отозвалась Дея и, набрав в грудь побольше воздуха продолжила. — Но прежде чем вы покинете мой лес, я бы хотела известить о новом законе не применяемом доселе лесными Хранителями.

— Каком еще законе? — возмутилась толпа.

— Законе, который будет действовать на территории Синего леса.

— Все новые законы озвучиваются на собраниях и принимаются или отклоняются путем голосования всех членов совета, — возразил один из Хранителей.

— У меня нет на это времени, — прервала его Дея, — не далее, как вчера в моем лесу видели охотника, хотя сезон еще не открыт. Я официально заявляю, что ни один пойманный мною браконьер, не покинет пределов леса до конца его дней. А осмелившиеся охотиться на серебристую лань, сгинут в водах Лад озера.

— Но это идет в разрез с самой идеологией Хранителей, — запротестовала толпа. — Мы должны охранять жителей Багорта, а не запугивать.

— А кто охранит мой лес с его обитателями от жителей Багорта! — вскричала Дея, но быстро взяв себя в руки, продолжила спокойнее. — Мирный житель с благими намерениями и честный охотник, всегда найдет в лесу пристанище. Но не тот, кто вел охоту на серебристую лань и практически истребил еще с десяток животных. Лес одичал не только потому, что был одинок, но и потому что оставшись без Хранителя, стал разграбляться недобросовестными и жадными людьми. Что молчите? Скажете, что в Багорте таких нет?

Воцарилась тишина. Замер даже сам лес.

— Как мы можем быть уверены в том, что ваши Озерные девы не станут утаскивать ни в чем неповинных, приглянувшихся им парней? — задал вопрос один из горных Хранителей.

— Я отвечаю за них своей жизнью, — заверила Дея. — Если

закон будет нарушен, Синей лес снова останется без Хранителя.

— Почему мы должны доверять вам?

— Потому что Синий лес выбрал меня, — ответила она с холодным гневом. — Так уж сложилась, что я законченный мизантроп, но вам придется с эти смириться и принять мои требования. В противном случае я запечатаю лес.

— Дея, одумайся, — послышался за ее спиной встревоженный голос Яна, — это же бунт.

— Я всего лишь пытаюсь защитить то, что угнеталось годами, теми способами, которые мне доступны. Почему все пытаются изображать из себя белых и пушистых, ведь это лицемерие? Не надо смотреть на меня как на безумную. Я знаю, вы считаете, что я, как и мой лес — дикарка, но быть отличной от большинства, не означает быть ненормальной. Попробуйте встать на мое место, может, тогда вы поймете, почему я так категорична.

— Ваш праведный гнев вполне оправдан, — неожиданно выступил вперед Хранитель Белого бора. — Я помню Синий лес в его блеске и пышном великолепии. Помню, как все ждали праздника Последней луны. Когда им правила династия Ладгальд он был величественен и грозен, сейчас же он опустошен и дик. Возможно вы единственная кто сможет вернуть ему былую мощь и славу, ведь великому лесу нужен великий и сильный Хранитель. Чтобы противостоять скопищу разъяренных братств, нужна поистине не детская отвага. Я принимаю ваши условия, считая их справедливыми.

Вперед выступил Вайес.

— Предлагаю проголосовать сейчас же, — предложил он, — кто против принятия закона, может начать голосование.

В абсолютном молчании некоторые фигуры стали отделяться от общей массы и, не произнося ни слова, уходить прочь. Спустя десять минут Вайес оповестил.

— Большинство по-прежнему здесь, голосование завершается, если кто-то еще колеблется, пусть принимает решение немедленно.

Никто не двинулся с места и Вайес провозгласил принятие закона. Оставшиеся Хранители поклонились Деи, она поклонилась им в ответ и все кроме Вайеса, Гория и Яна стали расходиться.

— Они не простят вам этого, — шепнул ей Горий, подходя ближе, пока Вайес и Ян провожали остальных.

— Я знаю, но у меня не было выбора. Лес должен видеть во мне защитника. Он не доверяет никому и ничему, а скоро праздник Последней луны. Как я могу зазывать на него людей,

когда лес стоит ощерившейся словно еж? Ради того чтобы убедить его в своей состоятельности как Хранителя, я готова пожертвовать репутацией смиреной девочки.

— М-м-м да, особенно если учесть, что смиренности в вас ни грамма, — сказал Горий, а помедлив, добавил. — Влад плохо на вас влияет.

— С чего вы взяли, что он на меня влияет?

— Он на вашем месте вел бы себя так же. Хотя нет, он бы их даже не принял.

— Может, мы поэтому и нашли общей язык. Знаете, не только противоположности притягиваются.

Горий многозначительно посмотрел на нее, но больше ничего говорить не стал.

— Все ненавидят его верно? — спросила она у Гория, — но ведь они же его совсем не знают. Как можно ненавидеть человека не зная его.

— Они думают, что то, что они видят, и есть Влад Карий.

— Так же будет и со мной, — поняла Дея. — Что ж, у нас больше общего, чем я думала.

— Да, и сильные мира сего опасаются вашего союза, — пробормотал себе под нос лекарь.

— Вам нечего бояться, — печально ответила Дея, в тот момент, когда к ней подошел Ян и Вайес.

— Я горжусь вами, моя дорогая, — проговорил глава Мрамгора, улыбаясь. — Теперь я вижу, что мой риск с лихвой оправдался. Верховный Сагорт и грозная Хранительница Синего леса способная навести страху на все братства разом. Знайте, я бы хотел видеть вас в совете. Нам не хватает альтернативного мнения. Все братство довольно консервативно и мне кажется, оно уже закостенело в своих предрассудках. Нам нужен свежий взгляд, это именно то, что вы могли бы привнести в наши ряды. Вы с Яном выросли в дали от Хоры и еще можете смотреть на все происходящее со стороны, в то время как все мы, являемся законсервированными продуктами Багорта, ваш образ мыслей нам не доступен.

— К сожалению, годы проведенные в дали от Багорта сделали меня нетерпимой к человеческой глупости. По большей части я вообще не понимаю людей. Возможно потому, что там мы были для всех чужими, а здесь я пока не сумела стать своей. Я не смогу ужиться в совете. Я не стану звеном в цепи.

— Этого и не требуется. Иногда для того, чтобы преодолеть застой, необходим именно деструктивный элемент. Хотя не спорю, просить вас брать на себя эту обязанность поистине несправедливо, наш Влад и тот с ней не всегда справляется.

«Что же это такое?! Они все сегодня решили донимать меня рассказами о своем легендарном Веде?» — подумала Дея, но вслух только поблагодарила за поддержку и понимание.

Когда глава Мрамгора со своим верным лекарем уже уходили, она неожиданно окликнула его.

— Вайес, скажете же хоть вы мне, отчего в Багорте так много магии? Неужели Хранители могут сделать наш дом лучше?

— Сделать мир лучше могут не только Хранители, но и обычные люди.

— Для чего же тогда существуем мы?

— Для того чтобы не становилось хуже. Поверьте мне уже одного этого вполне достаточно, чтобы оправдать все наши лишения.

Глава 29
Приглашение на праздник

Приглашение на праздник

Недели пролистывались словно страницы, до праздника Последней луны оставались считанные дни, и Дея больше не могла оттягивать свое появление на людях. Ей нужно было выбрать день для приглашения, заинтриговать и убедить горожан и крестьян в том, что праздник будет грандиозным и безопасным.

После посещения ее леса Хранителями, он уже не был так безлюден как раньше. Мало-помалу сюда стали захаживать не только смельчаки вроде Влада, но и крестьяне охочие до ягод, грибов и целебных трав. Лишь Лад озеро оставалось непосещаемым, земли вблизи обиталища Озерных дев по-прежнему страшили простой люд. Деи пару раз встречались рыбаки, набравшиеся смелости и пришедшие в Синий лес со снастями, но до озера эти герои так и не добрались, побоялись.

Ничего, утешала она себя, время придет.

Дом ее, наконец, привели в порядок, и Дея смогла устроиться в нем со всеми удобствами. Ян наведывался почти каждый день, пока его не отослали на задание к границам Мрамгора, где он пробыл с неделю. Когда он вернулся, то прожил у нее целых три дня. Но совмещать службу с ночевками в лесу было затруднительно и к его величайшему огорчению, ему пришлось сменить диван в Деиной гостиной, на свою кровать в замке.

Иногда Деи казалось, что кто-то отмотал назад пленку и, вырезав тот кусок где их дружба подверглась испытаниям, вернул все на круги своя. Их отношения все больше походили на прежние — родственные.

Лес тоже радовал Дею, веселым шелестом листьев, мерным спокойным дыханием в глубокой ночи, резвостью животных и теплыми, ласковыми водами Лад озера, что скрывали ото всех ее тревоги. Иногда ей казалось, что у нее вместо крови течет озерная вода, а ее руки и тонкие быстрые ноги преобразуются в упругие, гибкие ветви, что глаза ее — ночные звезды над озером, а сердце — ветер, гуляющий над кронами деревьев, шурша листвой.

Все вокруг оживало, становился открытым и отзывчивым. И только молчание Влада омрачало Деину жизнь. С тех пор как она обосновалась в Синем лесу, он ни разу в него не наведывался, хотя раньше бывал здесь частым гостем. Он приходил в основном за травами, но и не забывал ставить защиты и охранительные заклинания, спас от вымирания серебристую лань. А теперь взял и исчез.

Дея знала, что он не ходит в лес из-за нее. Не знала она

только, чем именно спугнула неустрашимого Влада. Он-то уж вряд ли считал ее такой же грозной, как остальные Хранители. Хотя от нее и не укрылся тот факт, что Вед был в лесу, когда она вытребовала неслыханный по меркам Багорта закон. Стоял и наблюдал в стороне с другого берега. Об этом ей потом русалки рассказали.

Свой поход в город она откладывала еще и потому, что боялась встречи с ним. Не знала, как отреагирует ее сердце, если вдруг он просто пройдет мимо, как будто они не знакомы, как будто он не давал ей обещания, наказать Мрамгор за то, что его жители сделали с Синим лесом. Дея боялась, что Родмила окажется права и она всего лишь жалкая пташка, имя которой Влад скоро позабудет, если уже не забыл. Боялась увидеть с ним ее — победно шествующую рядом, пусть нелюбимую, но близкую. Ведь, что-то же их связывало, раз он позволял Родмиле находиться при себе целых три года. Хотя кто знает, может он и ей бы это позволил, ходи она за ним как послушная тень?

Дею мучила эта неразрешенность и в то же время, она не могла найти в себе сил спросить его, что же произошло в то утро. Не то чтобы ей этого не позволяла гордость, скорее опасение услышать правду. Так заточенная в границах собственных страхов она и сидела в своем лесу безвылазно, Вайес и Ян оставались ее единственной связью с миром людей. Их устраивало то, что Дея практически не покидала пределов леса, потому что Вед наложивший на нее заклятье, все еще был не найден. Все торе приходили к выводу, что Ихаиль обвел их вокруг пальца, просто желая беспрепятственно сбежать. Вайес говорил, что он человек скрытный и непредсказуемый, да и попробуй разбери, что у этих Ведов на уме, особенно у тех, что остались в Лонгвине.

Ян привозил подруге книги из библиотеки, и она потихоньку знакомилась с необъяснимым и загадочным миром, в котором ей предстояло жить долгую жизнь Хранителя. Из трактата о Ведах, неохотно доставленным Яном Дея узнала, что они живут еще дольше Хранителей и разозлилась на друга за то, что он не сказал ей об этом раньше.

— Можно подумать, что Влад вызвал бы у тебя отвращение, узнай ты, что он вдвое старше тебя, — сказал ей тогда Ян, и Дея поняла, что на самом деле ничего не изменилось. Ян по-прежнему ревнует ее не смотря на то, что они с Владом уже давно не видятся.

В своих стараниях отодвинуть подальше момент возможной встречи с Ведом, Дея дотянула до последнего предела. Как-то проходя тайными подземными тропами, она услышал разговор

грибников о предстоящем празднике.

— Как думаешь, устроит новая Хранительница, праздник для своих русалочек? — спрашивал один, судя по голосу совсем юный.

— Это вряд ли? — отвечал ему кто-то постарше, — поговаривают она того… Это… Ну, с приветом что ль.

— Сам ты с приветом! — встрял в разговор третий. — Она, до того как в лесу обжиться, в замке комнаты занимала. Станут там сумасшедших разве держать?

— Верно, говоришь, — поддержал молодой, — к тому ж слыхал я, что это та самая краля, которая с Яном Сагортом на турнире была. Я видал ее хоть и издали. Страсть как хороша. Волосы — огонь, а кожа, кожа будто жемчуг, что на дне ее озера лежит и голос, — протянул юноша мечтательно.

— Что голос? — передразнил его старший.

— А то! Поет она, говорят вечерами с русалками своими, и все звери тогда собираются и слушают, наслушаться не могут.

— Ага, а серебристая лань ей подпевает.

— Ты это, ты про лань трепать не моги! Про новый закон слыхал?

— Тфу ты, Етишкина жизнь! — перепугался старший, сообразив, что лишнего сболтнул. — Сурова Госпожа, нечего сказать. Не будет вам праздника.

— Это почему же?

— Да потому, что если бы она того хотела, уже б давно на люди показалась, позвала.

«Прав был мужик, ох как прав», — думала Дея сидя тем же вечером у озера.

На следующее утро она позвала самую зрелую лань и попросила ее о сопровождении.

«Я понимаю, что о многом прошу тебя, — мысленно разговаривала она с нею, — но я уверена, после принятия нового закона, никто не посмеет на тебя даже глаз без моего разрешения поднять».

Лань не роптала, толи была абсолютно уверена в своей Госпоже, толи не смела отказать в просьбе.

Страшно боясь за свое лесное сокровище, Дея все же взяла ее с собой. В конце концов, Влад выставил на уцелевших зверей защиту, которая все еще действовала, а жители должны увидеть, что не только она, но и лесные обитатели благосклонны к ним, подбадривала себя лесная Хранительница.

Добравшись до городских стен, она оставила свою кобылку постись на полях, а сама в сопровождении прекрасной, тонконогой спутницы вошла в город.

Они шли молча и степенно, позволяя горожанам бросать на себя восхищенные взгляды, поэтому когда Дея подходила к улице Золотников, что недалеко от площади слух о том, что в Мрамгор пожаловала сама Белая Госпожа, да не одна, а со своей легендарной ланью, разошелся по всему городу.

Дея шла окружными путями — по узким и грязным улочкам, светлым и помпезным проспектам, мрачным переулкам и рабочим кварталам, пока не вышла на центральную площадь Мрамгора. Встав в самом центре, она стала ждать, пока ее не окружит толпа зевак. Произошло это довольно быстро и тогда Дея начала свое обращение к народу.

— Приветствую вас, жители столицы, а также ее гости! — начала она. — Я пришла известить о приближении ежегодного праздника Последней луны! — по площади побежали шепотки и короткие возгласы. — Я приглашаю всех в Синий лес, как только созреет последняя летняя луна. Это единственное время в году, когда Озерные девы близки к людям. Я убеждена, что впечатления от праздника буду незабываемыми.

— Впечатления, знаете ли, бывают разные, — послышался ехидный голос из толпы, — что если ваши Озерные девы поутаскивают нас без согласия. В этом случае они точно будут незабываемые.

— Вы, судя по всему, давненько не бывали в Синем лесу, — констатировала Дея, — Озерные девы настолько чутки, что наблюдают за рыбакам со стороны, чтобы не спугнуть. Это их праздник и они ждут, что вы придете послушать их песни, станцевать Хорой, посостязаться в прыжках через костер. Я знаю, что вы и сами истосковались по этим гуляньям. Я гарантирую вам абсолютную безопасность. Синий лес уже не так зловещ как раньше, он открывается и готов принять добрых людей.

— Госпожа правду говорит, — отозвался из толпы молодой парень, — я рыбачил намедни с одним дружком и не видел ни одной русалочки. Хотя признаться меня это расстроило. Мы уж было подумали, что они вымерли все.

— Нет, не вымерли, но их становиться все меньше, а если вы не перестанете бояться Синего леса, они действительно могут исчезнуть. Мы ждем вас и мы будем гостеприимны, — проговорила Дея как можно мягче, и собралась было уходить, но толпа не пожелала отпускать ее так быстро. Со всех сторон посыпались вопросы.

— А правду говорят, что Озерные девы утратили свою красоту?

— Последняя ли это лань, что осталась в вашем лесу?

— А что закон, карающий браконьеров, действительно будет

столь суров?

— Вы действительно самопровозгласили себя Хранительницей?

— Синий лес сам инициировал вас по древнему обычаю?

Вопросы раздавались со всех сторон и скоро слились в общий гомон, из которого было уже ничего не разобрать. Дея заозиралась, чувствуя, что теряется в этом смыкающемся вокруг нее кольце голосящих людей. Вдохнув глубже, она вскинула вверх руку, призывая к тишине, и через какое-то время толпа унялась.

— Приходите в лес и все увидите сами, — проговорила она, когда все смолкли. — Сейчас я отвечу лишь на два вопроса. Да, лес инициировал меня сам, как и избрал в Хранители. И да, кара за браконьерство — пожизненное заточение в лесу. Но вы должны понимать, что к этим мерам мне пришлось прибегнуть из-за недобросовестных охотников. Не только вы опасаетесь Синего леса, он тоже боится вас. Будьте добры к нему, и он щедро вас одарит. Это суровый закон, но он необходим. Многие животные моего леса на грани вымирания.

Толпа притихла, не найдя, что возразить. Может потому что жители и сами знали, как притягателен стал для браконьеров Синий лес, когда остался без защиты.

Но не все хотели мириться с новым законом. Через плотно сжатые ряды, к центру площади пробирался краснолицей мужчина средних лет. Он был непозволительно толст, голова его плавно переходила в плечи, плавая в складках многочисленных подбородков, а пальцы на руках походили на сардельки. Горячась, он расталкивал людей своими огромными ручищами, беспрестанно ругаясь, а когда вышел на середину площади, казалось, готов был расстрелять Дею своими поросячьими глазками. Но обратился он не к ней, а к толпе.

— Спросите себя граждане, как столь юная особа может стать настоящим Хранителем. Сам глава Мрамгора признался, что ее к этому не готовили. Она прибыла издалека, и ничего не зная о наших обычаях, тут же навязала свои порядки. Она неуважительно относиться к братству Хранителей. Слыханное ли это дело — отказать им в принесении клятвы?! — орал краснолицей. — Эта вертихвостка наобещает вам с три короба и обманет.

Пока он драл глотку, Дея заметила знакомое белое свечение в толпе, а через секунду люди стали расступаться, пропуская вперед Веда.

— Простите этого юродивого, Госпожа, — проговорил Влад, низко кланяясь Деи. — Он не видел своими глазами вашей силы и поэтому, стал жертвой беспочвенных слухов, — проговорил он

с изумившим Дею почтением.

— У нее в защитниках первый попиратель добродетели в Мрамгоре, — снова заголосил толстяк. — О чем это может свидетельствовать?

— А чем вы собственно не довольны, кир Амбар? — деланно удивлялся Влад. — Синий лес наконец-таки обрел Хранительницу, люди могут не опасаясь ходить в него, возобновиться утраченная связь с Озерными девами. В конце концов, вы не можете отрицать, что они тоскуют по былым купальным ночам в последнюю летнюю луну.

— Все так, но она не местная и слишком много на себя берет. Не пристало лесной Госпоже противостоять братству, да еще такой… — Он не договорил, потому, что Влад заставил его замолчать, как обычно всего одним щелчком пальцев.

— Она берет на себя ровно столько, сколько на нее было возложено и не тобой, жалкий кусок сала, — он обратился к притихнувшей толпе, — Эта юная и с виду хрупкая девушка обладает невероятной силой, и она не обязана отчитываться за свои действия ни перед одним из вас. Благодарите звезды, что она не запечатала свой лес или не обрушила на вас его гнев. То, что сотворила с ним ваша безудержная алчность, не исправить и самыми суровыми законами. Возблагодарите свою Госпожу за мудрость и великодушие, потому что своими стараниями она дарит вам невероятное богатство — процветающий Синий лес.

Некоторые люди в толпе неуверенно, но согласно закивали и это, кажется, окончательно взбесило кира Амбара. Вновь обретя дар речи, он принялся увещевать.

— Не слушайте его люди! Этот человек проповедует ложные идеалы. Он очень хитер, проникая в ваши умы, он калечит вас!

— Да, да, он — похабник и бесчестный человек.

— У него нет сердца!

— Он людей ни во что не ставит, — послышались возгласы из толпы.

Амбар смотрел на Веда с нескрываемой ненавистью, но Влада, это похоже ничуть не тревожило. Он глядел только на Дею, даже не слушая, что выкрикивают в его адрес люди. Она же, окончательно оторопев, не знала, что и делать. Разыгрывалась нешуточная перепалка. Видят сосны, не так она хотела предстать перед народом Багорта.

Дея знала, что в искусстве красноречия Влада вряд ли кто одолеет, но она не понимала, почему он так отчаянно защищает ее. Может вся эта ситуация просто повод, чтобы вылить в толпу очередную порцию скопившейся желчи, а может он действительно хочет помочь ей.

Дея знала его лучше, чем люди, прожившие с ним тридцать два года и все же не достаточно чтобы понять тайный смысл его намерений. В общем-то, она должна была признать, что ненамного опережала в этом теперь уже своих сограждан. И как она не старалась придать своему взгляду твердости, растерянность брала верх. Разъяренные Хранители, окружающая ее толпа горожан и даже этот красноролжий баламут не могли смутить ее так, как это делал Влад. И пока Дея наливалась краской перепалка приобретала пикантный оттенок.

— Гер Амбар, вы ведь не глупый кажется человек, — спросил Влад со свойственной ему ленцой в голосе, — вы же не верите в состоятельность собственных слов. Так и не ждите, что остальные поверят.

— Нет необходимости заставлять людей верить, — продолжал распаляться Амбар, — если у них есть глаза и уши! Они видели, как ты рос и во что превратился. Ты попираешь невинность, разлагаешь неокрепшие умы, навязываешь им ложные истины и идеалы!

— Вы о своей дочери, которая обивала порог моего дома целый месяц, да так и ушла ни с чем? — спросил он, обернувшись к Амбару с издевательской улыбкой. — Возможно, как истинный горожанин, я должен был воспользоваться ее неискушенным умом и добраться до невинного щуплого тельца. — В толпе послышались смешки и скабрезные шуточки, а Влад делая вид, что не замечает их, продолжал — Но я ведь проповедую ложные истины, поэтому не воспользовался ее доверчивостью. Вы уж не обессудьте, — присовокупил он, как бы извиняясь, — но я предпочитаю девиц постарше — тех, кто понимает, на что напрашивается.

Глаза кира потемнели, наливаясь кровью. Он был похож на разъяренного быка, готового броситься на красную тряпку. Но Влад осадил его неожиданным вопросом.

— Гер Амбар, вам нравиться ваша жена? — На этот раз он поймал взгляд, человека почувствовавшего, что его загоняют в угол. — Да бросьте вы! Все знают, что не далее как на прошлой неделе вы взяли в жены дочь мясника — прекрасную шестнадцатилетнюю Лею. Говорят, у нее обворожительные пышные формы и струящиеся русые волосы. За все ее прелести вы даже простили ее отцу долги. Я, честно говоря, не стал бы платить такую цену за обладание этой нимфой, но ведь мои идеалы в расчет не берутся.

Воцарилась гробовая тишина. Гер Амбар становился похож на вареного рака, руки его тряслись, сжимаясь в кулаки. А люди, собравшиеся на площади, неуклюже переминалась с ноги на ногу.

— Что вы молчите, Амбар? — не унимался Влад, вознамерившейся добить и без того устыженного кира. — Ответьте, Лея — ваш идеал, ради которого вы готовы принести жертву? Да или нет, Амбар? — неожиданно повысил голос Влад, и кир непроизвольно кивнул. — А теперь я обращаюсь к вам, мои сограждане, — продолжил он, разворачиваясь на каблуках к обескураженной толпе. — Вы тоже считаете дочь мясника идеалом женской красоты?

— Какой уж там идеал? — послышался голос из первых рядов, а за ним нервные смешки.

— Косматая толстуха с кривыми зубами, разве, что молоденькая, — отреагировал еще кто-то.

— Да, да, на два года моложе его дочери, — проскрипел старушечий голос.

— Значит ли это, что его идеал ложный? — спросил в свою очередь Влад уже посмеивающуюся над киром толпу.

— Да какое нам дело до его идеалов! — отозвались горожане.

— Тогда какого беса вы копаетесь в моих? — гаркнул Влад, обводя всех присутствующих горящим взглядом. Собравшиеся снова притихли, а Вед подошел к готовому провалиться сквозь землю Амбару. — Одного на всех идеала не бывает, кир, запомните это. И радуйтесь, иначе бы вы свою красотку не заполучили, — добавил он, откровенно глумясь.

— Но есть же все-таки общепринятые ценности, — хлюпнул раздавленный Амбар.

— Ваши, не мои, — равнодушно ответил Влад и ушел, провожаемый разинутыми ртами.

Дея решила, не тратить ни минуты и, воспользовавшись замешательством толпы, двинулась в противоположную сторону от той, куда направился Влад. Глазевшие на Веда горожане, не заметили, как она нырнула в ближайший переулок и уже не кружным, а кротчайшим путем, пошла прочь из города.

Вроде, все прошло почти так как она и задумала — послание передано, народ услышал его и все же, что-то гложило Дею. Смазанной получилась ее речь, скандальной. Она помнила свою неуверенность и растерянность. Кто знает, как бы все вышло, если бы Влад не взял удар на себя. Она должна была признать, что ее сила и новые возможности вскружили ей голову.

Эта сцена на площади показала ей, что никакая часть не в силах превзойти мощью целое. Она забыла о том, что на силу свою в полной мере может рассчитывать только в лесных владениях. Они с лесом, словно единый организм. В его приделах Дея была лишь его частью, но частью чего-то столь огромного, что и не передать. В единении их мощь, а порознь каждый из них

не защищен и другой организм, собравший свои части воедино, может не просто противостоять, но и раздавить их.

Как можно было самонадеянно вторгнуться в городскую среду с ее собственными законами и порядками, не подумав, что ее там не попытаются развенчать? Единственная сила, которая оставалась с ней за территорией леса — сила духа. Но и тот ее, чуть было не дрогнул.

Только теперь она начала понимать масштаб личности Влада, способного заставить замолчать не только разошедшегося кира — представителя купеческого сословия, но и многолюдную толпу. Если он и был всего лишь частью чего-то целого, то целое это, должно было быть поистине космических масштабов, если одно его звено было столь огромной, несокрушимой глыбой. Бессердечный, мраморный Влад — так думали о нем жители Багорта, и только она знала, что он возможно более чувственен, чем прочие, что он тщательно скрывает свою истинную суть, выставляя напоказ грубого манекена без эмоций. А может ей просто хотелось так о нем думать?

Глава 30

Картина у озера

Картина у озера

Деи предстояло оправиться в замок, чтобы пригласить его обителей на праздник. До деревень, что прилегают к окрестностям Мрамгора новость о ее приглашение долетит дня за три, жителям же замка требовалось отдельное внимание, и тут Дея рассчитывала на содействие Вайеса. Через Яна она договорилась, что Верховный Хранитель соберет большую часть людей в одном зале, где она к ним и обратиться. Но после выступления на площади, ее преследовал панический страх перед толпой. Она уже ни в чем не была уверена, и даже поддержка Вайеса упорно не желала становиться для нее спасательным кругом.

Но мрамгорская знать была очень щепетильна в вопросах этикета, а ей требовалась ее поддержка, поэтому еще до начала обеда Дея подъехала к замковым вратам. Старый конюх принял у нее лошадь, уважительно кланяясь. Это немного подбодрило юную Хранительницу и она пошла навстречу своей судьбе с приподнятой головой.

Глава Мрамгора ждал Дею в кабинете.

— Входите, входите, дорогая, — радостно встретил ее Вайес, пропуская внутрь. — Я все подготовил. В эту самую минуту, в трапезном зале для торжеств начинают накрывать столы. Соберется основная часть знати, живущей в замке. Нам с вами накроют стол на подиуме, и тем как все преступят к трапезе, вы сможете сделать свое объявление.

— А почему трапезная? — удивилась Дея. — Разве в замке нет просто большого зала для собраний?

— Конечно есть, но я бы не хотел, чтобы вас начали засыпать лишними вопросами. И потом, большинство подданных настолько занятые люди, что порой игнорируют общие собрания. Обед, для решения вашей задачи подходит как нельзя лучше. Прекрасный зал, вкусная еда и людям не придется отвлекаться от своих дел, — Вайес хитро улыбнулся. — Я рассчитываю, что эта гастрономическая атмосфера, сделает их более доброжелательными. Кто будет задавать лишние вопросы, когда на столе тушеное вепревое колено, вареные раки, фрукты и превосходные настойки из наших погребов?

— Вы — лучший правитель из ныне существующих, — проговорила Дея, благодарно улыбаясь Вайесу.

— Я в этом не уверен, но стараюсь им быть.

Деи показалось, что Верховный Хранитель смутился. Он, конечно, не привык к такому простодушному обращению, но их

с Яном поздно ознакомили с правилами этикета, а привыкнув воспринимать Вайеса, как дедушку взявшего их на поруки, они уже не могли перестроиться. Вот и сейчас он любовно усадил ее в кресло и, пошевелив в камине угли, устроился напротив.

— До меня дошел слух, что кир Амбар пытался саботировать ваше вчерашнее обращение к народу.

— Да, он действительно намеревался втоптать меня в грязь. Не уверена, что смогла бы выкрутиться без помощи Влада, — честно призналась Дея.

— Говорят, он сделал ваше выступление довольно скандальным?

— Влад отвлек кира Амбара на себя. Когда их ругань приобрела скабрезный налет, обо мне же все тот час позабыли. И слава звездам, иначе в попытках отбиться от напористого кира, я могла бы наломать дров. В дебатах я не сильна и скорее всего моя речь стала бы не менее скандальной. Но в перепалке участвовала не я, а Влад, сохранивший мое лицо. Если честно, у меня было такое ощущение, будто он переносил меня на руках через смрадную лужу, чтобы я только не испачкала платье, сам же при этом утопал в грязи по колено. А может быть я все это напридумывала и на самом деле моя персона тут не причем. Может, ему просто нравиться быть в центре внимания, нравиться провоцировать так презираемых им людишек, — размышляла вслух Дея.

— Как раз наоборот. Он, как и вы хотел бы оставаться в тени, да не может. Весь его облик и манеры притягивают взгляды, рождая разного рода толки и пересуды. В довершении ко всему он импульсивен и действительно нетерпим к людям. Они это чувствуют и заочно недолюбливают его, навешивая все новые и новые ярлыки.

— Да, — согласилась Дея с Вайесом, — черному лебедю среди стаи уток не скрыться.

— Обычно его называют иначе. Вы не испытываете к нему того же, что и прочие, верно?

— А, что к нему обычно испытывают, кроме страха и неприязни? — спросила Дея, которую начинала напрягать откровенность этого разговора. Но прерывать его, она все же не хотела. Слишком велико было желание, разобраться в том, кто же такой этот загадочный Вед. А Вайес, как и Горий, несомненно, знали о нем куда больше прочих.

— Кроме страха и неприязни к нему иногда испытывают и ненависть, — ответил Вайес, с прищуром поглядывая на Дею, — она обычно сменяет влюбленность. При всех его недостатках он умудряется вызывать нездоровый интерес у слабого пола.

— Намекаете на то, что я тоже попалась в его сети? — усмехнулась Дея. — Не спорю, он умеет обольщать когда ему это надо, — девушка решила, что бесполезно скрывать от Вайеса очевидное, как это делают дети, ведь она уже не ребенок и отрицание проблемы, не путь к ее разрешению. — Ваша теория на счет любовного треугольника оказалась верной. Вот только он довольно быстро рассыпался, когда одна из его сторон самоликвидировалась.

— Вы так в этом уверены? — слегка улыбаясь, просил Вайес.

— Я не интересую Влада, — с грустью проговорила Дея. — Я вообще сомневаюсь, что кто-то может так же всецело поглотить его мысли, как это делает наука и ворожба.

— Мысли да, — согласился Вайес, — ведь они — проявленная энергия, осознанный опыт. Но в каждом человеке масса неосознанного, темного и неизведанного и оно каждую минуту влияет на нас. Не забывайте, вы единственный человек, которого Влад подпустил к себе достаточно близко. Для него поделиться с кем-то своими изобретениями, все равно что для вас оголиться на людях.

— И как я, по-вашему, должна расценивать этот душевный стриптиз, после которого он снова закрылся?

Вайес посмотрел на нее с сочувствием и Деи это не понравилось. Какой-какой, а жалкой ей выглядеть совсем не хотелось.

— Вы никогда не задумывались, почему творчески энергичные люди редко обзаводятся семьей? — спросил Вайес, глядя на тлеющие угли, — А если она у них и появляется, то родные видят их довольно редко и, как правило, спящими в мастерской или на любом другом рабочем месте.

— Нет, — глухо отозвалась Дея, поняв, что оставшееся до трапезы время Вайес решил потратить на лекции.

— Вы знаете поговорку «от любви до ненависти один шаг»?

— Знаю, конечно, а какое отношение она имеет к творчеству?

— О самое прямое! То, что мы привыкли называть любовью или ненавистью на самом деле энергия, причем одна и та же энергия. Только проходя через призму человеческой души, она преобразовывается в любовь или ненависть. Когда человек влюблен он прибывает в измененном состоянии сознания, он словно откупоривает отверстие в своем сердце, через которое и поступает эта энергия. А вот каким образом она будет в нем трансформироваться — это уже от самого человека зависит, одних она окрыляет, других разрушает. Эта очень мощное явление и не стоит его недооценивать. Но у людей горящих творческими идеями она может и не изменяться, оставаясь

потоком чистого созидания. Это не значит, что они не способны на привычную для нас влюбленность, просто им эта энергия доступна в своей девственной чистоте, по силе не уступающей преобразованной во влюбленность, я думаю даже превосходящей ее. Но они предпочитают направлять ее внутрь себя, а не вовне.

— Не могу представить, что делать новые открытия или заниматься ворожбой, так же волнительно как находиться рядом с любимым.

— Ощущения очень схожи. Изобретатель, например, испытывает эйфорию, когда ставит эксперимент. А ожидание результатов опыта, сродни тому, как томиться влюбленный в ожидании встречи.

— От чего же тогда всем потерпевшим неудачу в любви, не направить эту энергию в творчество? Для реализации большинства таких задач, вообще никто не нужен.

— Если бы все были способны реализовываться в творчестве, мы бы просто вымерли рано или поздно. Но есть люди, не мыслящие своей жизни без созидания. И они знают — все, что необходимо для творчества, это найти космос внутри себя.

— Это знаете ли, задачка не из простых, — вставила Дея, поражаясь как просто Вайес рассказывает, о столь плохо укладывающихся в ее голове истинах.

— Именно по этой причине люди и предпочитают влюбляться, а не строить замки, делать открытия или изучать звезды. Когда человек чувствует, что ему чего-то не хватает, он пытается отыскать это в другом существе. Отсюда так много печальных любовных историй. Нам часто кажется, что найти недостающий до полного счастья пазл проще в ком-то другом нежели в самом себе. Но при этом мы не задумываемся, что счастье не приходит к нам с появлением любимого, ели мы до этого не умели его замечать.

— Поэтому Владу никто не нужен? — спросила Дея. — Зачем ему кто-то, если он сам в себе все отыскал. Круг так сказать замкнулся.

— И да, и нет, — ответил Вайес, снова щуря глаза, — Даже самодостаточному человеку хочется быть любимым. Это именно то, чего в творчестве недостает. Влад может любить свою работу, но она не ответит ему взаимностью. Его врата и зеркальные лабиринты не приласкают его и не скажут, какой он особенный.

— Но его работы и так говорят за него, они лучшее доказательство его гениальности.

— У всех есть слабости, — развел руками Вайес, — у гениев — это желание быть признанными.

— Хм, зачем ему признание людей, которых он ни во что

не ставит? — не понимала Дея

— Быть признанным — значит быть понятым. Его необъятный ум обрек его на одиночество, потому что некому постигнуть его пределы. Какой смысл приближаться к пониманию таких вещей, о которых прежде никто и помыслить не мог, если тебе не с кем поделиться своими открытиями и откровениями, если ты абсолютно одинок в своей беспредельности? — Вайес говорил так проникновенно, словно его и самого терзали муки одиночества, — Есть поверье, что Веды наделены своим великим даром не просто так. Говорят, это небольшая компенсация за муки одиночества, которые их ожидают после смерти. Влад же обречен на эти муки еще при жизни. Всем Ведам отвели короткий миг жизни, во время которого они могут попытаться стать счастливыми. Они наделены силой, знанием, превосходством над всеми, даже над Хранителями, но это ничтожно мало по сравнению мраком, ждущим их после смерти.

— Но ведь они живут не меньше трехсот лет? — Дею поразило сравнение трех веков с мигом.

— Что такое триста лет по сравнению с вечными скитаниями по выжженным пустыням в поисках хоть одной души?

— И каждый Вед знает об этом поверье?

— Да.

«Влад понимал, что ждет его после смети и все равно играл собственной жизнью», — промелькнуло в голове у пораженной Деи.

— За, что же их так? — спросила она вслух.

— Еще задолго до того, как возникли первые Хранители, Веды пришли из Источника как посланцы. Они должны были открыть неразумным людям тайны мироздания, сделать нашу жизнь легче и радостней. Но многие из них забыли о своей миссии и, воспользовавшись превосходством, стали развивать культ самих себя, порабощая людей. Тогда то и началось великое противостояние, между теми, кто еще помнил о своем долге и теми, кто провозгласили себя Демиургами. Длилось оно несколько веков. В битве Ведов погибло много простого люда. Вечные муки одиночества после смерти — это проклятие всего их рода. Ведов хотели лишить всех знаков отличия, но это была бы чересчур суровая кара. У них забрали большую часть силы, оставив некоторые способности, как я уже сказал в качестве компенсации, за неотвратимые страдания. Те способности, которыми они сейчас располагают, жалки по сравнению с их былой мощью.

— Получается те Веды, которые живут сейчас, продолжают расплачиваться за грехи своих праотцов? — Дея уже не в первый

раз поразилась суровости законов применяемых к Ведам.

— Дорогая моя, это только поверье. Как там на самом деле никто, конечно, не в курсе и проверить не может. Я знаю только одно, — проговорил Вайес, поднимаясь с кресла, — Влад уже сходит с ума от того, что он, по сути, нестерпимо одинок в своем стремлении постигнуть Вселенную. Он отчаянно нуждается в том, кто мог бы разделить с ним его одержимость. Он нуждается в вас, Дея. Просто он сам не вполне понимает почему.

— А вы понимаете?

— Вы из другого мира, вы мыслите не так как багортцы. К тому же обладаете знаниями, до которых в нашем мире дойдут еще не скоро. Но там откуда вы прибыли, бережно хранимые нами истины безвозвратно утрачены. Вместе с Владом вы можете соединить опыт веков и изначальные нетронутые временем откровения, позабытые в вашем мире.

Вайес надел свой алый плащ и выходя из кабинета, поманил за собой оторопевшую Дею.

Зал для праздничных трапез был великолепен. Высоченные сводчатые потолки со свисающими люстрами в сотни сверкающих кристаллов, устремленные ввысь остроконечные окна сквозь, которые просачивался радужный свет и каменные стены увешанные шпалерами и живыми цветами. Над подиумом громоздилась сложная конструкция укрытая драпировками, а столы ломились от яств.

Придворные уже рассаживались, когда Вайес ввел Дею через задний ход, располагающийся за подиумом. На нем уже устроились основные члены совета. Глава Мрамгора усадил Дею по левую руку от себя, справа же сидел немолодой Вед в черной мантии, который оценивающе, но без злобы посмотрел на девушку.

Когда все устроились, Вайес встал и обратился к собравшимся.

— Приветствую вас, жители Мрамгора, — начал он. — Я устроил сегодняшней обед в этом зале, чтобы собрать всех вас вместе. Вам должно быть уже известно, что Синий лес, наконец, обрел своего долгожданного Хранителя, — придворные согласно закивали. — Так вот, наша несравненная Дея Ладгальд, многим из вас уже знакомая, разделит с нами эту трапезу, но у нее есть к вам обращение, и прежде чем мы вкусим ниспосланные нам яства, я хотел бы дать ей слово.

Деи было ужасно неловко среди всей этой помпезности, она чувствовала себя здесь чем-то инородным, не вписывающимся в ковровые проходы праздничных залов. И хотя присутствующие вели себя сдержанно и достойно, она знала, отношение к ней

здесь не многим отличается от того, что она увидела в городе. Дея так и не стала в Багорте своей. Нелепо выбиваясь из пышного букета столичных деятелей, походивших на розы и астры, она торчала неприглядной ромашкой. Благо, воспитанные и чопорные обитатели замка делали вид, что не замечают ее невзрачной инаковости. Но их снисходительного молчания было недостаточно, как представителю Синего леса, ей сейчас надлежало выглядеть уверенной, а с этим у Деи вдруг возникла проблема.

С края стола сидел Ян. Крепкий и прямой как копье, он всем своим видом демонстрировал мощь и величие братства. Дея посмотрела на него, словно пытаясь вобрать в себя частичку его состоятельности и заговорила чужим, но сильным голосом.

— Я приветствую вас, достойнейшие жители Багорта! Сегодня я имею честь не только разделить с вами трапезу, но и пригласить на ежегодный праздник моего леса, что начнется с рождением последней летней луны и продлиться пять сказочных ночей. Мы с нетерпение будем вас ждать. Синий лес, древний Озерный народ и я желаем только одного — процветания Мрамгора. Это в наших с вами силах. Лес уже открылся для вас, придите и убедитесь в этом, — закончила она и плавно опустилась на свой стул.

Дея ожидала вопросов, упреков, ухмылок, но публика отреагировала равнодушной тишиной, чем окончательно расстроила девушку. Положение спас поднявшийся со своего места Ян, он звонко зааплодировал краткой Деиной речи, оживив сонную знать. Вскоре уже большая часть хлопала, кто стоя, кто оставаясь на местах.

Это была маленькая победа, но Дея прекрасно знала, она значит не так уж и много, пока эти ханжи не пришли на ее зов.

После окончания обеда, на котором у Деи от волнения кусок в горло не лез, к ней подошел Ян, чтобы обнять и поздравить.

— Я сейчас очень тороплюсь, — сказал он, выпуская ее из объятий, — Маюн ждет. Мы должны лететь на разведку к Медовому лугу, там что-то неладное случилось с пасечником. Он повыпускал всех пчел и они искусали пол деревни. Я лечу с двумя Ведами, поэтому к вечеру уже вернусь. Если ты не против, я бы прокатился с тобой до Лимонной реки. Сегодня закат обещает быть особенно красочным, а значит и дикие кони, и сама речка будут очень яркими.

— Пожалуй, прогулка — это именно то, что мне сейчас нужно.

— Вот и отлично, — обрадовался Ян, — я пришлю к тебе овсянок с вестью.

— Буду ждать.

Ее преданный друг был сейчас необходим ей как сам воздух. Она так устала от нескончаемого душевного напряжения, что хотела снова почувствовать себя маленькой девочкой, которую от любых бед оберегал Ян. Она никогда не стремилась быть сильной и независимой, но вынуждена была взрастить в себе эти качества, а затем и принять, как принимают неудобный, но необходимый на войне доспех, облачаясь в тяжелые стальные оковы. Они были нужны ей, ведь в этом мире волшебной сказки ей досталась роль чудодея, которую становилось исполнять все сложней и сложней.

Проводив Яна долгим, измученным взглядом, Дея вздохнула и побрела в конюшни за Дореной.

Несмотря на то, что на дворе стоял последний летний месяц, жара была невыносимая и Дея в своем платье из плотного шелка и жемчужном плаще изнемогала от перегрева. По дороге в лес она свернула с тропы, чтобы проехать к ближайшему озерцу, прятавшемуся в редких зарослях дикого шиповника. Ей нестерпимо хотелось смочить лицо и пополнить опустевшую флягу.

Приблизившись к водоему, она увидела, что его уже кто-то облюбовал. У берега, лицом к воде сидело двое. Дея поторопилась свернуть, не желая смущать отдыхающих своим присутствием, но они уже услышали ее приближение. Девушка, что вплотную прижималась к полураздетому парню, обернулась и ее иссиня-черные волосы взметнулись, словно стая воронов.

У Деи перехватило дыхание и прежде чем хоть одна мысль возникла в ее голове, она натянула поводья, пытаясь остановить скачущую лошадь. Этот отчаянный маневр чуть было не выбил ее из седла, но не об этом она сейчас думала.

Как она могла не узнать Родмилу? Может потому, что в Мрамгоре все Веды имели черные волосы? Влада бы она, конечно, признала, если бы девушка не закрывала его собой полностью (он сидел, притянув колени к подбородку, а Ведунья обнимала его со спины).

Вскочив на ноги и даже не пытаясь прикрыть обнаженную грудь, она плавила соперницу торжествующим взглядом, словно хотела прожечь в ней дыру. И Дея вместо того чтобы проехать к озеру как ни в чем не бывало, развернула кобылу и бросилась куда глаза глядели, выдавая свою уязвленность.

Глаза застилали слезы, в висках пульсировала готовая вскипеть кровь, все плыло, вертелось, клокотало. То, что она увидела, превзошло все ее мыслимые ожидания. Она просидела как затворница в своем лесу несколько недель, боясь встретить

безразличный взгляд Влада, а он даже не обернулся в ее сторону, продолжая самозабвенно разглядывать водную гладь, пока полураздетая Родмила таращилась на нее. И это после вчерашней сцены на площади!

На один день ей показалось, что он снова благоволит ей, а теперь на нее лавиной обрушилась сумасшедшая боль. Она чувствовала, как немеет, заиндевает все ее существо, словно изнутри, из самого ее центра распускается ледяной, кристаллический цветок с острыми, очень острыми гранями.

Лучше бы она приехала немного раньше. Тогда, когда происходило то, чего она так страшилась. Возможно, это зрелище вырвало бы ей сердце, но сейчас она желала именно этого, потому что не могла стерпеть той муки, что оно причиняло.

Если бы не ее умница Дорена знавшая дорогу к лесу, Дея так и блуждала бы по окрестностям. Когда кобылка довезла ее до озера, Дея с трудом спешилась и, не помня себя, кинулась с головой в воду, позволяя телу безвольно падать на дно. Сначала она ощутила уже знакомый приступ удушья, но потом вода приняла ее и чьи-то нежные руки подхватив, потянули ко дну, укладывая на мягкие губки.

Толи русалки опоили ее чем-то, толи вода вбирала всю ее боль, милосердно усыпляя, но как ее поднимают обратно на берег, она ощущала уже сквозь дрему. Дея пришла в себя, когда на лес уже опускались сумерки. Она лежала на берегу, укутанная в сой плащ, а Божена заплетала ее подсохшие волосы в косы. Подняв на старшую русалку помутневшие глаза, Дея увидела, что та плачет.

— Почему ты плачешь, Божена, — безжизненным голосом спросила Дея.

— Весь лес плачет, Госпожа, так же, как и твое сердце.

И тут только Дея обратила внимание, что деревья плотно сомкнули ветви, загораживая свою Госпожу от случайного взгляда. Это было не просто восприимчивостью, а безусловным, всецелым проникновением друг в друга. Теперь она даже не могла позволить себе страдать, не причинив тем самым боль своему лесу. Но как не странно, это не разозлило ее, а заставило взять себя в руки. Она села и обвела взглядом собравшихся у берега Озерных дев.

— Вчера я была на городской площади, а сегодня в замке. Все жители приглашены на ночные купания. Мы должны быть веселы и гостеприимны. Удивите всех мои прелестницы, по Мрамгору ходят слухи, будто вы настолько одичали, что утратили свою легендарную красоту и легкий, веселый нрав. Научим же этих задавак как нужно веселиться! — закончила она, вставая

на неокрепшие ноги.

«Я Хранитель леса. Я не имею права отдавать свое сердце мужчине, который выжимает из него всю кровь. Я должна всеми правдами и не правдами выкинуть его из головы, пока он не разрушил то, что я с таким трудом воссоздаю. Ведь ели я сойду с ума, лес последует за мной, и тогда его не то что запечатают, его и вырубить могут», — размышляла Дея, пытаясь взять себя в руки, пока шла в сторону дома.

Срыв

Яна действительно ждало задание. Вайес попросил его слетать к медовым полям и разузнать, что там стряслось. Он признаться не понимал, почему глава Мрамгора отправил именно его, с пчелами Ян вряд ли мог договориться, они же не птицы и он не мог их слышать. Но последнее время Вайес частенько посылал его на разные происшествия, просто разузнать обстановку. Ян подозревал, что Верховный Хранитель просто-напросто хотел, чтобы его новый Сагорт набирался опыта, наблюдая, как работают другие слуги Багорта.

Но от Деи он сбежал не потому что торопился (до отлета у него еще было время), а потому что боялся неискренности, так и сочащейся из него при каждом вздохе. Да, он поддержал свою подругу, когда она обращалась к мрамгорцам, он не мог не сделать этого. Они всегда были друг другу опорой, а сейчас она как никогда нуждалась в верном друге. К тому же, от него не утаился слух о том, какой вчера разыгрался спектакль во время ее выступления на площади.

Еще одна причина ненавидеть Влада, упала в его копилку. Этот выскочка всегда оказывался рядом с Деей, когда ей угрожала опасность, и всегда приходил на выручку. Ян не знал, почему он это делает, встреч с его любимой он больше не искал, к тому же несколько раз Ян видел его в сопровождении Родмилы. Девушка никла к нему словно вянувший цветок, Вед же равнодушно принимал ее нежность, не даря при этом взамен и сотой доли того же.

Ян не понимал этого странного человека. В раздражающей, бессильной зависти рождалась ненависть к нему, поэтому он старательно выводил в своем воображении образ самодовольного, бездушного и испорченного морального урода. Ян отказывался верить в то, что Влад мог быть другим даже рядом с его любимой, и готов был развеять по ветру их обоих за то, что Дея все же предпочла его. На имя Веда у них стояло негласное табу. Ни он, ни она не упоминали о Владе, будто его никогда в их жизни и не было. Но Ян знал, его подруга тоскует по этому выскочке, хоть и не показывает этого.

Когда она была простой сборщицей урожая, он еще мог побороться за ее сердце, но теперь она все больше и больше отдалялась и не только из-за Влада. Теперь у нее было нечто, способное заменить его — лучшего и единственного друга. Он вспоминал, как мечтал, что когда-нибудь с ней произойдет, нечто невероятное, нечто такое, что возвысит ее так же, как и его

самого. Но Ян и не предполагал, что ее взлет станет началом конца. В его мечтах они жили вместе, он всячески баловал ее (благо жалование Сагорта позволяло), она гордилась своим Яном и всегда была рядом, такая родная и нежная. Ждала его, пока он рисковал жизнью на очередном задании, сопровождала на всех празднествах, привлекая восхищенные взгляды и принадлежала ему и только ему, как это всегда и было.

Но теперь она не принадлежала даже самой себе. Все эти перипетии показали ему, что Дея превосходила его во многом. Он видел, что ее внутренний стержень сделан из более прочного материала чем его собственный, и Ян больше не чувствовал себя достойным ее любви. Но перестать мечтать о ней он не мог и даже не старался. Все чего он хотел — быть рядом, делать то, что она попросит и продолжать надеяться. Поэтому он тут же пожалел, что позорно сбежал от нее после обеда.

Вернуть ее он не осмелился, вскрылось бы его вранье, и Ян решился понаблюдать за свой любовью со стороны. Если бы он знал, чем обернется этот опасный маневр, то, вероятно, не стал бы шпионить за подругой, но он не мог глядеть в будущее, а потому оседлав Маюн, нагнал Дею, когда она отъехала от замковых ворот верст на шесть.

Его не удивило, что она свернула с тропы, ведь с высоты он мог видеть, как Дорена пробирается к озеру, которое облюбовал Влад со своей верной Родмилой. Вот только Дея этого видеть не могла, поэтому шла навстречу своему самому жуткому страху в полном неведении.

Поначалу в сердце Яна закралась было злорадная радость. Он представил, как Дея натыкается на милующихся Ведов и возликовал, решив, что после такой картины ее мысли о сопернике приобретут менее радужный оттенок. Но то как она отреагировала, на полуголых любовников Яну совсем не понравилось. Ее вспыльчивый импульс окончательно убедил его в том, что Дея еще не скоро забудет проклятого Веда. Поэтому его не удивил ее печальный взгляд, когда она встретила его вечером у границ своего леса.

— Прогуляемся? — спросила она безжизненным голосом.

— Да, — отозвался Ян и в нем шевельнулось два противоречивых чувства; он готов был возненавидеть ее за любовь к красивой, но бесчувственной кукле и в то же время, не мог безучастно смотреть на ее страдания.

Ян хотел стать для нее фокусником, вызывающим легкую и беззаботную улыбку, ее прежнюю улыбку, а не эту пародию, которая кривила сейчас ее лицо.

— Проверим, чему ты научилась, — крикнул он и пустил

своего коня галопом, — догоняй!

Они мчались к лимонной реке сквозь пролесок, потом по бескрайнему полю усеянному стогами до тех пор, пока Дея не стала отставать. Ян развернул коня и подъехал к ней.

— Устала? — спросил он, запыхавшись.

— Да.

— Давай спешимся, — предложил он, — Вон уже и река виднеется и кони. Отсюда хороший вид, здесь мы их не спугнем.

Ян помог Деи слезть с лошади, но даже когда она крепко стояла на земле, не убрал свои руки с ее талии. Она не дернулась как обычно, когда он задерживал касания дольше нужного, а подняла на него глаза. Было в ее взгляде что-то воспаленное, надломившееся. Ян медленно, давая ей время остановить его, наклонился и осторожно поцеловал.

Она ответила. Не просто отозвалась, а притянула его ближе к себе, окунув свои тонкие пальчики в его спутанные волосы.

Ян даже не подозревал, что в ней может быть столько жара, она была порывиста и ненасытна. Но когда он уже хотел подхватить ее на руки и положить на ближайший стог сена, Дея отстранилась, зажимая ладонью разгоряченный рот.

— Нет, нет, я не должна… Это не правильно… Жестоко… — бормотала она, пятясь назад, пока не уперлась в стог.

— Жестока?! Потому что твой порыв продиктован не любовью ко мне, а обидой на Влада? — зло огрызнулся Ян, чувствуя, как его душит растущее бешенство. — Да, Дея, ты очень жестока и я почти ненавижу тебя за это, — прозвенел он металлическим голосом, а потом внезапно грубо притянул ее, сгреб в охапку и повалил на стог.

Дея замерла, когда он отбросил плащ и его губы принялись исследовать географию ее тела — руки, плечи, шею. Она вздрогнула, только когда он добрался до лица, но то был не страх и Ян распознал в этом трепете сигнал к действию. Он высвободил ее волосы, наслаждался любимым ароматом смешанным с запахом свежего сена, ее губами жадными и мягкими, словно вишни, а затем и ее ласками, когда она обвела вокруг него свои змеевидные руки, требовательно теребя волосы.

Ей хотелось большего, Ян чувствовал, как по ее телу пробегает дрожь. Она обволакивала его своим сбивающимся дыханием, не скрывая пульсирующего в ней желания, и это нравилось ему, как и тот предел, до которого он и сам уже дошел. В его висках пульсировало, тело напряглось, а сердце пропустило несколько ударов, когда он, наконец, добрался до шнуровки на лифе.

Дея была страстной и податливой одновременно, горячила

его, извиваясь, и в этой неистовой, молодой тряске его руки отказывались проделывать тонкую работу. Не выдержав, он просто дернул застежки, желая во что бы то ни стало добраться о сердцевины того плода, что они собирались сорвать.

Толи треск рвущейся ткани, толи ржание лошадей вдалеке отрезвили его подругу, но когда Ян добрался-таки до этих чудных, белоснежных и отчего-то так непостижимого волнующих женских прелестей, она оттолкнула его и, вскочив на ноги, метнулась в сторону, словно раненая лань.

Дея замерла на некотором расстоянии от того места, где только что чуть было не позволила ему овладеть собой. Ее непослушные пальцы тщетно пытались прикрыть наготу шелковыми лоскутами, которые несколько минут назад были роскошным платьем. Ян же мыча от ярости, потрошил своими тяжелыми ботинками ни в чем неповинный и с такой готовностью принявший их стог сена.

Наконец, он повернулся к дрожащий и съежившийся Деи. Безудержный гнев Яна, преувеличивал и искажал все ощущения. Его колотило.

Дею тоже била мелкая дрожь, оголившиеся плечи мерцали белизной в слабом свете уходящей луны, а крохотные грудки прикрывали старательно натянутые лохмотья. Молча Ян подобрал с земли плащ и прикрыл ее наготу. Девушка отпустила остатки платья, за которые цеплялась, чтобы поплотнее закутаться в плащ и нежный, розовый ореол открылся. Ян стоящий слишком близко, чтобы не заметить этого, сглотнул и, повинуясь порыву, прикоснулся к нему.

Почувствовав, что снова начинает терять почву под ногами, он резким движением одернул руку, запахнул ее плащ и, подхватив свою мучительницу на руки, усалил на лошадь.

Дея была виновато-тиха и покорна, она не спрашивала ни о чем и следовала за ним как молчаливая тень. Ян довел ее до дому, безвольную снял с лошади и отнес в спальню. Посадил на кровать и, не проронив ни слова, ушел.

Глава 32

Тайное крыло

Тайное крыло

Когда Ян вышел, вибрация захлопнутой им двери еще долго раздавалась эхом в ее голове. Дея не знала, сколько времени просидела на кровати без движения, уставившись в одну точку. То, что она сейчас ощущала, было смесью какого-то фееричного подъема и отвращения одновременно. Дрожь в теле уже унялась, но в душе все продолжало бурлить и пениться.

Она позволила ему, коснуться самой чувствительной и тайной струны своего тела. И то, как эта струна зазвучала, испугало ее. Права была Лея — ее горячность всепоглощающа, а ведь она не позволила себе и десятой доли того, чего так страстно хотела. Она понимала, что поступила правильно, остановив Яна, но ей нестерпимо хотелось, чтобы он вернулся, ворвался без разрешения, сорвал с петель дверь и взял то чего так настойчиво добивался, взял как тогда, когда был убежден, что имеет на это право.

Но он не возвращался.

Как же ей удержаться от мучившего ее вожделения, если она теперь знает, как это — быть в такой близости с ним? Знает, что они говорят на одном языке тела, что играют одну мелодию, вторя друг другу, что один усиливает звучание другого.

Но самое пагубное было то, что мелодия так и осталась незавершенной, прерванной и от того более притягательной. Дея начинала понимать, что их желание узнать финал этой композиции столкнет их рано или поздно, потому что они были еще слишком молоды, нетерпеливы и абсолютно неопытны.

Она пообещала себе, использовать все душевные силы, чтобы избежать такого развития событий и, обрушившись на кровать, зарыдала.

Проснулась она поздно. В виске, казалось, поселился дятел, а тело напоминало огромный чугунный колокол, в который кто-то неустанно бил, создавая невыносимую, раскалывающую вибрацию.

Вместе с сознанием к ней вернулись стыд и к ее собственному удивлению жалость к Яну и самой себе. Она проклинала тот день, когда к ней подошел Влад. Дея готова была возненавидеть его и даже желала этого, но он упорно продолжал затмевать собой образ Яна, которого она теперь тоже желала, но иначе.

В памяти всплыли безумные глаза друга. «А вот Ян теперь точно меня возненавидит, хотя бы потому, что ему должно быть также стыдно, как и мне», — подумала Дея, вставая с кровати

и разворачиваясь к окну.

Глаза ее широко распахнулись от изумления и испуга одновременно, когда она увидела, что была в спальне не одна.

Он сидел одним бедром на подоконнике и смотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Черный, изящный, нескончаемый. Казалось, он заполнял собой все пространство ее жилища, проникая в каждый закуток. Дея почувствовала себя голой под этим мрачным неживым взглядом и только тогда вспомнила, что по сути ее ощущения совпадали с действительностью.

Ею вдруг овладела такая злость, что она захотела наброситься на этого наглого возмутителя девичьих сердец и расцарапать его непростительно красивое лицо. Но она не желала выглядеть дикаркой, поэтому взяв себя в руки, приподняла голову и степенно прошла в уборную, не обращая внимания на свой изрядно потрепанный вид и оголившуюся грудь (какой смысл прятать то, что уже давно замечено).

Только спрятавшись от пристального черного взгляда в купальне, Дея позволила себе выдохнуть и посмотреть в зеркало. Глаза опухли от слез, из головы во все стороны торчала солома, а платье было безвозвратно испорчено.

Она тут же содрала с себя изуродованное произведение Вилы и стала лихорадочно выдергивать торчащую из волос солому. Наскоро приняв прохладную ванную, Дея затянула влажные волосы в узел и, накинув просторный пеньюар, остановилась у двери, не решаясь выйти.

Калейдоскоп мыслей и переживаний кружил ей голову, одни картинки и вопросы сменялись другими с фантастической скоростью. Девушка испытывала стыд, радость, тревогу, волнение, трепет, любопытство и негодование. Попытки остановить эту карусель в ее голове не привели ни к чему и, решив, будь что будет, она открыла дверь и шагнула в спальню.

Влад все еще сидел на подоконнике, не сменив ни позы, ни выражения лица. Дея подошла к нему своей привычной, плывущей походкой, и посмотрела сверху вниз, вопросительно вскинув одну бровь.

— Одевайся, Дея, нам нужно прогуляться, — сказал он бесцветным голосом, поднимаясь. — Я подожду в гостиной.

Только сейчас она заметила, что во всех его движениях было что-то надтреснутое. Он передвигался будто сломанная кукла, вся его легкость и ленивая грация сменились угловатыми и дерганными движениями. Дею настолько поразила эта перемена в его облике, что она позабыла о том, что еще несколько минут назад была готова наброситься на него с кулаками.

Видя ее замешательство, Влад подошел к шкафу, выудил оттуда первое попавшееся платье и, положив его на кровать, вышел.

Абсолютно бездумно, словно марионетка Дея надела его, а затем распустила и расчесала влажные волосы. Ее не интересовало, как она выглядит, хорошо ли от нее пахнет и спал ли отек с глаз, она была словно инеем прихваченная, безвольная и апатичная, а виною всему оказался ее нежданный гость.

Сегодня она не узнавала Влада, в нем было нечто такое, что заставляло съежиться все ее существо. Она не могла наверняка сказать, что именно так парализовывало ее — то, что он беспрепятственно проник в ее спальню и провел в ней невесть сколько времени или же его обращение к ней — не такое как тогда, на площади — уважительное и отстраненное, а обыденное, будто они только вчера сидели в его саду и пили вино в сказочно сияющем гроте. А может ее напугала его сломленность? Он явно был не в себе, и Дею приводила в оцепенения одна только мысль о том, что же могло так повредить его стержень. Она даже подумала, что он снова вернулся к своей пагубной привычке, но тут же отмела эту мысль. Тут было что-то совсем иного рода, что-то посерьезней, и это действительно пугало.

На ватных ногах она стала спускаться со второго этажа в гостиную, которая одновременно служила и прихожей. Ее дом не был так велик как особняк Веда, всего одна комната на первом этаже и одна спальня с уборной на втором, да крохотная кухонька, пристроенная к задней части дома.

Преодолев все двадцать четыре ступени, она оказалась в гостиной, но Влада там не было. Девушка обежала по периметру все помещение, будто он мог затеряться за какой-нибудь напольной вазой и, не обнаружив его в доме, кинулась на веранду, чуть было не сбив своего гостя с ног. Влад стоял спиной к дверям, облокотившись о перила.

— Я захотел подышать воздухом, — сказал он, подставляя ей локоть. — Прогуляемся?

— Куда именно? — в свою очередь спросила Дея, к которой уже начинало возвращаться самообладание.

— Я обещал тебе показать тайное крыло в замке, помнишь?

— Да, но тот день, на который была назначена эта прогулка миновал, — произнесла она так холодно, что Влад поморщился, словно на него вылили ведро ледяной воды.

Дея не хотела облегчать ему процесс объяснения. Каким бы разбитым он сейчас не выглядел, в ее памяти все еще была свежа картина на озере. Влад же молча, смотрел на нее глазами трупа.

— Так и будешь отравлять меня своим безжизненным взглядом, — не выдержала девушка, — Такой концентрации опустошенности я, пожалуй, не выдержу и паду замертво.

Влада ее колючесть повергла в еще большую нерешительность, если этот термин вообще мог к нему применяться.

— Ладно, — вздохнула Дея, поняв, что он сам так и не заговорит, — чего ты хочешь?

— Показать тебе нечто очень важное, — с волнением произнес он.

— Хорошо, — согласилась Дея и свистнула, подзывая Дорену.

Кобылка прискакала через минуту, и они двинулись в сторону замка.

Дея молчала, Влад тоже. Так они и добрались до замка в полной тишине.

Лошадей оставили пастись за пределами ворот ведущих в сад. А как только они оказалась на территории прилегающей к замку, Влад повел ее уже знакомой дорогой к каменному мосту. Дею поразило, что ни один встреченный ими человек не обратил на них внимания, даже чудак Сив, у которого вечно сбегали сливы, не поздоровался с ней. Она проводила его удивленным взглядом, но заметивший ее непонимание Влад, тут же пояснил.

— Они не видят нас.

— Почему?

— Мы ведь идем в запретное крыло, — пояснил он, — совершенно ни к чему привлекать излишнее внимание. И потом, я бы не хотел лишний раз расстраивать отца, — добавил он как бы, между прочим.

Но Дея не упустила возможности побольше разузнать о загадочной семье Влада.

— Кто он, твой отец и почему вы не живете в этом огромном пометьте вместе?

— Мой отец никогда не жил в поместье Кариев. Признаться, я долгое время и не подозревал, что он жив. У нас все довольно сложно. Но, это и не удивительно; я не специалист в выстраивании отношений с людьми, — он саркастически улыбнулся ей. — Мы пришли, — Влад указал на лестницу, уходящую в воды рва.

— Ну, уж нет, — запротестовала Дея, — когда я проходила здесь в прошлый раз, у меня вся одежда намокла, и я потом свалилась с жутким жаром на целую неделю.

— Жар у тебя был по другому поводу, — сказал он, посмотрев на нее как на ребенка, пытающегося обмануть всезнающего взрослого. — Я разрешу эту проблему, — пообещал он,

и действительно разрешил ее.

Перед тем как спуститься под воду Влад произвел какие-то пасы руками, и Дея прошла сквозь водную преграду, не вымокнув.

— Далеко эти запретные коридоры? — спросила она, когда Влад прошел вслед за ней.

— Мы пройдем нижними тоннелями и сократим наш путь вдвое, — ответил он, доставая увесистую связку с потемневшими от времени ключами.

Дея обратила внимание, что ключи были не сильно истерты не смотря на их явную древность.

— Откуда у тебя ключи от замковых коридоров? — спросила она, чувствуя, что Влад, что-то не договаривает.

— Стащил у старого привратника еще в детстве, — ответил он, ухмыляясь. — Он любил периодически залить за воротник и решил, что обронил связку в какой-нибудь придорожной канаве, когда проспался после запоя. Его тогда сместили и поставили на его место Вечко. Ты кажется, с ним уже знакома?

— Угу, — буркнула Дея, задумчиво глядя на Влада. — Зачем столько сложностей, разве ты не можешь справиться с обычными замками без ключей?

— Конечно, могу, — отозвался Влад, — но не вижу смысла тратить энергию попусту, когда есть то, что открывает их без ворожбы. Ты готова? — спросил он, доставая из-за пазухи сияющий кристалл.

— А должна быть? — спросила девушка настороженно, начиная понимать, что предстоящее приключение действительно может оказаться не простой прогулкой.

— К тому, что я тебе покажу, вряд ли можно быть готовым в полной мере. Я признаться, не уверен в правильности своих действий, но… — он не договорил, опустив глаза.

— Но все же ведешь меня туда, куда не положено, — поняла Дея, чувствуя, как в ней нарастает извечное противоборство страха и любопытства.

Влад ничего не ответил, продолжая разглядывать свои сапоги.

Бросив неуверенный взгляд на своего провожатого, а заем на закрытую железную дверь, Дея все же скомандовала:

— Открывай.

Коридоры оказались абсолютно темными, выдолбленными из цельной скальной породы. Влад выставил вперед руку с кристаллом и стены засветились белым мертвенным светом. Деи стало неуютно от пронизывающей до косей сырости. В вентиляционном отверстии кто-то пискнул, и она непроизвольно вскрикнула.

— Не бойся, — сказал Влад, обнимая ее за плечи, — это всего лишь мышь.

Они двинулись дальше, Вед открывал все новые и новые двери, ведя ее по тайным коридорам не отличающимся один от другого, и Дея подумала, что если он решит оставить ее здесь одну, она ни в жизни не отыщет дороги назад.

— Ты водишь меня кругами, чтобы я не запомнила маршрут или наш путь лежит в преисподнюю?

— Почти, — отозвался он, — то место, до которого мы уже почти добрались, находиться довольно глубоко.

— Какие-то подземные катакомбы, — раздражалась Дея, спотыкаясь о выбоины в полу.

— Не катакомбы, — пояснил Влад, когда они вышли в широкий коридор, по обе стороны которого были вделаны в стены толстенные чугунные решетки, — темницы.

Дея сглотнула. Со всех сторон на нее таращились пустые глазницы черепов, под ноги попадались редкие кости, но ни одного живого узника здесь не было.

— Зачем ты привел меня в этот склеп? — слабым, но требовательным голосом спросила она.

— Не все здешние камеры пустуют, — тяжелым эхом раздался его голос. — Одна из них занята, вот уже семнадцать лет.

И тут Дея поняла, куда он ее привел. Только не хотела осознавать для чего, упорно пытаясь найти его поступку любое другое объяснение.

Влад подтолкнул ее к самому концу коридора, где была еще одна тяжелая, обитая железом дверь. На ней висело аж три замка. Ключ к каждому из них нашелся в связке Влада, и когда дверь открылась, Дея все же не выдержала и спросила, прежде чем ступить внутрь:

— Я должна остаться за этой дверью навсегда, верно?

— Нет, — отозвался Вед и прошел первым.

Поколебавшись, Дея все же ступила в камеру, хотя вряд ли это помещение можно было назвать столь тривиально. Белые каменные стены были изрезаны письменами напоминающими арабески, на полу высечен круг, от которого отходили в разные стороны лучи. По периметру этого круга тоже располагались непонятные символы и изображения, но самым удивительным в этой темнице было огромное зеркало в медной оправе, стоящее в центре круга.

Дея подошла ближе, но своего отражения в нем не увидела. Вместо высокой, рыжеволосой девушки там плавало даже не отражение, а полупрозрачный мираж черноглазой женщины

со спутанными седеющими волосами. Изможденное бледное лицо едва напоминало ту яркую красавицу, что была изображена на единственном портрете в доме Влада.

Дея протянула к зеркалу руку, повинуясь странному желанию, дотронуться до живой зеркальной поверхности, напоминающей водную гладь, но Влад поспешил одернуть ее.

— Не надо, Дея, — прошептал он, тяжело вздохнув. — Ты знаешь кто это?

— Да, чудовищные законы в вашем мире, — прошептала она, глядя в мутное лицо, напоминающее утопленницу.

— Я хотел, чтобы люди и тот мир, из которого пришла беда, расплатились за ее страдания. Но в итоге наказал лишь тех, кто дорог мне самому.

Он говорил с трудом, стоя за спиной у Деи и она не смела обернуться, боялась увидеть сейчас его лицо.

— Я был молод, — продолжал Влад, натужно выдалбливать из себя каждое слово, — и вознамерился одурачить судьбу, но она сама обвела меня вокруг пальца, не без помощи Ихаиля конечно, — он помолчал еще какое-то время, потом, наконец, спросил. — Ты уже все поняла?

— Да, — выдохнула Дея и повернулась к Веду.

— Хорошо, — прошептал он, и в этот момент входная дверь с лязгом захлопнулась.

Конец первого тома.